

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ»
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

МОНОГРАФИЯ

Москва 2013

Монографию написали:

Введение – заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор Ю.М. Антонян

Главу I – Ю.М. Антонян

Главу II – § 1 – Ю.М. Антонян

§§ 2–5 – кандидат юридических наук Е.М. Тимошина

Главу III – кандидат юридических наук С.В. Маликов

Главу IV – кандидат юридических наук, доцент В.И. Шиян

Главу V – кандидат юридических наук И.В. Никитенко

Главу VI – кандидат юридических наук В.В. Аванесян

Главу VII – заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор М.М. Бабаев

Главу VIII – доктор юридических наук, профессор В.А. Плешаков, кандидат юридических наук, доцент Г.С. Гончаренко

Главу XIX – § 1 – Ю.М. Антонян, кандидат юридических наук Е.К. Волконская

§§ 2–3 – Ю.М. Антонян

Содержание

	Стр.
Предисловие	10
Глава I. Концепция причин преступности	10
1. Понятие преступности и ее вечность как исходные данные для понимания их причин	10
2. Отчуждение личности	25
3. Высокая тревожность, ощущение и переживание угрозы	52
Глава II. Неблагоприятные влияния на личность в детстве и юности	68
1. Общие положения о криминогенных влияниях на личность на стадии ранней социализации	68
2. Родительское влияние на ребёнка в период пренатального (внутриутробного) развития и родов	81
3. Семейное окружение ребёнка и подростка	95
4. Школьное окружение ребёнка и подростка	129
5. Иное окружение ребёнка и подростка и их поведение	146
Глава III. Бедность	165
1. Извечная проблема бедности в России	165
2. Социологическое измерение бедности в России	176
3. Бедность как криминогенный фактор	191
4. Эмпирическое исследование бедности как криминогенного фактора	208
Глава IV. Этнорелигиозные конфликты	226
1. Этносы и этнические группы	226
2. Религия и религиозные группы	239
3. Конфликты между нациями и религиозными группами	248
4. Причины этнорелигиозных конфликтов	260
5. Преступления, совершаемые в рамках этнорелигиозных конфликтов	268
Глава V. Миграция населения из зарубежных стран	280
1. Миграция населения в формате криминологического исследования	280
2. Современные тенденции влияния миграционных процессов на криминогенный фон	288
3. Понятие, детерминанты и структура преступности мигрантов	319
Глава VI. Масс-медиа	343
1. Понятие масс-медиа и их роль в обществе	343
2. Влияние масс-медиа на криминализацию общества	369
3. Насилие в современных масс-медиа	385
4. Криминогенная роль гламура	392

Глава VII. Криминальная субкультура	403
1. О природе и сущности криминальной субкультуры	403
2. Криминальная субкультура как источник криминализации общества	424
3. Криминальная субкультура в системе смежных субкультур	446
Глава VIII. Коррупция	455
1. Понятие и состояние коррупции и коррупционной преступности	455
2. Коррупция как фактор преступности	469
Глава XIX. Фоновые криминогенные явления	494
3. Бродяжничество	494
4. Проституция	501
5. Алкоголизм, наркотизм и наркомания	511

Предисловие

Усилия всех поколений отечественных и зарубежных криминологов всегда были сосредоточены на выяснении того, какие причины порождают преступность, причем стали выделяться причины всей преступности и причины индивидуального преступного поведения. Уяснение и оценка тех и других, помимо общетеоретической значимости, преследовали очень важную практическую цель – доказать необходимость сосредоточения профилактической деятельности государства и общества на конкретных криминогенных факторах. Назывались и такие причины, которые носят общечеловеческий характер, например, В.И. Ленин считал, что таковыми главным образом являются нужда и нищета широких масс трудящихся. Правда при таком понимании причин преступности остается не ясным, почему совершают преступления представители материально обеспеченных групп населения, не говоря уже о богатых людях. Еще менее понятны тогда причины многих миллионов преступлений, совершенных коммунистами разных стран против своих народов (СССР, Китай, Камбоджа).

Не только советские политики и идеологи, но и многие криминологи, не моргнув глазом, бестрепетно писали, что бесправное положение и эксплуатация большинства в классовом обществе, основанном на частной собственности, являлись той силой, которая неизбежно и закономерно вовлекала это большинство в конфликт эксплуататорами. Стремясь преодолеть или, скорее, подавить возникающие конфликты, господствующие классы якобы определяли зависимости от складывающейся обстановки, что именно являлся преступным.

Это писалось не в 40–60-е годы жесточайшей цензуры, идеологического прессы и суровых расправ с любым свободным словом, а в середине 80-х годов, когда активно развенчивались коммунистические иллюзии, а людей потрясали оглушительные данные о ленинско-сталинских репрессиях. Они

унесли, по разным источникам, от 20 до 40 миллионов человеческих жизней. Воистину юриспруденцию можно назвать третьей древнейшей профессией.

Так называемые классики марксизма-ленинизма считали задачу ликвидации преступности вполне решаемой и связывали ее с уничтожением эксплуатации человека человеком. Очень оптимистичен был и В.И. Ленин. Он писал: «...мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство». Никаких доказательств для подтверждения столь важного прогноза В.И. Ленин, конечно, не приводил, поскольку исходил из общей концепции построения коммунизма, при котором все будут счастливы и довольны и причин для совершения преступлений попросту не будет. Нетрудно заметить, что он видел их причины исключительно во внешних обстоятельствах, игнорируя личность и все то, что тысячелетиями аккумулировалось в ней. Иными словами, не будет средовых стимулов, не будет и реакций в виде преступного поведения. Этот существенный теоретический изъян – игнорирование личности и вульгарно социологический подход к ней – стал родимым пятном всей советской криминологии.

Исследование причин преступности в криминологии началось в ССРСР после ее воссоздания в 50е и 60-е оды. Их изучение прошло несколько этапов. Вначале просто отрицались какие-либо внутренние причины и считалось, что она порождается капиталистическим окружением. Потом к этому суждению добавилось утверждение, что наше сознание отстает от вполне благополучного социального бытия. Но, конечно, были отдельные смельчаки (А.Б. Сахаров, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский и др.), которые указывали и на те социальные факторы, которые изнутри производят преступность. По понятным причинам это делалось осторожно, даже очень.

Особое место среди работ, посвященных причинам преступности в

СССР, занимает монография И.С. Ноя, который постарался доказать, что поскольку в социальной жизни Советского Союза отсутствуют конфликты, порождающие преступное поведение и преступность, то основную роль играют биологические факторы. Никаких эмпирических доказательств И.С. Ной не приводил по той простой причине, что никогда не осуществлял необходимых для этого эмпирических исследований. Противники И.С. Ноя тоже не располагали конкретными материалами по той же причине. В целом это была не научная полемика между сторонниками и противниками биологических теорий, а пустой, ни к чему не обязывающий и бесплодный для науки спор, поскольку ничего нового в нее не вносил. И та, и другая сторона ограничивались приведением лишь общих соображений о влиянии биологических факторов на личность и ее поведение, оставляя преступников в стороне. Между тем, науке требуются конкретные исследования.

Проблема причин преступности может быть поставлена на двух уровнях: почему вообще существует преступность, почему она возникла и почему она вечна; почему существует преступность в данной стране, точнее – почему в этой стране таково ее состояние, таковы ее динамика и структура.

В российской криминологии последних лет внимание специалистов сконцентрировано на выявлении и объяснении экономических, нравственных, политических и иных явлений и процессов, порождающих и поддерживающих высокий уровень преступности в России. При этом соответствующие суждения, как правило, отличаются глубиной и аргументированностью, приведением многочисленных эмпирических и иных данных, результатов выборочных исследований. Еще в советское время был достигнут немалый прогресс в познании причин индивидуального поведения, его механизмах и мотивациях, роли бессознательного.

В целом мы имеем неплохие итоги исследований причин преступности, которые опираются на прочную доказательственную базу. Однако они еще недостаточны для объяснения того, почему преступность существовала всегда, во всех обществах, даже в первобытных, даже при отсутствии писанных

уголовных законов, почему она является неизбежным и неистребимым спутником человечества. Иными словами, необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих, с одной стороны, из природы человека; а с другой – из природы общества, попытаться ответить на вопрос, почему люди всегда совершали и будут совершать преступления, невзирая на то, какими социально-экономическими или иными особенностями отличается то общество, в котором они живут и действуют.

Еще раз подчеркнем, что недостаточно знать, какие социальные причины порождают преступность в данной стране, не менее важно и понимание того, почему вообще люди совершают преступления, т.е. в чем сущность и природа преступности. Но при этом нужно, во-первых, выйти за рамки чисто психологических подходов к проблеме, не отталкиваться только от мотивов и иных субъективных стимулов, однако максимально учитывать такие подходы. Во-вторых, следует изменить и традиционное объяснение преступности только социальными факторами, но в то же время учитывать их во всей генетической полноте. Так еще проблема природы преступности в отечественной криминологии не ставилась и, насколько нам известно, не было этого и в западной криминологической науке.

Причинность в криминологии можно рассматривать на двух уровнях: индивидуального преступного поведения и всей преступности. Но поскольку последняя является совокупностью всех преступлений, то следовательно, причины преступного поведения должны быть включены в общую сумму причин преступности. Однако причины преступного поведения весьма специфичны и поэтому в данной книге не исследуются: здесь внимание сосредоточено на общесоциальных явлениях и процессах, детерминирующих преступность в целом.

Конечно, всегда нужно видеть человека и общество в их криминогенном единстве.носителем этого единства в конечном итоге выступает личность, являющаяся объектом неблагоприятных воздействий. Люди совершают преступления потому, что общество и в немалой степени природа всегда (!)

формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, можно предположить, что они (не полностью, хотя бы частично) наследуются. Но последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т.д. Фатальна преступность, а не преступное поведение, но сумма таких поведений составляет преступность.

Итак, данная работа посвящена причинам преступности. Авторский коллектив собирал и исследовал теоретический и эмпирический материал в течение ряда лет. Мы не претендуем на то, что все выносимые на суд читателей положения и суждения бесспорны и безукоризненно достоверны, мы лишь надеемся на то, что они интересны, что мы делаем небольшой, но тем не менее шаг вперед, что наши выводы небезынтересны для практики борьбы с преступностью, особенно для стратегии этой борьбы.

В этой монографии названы, исследованы и оценены те или иные факторы, которые, по мнению авторов, определяют преступность, ее структуру и динамику. Отдельно не выделены собственно причины и собственно условия, но мы постарались сделать так, чтобы читатель сам сделал вывод о том, какие из них более важны, а какие менее. Вместе с тем мы, авторы, не являемся сторонниками теории равноценности самых разных факторов, разных по своей природе и удельному весу.

Глава I. Концепция причин преступности

1. Понятие преступности и ее вечность как исходные данные для понимания их причин

В советской и особенно постсоветской криминологической литературе высказано так много интересных и обоснованных суждений о причинах преступности, что пересказать, прокомментировать и оценить их нет никакой возможности. Поэтому представляется, что нужно просто высказать свое мнение по этому вопросу.

Прежде всего, чтобы понять причины преступности, следует с достаточной полнотой представить себе саму природу этого явления, в том числе учитывать такую важнейшую ее особенность как вечность.

Преступления совершались всегда. Даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования историков и этнологов не оставляют в этом сомнений: даже в сообществе дикарей существовал некий свод неписаных правил, нарушения которых влек ли карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее

отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую социальную и психологическую угрозу, в том числе для самой жизни дикарей, которые, если лишиться их, собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

То же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически безграмотны и воспринимают уголовные и прочие законы, государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, многие из которых противоречат их обычаям, но которым вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и в далекие времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны, само сообщество.

Самые древние уголовные законы (Законник Хаммурапи, Законы Ману) зафиксировали то, что уже давно существовало в жизни и вызывало реакцию общества. Эти законы не выдумали, например убийство или кражу, они лишь в письменном виде изложили то, что уже давно расценивалось сообществом в качестве опасного для него, но, конечно, подобная фиксация означала несомненное движение вперед. Могут возразить, что история знает великое множество случаев, когда не закон приспособлялся к жизни, а с помощью закона старались приспособить жизнь к тому, что в данное время требовалось правящей элите. Такими были многие законы германского Третьего рейха и коммунистического СССР. Однако к тем древним законам, которые впервые

письменно установили уголовную ответственность за общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе, это по понятным причинам не относится.

Известно, что в древних законах правовая норма еще не имела четких форм, в нее входили и иные нормы, в том числе религиозные и религиозные же санкции и сила обычая или общественного мнения были призваны активно содействовать реализации нормы. Священные тексты многих религий содержали по-существу правовые предписания и санкции за их нарушения. Подобные предписания во множестве имеются в Библии, например, в Книге Исход.

Для подтверждения предположения о наличии преступлений в первобытном сообществе особое значение имеют данные эмпирических исследований, осуществленных Б. Малиновским, который несколько лет в начале XX в. прожил среди дикарей Меланезии.

В деревне, где остановился исследователь, жили три брата, из них старший, глава клана, был слепым. Самый младший брат привык пользоваться этим его недостатком, срывая орехи бетеля с пальм, прежде чем они созревали. Слепой тем самым лишался принадлежащей ему части. Однажды, когда он в очередной раз обнаружил, что его надули, он впал в ярость, схватил топор и, затемно пробравшись в хижину брата, нанес ему удар. Раненый убежал и спрятался в доме третьего брата. Тот, разъяренный нападением на младшего брата, схватил копье и убил слепца. Убийца был посажен в тюрьму на год. В давние времена в этом были согласны все информаторы Б. Малиновского – он совершил бы самоубийство.

Б. Малиновский отмечает, что ни одно из этих преступлений не играет значительной роли в жизни туземцев. Кража выражается двумя понятиями: квапату (буквально «схватить») – незаконное присвоение предметов личного потребления, орудий и ценных предметов, и вайла'у – кража пищи растительного происхождения с огородов или из хранилищ ямса, а также похищение свиней и птиц. Если кража предметов личного потребления

считается большим злом, то кража продуктов является наиболее позорной для вора. В каждом из этих случаев наказание заключается в насмешках и позоре, которые обрушиваются на виновного.

Убийство случается крайне редко. Б. Малиновскому, кроме выше описанного, стал известен только один случай убийства: ночью копьем пронзили колдуна, пользующегося дурной славой, когда он скрытно подбирался к деревне. Это было сделано для защиты больного, жертвы колдуна. Кроме того, рассказывают о нескольких случаях убийств за прелюбодеяния, когда виновных ловят на месте преступления, за обиду, в драках и поединках, во время военных действий. Во всех случаях, когда мужчина погибает от рук людей из другого субклана, существует долг мести, но его можно избежать, заменяя «платой за кровь»¹.

Большое внимание Б. Малиновский уделяет сексуальным преступлениям. Он пишет, что как и многие другие народы южных морей, меланезийцы очень свободны и раскованы в сексуальном поведении, особенно до вступления в брак. Между тем, адюльтер является наказуемым проступком. Величайшим преступлением в глазах местных жителей является инцест в любой его форме. Уже сама идея такого прегрешения, связи между братом и сестрой, наполняет их непреодолимым ужасом. Брат и сестра, соединенные в обществе, где господствует материнское право, ближайшей родственной связью, не могут даже свободно разговаривать друг с другом, никогда не должны друг над другом подшучивать и улыбаться друг другу, а всякий намек на одного из них в присутствии другого считается крайним проявлением невоспитанности².

Б. Малиновский предлагает новое определение права (в контексте рассматриваемых вопросов) как особой совокупности требований обычая и приходит к выводу, что помимо основного деления на право квазигражданское и квазиуголовное, надо различать такие степени права, которые можно

¹ См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М., 2004. С. 272.

² См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М., 2004. С. 328.

выстроить в некоторую иерархию: начиная от основного закона к легально терпимому обычаю и, наконец, к отклонению от закона и традиционным способам его нарушения³.

В первобытном обществе тяжким проступком (преступлением) считались не только такие общеуголовные деяния, как, например, кража, убийство или инцест. Острую реакцию общества вызывали посягательства на запреты духовного и магического характера.

Д.Д. Фрезер дает обстоятельный обзор действовавших в первобытном обществе запретных действий и запретных слов. Нарушение запрета могло вызвать санкции, иногда довольно суровые.

Так, акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь в это время душа может выскользнуть через рот или быть извлечена с помощью враждебной магии. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался представившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это скорее всего может иметь место во время принятия пищи. Поэтому на такие случаи предпринимались меры предосторожности, которые применительно к верховным правителям достигали чрезвычайной степени. Например, ни один человек и ни одно животное под страхом смертной казни не смели посмотреть на правителя Лоанго во время еды или питья. Когда в комнату, где обедал этот правитель, вбежала его любимая собака, вождь приказал убить ее на месте. Однажды собственный сын вождя, мальчик двенадцати лет, по оплошности застал его за питьем. Отец незамедлительно приказал четвертовать его.

Увидеть за приемом пищи царя Дагомея являлось уголовно наказуемым преступлением.

У дикарей панический страх вызывали женщины во время менструаций (он, скорее всего, порождался кровью как символом смерти. – Ю.А.). Поэтому австралийским женщинам в такой период под страхом смерти было запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с

³ Там же. С. 277.

мужчинами по одной тропинке. У индейцев брибри (Коста-Рика) женщина в период менструации пьет из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой.

Строгие табу существовали на лиц, которые лишали кого-либо жизни, в том числе на убийц и даже воинов, убивших врагов. Фрезер полагал, что поводом для обременительных ограничений, налагаемых на победителей в час их триумфа, возможно, является боязнь гнева духов убитых или врагов. Но можно, на наш взгляд, предположить наличие и другой, не менее весомой причины: любое лишение жизни есть безусловное соприкосновение со смертью, она же всегда вызывала особый, ни с чем не сравнимый страх. По этой же причине большинство религий осуждает самоубийство и самоубийц – они входят в непосредственный контакт со смертью, причем по собственной инициативе. Фрезер приводит многочисленные примеры наложения табу на лиц, которые совершили убийство. Так, у индейцев омаха из Северной Америки существовал обычай, согласно которому за родственниками убитого оставалось право предать смерти убийцу, но иногда, соглашаясь принять от убийцы подарки, они от этого права отказывались⁴.

«В большинстве племен Мадагаскара произнесение имени умершего родственника считается святотатством, а имени усопшего вождя или царя – еще большим святотатством. Они боятся, что, услышав знакомое имя, дух умершего вернется, а встречи с духами мертвых они боятся больше всего. Только колдун может отважиться совершить такое святотатство, в иных случаях этот проступок карается смертью. Есть даже народы, например, салакава, у которых под страхом жесточайшего наказания запрещается использовать в обычной речи слова, которые составной частью входят в имена усопших царей или имеют сходное с ними звучание. Такие слова замещают специально создаваемыми для этой цели синонимами»⁵.

В низших обществах, отмечает Л. Леви-Брюль, весьма часто смертные

⁴ См.: Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. С. 188–215.

⁵ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Дополнительный том. М., 1998. С. 275.

случаи, самые естественные в наших глазах, будучи отнесены за счет действия мистических причин, рассматриваются как случаи насильственной смерти, вопреки самой очевидной, казалось бы, действительности. Так, в Торресовом проливе смерть, последовавшая в результате змеиного укуса, рассматривается обычно как следствие того, что змея подверглась влиянию какого-нибудь колдуна. Туземцам всегда необходима тайная причина. Одна женщина, которая чистила колодец, была укушена в большой палец черной змеей. Через 24 часа женщина умерла. Однако туземцы утверждали, что смерть не была случайной, ибо она указала на одного мужчину как на своего убийцу. На основании этого свидетельства, подкрепленного тем фактом, что рана не кровоточила, муж умершей и его друзья вызвали на суд обвиняемого и его друзей. Мир, однако, был сохранен, ибо сторона мужа признала, что женщина ошиблась насчет личности преступника. Тем не менее, так как укус змеи не мог быть причиной смерти, то обнаружили другого виновника. Точно также поступают и тог да, когда от старческого истощения умирает старик.

Приемы, употребляемые для обнаружения «истинной» (т.е. мистической) причины, соответствуют, естественно, представлению о ней. Обычно прибегают к гаданию, и преступник, изобличенный гаданием, немедленно подвергается казни. В Африке, у кафров, во французском Конго и в других частях этого материка, где колдовские процессы особенно часты, общая схема судопроизводства представляется в следующем виде. Сразу после смерти какого-нибудь важного лица или в случае подозрительной смерти вообще собираются родственники, слуги покойного, а иногда и все население деревни, и «доктор» начинает свои магические операции, которые должны обнаружить преступника. Имеются захватывающие картины этих трагических собраний, где самый мужественный человек дрожит при мысли, что указания падут на него и меньше чем в минуту он погибнет как жертва всеобщей ненависти и злобы. Иногда подозреваемый подвергается ордалии: например, он обязан проглотить известное количество яда, так что те, которые готовят эту дозу, наперед решают исход испытания. Л. Леви-Брюль

справедливо расценивает подобные приемы как вполне естественные для мистического и пралогического мышления.

В Австралии один весьма распространенный обычай заключается в рытье рва в том месте, где кладется тело покойника, и в наблюдении за направлением, в котором движется насекомое, вырытое лопатой. За его движением все следят с напряженным вниманием: в том направлении, куда ползет насекомое, должен находиться убийца. Сходные приемы обнаружения преступника имеются у многих первобытных народов⁶.

Если преступность была и в первобытном обществе, следовательно, она не является классовым явлением, о чем так любили говорить и писать марксисты, тем самым прогнозируя, что ее не будет при коммунизме. Но материальное неравенство не следует считать единственной причиной совершения преступлений, есть и другие, не менее существенные, о которых будет сказано ниже. Между тем, неравное распределение материальных благ существовало (и существует) среди дикарей, там были более обеспеченные (элита – царьки, вожди, их приближенные) и менее обеспеченные. К тому же переход от примитивного строя к более прогрессивным формам жизни был весьма длительным, со стойкими переходными периодами, в числе прочих включавших в себя рабовладение и работорговлю.

Итак, практически не должно быть сомнений в том, что преступность существовала всегда. Этот вывод имеет огромное методологическое значение, поскольку в нем имманентно содержится утверждение, что она, как неизбежный спутник человечества, никогда не исчезнет, чтобы не думали по этому поводу разные создатели «городов солнца». В коммунистической колыбели постоянно звучали успокоительные гимны по поводу блистательного будущего, рисовавшие благостные картинки, в которых, в частности, не было места преступности.

Утверждение, что преступность – исторически обусловленное явление в жизни Общества – пустое сотрясение воздуха, ничего не говорящее. Ее

⁶ См.: Леви-Брюль Ж. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 219–222.

возникновение не связано с появлением частной собственности, разделением общества на классы и образованием государства.

Итак, преступность существовала всегда и нет никаких оснований считать, что гона когда-нибудь исчезнет, преступления совершаются и в самых бедных, и в самых богатых странах. Разница обнаруживается лишь в масштабах, динамике и структуре этого явления, т.е. в ее качественно-количественных характеристиках. Следовательно, причины преступности надо искать в обществе и личности как продукте общества, в конфликтах общества с личностью, во внутриличностных конфликтах. Создавая личность, общество одновременно производит нечто, что неизменно вступает с ним в конфликт. Последний вечен и непреодолим, при этом ни в коем случае нельзя утверждать, что он, этот конфликт, всегда дает возможность обществу или личности двигаться вперед. Напротив, в подавляющем большинстве случаев (исключения составляют, например, деяния против деспотического государства, расцениваемые им как преступные) преступление тормозит общественный прогресс, часто напоминая людям, что в них осталось очень много от первобытных дикарей и даже от животных с их инстинктами.

Вечность преступности проявляется в вечности и неизменности освоения личностью архетипов, этих единиц коллективного бессознательного. Многие архетипы несут информацию из далекого прошлого, а их теневые стороны могут быть заряжены огромным криминогенным потенциалом. Так, даже Велика Мать одним из своих аспектов имеет страшную богиню Кали, несущую в мир смерть и разрушение. Нет абсолютно никаких оснований думать, что архетипы когда-нибудь прекратят свое существование. Но, разумеется, не только они детерминируют преступность, есть и другие каналы ее питания.

Конфликты между обществом и личностью, конфликты в самой личности (внутриличностные конфликты), тоже порожденные обществом, существовали всегда, их можно назвать постоянными причинами преступности. Они в принципе определяют то, что преступность существует,

что она вечна и искоренить ее невозможно, а состояние экономики, образования, нравственности, политического развития общества и т.д. – ее состояние, динамику и структуру. Понятно, что чем хуже состояние экономики или нравственности, тем будет выше уровень преступности, общественная опасность совершаемых преступлений. Причинно-следственные связи между конфликтами личности и общества, конфликты в самой личности и вечностью преступности, с одной стороны, и между состоянием экономики, образования и т.д. и состоянием, динамикой и структурой преступности – с другой, ни при каких обстоятельствах не являются случайными. Названные связи действуют с неумолимой необходимостью, им не может быть никакой альтернативы. Это объективная данность.

Преступность не равнозначна злу, хотя они во многом совпадают: не всякое деяние, расцениваемое законом как преступление, есть зло, и наоборот. Преступление имеет свои вполне постижимые для понимания основания и истоки, она, как и зло, привнесено в мир человеком. В качестве проявления зла преступность все время находится в определенном соответствии с добром, но опыт человечества, в том числе современный, со всей очевидностью доказывает, что порой преступление очень мощно определяет ход истории и развитие социальной жизни.

Через первородное падение Адама грех вошел в мир, писал С. Кьеркегор. Но так мог бы сказать не только христианский мыслитель. Мифология разных религиозных культур сохранила для нас множество примеров совершения недолжных поступков легендарными предками, из-за чего зло пришло в мир. Но, строго говоря, отсчет преступлений надо вести, конечно, не от Адама, он просто не послушался доброго совета Яхве и уступил давлению Евы, а от Каина, который, как ни странно, был прощен Богом. С тех пор множество каинов без угрызений совести жили в процветании и в свое удовольствие, в том числе совсем недалеко от Эдема.

Преступность выступает объектом правового, криминологического, психологического, социологического, этического, психиатрического познания,

каждая из соответствующих наук освещает в ней то, что относится к их предмету, находится в пределах их методологии и возможностей. Но ни одна из них, ни все они в системном взаимодействии не должны претендовать на то, что преступность ими понята до конца и без остатка, что не означает принципиальной непознаваемости этого объекта. Просто все движение к ее глубинам постоянно открывает новые возможности и горизонты. Научный поиск природы и причин преступности будет вестись всегда, но они не находятся в пределах сфер, которые недоступны пониманию и о которых можно лишь строить предположения и догадки, а истинные смыслы и механизмы никогда не откроются разуму. Отсюда следует, что борьба с преступностью вполне в пределах человеческих возможностей, только не надо ставить абсурдную задачу ее искоренения.

Вот почему утверждение о естественности преступности вовсе не должно парализовать деятельность по ее предупреждению. Ослабление усилий в этом направлении способно привести к самым печальным последствиям, таким, например, которые можно было наблюдать в России в середине 90-х годов и которые не удастся существенно преодолеть и в настоящее время. Необходимо признать, что преступность одновременно является и патологией, и нормой: патологией потому, что она резко нарушает этические и правовые установления, нормой потому, что человечество не может и не сможет ее преодолеть! Конечно, под преступностью надо понимать только совокупность (сумму) совершенных преступлений и больше ничего. Нас при этом не должно смущать, что некоторые поступки исчезают из Особенной части Уголовного кодекса, а другие, часто неведомые ранее, появляются в ней. Это неизбежно, поскольку все время изменяются условия жизни людей, их взгляды на то, что следует карать по уголовному закону, а что нет. Но всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями – это и есть ядро преступности. Наличие такого ядра тоже свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром имеется ее периферийная часть, которая

обладает тоже вечным свойством – она постоянно меняется.

Преступность нарушают условия существования общества, его согласие по поводу тех правил, которые регулируют жизнь его и отдельных граждан, способов реагирования на нарушение этих правил. Это максимально сближает преступление, преступность и право. Наличие права, писанного или не писанного, означает стремление людей к организации, а не к хаосу. Кокетливое и глупое суждение о том, что единственной причиной преступности является уголовный закон, препятствует пониманию такой сложной проблемы, как природа преступности.

Преступность – онтологическая реальность, его таким сделало общество, люди, поэтому оно и объект, и продукт уголовной политики. Эта реальность состоит из отдельных преступлений – преступных поведений, которые есть ни что иное, как сплав результатов влияний социальных, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов. Хотя преступление и представляет собой продукт и объект уголовно-правовой политики государства, оно тем не менее не всегда вольно в решении вопроса о том, признавать или не признавать какие-то деяния в качестве преступных. Например, государство обречено всегда считать преступными убийства, кражи, изнасилования и другие поступки, относящиеся к ядерной части преступности, даже если оно само убивает и грабит своих граждан. Иначе говоря, уголовная ответственность за эти преступления определяет их же природа, точнее – степень их общественной опасности. Так было в древние времена, так будет всегда.

Другое дело, что само понятие убийства или изнасилования менялось в разные эпохи и по-разному представлялось в разных странах. Так, если в рабовладельческом обществе убийство раба или изнасилование рабыни не считалось преступлением, то все равно убийство свободного человека или изнасилование свободной женщины (даже у дикарей) обязательно признавалось таковым. Не сколько гипертрофируя, можно сказать, что уголовному наказанию подлежит нарушение самого принципа: «нельзя

убивать», «нельзя завладевать чужим имуществом», «нельзя посягать на женскую честь и достоинство», «нельзя предавать Родину (интересы клана, племени)» и т. д. Конечно, не только государство, но и отдельные люди, запрещая преступления, отлично знали, что они все равно будут совершаться.

При всем том, что преступность изменчива и ее составляют весьма отличающиеся друг от друга по своему характеру и степени общественной опасности деяния, необходимо постоянно, не ослабляя усилий, искать ее причины – всей преступности или отдельных ее видов, выделенных по самым разным признакам. Объяснения причин могут быть различными, в том числе неполными и недостаточными, вообще ошибочными, исследователь может оказаться в тупике перед внушительной массой причудливо изменчивых и разнородных явлений. Безуспешность исследовательских попыток можно объяснить неадекватностью применяемых методик, нечеткой или неправильной постановкой вопросов или общей порочностью научной позиции, недостаточностью знаний и т.д., но только не принципиальной непознаваемостью природы и причин преступности. Можно даже реконструировать причины преступности в первобытном обществе, впрочем, слово «реконструкция» здесь не очень к месту, поскольку первобытные сообщества и сейчас достаточно распространены на земле.

Есть ли собственно причины преступности, т. е. такие, которые порождают только преступность (или способствуют только ей в качестве условий) и больше ничего другого? Думается, что таких социальных или психологических обстоятельств не существует, они наряду с преступностью детерминируют и другие явления, причем не всегда лишь антиобщественные и не всегда прямо, но и опосредовано. Так было и в первобытном обществе, жизнь в котором только современным людям с вершин прошедших тысячелетий кажется простой и примитивной, а дикарям представлялась столь же сложной, трудной, даже пугающей и враждебной, как и нам наше сегодняшнее существование.

Преступность не есть нечто такое, что синхронно и немедленно

изменяется вслед и в зависимости от изменений, которые претерпевают общественные отношения, производительные силы, место человека в социуме и т.д. Новые криминогенные или антикриминогенные факторы порождают изменения прежде всего в периферийной ее части. Однако природа преступности от дней Каина остается незыблемой, поэтому можно говорить о колебаниях и новых явлениях больше в ее структуре и динамике. Устойчивость природы преступности определяется отнюдь не тем, что она детерминируется биологическими причинами, а тем, что социальная структура общества и особенности личности неизменно продуцируют посягательства на уголовный закон. К тому же преступность обладает способностью к самовоспроизводству, что, впрочем, опять-таки восходит к общественным и личностным факторам.

Человек предрасположен к преступлению, как к болезни или смерти, но в силу не биологических, а социальных программ, которые наследуются им по архетипическим механизмам, влиянии на него внешних факторов. О биологической природе преступности не свидетельствует распространенность среди преступников психических аномалий: во-первых, некоторые из них вполне социального происхождения (например, травмы головы на производстве); во-вторых, расстройства психической деятельности можно обнаружить и среди лиц, которые никогда не нарушали уголовный закон. Одним словом, патологии в психике создают лишь предпосылки к преступному поведению, но ни в коем случае не обрекают на него.

Криминология не должна с постоянством попугая твердить одно и то же: преступность социальна, она порождается обществом, она представляет собой разновидность социальных отклонений и т.д., недопустимо ограничивать этим свой научный поиск. Однако именно этим занято множество исследователей, не замечающих, что идут по пути, протоптанному много лет назад, и не желающих проводить эмпирические изыскания. Разве можно, используя лишь социологические результаты изучения преступности и ее причин, объяснить, например, серийные убийства, в том числе сексуальные, террористические

акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних, длительное ведение бродячего образа жизни и ряд других. Между тем, социологические объяснения в криминологии продолжают доминировать даже тогда, когда это противоречит элементарному здравому смыслу.

Некоторые так называемые теоретики криминологии, видимо, получают несказанное удовлетворение в том, чтобы без конца полемизировать друг с другом, подвергать критике те или иные выводы, подходы и особенно определения, даже невзирая на их давность и утрату актуальности. Найдется мало таких, которые пожелали бы непосредственно участвовать в эмпирических социологических, экономических психологических, психиатрических и иных исследованиях, необходимых для объяснения преступности. Между тем, только такие исследования позволяют понять, что такое преступность, каковы связи и соотношения между преступным поведением и преступностью, по каким механизмам осуществляется между ними связь, в чем их причина.

Таким образом, можно говорить о единых интегративных связях между определенными явлениями в обществе и личности и преступностью. Эти явления способны порождать и другие антиобщественные формы, например, самоубийства, проституцию или бродяжничество, но преступность представляет собой наибольшую общественную опасность, оставаясь одним из видов девиантности. В подобной опасности, особенно представленной в ее ядерной части, преступность ни в коем случае не выступает в качестве искусственного конструкта: она намерено никем не создавалась, а формировалась стихийно и самостоятельно на протяжении тысячелетий от самых первобытных времен.

Близость преступности другим видам девиантности указывает на то, что все они порождены примерно одними и теми же факторами (комплексом обстоятельств). Чтобы понять, почему одни люди совершают убийства и разбои, а другие спиваются или кончают жизнь самоубийством, необходимо изучать этих людей, суть их глубинных конфликтов и обществом и с самим

собой, их социальное окружение, их возможности как человек, в которых соединяются личность и организм.

2. Отчуждение личности

Отчуждение есть реальность независимо от того, как понимать это явление. Оно носит всеобщий характер, проявляется в человеке по отношению и к самому себе, и к другим людям, и к окружающему миру. Даже Бог есть отчужденное «Я», с помощью которого личность видит себя со стороны, оценивает и принимает решения. Но отчуждение ни в коем случае не есть просто отрицание всего и вся, это не бунтарство, в том числе примитивное. Это – произвольное, спонтанное, стихийное неприятие мира, его базовых ценностей и уход (отнюдь не обязательно физический) от людей; это – постоянное ощущение непреодолимой дистанции между собой и ими; это – восприятие среды и самого себя как чуждых, непонятных, враждебных.

Но отчуждение может быть намеренным, сознательным. В этом случае оно способно быть чрезвычайно опасным, например, при терроризме и массовых убийствах.

В криминологических целях нас в первую очередь должно интересовать отчуждение человека от других людей и морали, в несколько меньшей степени – от труда, производства, результатов, государства, его институтов, хотя и такое отчуждение может иметь криминогенный эффект.

Проблема отчуждения человека принадлежит к числу наиболее актуальных в философии и социологии. Особенно нас должны интересовать те учения, которые могут быть использованы для объяснения природы преступности. К ним относится, например, теория социальной дезорганизации общества, поставленная и глубоко исследованная Э. Дюркгеймом, а затем Р. Меттоном, Т. Селлином и их последователями, среди которых не очень много отечественных социологов. Но, на наш взгляд, эта теория не уделяла должного внимания тому, что дезорганизация в обществе имеет место и по причине разобщения людей, их взаимного непонимания, ухода от общественных

идеалов и ценностей. Р. Мертон в связи с причинами преступности отмечал, что не просто бедность и не просто ограничения в возможностях, а навязывание всему населению цели материального успеха, господство единых для всех символов социального продвижения при недоступности или явно неравной доступности законных средств для завладения ими – в этом суть аномии как фактора роста преступности. Таким образом, аномия объясняет не существование преступности вообще, а только ее высокий уровень, который наблюдается в развитых странах, в частности, в России.

Аномия выражает также отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, которые позволили бы оценить свое положение, место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблясь (в социальном плане) от нормы до патологии. Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние современного общества. Поскольку оно провозглашает одинаковые для всех цели и ценности, то индивиды, лишённые богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, пытаясь достичь этих целей и приобрести эти ценности противоправным путем.

Как раз в этом можно видеть практически главную причину великого множества корыстных, прежде всего коррупционных преступлений в нашей стране.

Объявляя преступность и для общества, Э. Дюркгейм считал, что преступление наносит ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов и проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если в сознании человека замолкнут мотивы, побуждающие его к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали его. Люди станут энергичнее реагировать на такие нарушения, будут считать их более позорными. Это приведет к тому, что некоторые нарушения из области

моральных проступков перейдут в область деяний, характеризующихся как преступные. С другой стороны, преступное поведение становится таковым не в силу каких-либо присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, то само делается более чувствительным, взыскательным и, выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, придаст им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям⁷.

Между тем общества, в котором более не совершается преступлений, на Земле не существует, разве что какая-нибудь совсем микроскопическая страна, да и то весьма сомнительно. Так что Э. Дюркгейм на этот счет мог бы быть вполне спокоен. С другой стороны, из его рассуждений следует, что преступность вечна, с чем нельзя не согласиться.

Э. Дюркгейм связывал и с самоубийствами, отмечая, что они «в своем корне определяются отчужденностью, недостаточной близостью общества к индивиду»⁸. В то же время он отмечал, что «аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъекта или против других; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором – убийство. Что касается причин, определяющих направление, в котором разряжаются перевозбужденные таким образом силы, то они коренятся, вероятно, в моральной организации действующего лица. Смотри по степени оказываемого им сопротивления, он склоняется в ту или иную сторону. Иногда эти два проявления происходят одно вслед за другим и представляют собой две стороны одного и того же акта...». Аномичные самоубийства и убийства, по данным Э. Дюркгейма, встречаются преимущественно в крупных центрах и

⁷ См.: Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности (современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. С. 40–42.

⁸ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – СПб., 1912. С. 345.

в странах, отличающихся высоким уровнем развития цивилизации. Именно здесь, как он считает, аномия имеет наибольшее распространение.

Аномичные убийства и самоубийства действительно реже встречаются в крупных центрах и странах, отличающихся высоким уровнем цивилизации. Это верно и по отношению к России с ее обширными сельскими регионами. Стоит отметить, что более низкий уровень самоубийств связан с большей религиозностью сельского населения. Убийства же в сельской местности ненамного ниже, чем в городской.

Так как аномия, считал Дюркгейм, вызывает в одинаковой степени и убийство, и самоубийство, то все, что может уменьшить ее развитие, уменьшает и развитие ее последствий. Не следует опасаться, что если ей помешают проявляться в форме самоубийства, то она выразится в большом количестве убийств; ибо человек, оказавшийся настолько чувствительным к моральной дисциплине, чтобы из уважения к общественному сознанию и его запретам отказаться от мысли покончить с собой, – еще с большим трудом решился бы на убийство, подвергающееся более суровому осуждению и влекущему за собой более суровое возмездие⁹.

Можно согласиться с тем, что аномия действительно может быть почвой, на которой развиваются антиобщественные проявления. Как отмечает А.М. Яковлев, состояние аномии, во-первых, может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения, а также существующие в нем убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют. Во-вторых, состояние аномии может быть констатировано и применительно к отдельному лицу, если оно социально дезориентировано и переживает чувство изолированности от общества¹⁰.

Первое положение весьма характерно для современного российского общества. Отсутствие или ослабление стандартов и убеждений можно встретить и среди отдельных, небольших по численности групп, что, в

⁹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 353–354.

¹⁰ Яковлев А.М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). М., 1971. С. 13.

частности, питает этническую преступность. Что касается криминогенной социальной дезориентированности и изолированности отдельных людей, то они будут существовать всегда в качестве одного из факторов, питающих преступность.

Для нас важно сосредоточить внимание на отстраненности индивидуального сознания от коллективного, т. е. отчуждении первого от второго. Коллективное сознание может быть враждебно индивидуальному, оно может стремиться подавить любые нарушения со стороны отдельных индивидов. Конфликт между индивидуальным сознанием и господствующими социальными нормами носит вечный характер. Поэтому и преступность вечна и неизбежна. К тому же не некоторые социальные структуры (государственные, гражданские и особенно предпринимательские) оказывают давление на отдельных людей, толкая их скорее на путь неподчинения, чем законопослушного поведения. Индивид может быть не согласен с целями, намерениями и интересами общности которые определяются культурой последней.

Можно выделить следующие аспекты индивидуального отчуждения:

- социальную изоляцию, чувство своей отверженности, непринятое™ окружающими, в первую очередь наиболее престижными группами, а также представителями противоположного пола;
- бессилие, переживание своей неспособности направлять события и контролировать, что особенно болезненно на уровне микрогрупп и повседневной жизни;
- бессмысленность, чувство непонятности, непостижимости общественных и личных дел, и особенно других людей, мотивов их поступков, их намерений;
- нормативную дезориентацию, необходимость прибегать для достижения своих целей к нравственно неодобряемым средствам, а также непонимание важности и необходимости действующих норм и стандартов;
- культурное отстранение, отрицание принятых в обществе или группе

ценностей; самоотстранение, отказ от участия в действиях, которые хотя и служат показателем определенной социальной (групповой) принадлежности, тем не менее, воспринимаются лишь как внешнее давление и не могут принести удовлетворения.

Каждый из названных аспектов индивидуального отчуждения может иметь криминологически значимые последствия, но они совсем не неизбежны и не фатальны.

Все эти субъективные факторы могут быть значимы и для анализа причин и природы антиобщественного поведения. Вместе с тем, это просто части одного явления, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, культурное отстранение и социальная изоляция могут порождать нормативную дезориентацию. С другой стороны, нормативная дезориентация может усугубить социальную изоляцию и т.д. В то же время каждая из этих модальностей обуславливается и иными причинами. Например, бессилие и бессмысленность в значительной мере могут определяться психическими особенностями личности, ее развитием, социальным статусом и т.д. Разумеется, перечисленные аспекты отчуждения не только не равнозначны, но и не исчерпывают всех сторон этого явления даже на индивидуальном уровне. Наше последующее изложение будет преследовать цель показать все его многообразие.

Отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения¹¹. Недостаточность координации целей и средств ведет к аномии¹².

Р. Мертон отмечал, что его соображения о связи социальной структуры и аномии не носят характера морализации. Однако напрашивается вывод, что аномия означает не просто отсутствие координации между целями и средствами, она представляет собой отчуждение личности от этических норм,

¹¹ См.: Мертон Р.К. Социальная культура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 300–302.

¹² Там же. С. 312.

запрещающих использовать определенные средства для достижения успеха. Если бы такого отчуждения не было, отсутствовала бы и отмеченная выше несогласованность. В целом же концепция отклоняющегося поведения, предложенная Р. Мертоном, не универсальна, потому что он пытается объяснить личным успехом или, вернее, недостижением его все виды отклоняющегося поведения: от «ухода от жизни» до мятежа против существующего строя.

Разумеется, далеко не всегда отчуждение приводит к преступному и иному отклоняющемуся поведению. Оно способно порождать и вполне достойные действия.

Марксизм понимал отчуждение как социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки отчуждения – в частной собственности и антагонистическом разделении труда. Отчуждение выражается в господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктами труда. Маркс и Энгельс пытались доказать, также отчужденность социальных институтов и норм от трудящихся, идеологии от жизни, приводящие к формированию у членов общества такого уровня притязаний и ожиданий, который не соответствует действительным возможностям общества, что нередко вызывает отклоняющееся поведение.

Такое понимание вызывает определенные возражения прежде всего потому, что не только частная собственность и так называемое антагонистическое разделение труда порождают исследуемое явление. Социалистическая форма собственности, при которой орудия и средства производства коллективно принадлежали номенклатуре, также порождала антагонистическое разделение труда и отчуждение. Это оказалась не в состоянии изменить достаточно мощная идеологическая обработка населения,

которое в соответствующую идеологию просто перестало верить. Отчуждение людей от результатов их труда, от государства и политических и социальных институтов (никакого гражданского общества тогда и не было), наряду с другими факторами прождало девиантные поступки.

После падения советского строя материальное положение людей не улучшилось, качество жизни осталось прежним. Сохранилось отставание от высоких образцов, постоянно демонстрируемых средствами массовой информации. Сохранилось и отчуждение человека от государства, политики, орудий и средств производства, следовательно, и аномия.

Исключительное внимание уделяли отчуждению экзистенциалисты М. Хайдеггер, К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр. У М. Хайдеггера категория «отчуждение» выступает в виде понятия «нигилизм», означающего всеобщую опустошенность сознания и утрату ценностных характеристик бытия. Высшая стадия нигилизма означает полное и притом совершенно добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с полным осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха. Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, толкуют как своего рода победу человека, поправшего свои иллюзии и решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти. Но это не победа, а лишь примирение с состоянием отчаяния. Оно не осознавалось, а только переживалось как непонятный разрыв сознания. Теперь оно осознается в своем экзистенциальном значении, но это осознание ведет к еще более мучительной безысходности. Саму эту безысходность экзистенциалисты пытаются осмыслить как выход из положения: пассивную правду отчаяния они предложили превратить в активную работу по углублению экзистенциального отчаяния. Предпринимаются попытки объяснить с помощью концепции отчаяния причину преступного поведения как реакцию на безысходность жизни.

Тема отчуждения и одиночества явственно звучит в творчестве Ж.-П.

Сартра, более того, она у него доминирует. Его герои по большей части находятся «За запертой дверью» – так называется его самая знаменитая пьеса. Ее действующие лица находятся в гостиничной комнате, где испытывают страшные мучения, однако с мазохистским упорством не покидают ее, хотя дверь не заперта и можно свободно уйти. Другие персонажи Сартра, мучаясь из-за абсурдности своего существования, постоянно ощущают разлад с миром, они тягостятся контактами с людьми и в то же время остро нуждаются в них. Это же остро переживал убийца Раскольников у Достоевского, соединившийся наконец с людьми на каторге. Жизнь, по Ж.-П. Сартру, лишённая божественности и полета, людей не только не привлекает, но отталкивает от себя, вызывая тошноту: «Тошнота» – такое эпатазирующее название дал он своему роману.

Необходимо отметить, что герои Ж.-П. Сартра не отдают себе отчета в том, что отрицательное отношение к миру, людям, нежелание быть с ними очень часто означает бессознательную потребность теснейшей связи с ними же, их исключительное значение для данной личности. Она бессознательно ориентирована только на них, все ее переживания связаны с ними. Отчужденная, она становится ненужной сама себе, но в качестве отчужденной способна вступить в конфликт с обществом, чаще всего своего ближайшего окружения.

Убеждения Ж.-П. Сартра являются обобщением определенного действительного социального опыта. Его концепция человеческого существования служит отражением деформаций жизни в условиях современной цивилизации. Ж.-П. Сартр, разоблачая определенные «иллюзии общности», исходит из анализа действительных механизмов обезличивания и овеществления человека, которые он вскрыл в ходе изучения культуры XX в.; из анализа различных форм инструментальной трактовки индивидов в материальном производстве, политической борьбе или интимных семейных отношениях (брак по расчету, любовь в качестве психотерапии, отсутствие признания, ощущаемое нами на работе и в общественной жизни).

Следовательно, Ж.-П. Сартр анализирует явления гомогенизации позиции людей, обособления и «затерянности индивидов в толпе» и одновременно возникновения в их сознании чувства бессмысленности и безнадежности жизни.

Тема отчуждения продолжает относиться к числу центральных в современном западном искусстве. Помимо Ж.-П. Сартра ее успешно разрабатывали такие крупнейшие мастера, как Т. Манн, У. Фолкнер, К. Гамсун, Ф. Кафка, А. Камю в литературе, М. Антониони, Ф. Феллини в кино. Так, в творчестве Ф. Кафки отчуждение личности, его одиночество, отсутствие контактов, незащищенность, зависимость и унижение, бесчеловечная и бездушная власть государства, его институтов и бюрократических учреждений вскрыты с исключительной убедительностью.

Эта тема возникла из острого ощущения человеком потери своей индивидуальности, своего внутреннего одиночества в обществе и вместе с тем зависимости от него. Многие работы, посвященные ей, выражают протест против обезчеловечивания личности, растущую тревогу за распад общества на изолированные составные элементы. Например, в фильмах М. Антониони контакты между людьми случайны, непрочны и недолговечны, распад связей возводится в ранг фатальной закономерности, а стремление убежать от одиночества и себе подобных неизбежно оказывается бесплодным.

В произведениях А. Камю, особенно в повести «Посторонний», внешний мир чужд и непонятен главному герою, вызывает у него ощущение призрачности. Он равнодушен ко всему, в том числе к браку, любви, приятельству, служебному и даже сыновнему долгу. Как следствие этого, посторонний видит то, что скрыто для других, не почитает условностей, не лжет и не играет в игру тех, с кем контактирует, пренебрегает лицемерием, из которого соткана мораль формального долга. Он бродит в стороне от людей по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Именно поэтому он вызывает тревогу у других, страх разрушения привычного для них миропорядка.

Герой А. Камю, совершивший убийство, полностью отчужден от окружающих его людей и их нравов, и он действительно посторонний. Он аутичен и не нуждается ни в ком. Он абсолютно одинок, даже на суде воспринимает себя как бы со стороны.

Мысль о тотальном одиночестве и разобщенности людей, об отсутствии взаимопонимания между ними пронизывает и творчество К. Гамсуна. Его герои – это замкнутые в себе монады среди таких же замкнутых монад, затянутых пеленой загадочности и непостижимости. Личность у К. Гамсуна – загадочный феномен, неуютно и неловко чувствующий себя в цивилизованном мире и, подобно героям А. Камю, находящий счастье и свободу в общении с природой, в полном одиночестве. И хотя К. Гамсун в мировой литературе занимает одно из самых видных мест как поэт любви, его любящие персонажи не могут понять друг друга.

Несомненно, эта тема в искусстве Запада, как и у нас, социально значима и актуальна, но исследование ее, независимо от конкретных общественных отношений, неизбежно превращается в констатацию тоски, отчаяния, обреченности, неизлечимой всеобщей «болезни века». Однако тему отчуждения «открыли» отнюдь не в се редине XX в. Известно, что Маркс для подтверждения своего положения об отчуждении людей и вещей частной собственностью ссылался на У. Шекспира. И позже великие реалисты (О. Бальзак, Ф.М. Достоевский) анатомировали явление расчленения личности под давлением социальных отношений, в результате чего возникает отчуждение в общественной и психологической сферах.

Многие, криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бродяжничество. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве

они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Одиночество и отчуждение от общества и его ценностей формируют особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе, нередко ощущение своей ненужности, выброшенности, неприспособленности к жизни. Такие преступники в отличие от неправоверных хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Они могут настолько пренебрегать этими нормами, что порой создается впечатление, что они ничего о них не знают. Эти люди очень часто не понимают, что от них требует общество, даже когда это связано с простейшими вещами, например, с заботой о детях. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизненные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Нарушение социальной адаптации часто связано с отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять, а часто просто не понимает их, они не их, они – чужие. У таких людей плохая социальная приспособляемость, поэтому возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабые связи с родственниками, кто часто меняет место работы и жительства.

Об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из

них никогда не были женаты (замужем), а если и были, то утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины теряют контакты с детьми. Нет сомнения в том, что у таких лиц вырабатываются особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иногда нелепые, резко выходящие за рамки обычного поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что их преступное поведение внутренне закономерно, субъективно, целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от не преступников, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако многие особенности, так же, как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни, воспитания наполняются тем или иным содержанием, т. е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те, у кого были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Исследование насильственных преступников с помощью методологии Леонгарда-Шмишека, осуществленное автором совместно с Е.Г. Самовичевым в 70-х годах, показало, что для них типично отсутствие эмпатии, умения и

желания поставить себя на место другого, идентифицироваться с ним. Это объясняет ту жестокость, часто и особую жестокость, которая проявляется такими преступниками в отношении жертвы. Не только результаты тестирования, но и беседы с конкретными лицами, осужденными за убийства, изучение их жизненного пути, отношений в семье и на работе убеждают в том, что они не только крайне уязвимы и ранимы в межличностных контактах, но и не умеют строить и поддерживать такие контакты, т. е. общение для них затруднено. Эта психологическая особенность в дальнейшем была выявлена и у тех, кто совершил изнасилования: неумение устанавливать должные отношения с женщинами тесно связаны с мотивацией сексуальных нападений и является ведущей чертой практически всех так называемых маньяков, особенно тех, которые убивают жертвы своей сексуальной агрессии.

Проблемы затрудненного общения в отечественной социальной психологии интенсивно разрабатываются на протяжении последних 30 лет. В социальной психологии предлагаются следующие характеристики субъекта затрудненного общения, которые представляют несомненный интерес для криминологии.

Приведем их в несколько сокращенном виде:

- обесценивание себя, недоверие к себе, людям, миру, поверхностные, непрочные, малоосознаваемые, противоречивые, разобщенные, направленные против людей отношения;
- внешняя мотивация одобрения, достижения, эмоционального обладания, фрустрированность собственной потребностной сферы;
- эмоциональная нестабильность, частая смена настроений, холодность, вспыльчивость, свернутость сочувствия, отчужденность, апатия, преобладание негативно окрашенных эмоций, низкий самоконтроль;
- низкий уровень развития способностей к пониманию другого человека, эмпатии, сензитивности и чувствительности, использованию и пониманию глубоких семантических значений языковых структур, прогнозированию событий;

- робость, замкнутость, неуверенность, необщительность, слабость «Я», безынициативность, беззастенчивость, невоспитанность, ригидность, подозрительность, тщеславие, гипертребовательность, самолюбие, нетерпимость;
- отсутствие умения аргументировать свои замечания, поддерживать контакт и выходить из него, выбирать адекватную форму сообщений, давать обратную связь, стремление больше говорить, чем слушать, перебивать разговор, нарушение социальной и персональной дистанции, симуляция, ложь, угрозы;
- нарушение ролевых ожиданий при нахождении на периферии группы;
- дефицит, незрелость нравственных эталонов;
- фрустрация социальных потребностей, разрыв эмоционально-значимых связей, создание внутриличностного напряжения, искажение понимания себя и других, отказ от рефлексии по поводу своей представленности в других, смещение отношений и установок¹³.

Разумеется, это обобщенная абстрактная теоретическая модель личности, испытывающей затруднения в межличностном общении. Ее авторы отнюдь не имели в виду преступников, однако названные здесь психологические черты как нельзя более точно описывают именно преступников, главным образом насильственных. Мы не хотим сказать, что среди последних встречаются лишь отчужденные и одинокие люди, полностью выключенные из нормального общения. Даже среди убийц немало общительных людей, не испытывающих никаких затруднений в общении: это, например, те, которые совершили преступления в острых конфликтных ситуациях, при стечении тяжелых психотравмирующих обстоятельств, в семейно-бытовых конфликтах. Преступные действия могут быть лишь эпизодом их жизни, и они нередко характеризуются достаточно хорошо. Но

¹³ См.: Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001. С. 59–62.

при этом следует понимать, что положительные и даже хвалебные характеристики могут даваться тем, кто испытывает самые серьезные затруднения в общении, но в целом не нарушают нравственных и правовых предписаний.

Обследование преступников с помощью Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), проведенного различными авторами, показало, что для них характерны пики по таким шкалам, как изоляция (отчужденность), импульсивность и ригидность (шкалы 4, 6, 8). Удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан.

Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Выраженная психологическая изоляция преступников, установленная нами, может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т. д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной сензитивностью и чрезмерной стойкостью аффекта. Правильная оценка ситуации затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками. Одинокому, замкнутому человеку их трудно разрешить,

поскольку он не общается или мало общается с другими, а поэтому не может и не умеет обращаться к ним за советом или помощью. В результате аффект накапливается и может привести к взрыву.

Конечно, одиночество и отчуждение присущи не всем преступникам. Так, среди них особое место занимают расхитители, взяточники и другие должностные преступники. Эти лица по сравнению с другими преступниками являются более адаптированными, приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Одним словом, они очень мало или ничем не отличаются от других людей. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство из них не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании. Большинство из них женаты, имеют детей и к семье относятся заботливо.

Одиночество и отчуждение человека может проистекать из разных источников, в связи с чем можно выделить отдельные типы соответствующих фундаментальных личностных состояний. Одиночество как состояние и потребность в нем вырабатываются в результате неблагоприятного воспитания в семье, когда родители эмоционально выталкивают сына или дочь из семьи и они, по существу, растут одинокими, в изоляции от отца и матери, что со временем становится их привычной личностной позицией. Одиночество способно возникнуть в результате длительной болезни, когда ребенок или подросток не только не общается со сверстниками, но, будучи изолирован недугом, как бы вынужден погрузиться в себя. Человек может очертить вокруг себя замкнутый круг, чтобы не делиться с другими тем, чем он обладает или думает, что обладает, либо потому, что он самодостаточен, живет только по своим внутренним канонам и ему действительно никто не нужен, особенно

если он эмоционально холоден и не способен идентифицироваться с другими людьми. Такими были «великие» преступники XX в. Гитлер и Сталин, самодостаточные и действительно одинокие люди.

Сама природа в содружестве с обществом создала людей в амбивалентном единстве тяготения – отвергания друг друга, стремлении к одиночеству или обязательному объединению. Одни боятся быть отверженными больше смерти, в то время как другие могут существовать только в социально-психологической изоляции.

Э. Фромм писал, что человек по своему происхождению является стадным животным. Его действия детерминированы инстинктивным побуждением следовать за вожаком и находиться в тесном контакте с окружающими его животными. Поскольку мы похожи на овец, для нас нет большей угрозы, чем утратить этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Хорошее и плохое, истинное и ложное – все это определяется стадом. Однако мы ведь не только овцы. Мы еще и люди, наделенные самосознанием и разумом, которые по своей природе независимы от стада. Наши действия могут определяться результатами нашего мышления независимо от того, разделяют нашу истину другие или нет.

Различие между нашей стадной и человеческой природой лежит в основе двух видов ориентаций: стадной и разумной. Рационализация – это компромисс между нашей стадной природой и человеческой способностью мыслить. Последняя вселяет в нас уверенность в том, что все, что мы делаем, удовлетворяет требованиям разума, и именно поэтому мы стремимся показать, что наши иррациональные мнения и решения являются вполне разумными. Но поскольку мы – овцы, не разум является нашим настоящим руководителем; мы руководствуемся совершенно иным принципом – принципом стадной сплоченности.

Двойственная природа мышления, дихотомия разума и рационализирующего интеллекта являются выражением основной дихотомии человека – сосуществующих потребностей в зависимости и свободе.

Мысль о том, что человек является стадным животным, совсем не нова. Но в той же мере она и не точна, и не учитывает всей сложности природы человека и его отношений с обществом. Действия одних людей (и очень многих, всех людей толпы!) действительно де терминированы потребностью следовать за вожаками и находиться в тесном контакте с окружающими. Однако за свою многотысячную историю человек привык не доверять другим, даже, казалось бы, близким и преданным, поскольку он убежден, что эти другие вполне могут попытаться на его жизнь, здоровье, достоинство, имущество, на его женщин и социальные статусы. Они способны сделать его несчастным и обездоленным, отсюда его эмотивность, подозрительность, недоверчивость, ранимость, агрессия как способ защиты. Поэтому в нем, как справедливо отмечал Э. Фромм, сосуществуют потребности в зависимости и свободе. Одиночество очень часто предоставляет свободу, которая может быть и иллюзорна.

Преступники не склонны доверять другим, об этом свидетельствует возрастная динамика совершения преступлений в группе: подростки до 70–75% преступлений совершают в соучастии, для лиц старше 30 лет этот показатель вдвое, даже втрое ниже. Еще меньше с возрастом правонарушители доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поддаются их уговорам и обещаниям, а также другим преступникам, в том числе тем, с кем они отбывают наказание.

Итак, те, кто совершает преступления – более одинокие и отчужденные личности. В силу отчуждения они не усвоили социальные нормы, регулирующие поведение людей, не выработали в себе солидарность с ними. Совершая преступления, некоторые из них тем самым защищают свое одиночество, другие – пытаются получить то, чего они лишены как раз в силу отчуждения, третьи – потому, что у них нет привязанностей и они не ощущают ответственности перед кем-либо. Чтобы преодолеть свое одиночество, человек вполне может согласиться участвовать в совершении преступных действий группы, поддаваться ее влиянию. Одиночество иногда начинает внушать

страх, повышает тревожность, формирует стремление защитить себя от реальных или мнимых врагов путем агрессии.

Как показывают исследования, среди насильственных преступников велика доля лиц с психическими аномалиями (в пределах вменяемости). Их примерно 18–20%. Среди них особенно часто можно встретить отчужденных и дезадаптированных людей: само расстройство психической деятельности, во-первых, создает дистанцию между аномальными личностями и социальной средой; во-вторых, препятствует усвоению ими нравственных и правовых норм, что особенно заметно среди дебильных индивидов; в-третьих, аномальные право нарушители быстрее, чем «нормальные» лица, начинают совершать преступные действия. В целом их поведение намного хуже опосредовано нравственными и правовыми нормами, более спонтанно и труднее поддается саморегуляции и самоконтролю.

Изучение жизненного пути и особенно раннесемейных ситуаций преступников, в том числе их репрезентативный опрос, осуществленный с нашим участием, приводит к однозначному выводу, что неблагоприятные условия воспитания в семье, отчуждение от родителей, прежде всего от матери, по каким бы причинам это не происходило, может иметь серьезное криминогенное значение. Но при этом надо подчеркнуть, что любые недостатки семейного воспитания, в частности, эмоциональное отвержение ребенка, не могут прямо и непосредственно приводить к совершению преступлений. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные жизненные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения, скорректировать тем самым его поведение. Следовательно, преступное поведение лиц, отвергнутых родителями в детстве, может быть опосредованно их последующим опытом. Важно отметить, что указанные психотравмирующие факторы на ранних этапах онтогенеза при отсутствии благоприятных обстоятельств главным образом и формируют мотивы преступного поведения дезадаптированных

личностей. Однако эти факторы сами по себе не могут, конечно, рассматриваться в качестве непосредственных побудителей, детерминант такого поведения.

В целом предлагаемая нами концепция ориентирована именно на социальные условия в детстве и на последующих этапах жизни, но в ее основе лежат особенности формирования психологии возможных преступников.

Тот аспект семейных отношений, которому придается исключительное значение и который является сейчас предметом рассмотрения, связан с невключением ребенка в эмоциональные семейные контакты. Между тем специфика и необходимость семейного воспитания, как известно, состоит прежде всего в том, что оно более эмоционально по своему характеру, чем любое другое воспитание, ибо «проводником» его являются родительская любовь к детям и ответные чувства (привязанность, доверие) детей к родителям. Ребенок, особенно в раннем возрасте, больше предрасположен к воздействию семьи, чем к любому другому воздействию. Представляя собой малую группу, своего рода социальный «микрокосм», семья наиболее соответствует требованию постепенного приобщения ребенка к социальной жизни, ее нормам и правилам, поэтапного расширения его кругозора и опыта.

Качества, привитые с детства, очень прочны и активно воздействуют на весь процесс дальнейшего формирования личности, мотивов ее поведения, участвуя в сборе и оценке тех многочисленных влияний, которым каждодневно подвергается человек. Результатом действия этого своеобразного закона психологической «инерции» является то, что воспитывать человека всегда легче, чем перевоспитывать. Поскольку качества, привитые с детства, так или иначе сказываются в течение всей жизни человека, семья не только сама воспитывает, но и «удобряет» или, наоборот, «истощает» почву для последующего общественного воспитания. В раннем детстве, когда семья является монополистом в воспитании, формируются те элементы «автоматизма», которые свойственны поведению каждого человека.

Родители составляют центр вселенной ребенка, поэтому он испытывает

острую потребность общения с ними. Его мир делится на «маму и папу» и на всех остальных и все остальное, причем первые играют ни с чем несравнимую главную роль. Поскольку он еще не умеет отделить «Я» от «не-Я», в его «Я» включены и родители, прежде всего мать. Отсутствие родителей, вообще людей, которые могли бы о нем заботиться и обеспечивать его жизнедеятельность, может ощущаться им (конечно, очень смутно) как отсутствие защиты и способствовать появлению страхов, в целом высокого уровня тревожности. Именно отсутствие родителей в структуре «Я» потом определяет, в частности, этот уровень, постоянно присутствующее беспокойство и формирование концепции не только враждебной среды, но и каких-то очень непонятных, очень размытых, но тем не менее реально ощущаемых разрушительных сил в глубинах собственной психики. Поэтому человек так страшится совершать путешествия в собственные глубины, боясь встретить там чудовищ и демонов. Они могут возникнуть в качестве следов, оставленных родителями, но не только, конечно, монстров, например, доброго пастыря (заботливый отец) или добрая фея (нежная мать). И тех, и других он уже очень давно «выбрасывает» из себя в мифы, легенды, сказки.

В столь сильном влиянии семейного воспитания на эмоциональный мир человека не последнюю роль играет вся обстановка семейной жизни и, в частности, преимущественно эмоциональный характер взаимоотношений между родителями и маленькими детьми. Эмоциональные задатки, закладываемые в семье, в большей степени определяют будущий психологический склад человека, чем интеллектуальные задатки – последующее содержание его интеллекта.

Можно считать установленным, что формирование личности ребенка определяется соотношением между тем местом, которое он занимает в системе доступных ему человеческих отношений, с одной стороны, и теми психологическими особенностями, которые у него сформировались в результате предшествующего опыта, с другой. Именно из этого соотношения возникает та внутренняя позиция ребенка, т. е. та система его потребностей и

стремлений (субъективно представленных в соответствующих переживаниях), которая, преломляя и опосредуя воздействия среды, становится непосредственной движущей силой развития у него новых психологических качеств.

Если «психологический центр» в лице матери, отца или любого заменяющего их лица не выполняет возложенные на него функции, у младенца вначале появляется ощущение своей незащищенности и беспокойства. Если ситуация его развития не изменится в лучшую сторону, подобные ощущения способны прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности и тревожности.

Если потребности ребенка другим человеком не удовлетворяются в надлежащей мере, а некоторые из них не удовлетворяются вообще, у него может не сформироваться потребность в других людях, в общении с ними, что явится следствием той дистанции, которая образовалась между ним и родителями на раннем этапе развития. Этим могут быть заложены основы будущего психологического отчуждения человека, его личностной позиции неприятия окружающей среды, непонимания ее и даже ожидания угрозы с ее стороны. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении берет начало в упомянутом сензитивном, т. е. наиболее чувствительном к влияниям окружающей действительности, периоде жизни.

В этот период ребенок наиболее чувствителен к определенным социально-психологическим воздействиям, к ожидаемым отношениям со стороны окружающих. При благоприятных условиях социальное окружение адекватно отвечает на сензитивность, устремленность к этим воздействиям индивида. Только при таком оптимальном соотношении характера воздействий с возникшей готовностью к их принятию возможно ожидать нормального развития отдельных сторон, полноценного функционирования личности в качестве активного члена общества.

По-другому складывается личность, у которой в те или иные сензитивные периоды возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей

судьбы социально-психологические новообразования. Постепенно обобщаясь и углубляясь, становясь все более устойчивыми и ригидными, они деформируют личность, препятствуют формированию одних ее сторон, подчиняют себе другие. Начинается самостоятельное развитие подобных новообразований, обретающих собственную логику движения и становящихся стержневыми свойствами личности. Создаются аномальные структуры и искаженные контуры отдельных сторон, которые начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них предуготовленные социальные воздействия, отфильтровывая их из массы одновременно действующих на человека факторов.

Роль отца, представляющего определенный тип поведения, а так же источник уверенности и авторитета, осознается в более позднем возрасте, но существенна уже в ранние годы жизни ребенка. Если родители к ребенку не только безразличны и недостаточно внимательны, но еще явно отвергают его, отрекаются от него, иногда даже с очевидной жестокостью, то он оказывается в эмоциональной и социальной изоляции, подвергается грубому травмированию и вовлекается в конфликты, решать которые весьма трудно.

Представляются очень интересными результаты наблюдений некоторых зарубежных психологов за привязанностью ребенка к матери. Ее он выделяет по голосу очень рано, и она, как правило, является основным объектом привязанности, которая далее распространяется на отца, брата, сестер и т. д. Таким образом, у ребенка формируется привязанность сразу к нескольким объектам. Возникает вопрос: хорошо ли это? Можно предположить, что большое количество объектов привязанности должно отрицательно влиять на интенсивность привязанности к Основному объекту. Однако эмпирические исследования показали, что это не так. Чем благополучнее отношения между ребенком и матерью, тем прочнее контакт между ребенком и другими объектами привязанности. Этому дается следующее объяснение: чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод: именно альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что становится базой для расширения его позитивных контактов с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникновение ощущения угрозы, исходящей от среды.

Отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвергание в детстве, депривация в семье представляют собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социальное происхождение. Здесь нужно руководствоваться одним из основных принципов психологии, что каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внутренней, присущей отдельной личности), первоначально в своем развитии всегда является функцией интерпсихической (межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных гипотез данного исследования, а именно: криминологически значимые индивидуально-психологические особенности имеют свои аналоги в характере ранних внутрисемейных отношений.

Здесь мы не останавливаемся на объективных социальных причинах, влияющих на нравственно-психологические и социально-психологические отношения в семье, которые в свою очередь участвуют в формировании психической депривации ребенка. Однако несомненно, что такие причины существуют, поскольку семья множеством нитей связана как с иными сферами микросреды, так и с более широкими социальными процессами, находится в фокусе экономических, идеологических, нравственных и иных отношений.

Итак, нарушение первичных связей социализации, лишение ребенка необходимого эмоционального контакта с родителями предопределяет его

дальнейшее социальное и психологическое отчуждение, что имеет криминогенное значение. Иными словами, он через семью не вводится в общество, а потому не отчужден от него.

Такой очень важный для криминологии вывод полностью подтверждается результатами осуществленного нами эмпирического исследования. Анкетный опрос законопослушных граждан и убийц показал, что, например, степень уверенности в любви матери в десять раз меньше среди вторых по сравнению с первыми. Среди законопослушных лиц значительно больше тех, кто уверен в своей любви к матери, чем среди преступников. Среди законопослушных оказалось больше людей, которые хотели быть вместе с отцом и матерью.

Аналогичными оказались результаты изучения с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) лиц, совершивших присвоение, растрату, кражи и убийства. Для выявления отношений с матерями и отцами были интерпретированы рассказы испытуемых по двум картинкам методики: № 6 («Пожилая женщина и молодой мужчина») и № 7 («Пожилой и молодой мужчины»). Рассказы по первой из них дают возможность охарактеризовать отношения с матерями, а по второй – с отцами.

Изучение показало, что примерно в 95% случаев отношения с матерями у преступников носят конфликтный характер, матери и сыновья плохо понимают друг друга, их контакты развиваются на фоне конфликтов со средой, ожидания несчастья. Типичны высказывания: «Что-то случилось», «Какое-то горе», «Они переживают большие неприятности» и т. д. Несколько иначе складываются отношения с отцами: сыновья находят общий язык с отцами, понимание и поддержку с их стороны в 45% случаев. Однако в остальных случаях между ними имеют место конфликты или непонимание друг друга. Характерно, что отдельные испытуемые вообще ничего не могли сказать об отношениях между «пожилой женщиной и молодым мужчиной» и «пожилым и молодым мужчинами». Это может свидетельствовать о том, что они вообще не представляют себе сущности и содержания контактов между

родителями и детьми в силу невключенности. В том числе и потому, что не имели опыта общения с ними, особенно с отцами. Поэтому некоторые преступники не видят в пожилой женщине мать, а в пожилом мужчине – отца.

Попытаемся в заключение сделать некоторые выводы.

1. Отчуждение и одиночество могут быть следствием неблагоприятных влияний социальной среды, особенно семейной (раннесемейной), депривации родительского, в первую очередь материнского, эмоционального тепла.

2. Отчуждение и одиночество могут быть следствием субъективной предислокации личности, ее бессознательных стремлений, обусловленных особенностями психики, в том числе унаследованными. Ярко выраженная самодостаточность, некоммуникативность и эмоциональная холодность в совокупности – безусловный показатель такой predisпозиции. Сталин и Гитлер – типичные самодостаточные и эмоционально холодные личности.

3. Отчуждение и одиночество могут быть результатом действия среды при субъективной предрасположенности к этому, т. е. совокупного влияния внешних и внутренних факторов.

4. Отчуждение и одиночество – не синонимы, хотя выражаемые ими явления тесно связаны между собой и могут существенно влиять друг на друга. Одиноким людям могут быть отнюдь не отчуждены, как и отчужденные – не одиноки. Отчуждение – это субъективная позиция по отношению к окружающему миру, а через него и к самому себе. Одиночество означает и физическое положение человека. Робинзон Крузо до появления Пятницы был совсем одинок, но не отчужден.

5. Для некоторых людей отчуждение столь же необходимо, как для других – постоянная принадлежность группе. Человек за свою многовековую историю привык не доверять другим, и это было условием его выживания. Он давно понял, что страшны не только дикие звери, наводнения или пожары, но и другие люди, не только враги, но и соплеменники. Страх – его вечный и неизменный спутник.

3. Высокая тревожность, ощущение и переживание угрозы

Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, которые постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятное развитие которых тоже грозило ему. Он еще боялся тех, с кем вместе жил, охотился, работал, и боязнь здесь была отнюдь небезосновательной. Страхи древнего человека были связаны и с духами природы и животных, духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он страшился нападения других племен, колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Воспользуемся исследованиями Л. Леви-Брюля. Он писал, что первобытный человек никогда не в состоянии хладнокровно помыслить об окружающих его невидимых силах, об этих неуловимых влияниях постоянное присутствие и действие которых он замечает или подозревает. При одной мысли, что какая-нибудь из этих сил угрожает ему, он лишается самообладания от страха, если не уверен в своей способности отразить удар. Один эскимосский шаман Ауа сделал интересное сообщение о своей жизни Кнуду Расмуссену. Столь же искренне, сколь и умно откликнулся этот шаман на усилия знаменитого исследователя проникнуть в самые глубины эскимосского мышления. Чтобы выразить преобладание эмоциональных элементов в представлениях о невидимых силах, он нашел пленительную формулу: «Мы не верим, мы боимся... все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые нас окружают. Мы боимся всего, о чем говорится в преданиях и мифах наших предков».

Этот рассказ, записанный К. Расмуссеном, Л. Леви-Брюль называет уникальным, и он действительно таковой. В нем недвусмысленно, просто и в то же время очень емко и глубоко изложены чувствования современного первобытного человека в плане его отношений с окружающим миром, точнее — его полной зависимости от него, неизменно и во всем внушающей страх.

Л. Леви-Брюль отмечает, что для эскимосов мир видимый и мир

невидимый таят в себе одинаковые ужасы. Всюду их окружают угрозы страданий, голода, болезни и смерти, но у них нет ни малейшего представления ни о небесном провидении, ни о высшем божестве, чья попечительская отеческая благодать простирается на людей. Единственная возможность спасения заключается в том, чтобы сообразовать свое поведение со спасительными преданиями, унаследованными от минувших поколений. Поэтому упрямая, почти непреодолимая приверженность к традиционным предписаниям и табу, которую констатируют не только у эскимосов, но и у других обществ того же порядка, проистекает не из одного только желания угодить предкам и не прогневить их. Она рождается из страха, вернее из того нагромождения страхов, для которого Ауа нашел столь сильные выражения. До тех пор пока сознание человеческое таким образом одержимо и заполнено этим страхом, оно в состоянии сделать лишь незначительные успехи в познании природы.

Множество свидетельств, приводимых Л. Леви-Брюлем, подтверждают слова эскимосского шамана, отмечая то место, которое при надлежит страху в том, что можно было бы назвать религией первобытных людей, если понимать этот термин в достаточно широком смысле. Вот эти свидетельства.

Когда-то на Таити ни одному самому ревностному служителю какого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект его поклонения и покорности может относиться к нему с любовью и благосклонно; да и сам он со всем его рвением и благочестием был чужд всякому чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был тайной причиной могущества богов, главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных служителей этих богов.

В Новой Зеландии весь маорийский ритуал находился под влиянием не любви к богам, а страха перед ними; даже к Ио, благодетельному божеству, маори питал нелюбовь, а благоговейный страх. Также обстояло дело и с нага в северо-восточной Индии. Туземцу из племени лота его религия представляется как серия церемоний и обрядов, закрепленных обычаем. Пренебрежение хотя

бы одним из обрядов сопряжено с опасностью. Ао-нага, соседи лота, убеждены, что если они не принесут своим божествам всех причитающихся им жертв, те могут в любой момент погубить их посевы и наслать болезни.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы подумать, флером печали и тоски всю повседневную жизнь туземца. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни беспечности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое мгновение на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает из стольких различных направлений и в такой разнообразной форме, стоит ли о ней думать, раз угроза еще не воплотилась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство гнездится у него в подсознании и не мешает наслаждаться жизнью.

Оценивая обряды фетишизма в Южной Африке, Ж. Леви-Брюль делает вывод, что совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, составляет единственную действенную гарантию против всякого рода дурных влияний, внушающих опасения и страх. Исследователь ссылается на А. Швейцера, который считал, что фетишизм у первобытного человека родился из чувства страха. Первобытный человек хочет обладать талисманом против злых духов и покойников, против зловредной силы себе подобных. Он приписывает эту защитную, предохранительную силу некоторым предметам, которые он носит на себе или с собой. В верхнем Конго религия болоки покоится на том страхе, который внушают им многочисленные невидимые духи, окружающие их со всех сторон и постоянно старающиеся навлечь на них болезнь, несчастье или смерть. Единственная цель религиозных обрядов болоки – в том, чтобы обольстить, утихомирить, обмануть или даже припугнуть и убить этих духов, беспокоящих человека. Вот откуда берутся колдуны и знахари, их обряды, церемонии и талисманы. О багунде, живущих в соседнем районе, этнологам известно, что они находятся во власти закона страха: болезни, несчастья, смерти, всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми, либо духами. Вся жизнь язычника бергдама, племени в

Южной Африке, от детства до старости отмечена страхом смерти.

Л. Леви-Брюль считает, что в представлениях первобытного человека о невидимых силах ведущую роль играют не черты, которыми эти силы определяются, а страх, внушаемый ими, и потребность в защите против них. Такие же выводы можно сделать и из исследований Д.Д. Фрезера о первобытной магии. В ее рамках совокупность позитивных предписаний составляет колдовство, совокупность негативных — табу. Дикарь уверен, что стоит ему поступить в соответствии с известными ему законами, неизбежно произойдут какие-то последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует.

В «Золотой ветви» Д.Д. Фрезера содержится множество приме ров того, что страх всегда окружал первобытного человека, а его поклонение божествам, духам природы, жрецам, верховным правителям и т. д. преследовало одну цель — отвести несчастья от народа. Так, дикари пребывали в уверенности, что порядок природных явлений и даже само существование мира связаны с жизнью верховного правителя или жреца, они видят в нем источник беспредельных благодеяний и бесчисленных опасностей.

Мы отнюдь не исключаем, что в немалом числе случаев первобытный человек увязал в запретах и предписаниях, как муха в патоке. Но это не означает, что они ему не были жизненно необходимы, поскольку весь мир внушал ему страх, в том числе его внутреннее «Я». Высокая тревожность поддерживалась и поддерживается его страхом и тревогой нарушить законы и предписания. Опасности не были призрачными от того, что были воображаемыми, поскольку и воображаемые вполне реально, как и физическое воздействие, могли убить его. Табу и указания, видоизменяясь иногда существенно, передавались из поколения в поколение, многие действуют и

сейчас и, по-видимому, они бессмертны, составляя часть человеческой культуры. Поэтому мы должны быть признательны дикарям за их вклад в цивилизацию, в самые его истоки, в психологию и нравственность современного человека, тем более, что это делалось на заре веков. В отличие от нас они были сравнительно счастливы, поскольку сносно и рационально могли объяснить явления природы и их причины со своей, разумеется, точки зрения. Им все было ясно, и окружающий мир не представлялся загадкой, больше того, наши предки жили в тесном общении с ним и мириады душ волшебников, эльфов, духов, будучи проекциями их собственной души, были понятны им, хотя и внушали страх.

Первобытный страх перед чужаками и всем чужим не исчез и он лежит в филогенетической основе величайшего проклятия новейшей истории – воинствующего национализма и шовинизма, породивших германский нацизм и фашизм, этнорелигиозной нетерпимости, обусловившей современный терроризм и экстремизм. Первобытный страх перед чужаками и всем чужим провоцирует многие другие преступления.

Но со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего, человек перестал бояться диких животных, затем очень постепенно злых духов и магии, на смену которым пришли боги, впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами. В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем остается страх перед природными катаклизмами, а в последнее столетие – и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимым фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например, в России, их за щита в этом отношении крайне неэффективна.

К. Ясперс имел все основания писать, что вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождает жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, что бы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым.

Страх перед жизнью обращается и на тело, считает К. Ясперс. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает. Страх усиливается в связи с опасностью неизбежно исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и человек не ощущает абсолютной связи с другими. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха¹⁴.

К. Хорни полагает, что тревога может скрываться за чувствами физического дискомфорта, такими, как сильное сердцебиение и усталость; за многочисленными страхами, которые внешне представляются рациональными и обоснованными; она может быть скрытой силой, толкающей нас к выпивке

¹⁴ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. С. 327–328.

или погружению во всевозможные помрачения сознания. Часто мы можем наталкиваться на нее как на причину неспособности выполнять то или иное дело или получать удовольствие, и мы всегда обнаруживаем ее в качестве влиятельного фактора, стоящего за внутренними запретами.

Наша культура порождает в живущих людях огромную тревожность, констатирует К. Хорни. Следовательно, практически каждый построил ту или иную форму защиты. Чем невротичнее человек, тем сильнее его личность пронизана и скована такими защитами и тем больше вещей, которые он не способен и не пытается делать. Испытывая тревогу, он чувствует огромную и неотвратимую опасность, перед которой абсолютно бессилен, ощущая беззащитность перед ней. Иногда он ощущает ее как идущую извне, а в других случаях как исходящую из собственных неуправляемых импульсов¹⁵.

Разумеется, в понятия тревожности, тревоги, страха, боязни и т. д. можно вкладывать самое разное содержание, и мы не видим свою задачу в том, чтобы дать приемлемые для всех определения соответствующих явлений. Отметим лишь, что есть особые субъективные эмоциональные переживания, часто имеющие бытийное значение. Полагаем, что тревога и тревожность – синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого в свою очередь ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Нельзя не согласиться с К. Хорни, что наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современном мире с ее универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смысл и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использование преступного насилия. Они также понимают, что глобализация повышает риск стать жертвой терроризма, равно как и транснациональной организованной преступности.

¹⁵ См.: Хорни К. Сбор. соч. в трех томах. Том первый. – М., 1997. С. 312–313.

Первый признак, отличающий человеческое существование от животного, имеет отрицательную характеристику, писал Э. Фромм. Это – относительная недостаточность инстинктивной регуляции в процессах адаптации к окружающему миру. Способ адаптации животных повсеместно один и тот же: если инстинктивное обеспечение перестает отвечать требованиям успешной адаптации к изменяющемуся миру, то соответствующий биологический вид вымирает. Животное адаптируется к изменяющимся условиям путем изменения самого себя, а не путем изменения окружающей среды. Таким образом, оно живет в полной гармонии с природой.

Происхождение же человека можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного, самостоятельного существа, это способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначить различные предметы и действия с помощью знаков и символов; это способность разумного постижения и понимания мира; это его способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек – самое беспомощное из всех животных, но именно эта его биологическая беспомощность – основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств¹⁶.

Среди специфических качеств человека, в том числе призванных компенсировать его биологическую беспомощность, стала способность совершать действия защитительного характера. Некоторые из таких действий впоследствии были названы преступлениями. Разумеется, в любом поведении личности, в том числе преступном, инстинкты могли играть достаточно заметную роль. Нельзя сказать, что животные всегда жили в полной гармонии с природой, особенно тогда, когда создаваемые ею условия жизни для них заметно ухудшались. Что касается человека, то он иногда даже воевал с

¹⁶ См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. – М., 1993. С. 45–46.

природой, настолько она была немилостива к нему. Возможно, конечно, что человеку было необходимо отчуждение от природы, чтобы почувствовать, насколько ему важно единение с ней, а это путь к единству с самим собой и всем человеческим родом. Поэтому он так важен для воспитания.

Но человек далеко не всегда может адаптироваться к природе или социальным условиям, изменить их так, чтобы обеспечить себе комфортное и спокойное существование. Это неизбежно вызывает его тревожность и страхи, ведет к утрате смысла жизни, отчуждению от людей. Он не может принять себя таким, он должен самоутвердиться и утвердиться в глазах ближайшего окружения, что должно все лить в него уверенность и снизить тревожность.

Например, так называемые сексуальные маньяки, убивающие жертв своих тревожных переживаний, как правило, несостоявшиеся мужчины, абсолютно неуверенные в своих биологических мужских возможностях. Они ненавидят женщин, считая их своими злейшими врагами и источниками своих бед и тягостных, психотравмирующих переживаний своей непростительной слабости, ненужности, выброшенности. Отсюда совершение особо жестоких убийств, глумление над потерпевшими.

К., 39 лет, в г. Череповце в лесополосе напал на 15-летнюю девушку, затащил ее в кусты, силой заставил выпить значительное количество водки, изнасиловал и задушил. Кроме полового акта в обычной форме, воткнул ей во влагалище искусственный предмет из дерева, выточенный им в форме мужского полового органа. Нанес ей ранение в область гениталий. После убийства закопал ее, лишь слегка прикрыв землей.

Весьма показательным, что до этого он дважды покушался на других девушек, но они смогли от него убежать.

На первых допросах К. признался в совершенном убийстве, однако потом решительно отказался признавать свою вину в чем-либо, утверждая, что все это заговор милиции. Между тем виновность именно К. подтверждается тем, что во влагалище жертвы обнаружена его сперма; его вина косвенно подтверждается и тем, что две другие девушки уверенно опознали в К.

мужчину, который напал на них.

Из материалов дела следует, что обвиняемый не женат, с женщинами не встречался, с ними половых отношений не имел. Сам он поясняет, что является импотентом, но это опровергается материалами дела, и, скорее всего, он является импотентом лишь частично. По показаниям свидетелей он физически неопрятен, нечистоплотен, часто агрессивен, склонен к созданию конфликтов.

Психологическое изучение показало, что он подозрителен, паранойялен, импульсивен. Подвержен различным страхам, из-за чего старательно запирает двери и занавешивал окна. У него резонерское мышление и склонность к рассуждательству, суждения непоследовательные, ригидные, часто паралогические и не критичные. Иногда высказывает сверхценные идеи паранойяльного содержания.

Можно высказать вполне обоснованное положение, что убийство, изнасилование и покушения на изнасилования совершены К. вследствие того, что он, находясь в достаточно жесткой социально-психологической изоляции и не имея контактов с женщинами, совершил указанные преступления. Ранения в область гениталий, которые он нанес потерпевшей, типична для мужчин, которые являются сексуальными банкротами и для которых женский половой орган выступает в качестве символа их несостоятельности и испытываемых в связи с этим страданий и тревог.

Но есть еще множество и других социальных факторов, приводящих личность в состояние повышенной изматывающей тревоги: боязнь не состояться в жизни, происки конкурентов, несправедливое отношение властей (обычно в лице чиновников), непризнание со стороны тех, кто особенно ценим, в том числе любимой женщиной (мужчиной) или референтных групп, страх обеднеть, потерять работу, социальный статус, стать жертвой несчастного случая и т. д. Как мы видим, не только древний, но и современный человек имеет слишком много поводов для страха. Социальная среда едва ли не самый важный источник его страхов в обыденное время.

Изменились источники страха, но не исчез сам страх, как и тогда определяющий состояние тревожности.

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности и ущемленности, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему какого-либо иного человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой.

Личность нуждается в самоутверждении. Без этого она может не состояться. Среди прочих смыслов самоутверждение помогает человеку защитить себя от враждебных проявлений среды, поскольку он теперь имеет для этого возможность в самом себе, он становится для этого достаточен.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это час то реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Самоутверждение характерно, например, для расхитителей и коррупционеров так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любым путем, в том числе преступным. Недостижение такого статуса, равно как и «падение вниз», для них катастрофа. Можно предположить, что ведущим, глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно даже уничтоженным средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать среде не обходимое сопротивление.

Из названных уровней утверждения личности именно самоутверждение, по всей вероятности, имеет первостепенное значение, стимулируя жажду признания на социальном и социально-психологическом уровнях. Самоутверждаясь, человек чувствует себя все более независимым, раздвигает психологические рамки своего бытия, сам становится источником изменений в окружающем мире, делая его более безопасным для себя. Это дает ему возможность показаться в должном свете и в глазах ценимой им группы, и в глазах общества. Эти признания, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают индивиду внутренний психологический комфорт и ощущение безопасности. В конечном итоге все это порождается тревожностью человека.

Среди взяточников и расхитителей можно встретить тех, кто стремится к утверждению на любом из перечисленных уровней. Среди воров, грабителей, разбойников и мошенников чаще всего обнаруживаются те, которые желают признания группы и (или) самоутверждения, т. е. утверждения на социально-психологическом уровне, и тем самым решения своих внутриличностных проблем, т. е. самоутверждения. Надо отметить, что среди воров в отличие от расхитителей мы не обнаружили лиц, которые стремились бы утвердить себя на социальном уровне (своей профессией, достижением должности, «деланием» карьеры и т. д.).

Иногда решение внутренних проблем достигается преимущественно путем самого факта совершения преступления. Здесь ценность похищенного как бы сдвинута на второй план. В этом случае преступное поведение носит явно компенсаторный характер, поскольку добытые материальные ценности не имеют первостепенного значения и практически могут даже не использоваться. Для преступников главным является, например, преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств и т. д. Тем самым обеспечиваются приятие самого себя, повышение уверенности в собственной личностной ценности, самоуважение и приобретение возможности доминирования над социальной средой, другими людьми.

Как видим, индивид, желая самоутвердиться, постоянно соотносит себя со своей средой, и вне ее его социальное существование не возможно. При этом среду следует понимать исключительно как среду данной личности, «мою среду», «мое жизненное пространство», «мою территорию». Вот почему «моя» жизнь будет лучше и «мои» психологические проблемы будут успешнее решены, если это пространство будет значительно улучшено, освоено, укреплено, защищено. Можно сказать, что это одно из условий, причем наиболее существенное, бытия личности. Поэтому удивительно ли, что многие расхитители в личную территорию включают и место работы, особенно если они занимают руководящее кресло. Поскольку на этой территории решаются жизненно важные задачи, они не жалеют для нее сил и используют даже противозаконные средства для достижения производственных успехов. При этом лично для себя они могут не иметь весомых материальных выгод. Здесь улучшение производства означает не что иное, как улучшение своей психологической территории, условие формирования необходимого представления о самом себе, своей ценности, а значит лучшей защищенности и получения возможности снижения уровня тревожности.

У разных категорий преступников уровень тревожности разный, к тому же у них разное содержание тревожности. Так, исследования В.В. Кулинича, осуществленные им в 90-х годах, показали, что наиболее высокий ее уровень среди убийц, ниже – среди воров. При этом у убийц тревожность носит скачкообразный характер, резко повышаясь в острых ситуациях, что им мешает достаточно хорошо контролировать свое поведение. Отсюда и относительно высокий уровень раскрываемости убийств, часто совершаемых в условиях очевидности. Тревожность среди воров хотя и ниже по сравнению с убийцами, но все-таки выше нормы. Однако она носит ровный характер, что позволяет им хорошо контролировать свое поведение, следить за изменениями ситуации, приспосабливаться к ним. Отсюда очень плохая раскрываемость краж, причем во всем мире.

Характерная психологическая черта насильственных преступников и

особенно убийц заключается в том, что они постоянно ожидают агрессию, действительную или чаще мнимую: эта черта типична примерно для 60% убийц, обследованных нами. Она особенно явственно обнаруживается среди тех, кто совершил убийство в семейно-бытовой и досуговой сферах, в результате внезапно возникших конфликтов. Это дает основание считать подобных людей паранойяльными личностями.

Для индивида принадлежность к группе очень важна, поскольку такая принадлежность становится одним из аспектов его личности. В то же время он должен иметь возможность для межгруппового сравнения, но многим людям такая возможность не предоставляется, что особенно характерно для членов тех групп, которые отгорожены от других сообществ языковыми, религиозными и иными жесткими культурными барьерами. Люди в таких группах, как правило, зашорены и подвержены групповому нарциссизму, они не желают видеть и признавать никого, кроме представителей своей же группы, находя признание лишь в общем реве. Именно подобные люди становятся питательной почвой этнорелигиозного терроризма, из их числа вербуются и террористы-смертники. Поэтому за всех них нравственно-психологическую (а в некоторых случаях и юридическую) ответственность должны нести все члены их национальной или конфессиональной группы, в том числе и матери, которые воспитывают своих детей в убеждении, что только их нация и религия являются единственно возможными и уважаемыми, а представители всех других обязаны смириться с долей людей второсортных.

В этой связи необходимо отметить два взаимосвязанных обстоятельства.

1. В названном отношении к другим группам явственно проявляется первобытный страх – к людям другого племени или рода, к любому чужаку, поскольку неизвестно, кто он такой, что он задумал и что можно ждать от него. Поэтому надо быть готовым к защите, в том числе путем нападения.

2. В мировосприятии и современных представителей некоторых этнорелигиозных групп, даже очень больших, присутствует страх – не состояться, не выдержать конкуренции с другими группами, быть

раздавленными ими. Так, исламский мир, построенный на культуре самой молодой из мировых религий, еще не обрел, по ощущениям его населения, в частности элиты, должного места в мире, не самоидентифицировался, он еще не знает, каким стратегическим путем ему идти. Поэтому его представители, испытывая высокую тревожность, постоянно нападают, защищаясь, но при этом все время допускают стратегические ошибки, восстанавливая против себя другие страны.

Многие преступники почти не способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного и разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений.

Почему некоторые люди испытывают неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в обществе?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не волнуют, других – лишь отчасти, а третьи – именно они нас и интересуют – почувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем существовании, поскольку не они владеют вожделенными ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такие надежды напрасны, повышенная тревожность как фундаментальная черта их личности вновь будет порождать зависть, ревность и страх. Да, страх как желание удержать достигнутое и одному наслаждаться им, пользоваться вниманием, расположением и признанием.

Можно выдвинуть такие гипотезы.

1. Самый высокий уровень тревожности, когда ощущается угроза

(реальная или мнимая) жизни или здоровью, может порождать совершение насильственных преступных действий, психологически носящих характер защиты. Паранойяльные черты (подозрительность, мнительность, ригидность) в сочетании с отчужденностью наблюдаются, как показали конкретные исследования, именно среди насильственных преступников.

2. Более низкий уровень тревожности, в основном относительно своих социальных статусов, социальных состояний, получения удовольствия, а также связанных с переживаниями угрозы острой материальной нужды и бедности способен приводить к совершению корыстных преступлений.

Глава II. Неблагоприятные влияния на личность в детстве и юности

1. Общие положения о криминогенных влияниях на личность на стадии ранней социализации

Формирование личности, то есть усвоение ею социальных ролей и правил поведения, развитие системы ценностей и мировоззрения начинается с самых ранних ступеней жизни человека, иными словами, от рождения. Период детства, в том числе, самого раннего, является наиболее сензитивным, то есть особенно чувствительным к внешним влияниям в онтогенетическом развитии человека. В зависимости от отношения других к ребёнку, он чувствует себя либо защищенным, либо нет. В последнем случае у него развивается, нарастает тревожность и потребность в защите, иногда такая сильная, что ему приходится мобилизовать для этого все свои силы.

Тревожность и потребность в защите становятся чертами личности, закрепляются в характере, частично уходя в бессознательное. Этот уход означает, что в дальнейшем они способны выступать в качестве мотивов поведения – скрытых, глубинных, смысловых, опять-таки на бессознательном уровне. Если в дальнейшем моральное воспитание личности ущербно, тревога и защита вполне могут проявить себя в виде преступления.

Ощущая угрозу себе, человек начинает думать, что люди, все или очень многие, недостойны доверия и уважения, любви и дружбы, от них следует обороняться любыми способами, в том числе преступными. Одним словом, окружающий мир предстаёт угрожающим, подлым, гадким, несущим разрушение, поэтому и защищаться от него следует, не особенно разбираясь в средствах. Отсюда агрессия, корни которой следует искать в детстве, когда ребёнок не чувствовал себя защищённым ни родителями, ни другими людьми, но ведь тогда он нуждался в опеке, любви и помощи так, что это наложило отпечаток на всю его жизнь.

Проведённые мною в разные годы конкретные криминологические исследования личности виновных в совершении насильственных

преступлений против детей до 12 лет показывают, что в разные годы своей жизни они подвергались оскорблениям и унижениям со стороны родителей или лиц, их заменяющих, во всяком случае, действия последних они воспринимали именно так. Соответствующие переживания уходят в бессознательное, как бы забываются, но не исчезают из психики, ведя автономное существование. Затем эти вытеснённые переживания вдруг вспыхивают, когда возникает ситуация, хотя бы отдалённо похожая на ту, которая была в далёком детстве. Особенно часто они приводят к совершению разрушительных действий, когда человек находится в нетрезвом состоянии; действия нередко направлены против детей и иногда создаётся впечатление, что субъект, убивая ребёнка, на психологическом уровне, тем самым, совершает самоубийство.

Можно считать установленным, что отсутствие эмоционального тепла в отношениях с ребёнком, невключение его в позитивную психологическую матрицу семейных отношений, а тем более, отвергание может самым роковым образом отразиться на его будущей жизни, стать началом подлинной катастрофы. У подавляющего числа людей, которые впоследствии совершили насильственные преступления, детство было именно таким. Родители отвергали их в явной форме: жестоко обращались с ними, унижали их человеческое достоинство, выгоняли из дома, не выполняли самые элементарные обязанности, как кормление и т.п. Повествование об этом периоде жизни даже у лиц старших возрастов почти всего эмоционально окрашено, в нем «виноватые» родители получают самые нелестные эпитеты и оценки, выражается нежелание когда-либо видеть их. Рассказывают об этом с такими эмоциями, словно всё произошло совсем недавно.

Негативное отношение родителей к ребёнку и подростку, особенно если оно было сопряжено с истязаниями и побоями, способно порождать у уже взрослого человека мотивы мести за такое отношение, если связанные с этим переживания до сих пор носят актуальный, психотравмирующий характер.

Убивают родителей не только потому, что в детстве они были жестки с

будущим убийцей, избивали его, открыто унижали и издевались над ним, выгоняли из дома и т.д., но и в тех случаях, когда отвергание носит скрытый характер. Последнее означает, что внешне всё выглядит благопристойно, забота и попечение вроде бы налицо, в чём, кстати, отец и мать могут быть искренне уверены, но настоящей любви и тепла ребёнок не ощущает. Он чувствует себя покинутым и никому не нужным. В лучшем случае он является объектом гиперопеки, назойливого и жёсткого контроля, при котором очень мало учитываются его желания и интересы. Его жизнь в семье становится как бы формальной, он просто пребывает в ней. Если обнаруживается, что отец и мать были неродными, это становится жутким ударом даже для вполне взрослого человека. Но вместе с тем у него, можно сказать, открываются глаза: он начинает понимать, почему они относились к нему плохо, причём нередко преувеличиваются проявленная по отношению к нему несправедливость и нанесённые ему обиды. Родители, родные и неродные, оказываются виноватыми во всём, что произошло с ним, во всех его неудачах и срывах, с ним, уже далеко не подростком.

Б., 27 лет, в процессе ссоры с женой (Ириной) нанес ей удар топором по затылку и несколько ударов ножом по телу, отчего она скончалась на месте. Вскоре в квартиру пришли его родители, которые сразу же обнаружили труп, тогда Б. тем же топором зарубил их, все три трупа уложил на диван.

Следствием установлено, что в тот день в 15 часов, после состоявшегося полового акта Ирина, встав с постели, сказала мужу, что он ее никак не устраивает и она найдет себе другого парня. «Меня это сильно задело, я очень разволновался, – пояснил Б. следователю, – тем более, что накануне я видел, как Ира, работавшая официанткой в кафе, целовалась там с клиентом».

О себе преступник рассказал следующее: «Моя жизнь проходила трудно. Во всем. С жильем, работой. Закончил 8 классов и ПТУ. Отец работал токарем, домой денег приносил мало, из-за чего с матерью ругались почти каждый день. Когда был маленький, били часто, очень часто: мать ремнем, отец за уши таскал. Отец бил мать, а мать его. Меня они не ласкали, сказки не

рассказывали, подарки, правда, делали, пару раз водили на елку, я все помню. Хотели меня куда-нибудь сплавить, даже в психбольницу, участкового подговаривали, подговаривали потом и жену, она была с ними заодно. Ей участковый сказал, что «если что, звони мне». Она ему и жаловалась. Она моя единственная женщина за всю жизнь. Я начал с ней жить, когда мне было 16 лет, ей – 14 с половиной. Была ли она девственницей, не знаю. После как поженились, она много раз говорила мне, что изменяет мне. Говорила потому, чтобы заодно с родителями посадить меня, так как за эти признания я ее бил. Меня в милицию поэтому забирали часто, один раз дали 10 суток, это когда пожаловались родители. Я ей предлагал разойтись, но она отказалась, поскольку я требовал, чтобы она ушла к себе домой. Я думаю, что она сговорила с матерью изжить меня скандалами и оставить квартиру ей с ребенком. Обзывала меня тряпкой, немужиком; у меня действительно не всегда получалось в постели с ней, но других женщин у меня не было. Вообще друзей у меня давно нет, был один в школе, но когда я ушел из 8-го класса, наша дружба распалась. Часто менял место работы, обычно сама работа не нравилась, тяжело было, уставал».

Б. субъективно ощущал себя в безвыходном положении, в осаде, в одиночку отбивался от врагов, которые в лице родителей и жены окружили его со всех сторон и не случайно он их сложил вместе, друг на друга. Мира вне семьи у него попросту не было, поскольку он не работал и друзей не имел. Закономерно, что он стал агрессивным и постоянно прибегал к насилию. В 1988 году в нетрезвом состоянии учинил хулиганские действия, нанес удары участковому, тому самому, который, как он считал, был заодно с его родителями и женой. За два года до их убийства он узнал, что был неродным сыном, это оказалось для него весьма чувствительным ударом и агрессивность его существенно возросла. Он стал чаще прибегать к рукоприкладству, в том числе дома, а за полгода до описываемых событий в нетрезвом состоянии так жестоко избил собутыльника, что тот от побоев скончался. Об этом стало известно в ходе следствия по делу об убийстве Б. жены и родителей.

Анализ данного преступления, как и всех других, ни в коем случае не следует рассматривать в качестве попытки оправдания преступника, убившего четверых. Подобная попытка была бы заведомо обречена на провал, поскольку ничто не в состоянии обелить столь чудовищные действия. Мы лишь объясняем поведение Б. путем исследования его личности и жизни. Жена, которую он считал единственным близким человеком, постоянно изменяла ему, о чем совершенно не стеснялась говорить, что свидетельствует о ее презрении к мужу, и собиралась уйти от него; родители оказались неродными, и ему стало ясно, почему они так плохо относились к нему и все время хотели избавиться от него. Он постоянно пьянствовал, не работал и опускался на дно.

Конечно, далеко не каждый, кого родители унижают и оскорбляют в детстве и юности, решится на такой святотатственный поступок, как убийство отца или матери. Это бывает очень редко. Но все же тот, кто избивает своих детей, гонит из дома или «просто» не любит, должен подумать над тем, что, быть может, роет этим свою собственную могилу.

Важно подчеркнуть, что если у ребенка не удовлетворяются эмоциональные потребности, то у него может не сформироваться потребность в общении с людьми как следствие существования дистанции, образовавшейся между ним и родителями на раннем этапе жизни. В результате эмоциональной депривации (лишения) закладываются основы будущего социального и психологического отчуждения индивида, непонимания и неприятия им окружающей среды и ее ценностей и даже ожидания угрозы со стороны окружающего мира. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении начинается в наиболее чувствительном периоде жизни человека.

Обобщаясь и углубляясь, названные социально-психологические образования становятся все более устойчивыми и ригидными, деформируют личность, приобретают стержневой характер, начинают самостоятельно развиваться. Создаются аномальные личностные структуры, которые затем начинают избирательно реагировать только, на некоторые, как бы для них

предуготовленные, социальные воздействия, отфильтровывая их из массы других. Эти структуры, а тем более вся структура личности в целом, ею не осознаваемы, поэтому возможности управления своим поведением весьма ограничены.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является неединственной причиной формирования агрессивных и иных антиобщественных установок личности. Нередко это происходит и иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но последние как раз и демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, отдавая предпочтение насильственным способам решения возникающих проблем, грубости и жестокости как повседневным образцам поведения. Подросток сравнительно легко все это усваивает, поскольку у него наличествует эмоциональный контакт с теми, кто подобное демонстрирует ему постоянно. Усвоенное начинает стимулировать его поведение.

Криминогенные последствия может иметь и то, что ребенка не приучают к выполнению своих обязанностей по отношению к другим, причем невыполнение их носит грубый, связанный с унижением другого, характер. Есть и другие криминогенные факторы семейного воспитания, но следует сосредоточиться на отчуждении ребенка как наиболее значимом явлении.

Отсутствие или значительное обеднение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, с которого начинается дальнейшая дезадаптация. Отвергание в детстве, таким образом, представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социально-психологическое происхождение.

Семья, включая детей в свою психологическую структуру, обеспечивает тем самым их первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. «через

себя» вводит их в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от него и в будущем, вероятно, его дальнейшее отдаление от нравственных ценностей. В таком случае непроведение специальных воспитательных мероприятий может способствовать стойкому дезадаптивному существованию, сопровождаемому совершением преступлений для его поддержания. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку эти условия субъективно будут восприниматься как чуждые для данного индивида, не соответствующие его ведущим бессознательным мотивационным тенденциям.

Отвергание родителями ребенка может принимать формы безразличия, недостаточного внимания и эмоциональной холодности. Оно может протекать явно, даже грубо и цинично, в форме издевательств, оскорблений, побоев, не проявления элементарной заботы, открытого пренебрежения родителями своими обязанностями. В случае скрытого отвергания (оно может не осмысливаться и самими родителями), при внешнем внимании и заботе, обычно жестком контроле и опеке эмоциональные контакты также отсутствуют. Взрослея и пытаясь обрести психологический комфорт, ребенок, а затем подросток, начинает искать связи в неформальных группах сверстников, часто создающихся на антиобщественной основе. Такие группы обычно состоят именно из отвергнутых детей, они ищут и находят в этих объединениях коллективного отца, которого не смогли обрести в собственной семье, и не случайно так быстро попадают под влияние старших и более опытных людей. Поэтому стремление войти в подобные группы чрезвычайно велико, психологические связи в них крепки, несовершеннолетние легко усваивают групповые ценности и нормы, обычно расходящиеся с социально одобряемыми.

Выводы о криминогенной роли эмоциональной депривации ребенка в формировании мотивов будущего преступного поведения основываются на известном положении о том, что семья имеет центральное значение для

развития личности. Каждый ее член естественным, спонтанным образом выполняет определенную роль в удовлетворении жизненных потребностей ребенка. В первый период – это мать, которая за ребенком не только ухаживает, но и предоставляет ему первые интенсивные эмоциональные стимулы, нянча его на руках, лаская, улыбаясь ему, разговаривая с ним.

Значение отца, представляющего определенный тип поведения, символ организации, а также источник уверенности и авторитета, осознается в более позднем возрасте, но оно существенно уже в ранние годы. У насильственных преступников, по моим наблюдениям, в детстве часто складывалась такая ситуация: властная, строгая, неласковая мать и слабохарактерный, безвольный отец, к тому же постоянно пьющий. На помощь такого отца подросток обычно не рассчитывает, даже если его часто обижают сверстники, а иногда очень жестоко избивают. Более того, он не может найти психологическую опору в отце и в последующей жизни.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод; альтруистическое отношение матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности, что помогает ему расширить позитивные контакты с другими лицами. Отсутствие такого отношения со стороны матери заставляет предположить возникновение ощущения угрозы, исходящей от среды, даже страха смерти.

Отметим следующее обстоятельство, важное для понимания любого поведения, преступного в особенности. Давно замечено, что человек, испытывающий психологический комфорт, редко задумывается над тем, что именно и какие внешние обстоятельства вызывают столь приятное состояние. Иное дело существование, даже кратковременное пребывание в психотравмирующих условиях. Здесь, напротив, он начинает искать то, что мешает ему жить, причиняет беспокойство, доставляет неприятные переживания. Этот поиск психологически накрепко связывает его с окружающими личностями и событиями, ставшими источником его бед. Если неблагоприятное влияние длительно, то со временем индивид попадает в

жесткую зависимость уже от собственных переживаний по поводу указанных внешних обстоятельств. Такая зависимость начинает определять его поведение, и именно она качественно, отличает преступников, в первую очередь насильственных, от не преступников. Остро, но однозначно реагируя на нежелательные воздействия среды, правонарушитель не видит иного выхода из создавшейся ситуации, кроме преступного.

Чем выше зависимость человека от собственных переживаний и чем болезненнее они, тем вероятнее совершение им безнравственных поступков. Есть основания думать, что эта личностная особенность формируется в раннем детстве, если ребенок лишен естественной родительской (в первую очередь материнской) теплоты и защиты. В этом случае он ищет причины своего беспокойства и тревоги, с этих позиций оценивает складывающиеся ситуации и со временем попадает под определяющее влияние тех психотравмирующих переживаний, которые возникают в неблагоприятных условиях.

Следует подчеркнуть, что отчуждение ребенка не фатально приводит к преступному насилию. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения и тем самым скорректировать его поведение. Однако психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств, главным образом, и формируют мотивы преступного поведения отчужденных личностей. Поэтому эти факторы могут рассматриваться в качестве первопричин, исходных побудителей такого поведения.

Таким образом, условия раннего воспитания ребёнка обязательно сказываются на всей его жизни¹⁷. Это воспитание с точки зрения

¹⁷ Э. Эриксон очень точно заметил, что ребёнок точно также контролирует и воспитывает свою семью, как и она его. Семья может воспитать ребёнка только в том случае, если сама будет воспитана ребёнком. Развитие ребёнка состоит из серии вызовов, которые он бросает своему окружению для того, чтобы оно обеспечило развитие его впервые возникающих потенциальностей, связанных с социальным взаимодействием (См.: Э. Эриксон. Идентичность: юность и кризис. М., 1996, с. 105).

предъявляемых к нему требований должно максимально обеспечить адаптацию личности к условиям социальной жизни и выполнению социальных норм, в первую очередь, нравственных. Криминогенное влияние на личность ребёнка или подростка заключается в стихийном или целенаправленном формировании антисоциальных, аморальных качеств, либо в непротивлении формированию таких качеств. Трудно представить себе ребёнка или юношу, который должным образом воспримет моральные ценности от человека, который не обеспечивает ему защиту и с которым у него нет тёплых эмоциональных связей.

То, что у человека с детства сформировались высокая тревожность и ожидание беды, вызывает к жизни особую мораль, в которой, в том числе, на протяжении дальнейшего существования, отсутствует чувство стыда и вины за совершённые общественно-опасные действия, не возникаю страдания и самоупрёки. Как показали наши исследования (совместно с Е.Г. Самовичевым) страдания у преступников возникают, в основном, из-за переживаемых ими лишений. Переживаемые страдания как бы «искупают» их вину, но, согласно их внутренней, но бессознательной логике, нельзя испытывать вину перед людьми, которые психологически далёки и не вызывают никаких положительных эмоций. Оказалось также, что в детстве и юности родители преступников не воздействовали на страдания своих детей, что позволило последним выражать их более непосредственно. Можно предположить, что в неблагополучной среде детства отвергнутых личностей им позволялось открытое выражение страдания, а поэтому они не овладевали такими состояниями. В будущем, когда перед ними начинала возникать проблема статуса и самооценки, страдание не становилось несовместимым с названными проблемами.

В ситуации переживания чувства вины у взрослых преступников можно наблюдать снижение интенсивности переживания чувств страдания и страха. Однако чувство вины возникает у преступников очень редко – ведь нельзя же винить себя перед миром, который ещё с детства ощущался злым,

вероломным, жестоким.

Если формирующейся личности требуется защита, которой не оказывается, если она тревожна и неуверенна в себе и это становится стойкой её чертой, в таком качестве ей трудно, а подчас и невозможно принять себя. Это означает, что она в принципе не согласна с тем, что собой представляет в собственных же глазах. Её Я-концепция всегда будет ущербной, а для того, чтобы принять себя, человек может утверждаться и особенно самоутверждаться разными способами, в том числе, аморальными и противозаконными. Последнее становится очень возможным, если его моральным воспитанием вообще никто не занимался, либо занимался тот или те, с которыми он не имел необходимых эмоциональных связей. Мой личный опыт обследования преступников показал, что значительное большинство из них воспитывались деспотической, жесткой матерью при пассивном отце или отца вообще не было, а в других случаях воспитанием не занимался никто.

Вернёмся к чувству вины, которое имеет едва ли не ведущую роль в развитии нравственности и в филогенетическом, и в онтогенетическом аспектах. Его дефектность или отсутствие справедливо расценивается как серьезное нарушение нравственного сознания и структуры личности в целом. Неспособность человека переживать чувство вины за совершённый поступок резко затрудняет возможность воспитательного воздействия, а для него самого – возможность критического отношения к своему поведению, его переосмысления и перестройки, что, как известно, имеет первостепенное значение для исправления и перевоспитания преступников.

Если определить общую ситуацию возникновения чувства вины, то можно сказать, что вина возникает при неправильном действии. Человеку свойственно переживать вину, когда осознаёт, что нарушил некоторое правило или преступил границу своих собственных убеждений. Психологическое содержание переживания вины состоит, прежде всего, в самоосуждении своего поведения, независимо от отношения к нему других людей. Способность же к самоосуждению основывается на том, что человек может принимать личную

ответственность за своё поведение. Поэтому чувство вины возникает лишь в тех ситуациях, когда человек осознаёт ответственность за свои действия.

Наиболее существенным для возникновения переживания чувства вины является наличие у индивида некоторых достаточно жёстко сформированных ещё с детства критериев оценки своих действий, как «правильных», так и «неправильных». Эти критерии должны быть включены в структуру личности, войти в содержание её «Я». Вина возникает, когда актуальные действия противоречат этим критериям. Первоначально, на ранних этапах развития личности, чувство вины как межличностное отношение, результат распределения между членами группы власти и ответственности.

Вместе с тем, как отмечал К.Г. Юнг, психика раннего детства есть в известном смысле только часть материнской психики, а позже, вследствие общности психологической атмосферы в семье, также и отцовской психике. Первое психическое состояние есть состояние слитности с психологией родителей. Собственная психология наличествует лишь в зачаточном виде. Именно поэтому нервные и психические нарушения у детей вплоть до среднего школьного возраста основаны, можно сказать, исключительно на нарушениях психической сферы родителей. Трудности во взаимоотношениях родителей непременно отражаются в психике ребёнка и могут вызвать в ней прямо-таки патологические нарушения¹⁸.

В первые месяцы жизни у ребёнка вообще нет Я-концепции, она начинает формироваться одновременно с процессом отделения себя от окружающего мира. Это долговременный процесс и если чувство вины не свойственно названному миру, оно не становится частью личности ребёнка. В процессе развития ребёнок формирует способность к переживанию чувства вины как черты своей личности. Если этические критерии оценки индивидом своего поведения не достигают уровня характерологического образования, то чувство вины возникает ситуативно; но если оно достигает уровня черты личности, то проявляет себя практически во всех формах её

¹⁸ См.: Юнг К.Г. Конфликты детской души. М., 1995. С. 57.

функционирования, являясь постоянным контролирующим компонентом сознания личности.

В проведённом нами исследовании ставилась задача проследить особенности чувства вины у лиц, осуждённых за насильственные преступления, выявить некоторые генетические корни этого чувства, сопоставить его со способностью и спецификой переживания вины правопослушными гражданами. Для этого нами было опрошено репрезентативное количество лиц, осуждённых за убийства, а также законопослушных граждан (контрольная группа). Кроме того, преступники изучались с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кеттела.

В отношении преступников вообще, и насильственных в том числе, нередко высказываются мнения об их сниженной способности к переживанию вины по сравнению с правопослушными гражданами. Это проявляется в отношении к совершенному преступлению: очень многие считают себя частично или полностью невиновными, перекладывая вину на обстоятельства, потерпевшего и пр. Именно эмпирические наблюдения и заставляют предполагать у них сниженную способность к переживанию вины.

Наши данные показывают несколько иную картину. Среди всех обследованных по методике Р. Кеттела осуждённых, для 71% наиболее выраженным оказался фактор, обозначаемый как «склонность к чувству вины».

Таким образом, у осуждённых за насильственные преступления выявляется противоречивая позиция: 1) склонность к отрицанию вины за совершенное преступление и 2) склонность к переживанию вины как черта личности. Полагаю, что данное противоречие возникает в основном за счет того, что оцениваются, в сущности, разные явления. В первом случае преступник отрицает, собственно, не свою вину, а внешнее обвинение. Отрицание может иметь смысл психологической защиты, защиты от осознания себя единственным источником преступных действий. Мы же, со стороны, воспринимаем его защиту как отрицание своей вины, что является весьма

неточным. Нельзя забывать коренные различия между понятием вины в уголовном законе и субъективным пониманием вины.

Во втором случае оценивается не отношение личности к деянию, а некая личностная черта. Сущность данной черты для лиц с криминальными формами поведения Р. Кеттел и его соавторы оценивают, как способность переживать чувство вины после совершения проступка. Для этих лиц переживание вины скорее реакция на слабость собственных сдерживающих, контролирующих психических образований, но не реакция на внешнее обвинение. Люди с высоким значением фактора «склонности к чувству вины находятся как бы в постоянном конфликте со сдерживающим влиянием своих моральных убеждений. Поэтому можно предположить, что для них криминальный акт очень часто – весьма травматичный психологический «проигрыш». Отрицание (полное или частичное) своей вины за проступок может быть формой защиты от очевидности своего нравственно-психологического «краха». Исходя из этих соображений, отрицание вины у характерологически «виновной» личности не является столь неожиданным и парадоксальным. Я бы сказал, что это «две стороны одной медали».

2. Родительское влияние на ребёнка в период пренатального (внутриутробного) развития и родов

Нравственное воспитание пронизывает все стороны и периоды жизнедеятельности человека, поэтому нельзя оставлять без внимания особенности нравственного родительского влияния на ребёнка также на стадии его пренатального развития.

Для понимания важности нравственного воспитания детей, ответственной родительской позиции в процессе заботы о ребёнке и антикриминогенного значения этих факторов, необходимо установить причинно-следственную связь между процессом формирования личности правопослушного человека и особенностями его воспитания в семье, что предполагает изучение всего процесса индивидуального развития человека.

Говоря об индивидуальном развитии человека, в первую очередь, имеется в виду процесс формирования и развития его личности. Личность представляет неповторимую комбинацию взятых в единстве антропологических и социально-психологических характеристик человека. Она рассматривается в единстве соматической структуры, типа нервной деятельности, познавательных, эмоциональных и волевых процессов, потребностей и направленности, проявляющихся в переживаниях, суждениях и поступках.

Рассматривая надлежащее нравственное воспитание семьи на ранних этапах развития личности, которое лежит в основе её антикриминогенного воздействия, за основу была взята возрастная периодизация Л.С. Выготского¹⁹. Опираясь на указанную периодизацию, надлежащее нравственное воспитательное воздействие семьи, а также семья как антикриминогенный фактор в предупреждении отклоняющегося поведения детей, исследовались нами в период младенческого возраста (от момента рождения до 1 года), раннего детства (с 1 года до 3 лет), дошкольного (с 3 до 7 лет) и раннего школьного возраста (с 8 до 14 лет).

С целью дальнейшего развития идеи ученых о возможности эффективного воспитательного воздействия родителей на человека в период его внутриутробного развития и проанализировать возможность антикриминогенного влияния семьи на ребенка на этой стадии, нами был рассмотрен и ещё один важный, на наш взгляд, этап – пренатального или внутриутробного периода развития человека.

В ходе исследования проблемы мы исходили из знания, что движущими силами формирования личности являются противоречия, проявляющиеся в биологических, социальных и духовных закономерностях развития человека.

Среди биологических факторов, влияющих на внешний облик ребенка, его телосложение, конструкцию мозга, свойства нервной системы, способность ощущений и эмоций, определяющим является наследственность.

¹⁹ См.: Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб.: СОЮЗ, 1997. С. 21.

Благодаря наследственности человек сохраняется как природное существо, она предопределяет индивидуальные физические и некоторые психические качества, передаваемые детям родителями.

В работах отечественных криминологов, в частности, Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой и других отводится достаточно серьезное внимание вопросам выявления так называемых психобиологических предпосылок асоциального поведения, тех неблагоприятных свойств психики и организма, которые затрудняют социальную адаптацию индивида, а значит, создают возможность возникновения отклоняющегося поведения.

Однако причины самих психобиологических предпосылок указанного поведения кроются на ещё более глубоком уровне.

Объяснение механизма возникновения индивидуальных особенностей человека, а также его поведения сегодня пытаются раскрыть современные знания эпигенетики. Эпигенетика, являясь разделом молекулярной биологии, изучающей наследование функций гена, не связанных с первичной структурой ДНК, была названа одной из 10 технологий века, которые уже в ближайшем будущем могут оказать наибольшее влияние на человеческое общество²⁰. Мы полагаем, что знания эпигенетики весьма интересны для расширения научного познания криминологии и, возможно, в недалеком будущем она сможет послужить целям изучения причин преступного поведения и предупреждения преступности.

Наблюдая за деятельностью генов, ученые-биологи пришли к выводу, что за индивидуальные различия человека отвечают в большей мере, не генетические, а эпигенетические факторы. То есть родители при зачатии передают детям определенную генетическую информацию (какие гены, когда и как долго должны быть активными), однако реализация этой программы

²⁰ См.: Бюллетень Technology Review, издаваемый Массачусетским Технологическим Институтом (Massachusetts Institute of Technology). URL: info@gipp.ru. <http://www.gipp.ru>.

напрямую зависит от эпигеномов²¹. И если гены невозможно изменить под воздействием окружающей среды, то эпигеном человека достаточно легко могут изменять влияния извне. Любые факторы окружающей среды (качество пищи, курение, спиртные напитки, экология, материнские эмоции, отношение к человеку, которому только предстоит родиться и многое другое) способны повлиять на эпигеном человека и изменять механизм включения и выключения генов. Эпигеном человека тонко реагирует на вредные воздействия любого происхождения. Например, алкоголь, курение родителей расстраивают надгенетическую структуру, вызывая физические и психические нарушения в развитии ребенка, отрицательно воздействуя в процессе наследования в течение многих лет.

Иными словами, что бы ни наследовал человек генетически, реализация его генетической программы зависит от обратимых изменений эпигенома под воздействием внешних условий. «Будничные вещи, вроде питания и поведения отражаются на клетках зародышевого пути, вследствие чего благоприобретенные химические модификации ДНК передаются по наследству»²² детям, а иногда и их потомкам на протяжении нескольких поколений.

Таким образом, если носители наследственности – молекулы ДНК способны реализовать закодированную в них биологическую программу развития только в том случае, когда человек здоров морально (духовно) и физически, когда вредные воздействия не заставляют эпигенетические маркеры блокировать реализацию индивидуальной генетической информации (программы), то развитие плода в период беременности во многом определяется физическим и моральным состоянием родителей, вниманием и заботой их друг о друге, а также о ребенке, которому только предстоит родиться.

Результаты исследований эпигенетики позволяют сделать вывод об

²¹ Эпигеном – совокупность эпигенетических маркеров – химических группировок, обратимо модифицирующая молекулу ДНК или гистона.

²² Эпигенетика // ГЕО № 7. Там же.

определенной степени свободы человека от «генетической данности», в то же время наделяют его новой ответственностью за собственную судьбу и судьбу своих потомков, если учесть, что наследственность как фактор формирования свойств личности находится в существенной зависимости от социальных и нравственных условий жизни человека.

Таким образом, приводимые эпигенетикой доказательства того, что «люди обладают властью над геномом»²³, свидетельствуют о том, что человек может контролировать «генетический материал», передаваемый им по наследству, то есть создавать условия для рождения физически и психически здоровых детей, не в научной лаборатории, а в обычной жизни.

Мнение о том, что телесное и психическое здоровье ребенка, особенности его поведения в известной мере зависят от различных факторов, действующих на него еще в период внутриутробной жизни, находит подтверждение в результатах многочисленных научных исследований.

Так, по данным наблюдения за 1 500 женщинами-роженицами, приведенным Ф.Г. Угловым, показали, что различные отклонения в организме детей наблюдаются у 2% непьющих матерей, у 9% умеренно пьющих и у 74% матерей, злоупотребляющих спиртными напитками²⁴. А, как известно, многими учеными отмечается наличие связи физического и психического состояния человека и возможной его противоправной реализацией в течение жизни.

Эксперименты над животными, проводимые в настоящее время физиологами, исследующими развитие эмбриона, также показывают, что стрессы и психические травмы, переживаемые матерью в период беременности, губительны для будущего организма животного. Например, потомство кроличьих, подвергнувшееся сильным психотравмирующим стрессам в первой половине беременности, страдает серьезными дефектами организма и центральной нервной системы. У тех же, кто испытал подобные

²³ Эпигенетика // ГЕО № 7. июль 2007. С. 133.

²⁴ Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. С. 60.

стрессы во второй половине срока, рождается физиологически ослабленное потомство, страдающее отставанием в развитии и часто подвергающееся различным заболеваниям.

На основании этих и подобных исследований, учёные делают выводы о том, что неблагоприятная обстановка в окружении, семье или на работе, приводящая к нервным расстройствам и потрясениям, оказывает вредное влияние на потомство.

Интересные результаты исследований обнародованы в Московском манифесте перинатальной и пренатальной психологии и медицины, который обсуждался на Всемирном конгрессе «Внутриутробный ребенок и общество. Роль пренатальной психологии в акушерстве, неонатологии, психотерапии, психологии и социологии». В манифесте указывалось, что «пренатальная, перинатальная и ранняя постнатальная стадии развития в большей степени определяют биологическую и психологическую структуру личности. Пренатальный период, в частности, влияет на формирование мозга»²⁵.

Предположения о том, что ребенок еще до рождения что-то понимает и ощущает, получили научное подтверждение благодаря достижениям науки и техники, позволившим заглянуть в полость матки. Возникла и дородовая (пренатальная) психология, основателем которой в 1971 г. стал доктор Густав Ханс Грабер (Gustav Hans Graber). Многочисленные исследования пренатальной психологии позволили установить, что задолго до рождения ребенка его органы чувств уже способны воспринимать информацию из окружающего мира (внешнего мира для его матери) и фиксировать в памяти эту информацию²⁶.

Наиболее волнующим общественность был, конечно же, вопрос о функции головного мозга ребенка, находящегося в пренатальном периоде своего развития. Исследования ученых показали, что структура мозга младенца с 24-28 недель от зачатия соответствует его структуре у

²⁵ Манифест пренатальной психологии. // Человек 6/2007. С. 181.

²⁶ См.: Влад Лившиц. Жизнь до рождения. URL: // www.proza.ru/texts/2007/06/01-88.html.

доношенного ребенка и взрослого человека. С момента своего формирования мозг участвует в регуляции функций всех органов и систем не родившегося ребенка. Органы чувств, тесно связанные с мозгом, по мере формирования начинают полноценно функционировать и воспринимать раздражители.

Были изучены и пути психического взаимодействия матери и ее плода. Наиболее ярким по своим проявлениям оказался поведенческий путь, это подтверждается тем, что ребенок чутко улавливает любое поведение своей мамы и индивидуально реагирует на него.

У неродившегося ребенка, как предполагается, уже имеется сознание, которое отчетливо фиксируется, начиная с шестого месяца внутриутробного развития. Есть гипотеза, что полученная неродившимся ребенком информация фиксируется в его памяти. Эта информация в сочетании с генетической, обуславливает психологические и поведенческие особенности человека после его рождения и «работает» на протяжении всей взрослой жизни.

Как видно, с момента зачатия главную роль в развитии нового человека играет его родители и семья. Поэтому первое воспитательное влияние родителей и семейного окружения на человека, которому еще только предстоит родиться, должно начаться с понимания рассмотренных явлений и закономерностей, и продолжиться в осознанной заботе родителей, особенно матери о сохранности собственного физического и психического здоровья, как в период беременности, так и задолго до него.

Мы полагаем, что, в первую очередь, женщина должна воздерживаться от употребления никотина, наркотиков, токсических веществ, крепких алкогольных напитков, придерживаться правильного образа жизни и здорового питания; а ее семейному окружению целесообразно позаботиться об ограждении женщины от стрессов и сильных негативных переживаниях в период беременности.

Одним из губительных воздействий на психику ребенка является нравственная деградация родителей, проявление которой мы видим, в том числе, в неприятии матерью зачатого ею ребенка, её сомнениях по поводу

необходимости сохранения беременности и нежелании родов. Эмбриологические исследования подтверждают, что нарушения развития ребенка могут проистекать также из неадекватного поведения матери в предродовой период.

Период пренатального и перинатального развития человека особенно важен еще и потому, что связан с закладыванием психических матриц (клише, штампов) и моделей поведения, определяющих возможности и способности будущего человека, в том числе к социализации (так, первая и вторая матрицы связаны с формированием подсознания человека во время беременности его матери)²⁷.

Основателем теоретической базы перинатальной психологии считается С. Гроф (Stanislav Grof), который вывел теорию перинатальных матриц. На основании его теории, у человека перинатальные события фиксируются в виде четырех базовых матриц, соответствующих процессу беременности, родов и послеродового периода.

Базовая пренатальная «матрица наивности» формирует жизненный потенциал человека, его возможности, способности к адаптации, причем у желанных детей базовый психический потенциал выше. «Матрица наивности» формируется с момента начала родовой деятельности до момента полного или почти полного раскрытия шейки матки. Ребенок частично регулирует свои роды выбросом собственных гормонов в кровотоки матери. Родостимуляция формирует патологическую матрицу жертвы. «Матрица борьбы» характеризует активность человека в моменты жизни, когда от его активной, или выжидательной позиции ничего не зависит. «Матрица свободы» начинается с момента рождения и завершается в период семи дней после рождения, либо в первый месяц, или в течение всей жизни. (Если ребенок был разлучен с матерью после рождения, то свободу и независимость во взрослой жизни он может расценивать как обузу).

²⁷ См.: Сибиряков С.Л. Допреступные и криминальные отклонения в поведении детей и подростков / С. Л. Сибиряков; Изд-во ВолГУ, 2001. С. 15, 16.

С. Гроф также выявил события, способные приводить к формированию негативных матриц. Вот лишь некоторые из них.

«Нежеланные дети». У нежеланных детей обнаруживается целый ряд психологических особенностей. Они конфликтны, стремятся выделиться, обратить на себя внимание, что является способом их самоутверждения, они склонны к асоциальным поступкам (хулиганское поведение, вхождение в преступные компании). Нежеланные дети, прошедшие в лоне матери первую школу ненависти и отвержения, сохраняют это чувство и проявляют его с различной частотой и эффектом.

«Изменение сексуальной ориентации». Если у родителей, во время беременности матери, было сильное желание иметь ребенка определенного пола, но пол ребенка не совпал с их желанием, то в последующей жизни у человека может обнаруживаться поведение, более характерное для человека противоположного пола.

«Кесарево сечение». Исследования показали, что эта распространенная медицинская операция впоследствии оказывает глубокие изменения в поведении человека. Можно предположить, что ребёнок, рождённый в результате кесарева сечения, бессознательно ощущает себя нежеланным и отвергнутым, что может порождать в нём страх перед жизнью и высокую тревожность, криминогенную значимость которых трудно переоценить.

Проведенные другими учеными исследования также доказывают, что существует соотношение между состоянием новорожденного и взрослого человека и отношением матери к ещё не родившемуся ребенку. Г. Роттман исследовал новорожденных, чьи матери во время беременности демонстрировали открытую враждебность к будущему ребенку, и тех, чьи матери демонстрировали амбивалентное (двойное: отвергание и одновременно принятие) отношение к ребенку в период беременности. В результате эксперимента было установлено, что состояние непрерывного параноидального напряжения у некоторых пациентов (уже во взрослом возрасте) является следствием именно внутриутробного отвергания.

Последнее утверждение представляется нам весьма важным потому, что среди лиц, осужденных за убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, немало таких, для которых характерно состояние напряжения, часто близкого к параноидальному. Это напряжение нередко способствует совершению насильственных действий, то есть подобные состояния представляют собой один из существенных элементов внутреннего психологического механизма преступного поведения²⁸.

Согласно статистическим опросам, женщины в период беременности психологически отвергавшие уже зачатых детей, амбивалентно к ним настроенные, составляли около 60% всех будущих матерей²⁹. Сегодня в условиях экономического, нравственного, социального кризиса, ситуация еще более осложнилась, о чем свидетельствуют результаты анализа эмпирических данных.

Так, в последние годы в нашей стране отмечен резкий рост нервно-психических заболеваний и самоубийств. Например, количество больных неврозами и расстройствами у нас выросло до 80%. По медицинской группе, где идут неврозы, психопатии, расстройства поведения, ежегодный прирост составляет – 40%. Появилась совершенно новая группа расстройств психики – социальные стрессовые расстройства³⁰. А число самоубийств превышает 60 тыс. человек в год. А.Г. Амбрумова прогнозирует 40-56 суицидов на 100 тыс. населения в России (в царской России было 3 суицида на 100 тыс.)³¹.

Следовательно, если в среднем более половины рожденных детей изначально ощущают свою нежеланность, тревожность за возможность своего существования, агрессию и эмоциональное напряжение своей матери, это может сказаться на соответствующих вероятных (не исключаемых)

²⁸ См.: Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений. Учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. С. 22–23.

²⁹ Там же.

³⁰ В докладе Уполномоченного по правам ребенка в городе Москве март 2004 г.

³¹ См.: Кандыба В.М. Криминальный гипноз: Что такое криминальный гипноз и пр. СПб: Изд. «Лань», 2001. С. 29–30.

«врожденных» особенностях отклоняющегося свойства более половины рождающихся людей. Врожденных не в том значении, который связан с генетической наследственностью человека, а в том, что затрагивает эпигенетические механизмы реализации наследственных программ, формируемых также в период внутриутробного развития человека.

Кроме психологического отвергания, криминогенный характер могут приобретать и иные чувства и отношения матери к ребенку в перинатальный период. Например, неадекватное отношение матери к вынашиваемому ребенку (злость, нежелание его рождения) может привести к так называемой в клинической практике «экзистенциальной тревоге», то есть к такому состоянию уже рождённого ребенка, которое характеризуется отсутствием у него ощущения безопасности, эмоционального комфорта, защищенности. Это одно из наиболее глубоких психологических образований, приводящих позже к девиантным и патологическим изменениям личности.

Возникающая в отношениях «мать-ребенок» тревога порождается внешними или внутренними факторами и может вызвать реакцию страха³². Чувство страха, возникающее в момент первоначального, еще только зарождающегося ощущения своего «Я», обладает несомненной криминогенностью, поскольку может приводить к распаду целостности ощущения своего «Я». Это приводит к тому, что впоследствии внешние, особенно социальные факторы, такие как родительское влияние (в том числе воспитательного характера) отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять. Ребенок не включает эти факторы в свое «Я», поскольку сам недостаточно был включен в структуру той социальной среды, в данном случае семьи, которая это «Я» и создает.

Эти внешние социализирующие факторы позже могут ощущаться и восприниматься как деструктивные, то есть угрожающие целостности личности и ее безопасности. Результаты специального исследования по изучению конкретных преступников «позволяют предположить, что многие

³² См.: Кандыба В.М. Указ соч. С. 23.

насильственные преступные действия имеют субъективный смысл защиты от внешней угрозы, которой реально может и не быть. С таких позиций становится более понятным, почему многие насильственные преступления совершаются часто по, казалось бы, ничтожному поводу и носят характер неадекватных ему особо жестоких действий»³³.

Существует гипотеза, что недифференцированная и существующая на бессознательном уровне эмоция страха может сохраняться у человека на всю жизнь, принимая форму субъективного ощущения постоянной угрозы со стороны социального окружения, и играть активную роль в генезисе его насильственного преступного поведения. Это вовсе не означает, что эмоция страха неизбежно приводит к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь криминогенные последствия.

Не исключено, что именно «экзистенциальная тревога», реакция страха у ребенка и раскрывают механизм первичной детерминации появления у вполне хороших родителей «сложных» детей, которых труднее воспитывать, обучать, с которыми тяжелее находить взаимопонимание, которые сложнее включаются в процесс социализации, наконец, детей, у которых возникает в последствии отклоняющееся поведение.

В связи с этим можно констатировать существование в результате беспечности, незнания или равнодушия, неосознанного криминогенного воздействия семьи, в частности матерей на собственных детей. Следовательно, если прослеживается подобная причинно-следственная связь, то возможно говорить и об обратном процессе, при котором родители, учитывая вышеизложенное, способны оказывать антикриминогенное воздействие на своих детей, и, в том числе, целенаправленное. Таким образом, в решении проблемы управления эмоцией страха и прочими деструктивными и очень часто криминогенными эмоциями основную роль играет семья человека, особенно если это семья, обладающая нравственным воспитательным воздействием на детей. В большинстве случаев, именно окружение ребенка, в

³³ Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Указанная работа. С. 24.

первую очередь особенности его семейного воспитания, будут определять, в каких социальных направлениях реализуется указанная особенность личности.

На этом основании можно выделить второе, если не по значимости, то по хронологии воспитательное влияние родителей на своих детей – это абсолютное приятие, любовь, безусловное желание появления зачатого человека на свет. Заботясь о физическом и психическом здоровье своих детей, мать при поддержке своей семьи, должна осознавать лежащую на ней ответственность за будущего человека, живущего до определенного момента внутри нее, однако принадлежащего не только ей, но всему миру. На этом основании общество имеет право спросить у матери за ненадлежащее выполнение обязанностей по сохранности и развитию её ребенка – будущего гражданина.

В идеале, зачав ребенка, каждая женщина должна ожидать появления его на свет. Решив родить, женщина обязана любить своё дитя, давать ему почувствовать его личную необходимость миру и своим родителям, создавая максимальные условия физического, психологического и нравственного комфорта. И такая позиция – не только личное дело матери, в нашу эпоху этот вопрос, имеющий антикриминогенную значимость, должен стать заботой поистине государственной важности.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в большинстве случаев прослеживается причинно-следственная связь между физическим состоянием родителей, образом их жизни, особенностью окружения, комплексом эмоционально-психических отношений матери к будущему новорожденному и его дальнейшим психическим состоянием и возможным поведением в жизни.

Также можно проследить существование определенного криминогенного влияния некоторых эмоционально-психических отношений матери на человека в период его внутриутробного развития. А если возможно криминогенное влияние, то возможно и ему противоположное – антикриминогенное влияние семьи, в первую очередь, матери на этом самом

раннем этапе развития и формирования личности ребенка, которому только предстоит родиться. В этой связи ребенок в период своего внутриутробного развития может рассматриваться объектом профилактики возможного отклоняющегося поведения со стороны будущих его родителей.

Знания эпигенетики и других наук, а также результаты проведенных научных исследований, свидетельствующих о существенном родительском влиянии на человека в период его пренатального развития, могут иметь криминологическое значение и учитываться при разработке программ раннего предупреждения отклоняющегося поведения детей. Очевидно, что «контролировать генетический материал», позитивно влиять на формирование психического и физического здоровья детей, которым только предстоит родиться, можно лишь осознанно, а, следовательно, осуществить это по силу лишь определенным образом подготовленному человеку, обладающему не только знаниями, но и соответствующими моральными качествами. Изменить же сформированную личность взрослого безнравственного человека, заставив его грамотно использовать особенности эпигенома или знания наук, практически не возможно. Поэтому нам представляется необходимым создание системы предупреждения правонарушений, основанной на долгосрочном планировании предупредительных мер, разрабатывающей и внедряющей программы нравственного воспитания человека. В основу этих программ, что следует из вышесказанного, должно быть положено нравственное воспитание человека с самого раннего возраста. Реализация этих программ должна осуществляться посредством включения их в образовательный стандарт, начиная с детского сада и начальной школы. Именно нравственное воспитание ребёнка как будущего родителя, воспитание у него ответственного родительства с самых малых лет станет главной предпосылкой не только рождения у него в будущем здоровых детей, но и станет мерой самого раннего предупреждения социального сиротства и противоправного поведения.

3. Семейное окружение ребёнка и подростка

Семья – основной социальный элемент, на котором строится общество, по праву считается одним из самых древних и фундаментальных институтов социума, придающим ему стабильность. Значение семьи подчёркивается пристальным вниманием к вопросам защиты и регулирования деятельности семьи со стороны общества и государства, выраженным через многочисленные правовые акты.

Проблема семьи всегда привлекала криминологов в связи с исследованием причин преступности, отклоняющегося поведения, в частности, преступности несовершеннолетних. Ученые неоднократно указывали на тесную взаимосвязь неблагополучия семьи и преступного поведения. Вот почему исследование основных криминогенных факторов следует начинать с исследования семейного окружения преступника в его детстве и отрочестве.

Новорожденный является в мир уже способным интерпретировать сенсорную информацию, реагировать на окружающую среду и даже выступать как активное начало во взаимодействии с другими людьми. Зрительные способности позволяют новорожденному вступать в контакт со своим физическим и социальным окружением уже вскоре после рождения. Способность различать цвет, форму, человеческие лица является первым проявлением психосоматического реагирования, которое в будущем составит основу процесса осознания себя в окружающем мире и всего мироздания.

Появившийся на свет маленький человек развивается как личность под воздействием социальных факторов – окружающей среды, которые «накладываются» на факторы биологические. Окружающая среда способствует развитию и формированию ребёнка наиболее эффективно, если она хорошо построена и в ней господствуют гуманные отношения, созданы условия социальной защиты ребенка.

В понятие «среда» входит сложная система внешних обстоятельств, необходимых для жизни и развития человеческого индивида. К этим

обстоятельствам относятся как естественные, так и общественные условия его жизни. Среда ближайшего окружения, или микросреда, – это часть социальной среды, состоящая из таких элементов, как семья, школа, друзья, сверстники, близкие люди и т. д., но в первую очередь, для большинства людей – это семья.

Значительное влияние семейного воспитания на становление личности отмечалось учеными много лет назад, такое мнение имеет место и сегодня, и это находит свое объяснение в особенностях процесса индивидуального развития человека. Многочисленные исследования в этой области подтвердили данный факт.

В начале XX века в США, а затем в странах Европы, появились дома ребенка современного типа. Для одиноких и брошенных детей это было бесспорным благом, ведь раньше таким детям попросту грозила смерть. Вскоре, однако, ученых обеспокоила печальная статистика: большинство детей, поступавших в дома ребенка, не достигнув года, умирали. Происходило это по непонятным причинам: веселый и здоровый малыш переставал улыбаться няне, терял аппетит, худел, часто плакал. Усиленное кормление не помогло решению проблемы. Обнаружить неизвестный микроб, уносящий жизни детей, ученым так и не удалось, но детей изолировали друг от друга, поместив в маленькие боксы. Лишь после того, как количество «заболеваний» в одиночестве резко увеличилось³⁴, ученые обратили внимание, что симптомы болезни очень напоминают обыкновенную тоску и печаль, которые испытывает человек, потерявший близких.

Проблему решила няня одного из детских домов Германии, которая смогла быстро вылечить самых безнадежных больных. Она привязывала ребенка к себе на спину и постоянно была с ним. Постепенно симптомы болезни исчезали, и ребенок выздоравливал. Ребенка рассматривали с позиций биологического организма, а ему, оказывается, мало быть просто сытым,

³⁴ Райгородский Д.Я. Ребенок и семья. Учебное пособие по детской и возрастной психологии для факультета психологии, педагогики и социальной работы. Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2002. С. 15, 16.

одетым и ухоженным. Ученым стало ясно, что ребенку необходимо и общение со взрослым человеком, и забота, и нежность, и человеческое тепло. Смотреть на взрослого, видеть его улыбку, слышать его голос, ощущать его – вот те лекарства, в которых нуждался маленький человек. Проведенные в последующем исследования закрепили этот вывод.

Французский ученый Рене Спиз изучал детей в домах ребенка и в хороших ясельных учреждениях с большим количеством персонала. Дети из домов ребенка сильно отставали в психическом развитии, а к двум годам многие из них умерли от «госпитализма». Ясельные дети развивались нормально. Он пришел к выводу, что самый опасный и уязвимый возраст – от 6 до 12 месяцев. В это время ребенка ни в коем случае нельзя лишать общения с матерью, в крайних случаях ее надо заменить другим человеком. Так в психологии появилось новое понятие – потребность в общении, а болезнь, возникавшую при дефиците общения, назвали «госпитализмом».

Самой главной причиной, способствующей формированию у детей таких черт, как замкнутость, постоянная тревожность, настороженность, является разлука с родителями. Анна Фрейд с сотрудниками изучала группу сирот в возрасте 6 месяцев, попавших в концентрационный лагерь. У этих сирот не было ни одного близкого существа, к которому у них могло бы возникнуть чувство привязанности. В отсутствие близкого человека теплые отношения сложились у них только между собой, и ни к кому из взрослых они не относились с такой же нежностью и доверчивостью, как друг к другу. Взаимная привязанность была столь сильной, что дети испытывали неподдельную тревогу, если их разлучали даже ненадолго.

Действительно, самый ранний возрастной период имеет очень большое значение в процессе формирования личности и относится к сензитивному. В детской психологии возрастные периоды, повышенной чувствительности, оказывающиеся наиболее благоприятными для развития тех или иных психических функций, называются сензитивными периодами³⁵.

³⁵ См., например: Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч., т. 2. М., 1982. С. 235–255.

Весьма интересную мысль в отношении особенности сензитивного периода у людей с отклоняющимся поведением высказывает Л.Б. Филонов. Он пишет: «По-иному складывается личность, у которой в те или иные сензитивные периоды возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей судьбы социально-психологические новообразования...создаются аномальные личностные структуры и искаженные контуры отдельных сторон личности... Аномальное качество все более укрепляется в системе личности и продолжает развиваться уже при отсутствии тех факторов, которые некогда вызывали его к жизни»³⁶.

Определенный вклад в наши представления о развитии ребенка внесли этологи, уделяя особое внимание ранним, врожденным образцам поведения младенцев. На примере утят этолог Конрад Лоренц раскрыл механизм «запечатления» (импринтинга). Суть импринтинга состоит в том, что новорожденное животное начинает следовать за однократно экспонированным ему другим животным, этот объект сразу же запечатлевается в его психике, такое запечатление необратимо и детерминирует последующее поведение взрослого животного. Это явление возникает только в течение определенного периода исключительно на самых ранних стадиях жизни.

Конрад Лоренц впервые предположил, что механизм импринтинга человека и животных аналогичен по своей психической природе, у ребенка также в процессе запечатления происходит усвоение объектов и отношений с ними. В случае, если импринт-объект демонстрируется не сразу после рождения, а по прошествии некоторого времени, запечатление не наступает, зато возникает реакция страха (реакция страха в сензитивный период может иметь как позитивные, так и негативные аспекты).

С отрицательной стороны, эмоция страха, бесспорно, является травмирующей для ребенка, порождает тревогу и реакцию избегания. В этой связи реакция страха представляет несомненный криминологический интерес

³⁶ Филонов Л.Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением. / Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 339–340.

потому, что как уже отмечалось ранее, именно она часто является одной из наиболее характерных в психологической структуре лиц, осужденных за убийства.

Еще одним антикриминогенным семейным воздействием является то, что возникновение рассматриваемой реакции страха можно успешно избежать при ответственной позиции родителей, проявляющих заботу, внимание и любовь к своему ребенку. Так, многие ученые (Х. Мольтц, А.Д. Слоним)³⁷ сходятся во мнении, что импринтирование объекта снимает, или редуцирует состояние тревоги, страха, которые свойственны организму на самых ранних этапах онтогенеза. Иными словами, любой объект в период раннего детства, окружающий ребенка, проявляющий к нему внимание и заботу, порождает у маленького человека сенсорные и органические процессы, которые имеют для него огромное значение и обладают статусом безусловного доверия.

Влияние семьи на предупреждение возможных будущих отклонений в психике и поведении детей, проявляющееся в заботе и любви к ним, устанавливаются эпигенетикой. Профессор психологии из Монреаля Майкл Мини, работая над научными исследованиями, пришел к выводу об эпигенетических причинах некоторого вида поведения.

Майкл Мини много лет искал объяснение странным наблюдениям: крысята, которых мать усиленно вылизывала, проявляла заботу, выросли уравновешенными и смелыми. Новорожденные, о которых мать заботилась меньше, вырастая, становились нервными и пугливыми.

У «нелюбимых» крысят решающий ген был выключен, в то время как у «балованных» детёнышей заботливое поведение крысы-матери фактически вводило в действие эпигеном, позволяя реализовывать заложенную генетически программу жизненного поведения. опыты Мини и его коллег показали, что эпигеном млекопитающих подвергается изменению не только на фазе развития, но и в более зрелом возрасте, а это значит, что существует возможность воздействия на него различными условиями внешней среды на

³⁷ Слоним А.Д. Среда и поведение. Л., 1976. С. 68–76, 83.

протяжении всей жизни. Особенно же сильно это воздействие может проявляться в самом раннем возрасте³⁸.

Поэтому сохраняет научную ценность утверждение А.С. Макаренко о том, что важнейшей содержательной стороной семейной жизни и семейного воспитания является взаимная любовь родителей, любовь родителей к детям и детей к родителям. Он писал: «Если вы желаете родить гражданина и обойтись без родительской любви, то будьте добры, предупредите общество о том, что вы желаете сделать такую гадость. Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди»³⁹. Работая с трудными подростками, А.С. Макаренко вкладывал в понятие «искалеченные люди» интересующий нас смысл. «Искалеченность» в его понимании выражалась в, разного рода, психических, нравственных и поведенческих отклонениях личности.

Все это свидетельствует о важности семейного, родительского отношения в процессе формирования человека. Забота, внимание, любовь родителей к детям имеет не только важное общечеловеческое, но еще и антикриминогенное значение. Любые контакты родителей с детьми оставляют след в подсознании, сознании и психике последних.

Эксперименты показывают, что общение родителей и детей отражаются даже на уровне физиологии, сопровождаясь специфическими физиологическими реакциями. Например, 5- и 9-месячные малыши столь быстро и активно вовлекаются в обмен улыбками, что у них тут же возрастает и двигательная активность, и частота сердцебиений.

Наихудшие последствия для эмоционального развития ребенка имеет его разлука с матерью и воспитание в доме младенца через полгода, год после рождения, т. е. в период, когда достигает пика чувство привязанности. Если дети, воспитывающиеся в домах младенца, приютах и т. п., были лишены возможности поддерживать стабильные отношения с одним взрослым, ухаживающим за ними, то они не способны к крепкой привязанности, как не

³⁸ См.: Геном человека и Эпигенетика. Стенограмма передачи. «Радио свобода» URL: // www.svoboda.org/programs/tw/2005/tw.031105.asp.

³⁹ Макаренко А.С. Педагогические соч. в 8-ми т. Т.4. С. 30.

могут и отличить незнакомца от того, кто их кормил и о них заботился.

У таких детей не возникает ни страха перед незнакомцами, ни специфических привязанностей, подобных тем, какие есть у «домашних» детей. А в свете событий последних лет, когда все чаще обнаруживаются факты негуманного отношения к брошенным детям со стороны персонала государственных медицинских и воспитательных учреждений, ситуация еще более осложняется: дети рискуют вырасти столь же равнодушными по отношению к другим людям, какими были по отношению к ним их воспитатели. Например, недостаточная социальная стимуляция и слабая привязанность приводят к тому, что даже пик улыбочивости наступает у таких детей на 7 недель позже, чем у «домашних».

Это подтверждается и теорией Э. Эриксона, в соответствии с которой основы личности человека закладываются на первой стадии развития: от рождения до 18 месяцев. В этот период ребенок должен приобрести очень важное чувство доверия к окружающему миру, к людям, к определенным вещам, явлениям и т. д., которое многие из них пронесут через всю жизнь. Таким образом, «фундаментальной предпосылкой ментальной витальности является чувство базисного доверия – установка по отношению к себе и к миру, формирующаяся на основании опыта первого года жизни. Под «доверием» подразумевается собственную доверчивость человека и чувство неизменной расположенности к себе других людей»⁴⁰.

Исследования учеными «базисной» природы доверия вначале проводились через психопатологию взрослых. У взрослых радикальное снижение базисного доверия и превалирование базисного недоверия проявляются в определенной форме выраженного отчуждения, характеризующего индивидов, которые уходят в себя, если оказываются не в ладах с другими людьми или с самими собой. Такой уход наиболее ярко демонстрируют индивиды, у которых наблюдается регресс к психотическому

⁴⁰ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб. 1996. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

состоянию, когда они полностью закрываются, отказываясь от еды, удобств, забывая все свои дружеские привязанности.

Подобное состояние может приводить, например, к аддиктивному типу отклоняющегося поведения, в том числе и у ребенка. При аддиктивном поведении уход от реальности совершается в виде своеобразного «бегства», когда взамен гармоничному взаимодействию со всеми аспектами действительности происходит активация в каком-либо одном направлении. Человек сосредотачивается на узконаправленной, часто негармоничной и разрушающей личность сфере деятельности, игнорируя все остальные⁴¹. Знакомство с подобными радикальными регрессиями, равно как и наиболее глубокими инфантильными склонностями здоровых пациентов, позволяет рассматривать «базисное доверие» в качестве краеугольного камня витальной личности.

Поэтому для предупреждения возникновения отклоняющегося поведения детей имеет значение ответственный подход родителей к воспитанию, при котором отслеживаются все стимулы, которые адресованы чувствам детей. Эти стимулы, как и пища, должны быть своевременны и нужной интенсивности, в противном случае готовность к восприятию у ребенка может смениться либо диффузной защитой, либо апатией⁴². Подобного рода отклоняющееся поведение напрямую не связано с противоправным или безнравственным поведением, тем не менее, существенно осложняет процесс социализации индивида, провоцируя возникновение более опасных проявлений отклоняющегося поведения ребенка в дальнейшем.

Необходимо отметить, что степень «базисного доверия», определяемая самым ранним детским опытом, не зависит от количества еды или демонстраций любви, а зависит от качества связей ребенка с матерью.

Если родители, воспитатели относятся к малышам с любовью, понимают

⁴¹ См.: Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2005. С. 77.

⁴² См.: Райгородский Д.Я. Ребенок и семья. Учебное пособие по детской и возрастной психологии для факультета психологии, педагогики и социальной работы. Самара: Издательский дом БАХРАХ–М, 2002. С. 30.

их, чутко реагируют на их естественные требования – кормят, ласкают, пеленают их, играют с ними, то чувство доверия формируется более успешно, а недоверие уступает место привязанности. Формирование чувства базисного доверия имеет важное антикриминогенное значение в процессе развития личности.

При дефиците внимания, любви, ласки, при жестком обращении к детям у последних складывается недоверие, боязнь окружающих людей, формируется чувство отчужденности. Лишенный общения малыш, по данным исследований, не просто впадает в тоску, но травмируется его личность, замедляется и искажается все его психическое развитие. Заболевшего тяжелой формой «госпитализма» нельзя вылечить до конца.

Американский психолог Берес исследовал личности 38 взрослых людей, которые в детстве болели «госпитализмом» (госпитализм, как уже упоминалось, представляет собой болезнь психологического характера, возникающая при дефиците общения).

Только семеро из них смогли хорошо приспособиться к жизни и стали обычными нормальными людьми, остальные обладали различными психическими дефектами. А наличие даже небольших психических отклонений в известной степени осложняет процесс социализации человека, в ходе которого он развивается, усваивая и воспроизводя приемлемые правила поведения и культуру своего общества⁴³.

О том, что воспитание необходимо начинать с «первого периода младенчества», заявлялось на государственном уровне ещё в начале прошлого века. Еще в 1918 году в ходе работы «Первого Всероссийского съезда работников», на официальном уровне было принято программное положение о семейном воспитании, в котором говорилось о том, что начинать его необходимо «с первого периода младенчества».

Согласно исследованиям И. С. Кона, воспитание в реальной жизни

⁴³ Болотина Л.Р., Баранов С.П., Комарова Т.С. Дошкольная педагогика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проспект; Культура, 2005. С. 12.

«...включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные, так или иначе влияющие на формирование личности»⁴⁴.

Мать, вступающая в контакт со своим ребенком, может актуализировать различные отношения к нему. В целом эти отношения можно определить как способы «притяжения ребенка». Именно эти способы, подкрепленные уникальными и неповторимыми для каждого человека органическими и сенсорными процессами, и фиксируются в его психике, именно они и формируют его наиболее раннее «Я», основу его будущей личности. Очевидным является серьезное влияние семьи на формирование Я-концепции личности, закладывающейся в детском возрасте⁴⁵.

Семья неизбежно влияет на формирование личности, её сознания, которое определяет отношения к миру и людям, выбор между добром и злом, жизненную позицию потому, что в ней живет и воспитывается ребенок в самые важные годы своей жизни. Наряду с прививаемой нравственностью, сознание во всем его многообразии (самосознание, правосознание) является основным компонентом и детерминантой поведения личности, поэтому так велика антикриминогенная значимость ответственной позиции семьи в процессе воспитания детей и формирования их сознания и так опасны криминогенные факторы семейного происхождения.

Все поступки и отношения родителей к детям даже в самом раннем детстве, не проходят бесследно, не исчезают из сознания или бессознательного их личности. Это является безусловным доказательством важного значения семьи в формировании личности, а также в возможности высоко эффективного антикриминогенного влияния на детей.

Любая реакция взрослого является своего рода демонстрацией «допустимого», «возможного», «вероятного» в жизни коллектива, так ребенок

⁴⁴ Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1989. С. 19.

⁴⁵ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М. 1986., Райгородский Д.Я. «Психология самосознания» и «Самосознание и защитные механизмы личности». – Самара, 2000. С. 343.

естественным образом перенимает наглядный поведенческий шаблон. И если родитель в своем поведении проявляет насилие, грубость, аморальность, неприятие по отношению к детям, то им весьма сложно будет вырасти иными и избавиться от навязанных им стереотипов поведения. И напротив, проявляя любовь, терпимость, тактичность, обоюдное уважение, диалог и справедливость в отношении к членам семьи и окружающим, взрослый передает и закладывает ребенку уже на бессознательном уровне положительный социальный опыт. Царящая в семье атмосфера, внутренний уклад, нравственные ценности, установки, особенность взаимоотношений, привязанность детей к родителям и их авторитет, многократность демонстрации определенных действий, свойственных конкретной семье, естественно, закономерно и неизбежно транслируется в психике маленького человека.

Рассел был убежден в том, что «с детства непрерывно повторяемые, эмоционально заразные утверждения создают в умах большинства людей убеждения настолько прочные, что они становятся подсознательными»⁴⁶, а значит, определяют наши поступки на протяжении всей последующей жизни.

Подтверждение этой позиции можно найти и в современной социальной психологии, согласно которой «когда совместное действие повторяется вновь и вновь теми же самыми лицами, шаблон действия фиксируется. Составляющие его роли становятся ясно определенными и связываются друг с другом установившимся образом. По мере того как упрочиваются общие представления, фиксируются обязанности»⁴⁷.

В период детства очень важным является процесс социализации ребенка, который должен обеспечиваться взрослыми, и в первую очередь семьей.

Социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны, процесс

⁴⁶ Рассел Б. Брак и мораль. М.: изд-во «Крафт +», 2004. С. 70.

⁴⁷ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: «Феникс», 2002. С. 53.

активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, деятельного включения в социальную среду.

Связь недостаточно успешной социализации и возникновения различного рода отклоняющегося поведения была отмечена многими учеными—криминологами, психологами, педагогами. Человек, характеризующийся отклоняющимся поведением, с точки зрения криминологии, по сути и есть недостаточно социализированный человек с точки зрения педагогики, и дезадаптированный с точки зрения психологии. (Различные нарушения процесса социализации выражаются в социальной дезадаптации индивида, то есть неадекватности его поведения нормам, требованиям той системы общественных отношений, в которую включается человек по мере своего социального развития и становления).

Нарушения социализации могут принимать разные формы и обуславливаться различными причинами. Например, инфантильность, социальная незрелость могут возникать в результате тепличных условий воспитания, преднамеренного ограждения подростка от всяких обязанностей, от самостоятельных усилий по достижению каких-либо жизненных целей и т.д.

И другая крайность – когда последствиями недостаточно успешной социализации являются отклонения корыстного, агрессивного, социально-пассивного типа, как на докриминогенном уровне, когда происходят нарушения норм морали, так и на криминогенном уровне, выражающемся в преступных действиях.

Нормативность или девиантность поведения существенно зависит от степени социализации индивида, степени его включенности в общественные отношения. В защиту описанной схемы нарушения социализации выступает и богатый опыт педагогической науки, который располагает многочисленными свидетельствами важности и приоритета именно семейного воспитания в социализации и развитии личности ребенка.

В этом смысле представляется интересным убеждение А.С. Макаренко в

том, что источник различных отклонений надо искать на самой ранней стадии формирования человека, и правильно воспитать ребенка легче, чем затем его перевоспитывать. В процессе воспитания семья будет определять успех именно первого из этих процессов – процесса воспитания.

Большинство современных ученых также выделяют неповторимую значимость семейного воспитания в социализации ребенка. Как доказательство этому, В.Н. Дружинин подчеркивает, что «...социализация детей всегда, во все времена и у всех народов была единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительными и менялись на протяжении веков»⁴⁸.

Данные от природы человеку инстинкты также нуждаются в воспитании, и чем раньше началась эта работа, тем лучше в антикриминогенном смысле. «Инстинкты, заложенные в психике детей, могут привести как к полезным, так и к вредным действиям... Назначение воспитания состоит в том, чтобы развивать инстинкт в таком направлении, где с его помощью получают полезные результаты, и предотвратить его действия, когда он может причинить вред. Если эта задача была выполнена в раннем детстве, то и мужчины и женщины, как правило, способны прожить жизнь с пользой, не прибегая к строгому самоконтролю, за исключением, быть может, кризисных ситуаций»⁴⁹. В противном случае, пробудившийся в дальнейшем инстинкт в ситуации отсутствия самоконтроля может приводить к опасным действиям, и самые опасные – это преступления.

Опорная для нас трактовка движущих сил развития личности восходит к идее Л.С. Выготского о социальной ситуации развития – идее межиндивидуального становления высших психических функций, когда взрослый для ребенка не просто условие личностного развития, а один из непосредственных участников этого процесса, его субъект.

Между взрослым и ребенком устанавливаются глубокие личные

⁴⁸ Дружинин В.Н. Психология семьи: 3-е изд. СПб.: Питер, 2005. С. 30.

⁴⁹ Рассел Б. Брак и мораль. Перевод Ю.В. Дубровина. М.: изд-во «Крафт +», 2004. С. 230–231.

взаимоотношения, внутри которых осуществляется личностное становление и развитие каждого. «Совместная деятельность» и «деятельное общение» взрослых и детей, их сотрудничество и содружество в живых контактах друг с другом – вот та среда, в которой возникает и развивается и личность ребенка, и личность взрослого как воспитателя⁵⁰.

Это обусловлено и тем, что именно в общении с другими детьми и взрослыми, анализируя и подражая им, у ребенка формируются формы поведения, установки, приемлемые в его социальном окружении и в обществе в целом. Доказательство этому мы находим у Т. Шибутани: «Человеческое поведение является чем-то таким, что складывается в процессе взаимодействия с другими людьми, и его направление зависит от склонностей других не меньше, чем от склонностей самого действующего лица»⁵¹.

Таким образом, отсутствие грамотного подхода родителей к процессу воспитания детей, представляет собой мощнейший криминогенный фактор, влияющий на человека в период его детства и юности.

Отсутствие правильного подхода к воспитанию ребёнка, зачастую, провоцируется не столько низким образованием родителей, сколько низким уровнем их культуры, алкоголизмом, наркоманией, аморальным и антиобщественным поведением, а также наличием у родителей психопатий и иных психических расстройств. Ещё два компонента, отсутствие которых свидетельствует о неправильном воспитании ребёнка, криминогенность которых неоднократно доказывалась учёными, а мы подтвердим это в очередной раз – это отвержение и неприятие детей со стороны родителей, о чём уже говорилось выше. Эти явления встречаются не только в социально опасных семьях, но в семьях внешне вполне благополучных, как в материальном, так и в социальном отношении. Все эти составляющие вместе или в различном сочетании образуют криминогенный фактор семейного происхождения, что подтверждается результатами проведённого нами

⁵⁰ Выготский Л.С. Педагогическая психология. / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. С. 81–93.

⁵¹ Шибутани Т. Указ. соч. С. 58.

исследования.

Для изучения криминогенных факторов, воздействующих на личность в детстве и юности, нами было проведено трехэтапное исследование.

На первом этапе мы проанкетировали детей в возрасте от 9 до 13 лет: 100 несовершеннолетних, не имеющих проблем с законом (1 группа) и 98 детей, совершивших правонарушения в несовершеннолетнем возрасте и стоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (ПДН), а также содержащихся в центрах временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей (ЦВИНП) (2 группа).

На втором этапе мы опросили и проанкетировали более 200 человек в возрасте от 14 до 19 лет, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (3 группа)⁵².

На третьем этапе мы исследовали криминогенные факторы семейного происхождения, влиявшие на человека в детском и юношеском возрасте, на примере лиц, противоправная установка которых, начав складываться в детстве, окончательно сформировалась и закрепились в дальнейшем – взрослых преступников. С этой целью нами было опрошено и проанкетировано более 300 лиц в возрасте от 20 до 50 лет, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения, а также состояли на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (ПДН) в несовершеннолетнем возрасте (4 группа). В качестве респондентов контрольной группы мы опросили 300 человек, не имевших судимостей и не состоявших на учёте в ПДН в подростковом возрасте (5 группа).

В результате нашего исследования подтвердилось, что аморальное поведение родителей и иного близкого детям окружения по-прежнему остаётся одним из решающих криминогенных факторов, воздействующих на

⁵² В исследовании приняло участие более 200 человек мужского и женского пола, отбывающих наказание в Рязанской и Брянской воспитательных колониях для несовершеннолетних.

личность в детстве и юности. Так, по данным наших исследований несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в воспитательных колониях, значительное число из этих детей росло в окружении, характеризующемся аморальным, антиобщественным поведением, алкоголизмом и наркоманией родителей, сопровождающимся низким уровнем культуры с их стороны (остальные несовершеннолетние – примерно половина испытывала такое же влияние со стороны референтно значимого окружения, не принадлежащего семейному кругу).

Сравнительное исследование взрослых преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и взрослых лиц, не имевших судимостей (5 группа), подтвердило высокую взаимосвязь аморального поведения родителей и раннего противоправного поведения их детей, а также существенное отличие в этой сфере от респондентов контрольной группы.

Так, на вопрос «Как в Вашей семье (в период Вашего детства) относились к алкоголю?» ответ «моя мама часто выпивала» выбрали 22% из числа респондентов 4 группы и 10 % респондентов 5 группы; ответ «моя мама часто выпивала» – 3% респондентов 4 группы, а из числа респондентов 5 группы никто не выбрал этот ответ; ответ «мой отец иногда выпивал» выбрало 36% и 37% соответственно; на то, что «мой отец часто выпивал» указало 19% респондентов 4 группы и 6% респондентов 5 группы; ответ «мой отчим часто выпивал» выбрали 6% респондентов 4 группы, а из числа респондентов 5 группы никто не выбрал этот ответ; ответ «моя мать (отец, отчим) запрещали мне выпивать» выбрало 25% и 77% соответственно; ответ «моя мать (отец, отчим) разрешали мне выпивать» выбрало 4% и 0% соответственно; ответ «Я начал выпивать в несовершеннолетнем возрасте» выбрало 30% респондентов 4 группы и 19% респондентов 5 группы.

Как видно, ответы взрослых преступников указывают на большую связь родителей и самих детей с алкоголем. Эта проблема особенно обострилась в

условиях отсутствия принудительного лечения от алкоголизма и упразднения специализированных лечебных учреждений закрытого типа. Единственное исключение имело место в отношении числа ответов «мой отец иногда выпивал», которых у законопослушных анкетированных было даже на 1 % больше, что указывает на существующую в нашей стране проблему употребления большого количества алкоголя мужским населением.

На вопрос «Как в Вашей семье (в период Вашего детства) относились к курению?» ответ «моя мама курила» выбрали 18% из числа респондентов 4 группы и лишь 3% респондентов 5 группы; ответ «мой отец курил» выбрали 54% респондентов 4 группы и 39% респондентов 5 группы; ответ «мой отчим курил» выбрали 54% и 0% соответственно; ответ «я начал курить в несовершеннолетнем возрасте» выбрало 54% респондентов 4 группы и 29% респондентов 5 группы; ответ «моя мать (отец, отчим) запрещали мне курить» выбрало 28% и 81% соответственно.

Как видно, и отношение к курению в семьях несовершеннолетних преступников совсем иное, нежели в семьях детей, которые не совершали правонарушений. Разумеется, само курение не может способствовать совершению преступлений, однако оно является свидетельством социально-психологических проблем и попустительства у взрослых. Ведь если дети знали о курении своих родителей, о чём респонденты указали в анкетах, то родители не стеснялись демонстрировать при детях это своё пристрастие, тем самым вредя здоровью своих детей и развращая их, а, учитывая низкий процент запрета курения со стороны родителей несовершеннолетних преступников, дети естественным образом воспринимали это как должное. А любое излишество, вызывающее привыкание и зависимость, иногда оказывает негативное влияние на духовную организацию личности, не даёт ей развиваться в полную силу, делая её более бедной и ущербной, что снижает человеческий потенциал сопротивления любым отрицательным, в том числе криминогенным влияниям.

Отношение близкого окружения к наркотикам можно проследить,

исходя из анализа ответов на вопрос «Как близкие Вам люди (в период детства) относились к наркотикам?». Ответ «моя мама употребляла наркотики» выбрали 6% из числа взрослых преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и ни один из числа проанкетированных, не имевших судимостей (5 группа), не выбрал этот ответ; ответ «мой отец (отчим) употреблял наркотики» выбрали 10% респондентов 4 группы и 0% респондентов 5 группы; ответ «мои родственники употребляли наркотики» выбрали 5% и 0% соответственно. На фоне этой картины вполне закономерно выглядит личное отношение респондентов к наркотикам: пробовали наркотики в несовершеннолетнем возрасте 32% респондентов 4 группы и лишь 6% респондентов 5 группы, а начали употреблять наркотики в несовершеннолетнем возрасте 20% респондентов 4 группы и 0% - 5 группы. Весьма интересным представляется почти одинаковый результат ответов, указывающий на факт употребления наркотиков со стороны друзей. Так, ответ «мои друзья употребляли наркотики» выбрали 26% респондентов 4 группы и 23% – 5 респондентов группы. Этот доказывает существующий антикриминогенный потенциал положительных семей, где личный пример родителей, их забота о детях и пропаганда здорового образа жизни оказывают большее воздействие, чем заманчивый пример друзей, употребляющих наркотики.

Весьма показательным является самое большое отличие в ответах, характеризовавших воспитательную установку родителей правопослушных респондентов, направленную на запрет курения (81 против 28%), запрет употребления детьми алкоголя (77 против 25%) и наркотиков (65 против 22%). Это лишний раз доказывает не только важность собственного (родительского) примера, но и твердой линии в воспитании детей, лишённой попустительства в важных вопросах.

К решающим криминогенным факторам семейного происхождения,

бесспорно, относится низкое качество детско-родительских отношений, неся в себе большую опасность, чем отсутствие возможности родителей проводить с ребёнком много времени. Низкое качество детско-родительских отношений как криминогенный фактор может проявляться в отсутствии любви к детям, в отвержении и неприятии детей, в недостаточном внимании и уважении членов семьи друг к другу, в отсутствии родительского авторитета, низкой степени доверия между детьми и родителями.

В ходе проведенного нами анкетирования 100 несовершеннолетних, не имеющих проблем с законом (1 группа) и 98 детей, стоящих на учете в ПДН, а также содержащихся в ЦВИНП в возрасте от 9 до 13 лет (2 группа), на вопрос: «Понимают ли вас родители?» положительный ответ был получен в 59% случаев среди ответов респондентов первой и 13% респондентов второй группы; ответ «иногда в состоянии понять» – выбрали в 36% случаев респонденты первой и в 54% случаев второй группы; «родители понять меня не в состоянии» убеждены 5% и 31% соответственно.

Обследованные взрослые преступники, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и взрослые лица, не имевшие судимостей (5 группа), следующим образом оценили степень существовавшей в период их детства доверительности детско-родительских отношений.

На вопрос «В детстве делились ли Вы с родителями своими переживаниями, когда у Вас случались неприятности?» ответ «да, всегда» выбрали 29% из числа респондентов 4 группы и 26% из числа респондентов 5 группы; ответ «иногда делился» – выбрали 47% проанкетированных из 4 группы и 68% из 5 группы, ответы «никогда не рассказывал» – 24 и 6% соответственно. Столь высокий процент «абсолютного» доверия своих неприятностей родителям у преступников, с одной стороны, говорит о высокой потребности детей быть ближе к своим родителям. А с другой стороны свидетельствует об определённой степени инфантильности несовершеннолетних, которые «всегда» в случае неприятностей бегут к

родителям за помощью, не обладая способностями в соответствии с возрастом самостоятельного решения естественно возникающих проблем, а также о размытости граней допустимого для обсуждения между детьми и родителями. Более показательны для изучения степени доверительности отношений, на наш взгляд, ответы 2 и 3. Очевидно, что законопослушные респонденты из 5 группы имели более доверительные отношения с родителями по сравнению с правонарушителями, поскольку большее их число периодически рассказывали о своих неприятностях родителям (68% против 47%) и в 4 раза меньше среди них было тех, кто вообще никогда о них не рассказывал родителям (6% против 24%). Тот факт, что около четверти детей, совершивших преступления, не доверяло родителям своих неприятностей, свидетельствует о серьезных межличностных проблемах в семьях, отсутствии возможностей или желаний понять и принять своих детей, подать им руку помощи в трудный момент, интересоваться их жизнью.

О том, что родители (опекуны) законопослушных респондентов чаще интересовались мнением своих детей, в период их жизни в родительской семье подтверждают следующие ответы. Ответ «всегда интересовались моим мнением» выбрали 43% респондентов 4 группы и 52% респондентов 5 группы; «интересовались моим мнением, если это касалось моей жизни» – 20 и 23% соответственно; «интересовались моим мнением редко» – 23 и 20% соответственно; «родители всегда считали, что всё знают сами» – 14 и 5% соответственно.

Весьма интересным и показательным нам представляется анализ субъективной оценки анкетированных об отношении к ним родителей в период их детства. На вопрос «Как к Вам в детстве относились родители (опекуны)? (допустимо несколько вариантов ответов)» ответы распределились следующим образом. Ответ «строго, но справедливо» выбрали 62% респондентов 4 группы и 35% респондентов 5 группы; ответ «по-доброму, ласково» выбрали 12% респондентов 4 группы и 32% респондентов 5 группы; ответ «я чувствовал, что они меня любят» выбрали 25 и 52% соответственно.

Примечательно, что такие ответы как «ко мне относились плохо (оскорбляли и унижали)», «на меня родители не обращали внимания» выбрали только респонденты 4 группы, отдав за них 6% и 7% своих голосов соответственно.

На вопрос «Стали ли родители относиться к Вам хуже после рождения в семье младших детей?» ответы «да» (13%), «немного стали относиться хуже» (3%), «мама по-прежнему не любила меня» (6%), «отец (отчим) по-прежнему не любил меня» (2%) выбрали только респонденты 4 группы; ответ «нет» предпочли 51 респондентов 4 группы и 61% респондентов 5 группы; ответ «мама по-прежнему любила меня» выбрали 5% респондентов 4 группы и 35% респондентов 5 группы; ответ «отец (отчим) по-прежнему любил меня» предпочли 7% респондентов 4 группы и 35% респондентов 5 группы.

Как видно, взрослые преступники, впервые совершившие противоправные деяния в несовершеннолетнем возрасте, значительно реже по сравнению с контрольной группой чувствовали по отношению к себе со стороны родителей и любовь, и добро, и ласку, и заботу. В то же время по отношению к ним со стороны родителей имело место безразличие, унижения и оскорбления, почти в два раза чаще проявлялось строгое (хоть и справедливое) отношение. Жизнь в такой атмосфере негативно сказывается на психике ребёнка, в том числе может способствовать развитию у него расстройства психической деятельности. Именно такие расстройства, которые не поддаются серьёзным изменениям в течение всей жизни, во многом определяют отклонения в моральном облике человека и мешают ему приспособиться к окружающей среде, а, следовательно, могут способствовать отклоняющемуся поведению.

Учёными установлена определённая связь между психопатиями и дефектами воспитания человека в детстве. Например, А.Е. Личко приводит примеры неправильного воспитания, способствующего развитию психопатических проявлений у детей, к которым относятся гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, условия жестоких взаимоотношений, повышенная

моральная ответственность, воспитание в атмосфере культа болезни, противоречивое воспитание, воспитание вне семьи⁵³.

Как видно, любые крайности в воспитании: и гиперопека, при которой родители с раннего детства контролируют каждый шаг ребенка, и гипоопека, когда дети, испытывая явный недостаток родительского внимания, бывают предоставлены самим себе, несут в себе опасность, заставляя признать криминогенным фактором отсутствие грамотного подхода родителей к процессу воспитания детей.

Изучая особенности детско-родительских отношений в исследуемых группах, мы также обнаружили крайности «воспитания» и наказания, присущие как несовершеннолетним преступникам (3 группа), так и взрослым преступникам, впервые совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте (4 группа). В этих двух группах преобладала либо полная безнаказанность, когда респонденты указывали на то, что их «никогда не наказывали» или «наказывали редко», либо по отношению к ним применялись весьма жестокие виды наказаний, связанные с физическим или психическим насилием (оскорбляли, выгоняли из дома, поджигали волосы, избивали, лишали пищи).

В ходе опроса несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в воспитательных колониях, на вопрос «что же они сами считают основной причиной совершения ими преступления?», большинство из опрошенных дало следующие ответы: «мне разрешали всё», «мне ничего не запрещали родители», «я не боялся наказания» или «меня никогда не наказывали». Это указывает на криминогенность не только гипоопеки, но и либерального стиля воспитания, когда ребёнку предоставляется безграничная самостоятельность, многое разрешается, перед ним не ставятся запреты, как в духовно-нравственном смысле, так и в поведенческом аспекте, когда родители не контролируют времяпрепровождение своих детей. Опасно и отсутствие у

⁵³ См.: Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2009. С. 140–153.

ребёнка страха перед наказанием, что может быть как следствием ощущения полной безнаказанности - когда дети знают, что они обладают приоритетными правами по сравнению с правами родителей и те не имеют право их наказывать (такие прозападные взгляды на права детей навязываются сегодня нашему обществу), так и свидетельством чрезмерного физического и психического насилия над ребёнком, когда наказания столь многочисленны и жестоки, что уже перестали быть пугающими.

Сравнительное исследование взрослых преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и взрослых лиц, не имевших судимостей (5 группа), также подтвердило преобладание крайностей воспитания и наказания в детстве по отношению к респондентам 4 группы. Анализ ответов установил, что из общего числа анкетированных «вообще не наказывали» 43% респондентов 4 группы и 12% респондентов 5 группы; «наказывали редко» – 18% респондентов 4 группы и 49% респондентов 5 группы; «наказывали часто» - 7 и 6% соответственно (остальные не ответили на этот вопрос). Из числа наказываемых, «разного рода запретами» – 50% респондентов 4 группы и 74% респондентов 5 группы; «наказывали физически» – 24% респондентов 4 группы и 10% респондентов 5 группы; «лишали пищи» – 6% респондентов 4 группы и 0% респондентов 5 группы; истязали иными способами (в том числе оскорбляли, выгоняли из дома, поджигали волосы) – 18% респондентов 4 группы и 0% респондентов 5 группы.

Представляет криминологический интерес и чувства детей к своим родителям и близким родственникам. На вопрос «Любили ли Вы в детстве своих родителей?» ответ «я любил свою маму» дали 83% респондентов 4 группы и 100% респондентов 5 группы; ответ «я не всегда любил свою маму» выбрали 9% респондентов 4 группы и 0% респондентов 5 группы; «я не любил свою маму» – так ответили на вопрос только 8% из числа респондентов 4 группы; своего отца любили в детстве только 40% проанкетированных из 4

группы и 76% 5 группы; не всегда любили своего отца 31% и 8% соответственно; не любили своего отца в детстве 12% только из числа респондентов 4 группы; любили отчима 3% респондентов 4 группы и 9% респондентов 5 группы; не любили своего отчима 14 и 7% соответственно.

Изучение характера взаимоотношений в детстве и юности с братьями и сёстрами, привели к следующим результатам. Из числа проанкетированных, среди которых было примерно одинаковое количество лиц, имевших сестёр и братьев, любили своих сестёр 38% респондентов 4 группы и 65% респондентов 5 группы; любили своих братьев 29% респондентов 4 группы и 45% респондентов 5 группы; не любили своего брата и/или сестру 9% респондентов 4 группы и 7% респондентов 5 группы; указали на любовь к ним со стороны их братьев и сестёр 41% респондентов 4 группы и 47% респондентов 5 группы; тот факт, что братья и/или сёстры в детстве не любили их отметили 9% только из числа респондентов 4 группы.

Как видно, и отношения детей к своим родителям, и отношения к братьям и сёстрам существенно отличается в семьях, из которых «вышли» несовершеннолетние преступники, что не может не свидетельствовать в пользу криминогенности отсутствия в семье взаимной любви, привязанности и уважения.

Частично это объясняется личным поведением родителей в целом и по отношению к своим детям в частности. Так на вопрос «Допускали ли Ваши родители (опекуны) грубость по отношению к членам семьи?», ответ «мама никогда не допускала» выбрали 52% респондентов 4 группы и 61% респондентов 5 группы; ответ «отец (отчим) никогда не допускал грубости» выбрали только 24% респондентов 4 группы и 36% респондентов 5 группы; указали, что «мама иногда допускала грубость» 36% респондентов 4 группы и 39% респондентов 5 группы; отметили, что «отец (отчим) иногда допускал грубость» 51% респондентов 4 группы и 58% респондентов 5 группы; «мама часто бывала грубой и несдержанной» у 12% респондентов только 4 группы; ответ «отец (отчим) часто бывал грубым и несдержанным» выбрали 25%

респондентов 4 группы и лишь 6% респондентов 5 группы.

Также криминологический интерес представляет и характеристика морально-нравственных качеств родителей, представленная респондентами.

На вопрос «Какие качества были присущи Вашей маме (мачехе)?» респонденты 4 и 5 групп дали следующие ответы соответственно: доброта – 66% и 89%; честность – 40% и 86%; смелость – 23% и 68%; справедливость – 47% и 91%; отзывчивость – 38% и 72%; мужество – 21% и 62%; терпение – 43% и 79%; сила воли – 21% и 61%; требовательность – 26% и 71%; скромность – 30% и 77%; злость – 5% и 3%; наглость – 5% и 4%; иные качества – 1% и 0%.

На вопрос «Какие качества были присущи Вашему отцу (отчиму)?» респонденты 4 и 5 групп дали следующие ответы соответственно: доброта – 39% и 87%; честность – 35% и 83%; смелость – 41% и 86%; справедливость – 38% и 87%; отзывчивость – 30% и 71%; мужество – 34% и 90%; терпение – 26% и 64%; сила воли – 25% и 81%; требовательность – 32% и 74%; скромность – 14% и 64%; злость – 15% и 3%; наглость – 9% и 5%; иные качества – 2% и 0%.

Анализируя ответы респондентов, становится очевидным преобладание у родителей лиц, никогда не совершавших преступлений, высоких духовно-нравственных качеств, или существование определённой идеализации детьми своих родителей, что также представляет собой весьма позитивный факт, свидетельствующий о благополучной семейной атмосфере, теплоте и гармонии детско-родительских отношений.

Несмотря на низкие показатели любви к своим отцам у респондентов 4 группы, часто проявляемую их отцами и отчимами грубость по отношению к членам семьи, низкий уровень их морально-нравственных качеств, среди опрошенных преступников мужского пола был зафиксирован весьма высокий процент желания подражать своим отцам. Это объясняется тем, что дети непосредственно заинтересованы в одобрении своих поступков со стороны взрослых, поскольку вполне понимают, что, поступая так, как от них

требуется, заслужат похвалу со стороны семьи, воспитателей или других значимых для них людей. Желание мальчиков подражать своим отцам – закономерное с точки зрения психологии стремление, однако, не имея другого идеала, будущие преступники попадали в «замкнутый круг» вынужденного подражания своим отцам, со всеми присущими им недостатками. Это естественным образом объясняет оправдание своих отцов и уже в детском возрасте выбор определённых стереотипов поведения (соответствующих отцу), конфликтности в отношении с другими людьми, неумение конструктивно решать возникающие проблемы, что могло в дальнейшем способствовать возникновению отклоняющегося и противоправного поведения несовершеннолетних.

Так, из числа проанкетированных лиц мужского пола, в детстве «хотели быть похожими во всём на своих отцов (отчимов)» 21% респондентов 4 группы и 40% респондентов 5 группы; «хотели быть как отец (отчим), но не во всём» 27% и 39% соответственно. Таким образом, в целом 48% преступников в детстве хотели в большей или меньшей степени быть такими же, как мужская глава их семьи, наследуя его мировоззрение, установки, подражая манерам, поведению, образу жизни и прочему.

Тем не менее, необходимо отметить, что среди преступников весьма велик процент тех, кто совсем не желал в детстве быть похожим на своих родителей – 41%, в то время как у респондентов контрольной группы таких ответов было лишь 16%. Это свидетельствует о слабом авторитете родителей в семьях будущих преступников, что естественным образом сказалось на отсутствии возможности положительно воздействовать на своих детей, удерживать их от отклоняющегося, в том числе противоправного поведения.

Общеизвестна криминогенность безнадзорности детей, которая проявляется не только в том, что дети предоставлены самим себе, но и в том, что родители отдаляются от своих детей не вследствие объективной занятости на работе, а в результате, в основном, сознательного отстранения от них, предпочтения своих интересов и страстей детям, потери психологической

связи с ребёнком, психологического выталкивания несовершеннолетних из семьи.

Это подтверждается тем фактом, что в детские годы в семьях преступников родители гораздо реже проводили совместное свободное время со своими детьми, существенно реже имели общие интересы.

На вопрос «В детстве проводили ли Вы с родителями (опекунами) совместно свое свободное время?» ответ «нет, у меня были другие интересы» выбрали 15% респондентов 4 группы и 6% респондентов 5 группы; ответ «редко» предпочли 71% респондентов 4 группы и 19% респондентов 5 группы; «да, мне нравилась компания своих родителей» – так ответили 17% респондентов 4 группы и 75% респондентов 5 группы. То есть общая доля тех, кто в детстве сам не желал проводить своё время в компании родителей или не имел такой возможности, составляла 86% среди преступников и лишь 25% среди лиц, не совершавших преступления. Необходимо отметить, что, судя по ответам ($86+17=103\%$), 3% респондентов 4 группы нравилось общение с родителями и они, несмотря на то, что редко общались с ними, имели потребность проводить с родителями больше времени.

Результаты изучения характера совместного досуга родителей и детей, показало, что вместе занимались спортом 5% респондентов 4 группы и 6% респондентов 5 группы; вместе путешествовали – 15% респондентов 4 группы и 23% респондентов 5 группы; вместе играли в настольные игры – 12 и 23% соответственно; вместе ходили в кино, театры – 9% респондентов 4 группы и 16% респондентов 5 группы; проводили время иным способом – 6 и 26% соответственно. Примечательно, что содержание понятия «проводили время иным способом» существенным образом отличается у респондентов двух групп. У проанкетированных преступников это понятие складывалось в большей степени из занятий, направленных на поиск пропитания, например сбор пустых бутылок, сортировка мусора, сбор грибов и ягод для продажи, рыбалка, совместная работа в сельскохозяйственной сфере, по ремонту техники, а также зарабатывание денег другими способами, а среди

развлечений имели место и аморальные занятия: совместное употребление алкоголя, регулярные просмотры с отцом порнографических фильмов и пр.

Безнадзорность детей может быть следствием их сознательного или вынужденного ухода из дома, что подтверждают результаты наших исследований, зафиксировавших значительно более высокий процент безнадзорности у лиц, совершивших противоправные деяния в несовершеннолетнем возрасте. Никогда не уходили из дома только 48% респондентов 4 группы, в то время как среди респондентов 5 группы этот показатель составлял 77%; случалось уходить из дома однажды 30% респондентам 4 группы и 23% респондентам 5 группы; регулярно уходили из дома в несовершеннолетнем возрасте 22% респондентов 4 группы, среди проанкетированных правопослушных респондентов таких вообще не было.

Как видно, более пятой части будущих преступников регулярно уходили из дома, а почти третья часть хоть однажды покидала родительский дом. Следовательно, на практике такое поведение детей должно быть сигналом настоящего бедствия, обращённого к обществу в целом, и повлечь за собой серьезные профилактические мероприятия в отношении семьи и самого несовершеннолетнего.

В семьях законопослушных респондентов большее участие родителей проявлялось в образовании ребенка и контроле его успеваемости в школе. На вопрос «Интересовались ли родители (опекуны) Вашей учёбой?», ответ «родители уделяли большое внимание моей учёбе» выбрали 35% респондентов 4 группы и 39% респондентов 5 группы; «родители интересовались моей учёбой время от времени» выбрали 51% респондентов 4 группы и 61% респондентов 5 группы; ответ «родители не интересовались моей учёбой» выбрали только респонденты 4 группы, отдав за него 14% голосов.

Всё это ещё раз подтверждает криминогенность отвержения, неприятия ребёнка в детском возрасте, отсутствия к нему любви и понимания со стороны родителей. Как видно, неблагоприятные особенности отношений в семье,

низкая степень доверия и понимания в детско-родительских отношениях коррелирует с вовлеченностью несовершеннолетних в отклоняющееся, в том числе противоправное поведение.

Криминогенным фактором можно назвать отсутствие или низкий уровень духовно-нравственного и правового воспитания детей в семье.

Низкий уровень духовно-нравственного воспитания человека во многом обуславливает совершение им аморальных и противоправных поступков.

Проведённое нами анкетирование 100 несовершеннолетних, не имеющих проблем с законом (1 группа) и 98 детей, стоящих на учете в ПДН, а также содержащихся в ЦВИНП в возрасте от 9 до 13 лет (2 группа), показало, что у правопослушных детей уровень духовно-нравственного развития гораздо выше в сравнении с несовершеннолетними преступниками.

На вопрос: «Какие из мнений тебе кажутся наиболее верными? (допустим выбор нескольких вариантов)» получены следующие ответы. В том, что «наркотики наносят вред здоровью» убеждены 94% респондентов первой группы и 67% респондентов второй группы; то, что «они приводят к преступлению» считают 64% и 33% соответственно; знают о том, что даже «двукратное употребление наркотиков может вызывать привыкание к ним» – 46% и 21% респондентов соответственно; в том, что «они должны использоваться только в медицине», убеждены 24% и 12% соответственно; «это личное дело каждого» – так думают 10% и 9% респондентов соответственно; «некоторые люди не привыкают к наркотикам» – подобным образом заблуждается 4% и 20% респондентов соответственно.

Однако несмотря на знание респондентов о вреде наркотиков, среди детей встречаются и такие, кто не в полной мере, соответственно своему возрасту, знают о губительности наркомании.

На вопрос: «Знаешь ли ты, что наркотики, алкоголь и никотин разрушают физическое здоровье, психику и интеллект человека?» «да, знаю» – ответило 90% респондентов первой и 59% респондентов второй группы; «нет, не знал» – этот ответ выбрали 9% и 27% респондентов соответственно,

категорично не согласился с утверждением (хотя намеренно было предложено только два варианта ответа) – 1 респондент первой группы и 14% респондентов второй группы. Следовательно, несмотря на преобладание верной установки среди правопослушных учащихся, 10% детей в возрасте от 9 до 13 лет, не знающих о вреде наркотиков, алкоголя и никотина, это довольно значительная и пугающая цифра, свидетельствующая об очевидных дефектах нравственного воспитания.

Однако духовно-нравственное воспитание в семье не может быть в отрыве от правового воспитания, в процессе которого формируется базовое правосознание и правовая культура человека. Исследователи проблем правовой социализации несовершеннолетних отмечают, что процесс усвоения правовых норм складывается из четырех аспектов⁵⁴: осведомленность о нормах и понимание их содержания; отождествление своего поведения с нормой; желание следовать норме; способность реализовать норму.

Таким образом, ценностно-нормативные представления, то есть представления о правовых, этических нормах и ценностях, выполняющих функции внутренних поведенческих регуляторов, включают когнитивные (знания), аффективные (отношения) и волевые поведенческие компоненты.

При этом отклоняющееся и противоправное поведение индивида может быть обусловлено дефектами системы внутренней регуляции на любом – когнитивном, эмоционально-волевом, поведенческом уровне. Прежде всего, это может выражаться в формировании негативных, антиобщественных ценностных ориентации и асоциальных установок, в формировании своего рода криминогенной противоправной направленности личности, что, в частности, отмечают в своих работах по проблемам личности преступника отечественные криминологи Г.А. Аванесов, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов и другие.

Если оценить осуществляемое родителями нравственное воспитание

⁵⁴ См.: Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. С. 54.

весьма сложно, то о правовом воспитании с их стороны можно сделать некоторые выводы, исходя из анкетного опроса.

Нами были опрошены родители, дети которых учились в школе и не имели ни выраженных отклоняющихся проявлений в поведении, ни криминального опыта. Так, в ходе опроса 81 родителя школьников в возрасте от 9 до 13 лет был установлен ряд заслуживающих нашего внимания фактов.

На вопрос родителям: «Знаете ли вы, какие деяния с точки зрения закона относятся к правонарушениям?» ответ «знаю» – дали 51 родитель (63%), «знаю, но не в полной мере» – 24 родителя (29,6%), «не интересуюсь» – 6 человек (7,4%).

На вопрос (предполагающий множество вариантов ответа со стороны каждого родителя): «Какие перечисленные законодательные акты имеются в Вашей семейной библиотеке?» – 15 (18,5%) человек ответили, что нет никаких. Среди просвещенных в правовом отношении родителей ответы распределились следующим образом: 49 человек (60,5%) имели правила дорожного движения; 30 человек (37%) отметили наличие в своей библиотеке Конституции РФ; 24 родителя (29,6%) имели дома Семейный кодекс; по 11 человек (13,6%) – Уголовное и Административное законодательство; 8 родителей (9,9%) – читали Жилищный кодекс из личной библиотеки; 5 родителей (6,2%) – указали Трудовое законодательство; 1 человек (1,2%) – Уголовно–процессуальное.

На вопрос: «Объясняете ли Вы своим детям, какие деяния являются преступными?» ответ «Да, объясняю» дали 53 родителя (65,3%), ответ «Объясняю, но не в полной мере» – дали 20 родителей (24,7%), «Плохо знаю сам» – 4 родителя (5%), «Детям эта тема не интересна» также считают 4 родителя (5%).

Анализируя ответы на эти три вопроса, адресованные родителям малолетних детей, не совершавших правонарушений, можно сделать вывод о довольно низкой (в отличие от собственной оценки родителями) действительной возможности и готовности к правовому воспитанию своих

детей. Такая позиция попросту недопустима в век свободного доступа к правовым знаниям, высоких технологий и всеобъемлющего информационного пространства.

Что касается осведомленности о действиях, отнесенных к правонарушениям, то здесь отмечается низкий уровень элементарных правовых знаний.

На вопрос: «Какие из нижеперечисленных деяний являются нарушением закона и влекут административную или уголовную ответственность?» 66% респондентов указали «Приобретение наркотиков»; 58% – «Нарушение правил дорожного движения», 56% – «Распитие алкогольных напитков в общественном месте»; 51% – «Драка (исключая самооборону)»; и лишь 26% – «Грубую нецензурную брань в общественном месте».

Таким образом, можно сделать вывод о наличии у детей школьного возраста определенных проблем в области знаний о допустимом с точки зрения права, приемлемом и безопасном поведении. У семьи, как видно, остается большой, неисчерпанный резерв антикриминогенного воздействия в сфере правового, нравственного и иного воспитания.

Криминогенным фактором некоторые учёные называют бедность семей. Однако следует разобраться, насколько в действительности сильно криминогенное влияние этого фактора. Сегодня в России на семьи, имеющие детей, приходится 75–80% дефицита дохода, что свидетельствует о глубокой бедности данного типа семей. Например, согласно социологическим исследованиям, если в оценке уровня жизни ориентироваться исключительно на денежные доходы, то около 80% всех семей с детьми в России попадает в число бедных. При этом, как свидетельствуют данные Росстата, именно большие или многодетные домохозяйства (подавляющее большинство из них семьи) попадают в зону повышенного риска стать малоимущими и крайне бедными. Таким образом, если бы бедность была решающим криминогенным фактором, влияющим на преступность несовершеннолетних, подавляющее число детей в России совершали бы правонарушения. Однако данные

статистики в сфере противоправного поведения несовершеннолетних, показатели которого в России ежегодно снижаются, не подтверждают эту взаимосвязь.

В этой связи заслуживает внимание и стабильное снижение удельного веса несовершеннолетних преступников, не имеющих постоянного источника дохода. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, доля выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления и не имеющих постоянного источника дохода, за последние пятнадцать лет снизилась в 2,2 раза. Это указывает на необходимость дополнительного исследования данного вопроса, поскольку данные официальной статистики на этот счёт могут вызывать определённые сомнения.

Сравнительное исследование взрослых преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и взрослых лиц, не имевших судимостей (5 группа), подтвердило незначительную разницу материального положения их семей в период детства. Разница материального положения семей указанных групп респондентов была очевидна лишь в крайних характеристиках: у респондентов 4 группы было существенно больше как крайне бедных семей, так и максимально богатых. Так, на то, что в период детства, «денег не хватало даже на питание» указало 16%, а в том, что «на питание денег хватало, но обувь и одежду купить не могли» призналось 13% из их числа. Настолько бедных семей не было ни у одного из респондентов 5 группы. В то же время большее число респондентов 4 группы проживало в семьях, которые «были богаты» - 7% (по сравнению с 3% семей респондентов 5 группы) и у которых «денег не хватало только на дорогостоящие покупки - дома или квартиры» - 13% (по сравнению с 6% семей респондентов 5 группы). В целом же уровень жизни семей, из которых вышли как преступники, так и законопослушные граждане, был одинаков.

Таким образом, очевидно, что крайне опасным и неестественным

является чрезмерная бедность семей, которая может приводить к различным негативным последствиям, в первую очередь, витальной и социальной незащищённости детей, а также быть причиной их повышенной виктимности и подталкивать к противоправному поведению. Поэтому важной обязанностью государства должно оставаться создание по-настоящему достойных условий для малообеспеченных семей, родители которых не уклоняются от воспитания своих детей.

Контроль государства этого сектора необходим еще и потому, что нищенские условия существования могут нанести серьезную психологическую травму ребенку. Весьма интересно, что на вопрос «Переживали ли Вы по поводу низкого материального достатка своих семей?» 21% респондентов 4 группы и 13% респондентов 5 группы ответили, что «переживали и им хотелось иметь большее»; 18% респондентов 4 группы и 6% респондентов 5 группы признались в том, что «иногда это причиняло им страдания».

Примечательно, что нередко в анкетах респондентов 4 группы, которые отмечали высокий уровень материального достатка своих семей в детстве, имели двух родителей с высоким уровнем образования и постоянным доходом, указывалось, что они всё равно хотели бы иметь больше денег и жить в большем достатке. Это свидетельствует, что причина недовольства своим положением может исходить также из завышенных потребностей человека, не удовлетворяющихся средним, а то и высоким уровнем жизни.

Семья оказывает наиболее решающее воздействие и после совершения преступления. Так, результаты ддящегося криминологического изучения личности преступника показали, что исправление через десять лет тех, кто в несовершеннолетнем возрасте совершил преступление, имело место только в том случае, когда семья характеризовалась положительно и принимала энергичные меры к изоляции детей от влияния деморализованных и противоправных групп, стремилась включать подростка в трудовые или

учебные коллективы, характеризующиеся здоровой атмосферой⁵⁵.

В связи с изложенным, становится очевидным, что в период детства, семья решающим образом определяет личность человека и влияет на его поведение. Родители как носители и источники индивидуальной наследственности, особенностей уникального миропонимания и психики, реализующие определенный стиль взаимоотношений и воспитания, создают неповторимую семейную атмосферу, влияя на формирование эмоций, страхов, комплексов, стереотипов, сознание, характер и нравственность детей, способствуют процессам первичной и последующей социализации ребенка. Семья может и удержать человека от совершения отклоняющихся и противоправных поступков.

Криминогенный фактор семейного воздействия вместе или в различном сочетании образуют: отсутствие грамотного подхода родителей к процессу воспитания детей, низкий уровень культуры родителей, их алкоголизм, наркомания, аморальное и антиобщественное поведение, наличие у родителей психических отклонений, отвержение и неприятие детей со стороны родителей, утрата положительного родительского влияния на детей, а также непосредственно негативное, в том числе криминогенное и криминальное влияние родителей на них. В связи с этим предупреждение правонарушений, как в отношении детей, так и преступности несовершеннолетних, должно начинаться с профилактики отклоняющегося указанного поведения родителей и иных членов семьи.

4. Школьное окружение ребёнка и подростка и их поведение

Если в дошкольный период, особенно в раннем детстве, влияние семьи на ребенка было максимально, то во время ученичества влияние семьи становится менее определяющим, если не говорить об уже сформированной в семье психике ребенка, сознании и подсознании, приобретенном «багаже»

⁵⁵ См.: Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. С. 48–49.

чувств, миропонимания, эталонов поведения.

На школьника воздействуют множество социализирующих агентов и непредвиденных факторов влияния, основное место среди которых занимает школа, школьный коллектив, дворовая компания, спортивные секции и клубы по интересам, средства массовой информации. Однако большую часть времени несовершеннолетние проводят в школе. Именно школа занимает важное место в жизни ребёнка, поскольку участие в учебном процессе, усвоение знаний посредством занятий в школе является основной социально-значимой частью жизни ребёнка школьного возраста.

В пределах своей компетенции органы управления образованием контролируют соблюдение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации в области образования несовершеннолетних, а также по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних⁵⁶. В компетенцию органов управления образованием в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входит участие в организации летнего отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних; ведение учета несовершеннолетних, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в образовательных учреждениях; разработка и внедрение в практику работы образовательных учреждений программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних; создание психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК), которые оказывают комплексную психолого-педагогическую и медико-социальную помощь несовершеннолетним с проблемами в развитии, поведении, обучении и социальной адаптации, а также родителям (законным представителям), испытывающим затруднения в воспитании детей, готовят рекомендации по оказанию им психолого-медико-педагогической помощи и определению форм дальнейшего обучения и воспитания несовершеннолетних.

⁵⁶ См.: Ст.ст. 4, 13. Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Однако на практике, не все перечисленные обязанности органов управления образованием как субъекта системы профилактики выполняются в полной мере.

В первую очередь, сегодня существенно снизился образовательный и воспитательный потенциал школы. По сравнению с результатами предыдущей переписи осуждённых воспитательных колоний (проводимой в 1999 г.), в настоящее время их образовательный уровень существенно снизился⁵⁷. В колонии для несовершеннолетних стали поступать неграмотные или малограмотные осуждённые, не умеющие читать, считать и писать, в то время как десять лет назад таких лиц практически не было. В то время в воспитательные колонии поступали в основном осуждённые, имеющие неполное среднее образование (8-9 классов), то сегодня основная масса 16-17-летних воспитанников окончила лишь 6-7 классов.

Криминогенность таких характеристик, как низкий уровень образования человека, отсутствие интереса к учебе и плохая успеваемость, второгодничество и ранее отмечалось многими исследователями. Среди подростков, совершивших повторные преступления, только каждый шестой (17,3%) в школе учился хорошо, каждый четвертый (24,2%) часто получал неудовлетворительные оценки, а 27,7% подростков указали, что к учебе относились безразлично⁵⁸.

О том, что воспитательный потенциал образовательных учреждений за последние годы существенно снизился, также, как реализация ими функции субъекта системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, свидетельствует динамика удельного веса учащихся и студентов среди всех выявленных несовершеннолетних преступников (рис. 3). Как видно из

⁵⁷ См.: Данилин Е.М., Селивёрстов В.И. Осуждённые в воспитательных колониях. По материалам специальной переписи, осуждённых и лиц, находящихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. Вып. № 2. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 10–11.

⁵⁸ См.: Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации): Пособие / Ильяшенко А.Н., Маслов А.В., Харьковский Е.Л., Игнатов Е.А. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 19.

рисунка, за последние 15 лет, несмотря на имевшее место в этот же период снижение числа несовершеннолетних преступников, доля учащихся и студентов среди них стабильно возрастала, увеличившись с 46,3% в 1997 г. до 69% в 2011 г., то есть почти в полтора раза. Этот весьма негативный показатель указывает на необходимость экстренных и существенных перемен в отечественном школьном образовании, в первую очередь, направленных на активизацию нравственной, духовной составляющей воспитательного процесса.

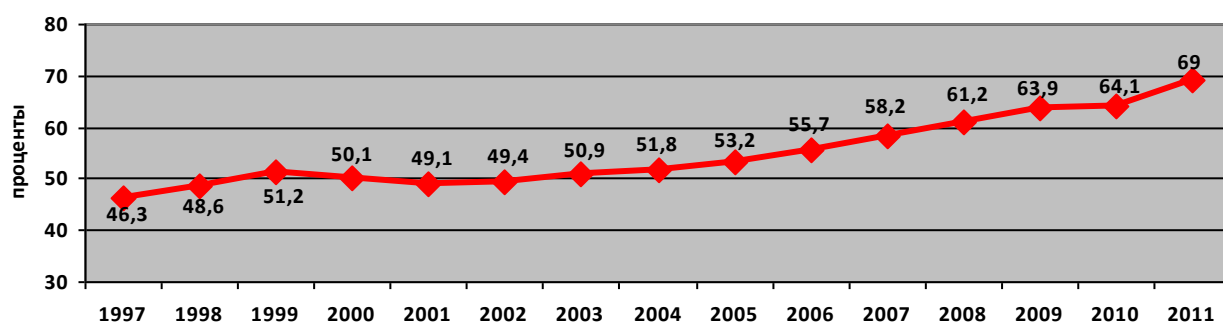

Рис. 3 Доля учащихся и студентов среди несовершеннолетних преступников (в %) ⁵⁹.

Результаты наших сравнительных исследований взрослых преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили противоправные деяния в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и лиц, не совершавших преступлений (5 группа), также продемонстрировали нам существенные отличия между ними в характеристиках их успеваемости, уровня образования, школьной дисциплины и тяги к знаниям.

Снижение успеваемости в школьные годы отмечалось у 100% респондентов 4 группы, в то время как среди правопослушных респондентов этот показатель составлял 61%. Распределение снижения успеваемости по годам выглядит следующим образом: в начальной школе успеваемость начала снижаться у 20% респондентов 4 и 10% респондентов 5 группы; в 5-6 классах снижение успеваемости наблюдалось у 38% респондентов 4 группы и 19% респондентов 5 группы; в 7-8 классах успеваемость подвела 21% респондентов

⁵⁹ Статистика ГИАЦ МВД России, форма 494 раздел 6.

4 и 16% респондентов 5 группы; в 9-11 классах – 6 и 16% соответственно.

Заслуживает внимание более высокий процент снижения успеваемости в начальной и средней школе у будущих преступников: с первого по шестой класс таких лиц насчитывалось 58% в противовес 29% учеников из контрольной группы. То есть с 7 до 12 лет – когда коррекция установок и поведения личности может быть максимально успешной, большая часть будущих преступников существенно хуже стали учиться, но никто не воспринял это как сигнал, не обратил серьезно внимания и не предпринял мер для исправления ситуации.

Таким образом, криминогенным в данной ситуации выступает не снижение успеваемости, а игнорирование этого факта со стороны школы и системы профилактики в целом.

Интерес к учёбе в школьные годы потеряли 62% преступников, а никогда не нравилось учиться ещё 3% среди их числа. Указали на то, что им всегда нравилось учиться 33% респондентов 4 группы и 39% респондентов 5 группы.

На наш взгляд, заслуживает внимания выявленная закономерность потери интереса к учёбе у будущих преступников после снижения их успеваемости. То есть, в подавляющем большинстве случаев (около 60%), отвечая на вопросы, анкетизируемые отмечали, что, например, успеваемость снизилась в 4 классе, а интерес утрачен в 5, или успеваемость снизилась в 6 классе, а интерес к учебе утрачен в 7 и так далее. Это может свидетельствовать о большом значении стимулов для обучения, которые должны создаваться, в первую очередь, в школах и об их нехватке.

Сравнительный анализ положения с успеваемостью и дисциплиной во время учёбы в школе среди проанкетированных нами лиц, демонстрирует более низкую успеваемость и дисциплину у несовершеннолетних преступников по сравнению с лицами, не совершавшими преступлений. Так, по собственному мнению опрошенных, во время учёбы в школе только 13% респондентов 4 группы указали на низкую успеваемость и плохую

дисциплину, среди респондентов 5 группы никто не оценил себя подобным образом; о том, что у них была низкая успеваемость, но не было претензий к дисциплине указали 20% респондентов 4 группы и 3% респондентов 5 группы; характеризовались средней успеваемостью и плохой дисциплиной 35% респондентов 4 группы и 32% респондентов 5 группы; средней успеваемостью и хорошей дисциплиной – 22% респондентов 4 группы и 32% респондентов 5 группы; успеваемость была хорошая, но имелись претензии к дисциплине у 8% респондентов 4 группы и 16% респондентов 5 группы; хорошей успеваемостью и хорошей дисциплиной смогли похвалиться лишь 2% респондентов 4 группы и 17% респондентов 5 группы.

Описанное выше подтверждает, что не выработанные (прежде всего педагогами) стимулы к учёбе, вовремя не оказанная помощь детям в успешном освоении ими школьных предметов, невнимание к их неуспеваемости и поведению, а возможно к возникшему конфликту с учителем или его некомпетентности в области детской психологии, отсутствие специальных тренингов для детей, слабо осваивающих образовательную программу, приводит к отсутствию удовлетворения ребёнка собой, своими успехами, уважения к себе, что является важнейшим элементом формирования гармоничной личности. В дальнейшем это приводит не только к невозможности успешной социализации несовершеннолетнего, но и к стремлению реализовать, утвердиться другими, бунтарскими, а порой и противоправными способами, обрести уважение в группах таких же «отвергнутых» и непонятых. Человеку, особенно в детском возрасте и юношестве, свойственно искать себя, самоутверждаться, стремиться обрести уважение у окружающих и если это не получается приемлемым способом, он будет стремиться добиться этого любым иным. Недостаточное использование знаний детской психологии, неспособность школы, как системы, понять и решить проблемы и потребности учащихся, узконацеленность лишь на предоставление знаний, отсутствие спроса со школы за результат воспитания доверенного ей человека, порой приводят к невозможности для учащегося

успешно социализироваться, «выталкиванию» их в неформальную среду, что представляется большую опасность и является криминогенным фактором, воздействующим на личность в детстве и юности.

Таким образом, интерес к учёбе, высокая самореализация несовершеннолетних в школе, формирование их самоуважения, практика успешного обретения учениками своего места в жизни общества в правоприемлемых рамках, имеет первостепенное значение для социализации человека, а, следовательно, и для профилактики отклоняющегося, в том числе противоправного поведения ребёнка. Все это должно обеспечиваться школой, должен постоянно поддерживаться учителями, условиями обучения в школах и в целом политикой образования.

Именно через школу должна реализовываться деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, возложенная, согласно закону, на органы управления образованием.

Полученные в результате нашего исследования данные, свидетельствующие о том, что проанкетированные преступники практически и существенно уступали правопослушным респондентам в сфере деятельных, творческих и интеллектуальных интересов во время учёбы в школе, также указывает на слабую стимулирующую функцию системы образования в этом вопросе. Например, несовершеннолетние преступники гораздо меньше увлекались в детстве чтением по сравнению правопослушными респондентами: всего 11% против 32%; меньше занимались спортом: 50% против 74%; общественной деятельностью: 4% против 29%. Сами преступники во взрослом возрасте сожалели о том, что в детстве имели мало увлечений, общественно полезной и социально одобряемой деятельности, отмечая, что такой узкий круг их интересов способствовал развитию у них дурных, в том числе противоправных наклонностей.

Низкий статус учительской профессии и уважения к личности учителя проявляется и в ответах на вопрос «Кто для Вас в детстве являлся образцом для подражания?». Ответ «учитель» набрал самое минимальное значение: 2%

среди респондентов 4 группы и 1% среди респондентов 5 группы.

Это отчасти объясняется не тем, что современные учителя не обладают талантами и личными качествами, достойными подражания, а ситуацией, сложившейся в системе отечественного образования в целом. Условия, в которые поставлены учителя в школах таковы, что им просто некогда заниматься воспитанием детей и предупреждением их отклоняющегося поведения, в том числе потому, что это непосредственно не входит в круг их полномочий, а в утвержденную государственную образовательную программу включены другие цели и задачи.

В школах сегодня существует крайне разнящаяся практика воспитательной и профилактической работы от имеющихся факультативных уроков, направленных на правовое просвещение детей и предупреждение их криминальной виктимизации, до полного отсутствия каких-либо мероприятий в этой сфере. Это связано с тем, что такие вопросы по-разному решаются не только в каждом субъекте Российской Федерации, но и в муниципальных образованиях, школы также сами имеют право определять круг задач и объём работы в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Школьные инспектора полиции не в состоянии восполнить пробелы в воспитательной сфере школы. Учитывая тот факт, что дети подавляющее время проводят в школах, а родители в рабочее время находятся на работе и не могут по объективным причинам контролировать своих детей, подобное упущение крайне негативно сказывается на состоянии отклоняющегося, в том числе противоправного поведения детей и является криминогенным фактором.

Несмотря на имеющиеся у школ большие возможности диагностировать ранние проявления отклоняющегося поведения детей и принимать меры самого раннего предупреждения подобного поведения, школы или совсем не ставят для себя этих задач, или весьма плохо с ними справляются.

Акцентировать внимание на разного рода отклонения в поведении ребёнка школьные педагогические коллективы начинают только тогда, когда

это становится неудобным для самой школы – откровенно выходит за приемлемые границы нормы, создаёт хлопоты, мешая выполнять собственные функции. Например, когда школьник подожжет мусорное ведро за школой, разобьет пивные бутылки на ее территории, набросает шприцов в туалете, когда к занятому директору придет для разговора участковый инспектор полиции и т. д. Обращать внимание на депрессивное состояние, внезапно возникшую замкнутость и иные странности в поведении школьника, принимать меры к выяснению причин резкого падения его успеваемости, возникновения конфликтов и аутсайдерства в среде учащихся для последующего профессионального вмешательства и психологической, социальной и иной помощи – такой элементарной практики в целом по стране в школах не имеется.

Не исчерпала своей актуальности и проблема насилия над детьми в школах, как со стороны сверстников, так и со стороны учителей. Согласно данным опроса, 16% детей подвергались физическому и психологическому насилию в школах, из них 5% – со стороны учителей⁶⁰.

Всё более очевидная либерализация прав несовершеннолетних, проявляющаяся в обществе, затронула и школу, что негативно сказывается на предупреждении отклоняющегося поведения детей. В рамках ювенального подхода к защите прав детей, когда акцент делается на правах ребенка, а не на его обязанностях – перед родителями, перед обществом, перед Отечеством, помимо прочего, теряются очень важные составляющие личности – это нравственность и духовность. В первую очередь имеется в виду распространяющийся в школах запрет на привлечение детей к труду в общественно-полезных целях. Если раньше трудовое воспитание было неизменной частью образовательного процесса и дети выполняли посильные работы, такие, как дежурства в классах, уборка, озеленение и благоустройство территорий школы, шефская помощь пожилым людям, то сегодня органами управления образованием издаются инструкции, согласно которым заставлять

⁶⁰ ТВ программа «Линия защиты», канал ТВ Центр, от 2 апреля 2007 г.

это делать детей запрещено. Так, в ряде регионов России в школы из отдела образования приходят инструкции не привлекать детей даже к посильным работам, таким как благоустройство пришкольной территории. Сегодня имеются случаи жалоб на учителей в ответ на просьбу подежурить в классе: навести порядок, вытереть доску.

Мы полагаем, что такой подход негативно сказывается на воспитании личности, способствует формированию безответственной гражданской позиции, развивает искажённый взгляд на жизнь, исключает возможность приобретения полезных навыков для самостоятельной жизни, способствует росту вседозволенности детей. В результате неестественного отгораживания детей от трудовой деятельности теряется важный воспитательно-трудовой компонент не только образования, но и проверенный многими годами действенный способ предупреждения правонарушений несовершеннолетних, основанный на позитивной реализации ребёнка как члена коллектива, формировании ответственности, чувства долга, товарищества, понимании значения совместного труда на благо общества, подготовке к самостоятельной жизни. Кроме того подобное ограждение детей от любых, в том числе посильных обязанностей представляется нам криминогенным фактором также потому, что относится к тем видам воспитания, которые по мнению специалистов, способствуют развитию психопатических проявлений у детей.

Как отмечает А.Е. Личко, «встречаются случаи психопатий, где решающим фактором в формировании патологического характера является неблагоприятное воздействие окружающей среды»⁶¹, в том числе неправильное воспитание. Примерами такого воспитания он называет: доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, гипопротекция, эмоциональное отвержение, условия жестоких взаимоотношений, повышенная моральная ответственность, воспитание в атмосфере культа болезни, противоречивое воспитание, воспитание вне

⁶¹ Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Речь, 2009. С.140.

семьи⁶².

Доминирующая гиперпротекция, по мнению А.Е. Личко, выражается в чрезмерной опеке, мелочном контроле за каждым шагом ребёнка, непрерывных запрещениях, невозможности принимать собственные решения – всё это создаёт у несовершеннолетнего впечатление, что ему «всё нельзя», в то время когда его сверстникам «всё можно». Гиперпротекция не даёт возможности с ранних лет учиться на собственном опыте, разумно пользоваться своей свободой, не приучает к самостоятельности, подавляет чувство ответственности и долга. Итогом этого вида воспитания является всё большее непослушание ребёнка в ответ на ещё более сильное стремление взрослых подчинить несовершеннолетнего своей воле. В какой-то момент такие дети и подростки поднимают бунт против «притеснения», рвут все запреты и устремляются туда, где, по их мнению, можно всё – в асоциальную уличную компанию. Здесь сказываются и подростковая реакция группирования и другие слабые места гипертимов – любовь к новизне, к развлечениям, лёгкость, с которой преступается грань дозволенного, неразборчивость контактов, привлекательность риска. Алкоголизация и знакомство с другими дурманящими средствами значительно подталкивают психопатическое развитие по гипертимно-неустойчивому типу.

Потворствующая гиперпротекция, по А.Е. Личко, заключается не столько в чрезмерном покровительстве, сколько в стремлении освободить детей от малейших трудностей, от скучных и неприятных обязанностей. Это дополняется непрерывным восхищением мнимыми талантами и преувеличением действительных способностей. Потворствующая гиперпротекция создаёт для ребёнка кризисную ситуацию: с одной стороны формирует непомерно высокий уровень притязаний, жажду престижного положения, с другой стороны мешает выработке навыков систематического труда, упорства в достижении цели, умения постоять за себя и за свои

⁶² См.: Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Речь, 2009. С.142-153.

интересы, осуществить лидерские функции, подчинить себе, руководить другими. При истероидной акцентуации потворствующая гиперпротекция толкает на психопатическое развитие по этому же типу, также она способствует развитию истероидных черт на основе лабильной и гипертимной, реже эпилептоидной и шизоидной акцентуаций характера.

Гипопротекцию А.Е. Личко определяет как вид неправильного воспитания, который в крайней своей форме проявляется полной безнадзорностью, но чаще лишь недостатком опеки и контроля над поведением. В наше время материального достатка некоторых слоёв населения гипопротекция, как правило, не сказывается на удовлетворении насущных нужд ребёнка, а проявляется только недостатком внимания, заботы и руководства, подлинного интереса воспитателей к его делам, волнениям, увлечениям. В духовной жизни подросток оказывается предоставленным самому себе. Существует и скрытая гипопротекция, когда контроль за поведением и жизнью подростка как будто осуществляется, но на деле отличается крайним формализмом. Ребёнок чувствует, что старшим не до него, что они несут в отношении него тягостные обязанности, что на деле они были бы рады освободиться от неё. Обычно подросток научается обходить формальный контроль и начинает тайно жить своей жизнью.

Гипопротекция особенно неблагоприятна при акцентуациях по неустойчивому и конформному типам. Именно такие подростки чаще всего оказываются в асоциальных компаниях и легко заимствуют праздный, полный поисков увеселений образ жизни. Для несовершеннолетних неустойчивого типа опасность отсутствия надзора, постоянного твёрдого руководства, даже принуждения к занятиям, учёбе, труду не вызывает сомнений. Предоставленные себе они с первых классов школы начинают прогуливать занятия, все дни проводить на улице, быстро оказываются в асоциальных компаниях, проходят весь дальнейший путь психопатического развития с делинквентностью, алкоголизацией, побегам из дома и т.п. Задержать такое развитие может лишь обстановка строгого трудового и дисциплинарного

режима.

В этой связи представляется интересной криминологическая характеристика несовершеннолетних преступников. Так, результаты переписи осуждённых, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних, показали, что число лиц, страдающих различными психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, по сравнению с данными десятилетней давности, увеличилось почти вдвое⁶³.

Примеры только некоторых неправильных видов воспитания, их влияние на возникновение психических отклонений у детей, а также тенденция увеличения среди несовершеннолетних преступников лиц с психическими отклонениями, свидетельствуют о необходимости возвращения в практику дополнительного школьного образования и внеклассную деятельность, трудового, духовно-нравственного, физического воспитания детей, установление большего контроля над детьми и умеренной дисциплины. Учитывая, что в рабочее время родители по объективным причинам не могут полноценно контролировать своих детей, обеспечивать их безопасность и досуг, важное значение имеет создание развитой школьной досуговой сети для детей, а также системы дополнительной опеки психологического, духовно-нравственного, физического состояния школьников, в рамках которой любое подозрительное или негативное изменение указанных сфер жизнедеятельности ребёнка будет вызывать внимание и психолого-педагогическое вмешательство со стороны педагогов и психологов школы, а при необходимости других специалистов.

Эти и другие меры способны обеспечить реализацию в школах функции профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обязанность чего как на субъекте профилактической деятельности лежит на органах управления образованием. Эта деятельность школ весьма значима в

⁶³ См.: Данилин Е.М., Селивёрстов В.И. Осуждённые в воспитательных колониях. По материалам специальной переписи, осуждённых и лиц, находящихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. Вып. №2. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 22-23.

рамках самой ранней профилактики отклоняющегося поведения детей, поскольку отсутствие своевременного реагирования на ранние проявления подобного поведения детей со стороны школы повлекут вмешательство государственных силовых структур в лице правоохранительных органов, а на этом довольно позднем этапе предупреждение отклоняющегося поведения детей гораздо менее эффективно.

Вместо того, чтобы своевременно и адекватно реагировать на имеющиеся случаи отклонения в поведении детей, проявляющиеся в курении, прогулах занятий, депрессиях, снижении успеваемости, возникновении конфликтности в среде учащихся, школа сегодня представляет собой некий плацдарм для множества сомнительных экспериментов, которые вызывают обоснованную тревогу родительской общественности и выражаются в чрезмерном и неправомерном вмешательстве в детско-родительские отношения.

Традиционные для российской семьи отношения, когда родители заботятся о детях, дети принимают семейные нормы, а затем, в свою очередь, заботятся о родителях, младших братьях и сёстрах подвергаются массовой атаке со стороны сторонников ювенальной юстиции, в том числе, с помощью использования ресурсов школ. Например, в ряде российских регионов в 2009-2011 гг. в школах появлялись агитационные плакаты, которые призывали детей подавать жалобы на родителей или обращаться в компетентные органы случаях, когда родители, по мнению детей, несправедливо их ругают (в том числе за безграничное пользование интернетом и чрезмерное увлечение компьютерными играми), критикуют за поведение или оценки, наказывают любыми способами (в том числе вербально), заставляют «много» работать по дому, присматривать за младшими братьями и сёстрами, и просто когда у детей возникает ощущение недостатка внимания и заботы в «связи с появлением в семье младших детей».

В данном случае неграмотная правозащитная политика может способствовать формированию у детей неправильных представлений о

характере нормальных семейных отношений, навязывание ложной идеологии, согласно которой родители и дети выступают как конкуренты за одни и те же ресурсы. Такими некорректными способами «защиты прав детей» производится подмена ценностных отношений в семье, строится приоритетное обучение несовершеннолетних их «правам» и способам защиты «своих прав», основой которой является конфронтация с родителями, игнорирование норм и правил семейной жизни.

Продемонстрированный подход оставляет в стороне понимание того, что семья строится не на конкуренции прав, но на любви, вере и ответственной свободе, к которой человек постепенно возрастает. Отдаление детей от родителей, происходящее в этом случае, очевидно, не может способствовать профилактике отклоняющегося, в том числе противоправного поведения несовершеннолетних. Кроме того, искусственное создание конфликта между поколениями разрушает семьи, обрекает большую часть детей на дальнейшее одиночество.

Подобный подход к защите прав детей противоречит менталитету наших соотечественников: Россия всегда являлась страной евроазиатской культуры, основными принципами воспитания в которой были и есть «почтение к родителям», «уважительное отношение к старшим», «послушание детей». Поскольку воспитание в российской семье предполагает послушание родителям и удержание ребенка от зла, в том числе путем запретов и наказаний, то предлагаемая (зарекомендовавшая себя за рубежом) система защиты прав детей фактически лишает родителей их естественного права воспитывать детей и преимущественного права на определение системы и приоритетов воспитания. Мы убеждены, что во благо самого ребенка и для благополучия общества в целом не допустима подобная несоразмерность прав и обязанностей детей.

Нарушением конституционных прав граждан России на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» является и такая сомнительная мера, направленная якобы на защиту прав ребёнка, как

ведение в школах «паспорта ученика» («паспорта здоровья ученика»).

В некоторых школах России, в нарушение конституционного принципа о том, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» заводились на детей подобные паспорта без согласия родителей. В иных школах эти паспорта заводились с вынужденного согласия родителей, под воздействием разного рода давления (в том числе имели место угрозы о возможном снижении успеваемости ребёнка в случае отказа родителей дать согласие на ведение паспорта здоровья ученика).

В упомянутых паспортах сотрудниками школ отражались полученные в ходе доверительных бесед с психологами (или записывались детьми самостоятельно) сведения о вредных привычках родителей и членов семьи, о характере взаимоотношений в семье, о конфликтных ситуациях в семье и характере их протекания, о благосостоянии семьи, состоянии здоровья ребёнка (вплоть до подробного описания болезней всех его органов), чем он питается, где спит, где и с кем делает уроки, во что играет, с кем общаются родители. В паспортах определялось к какой категории относится семья: благополучной или не благополучной. Нам непонятно, с какой целью собирается о семье и о детях такая подробная информация, для чего школе, не имеющей возможности оказать материальную помощь нуждающимся семьям, знать всю информацию о доходах родителей; не обладающей ресурсами оказания медицинской помощи, нужно знать детальную информацию о состоянии здоровья школьника, включая сведения о прохождении родов, перенесённых операциях, травмах, здоровье всех внутренних органов ребёнка, не имеющие отношения к учёбе. Эта информация является объективно излишней, а её сбор является нарушением прав человека и недопустимым вмешательством в жизнь семьи. Ещё одна опасность заключается в том, утечка этих сведений и получение их криминальными элементами, может способствовать совершению преступлений в отношении несовершеннолетних и их родных.

Подобные новшества внедряются в тех регионах России, где

апробируются ювенальные технологии. Это связано с тем, что ювенальные способы защиты прав детей предполагают введение единого социального стандарта жизни (по европейскому эталону), с которым будут сравнивать уровень жизни семей, имеющих детей. В случае, если уровень жизни семьи ниже определенного стандарта, это может служить поводом для констатации нарушения прав ребёнка, поскольку родители не обеспечили несовершеннолетнему должный уровень жизни. Очевидно, что для России подобный подход на данный момент неприемлем, поскольку пока невозможно сравнивать уровень социально-экономического благосостояния жителей нашей страны с подобными показателями развитых стран.

Тем не менее, в некоторых регионах нашей страны уже имелись случаи изъятия детей из семей органами опеки и попечительства только лишь на основании, что благополучная по всем остальным критериям семья не могла обеспечить достойный материальный уровень жизни своим детям. Причем критерий «достойного материального уровня жизни» определялся, не по российским реалиям, а по западному стандарту. В инструкциях по выявлению фактов жестокого обращения с детьми, предназначенных, в том числе, для педагогов школ таких регионов, приводится даже перечень продуктов питания, которые должны быть в каждой семье, имеющей ребёнка. В некоторых случаях официальные причины изъятия детей выглядели просто нелепо, как то «печное отопление в доме», на основании чего были изъяты дети из благополучной многодетной семьи, проживающей в доме с печным отоплением, что якобы не соответствует представлению о мировых стандартах качества жизни ребёнка.

Поэтому паспорта здоровья ученика, заполняемые в школах, с учётом происходящих в обществе событий, могут рассматриваться как способ сбора информации о семье с целью её дальнейшего использования для последующих изъятий детей. С подобными методами защиты прав несовершеннолетних мы не можем согласиться, а принцип изъятия детей из семей, не являющихся социально опасными, но не обеспечивающими своим детям определённые

стандарты жизни, по нашему мнению, не может быть приемлем для нашей страны, а его применение является нарушением прав и законных интересов российских граждан.

Мы полагаем, что школа обладает серьёзным потенциалом антикриминогенного воздействия на детей, который необходимо развивать и поддерживать, ориентируясь на отечественные проверенные подходы к воспитанию личности, а также с учётом духовных и культурных традиций и ценностей нашей страны.

5. Иное окружение ребёнка и подростка и их поведение

Сравнительное исследование лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения, а также состояли на учёте в ПДН в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и лиц, не имевших судимостей (5 группа), продемонстрировало значительно большую приверженность преступников употреблению алкоголя по сравнению с правопослушными респондентами. О том, что они начали выпивать в несовершеннолетнем возрасте, заявили 30% респондентов 4 группы и лишь 19% респондентов 5 группы. Причём время начала употребления алкоголя у представителей 4 группы гораздо более раннее: встречаются ответы «с 5 лет», «с 7 лет» «с 9 лет», в то время как респонденты 5 группы в среднем указывали на возраст 15-17 лет.

Отклоняющееся поведение в виде употребления и злоупотребления веществами, вызывающими изменения психической деятельности, психическую и физическую зависимость от них – одно из самых распространённых. Сутью такого поведения становится значительные изменения иерархии ценностей человека, уход в иллюзорно-компенсаторную деятельность и существенная личностная деформация.

При употреблении опьяняющих веществ, которые изменяют восприятие мира и самооценку человека, происходит постепенное отклонение поведения в

сторону формирования патологической зависимости от вещества, фетишизации его самого и процесса употребления, а также искажение связей человека с обществом. Сегодня в России, как и во всем мире, наряду с наркоманией алкоголизм принял настолько угрожающую масштабность, что ставится под вопрос не только здоровье будущих поколений, но и общества в целом.

Для организма и психики детей алкоголь противопоказан в любом количестве. Поэтому если для взрослого человека умеренное употребление алкогольных напитков не считается проявлением отклоняющегося поведения⁶⁴, то для детей даже нечастое употребление алкоголя, наряду с пьянством и алкоголизмом, представляется отклонением от нормы, недопустимым ни со стороны здравого смысла, ни со стороны интересов общества и личности самого ребенка.

По данным исследования подростков Санкт-Петербурга, опыт потребления алкоголя имели до 95% респондентов. Из них возраст первой пробы алкоголя составил: до 7 лет – 3,7%; 8-10 лет – 8,4%; 11-13 лет – 23%; 14-16 лет – 53,9%; 17 – 19 лет – 10,9%⁶⁵.

В результате проведенного нами анкетирования были получены следующие данные. Из 100 школьников в возрасте от 9 до 13 лет, не имеющих проблем с законом (1 группа), и 98 детей такого же возраста, стоящих на учете в ПДН, содержащихся в ЦВИНП (2 группа), знают вкус алкогольных напитков 41% детей первой группы и 87% лиц второй группы; иногда выпивают 3% из числа первой группы и 25% – второй; ни один из респондентов 1 группы не указал на систематическое употребление алкогольных напитков, зато среди представителей второй группы таких оказалось 46%. В связи с этим, можно говорить о тесной связи между употреблением алкогольных напитков и противоправным поведением детей. Таким образом, большинство

⁶⁴ В России изредка и умеренно потребляют алкогольные напитки 70–80% человек, и только 3–5% абсолютные трезвенники.

⁶⁵ Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции и других «отклонений». – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 309.

современных подростков и часть малолетних детей (особенно среди правонарушителей) – жителей крупного российского города знают вкус алкоголя. Таковую же ситуацию обнаруживают и данные официальной статистики.

В 2011 году в органы внутренних дел за употребление спиртных напитков было доставлено 149575 несовершеннолетних, что составило 29% от общей численности несовершеннолетних правонарушителей, среди них не достигших 16 лет – насчитывалось 52156 человека (или почти 35% от общего числа несовершеннолетних, доставленных в органы внутренних дел за употребление спиртных напитков)⁶⁶. Для сравнения, например до 2007 г. число не достигших шестнадцатилетнего возраста среди этой категории не превышало 26%.

В декабре 2011 г. среди несовершеннолетних, состоящих на учёте в ПДН, за употребление наркотических средств состояло 2429 человек; за употребление одурманивающих веществ – 4613 человек; за совершение административных правонарушений, связанных с появлением в нетрезвом виде, распитием алкогольной и спиртосодержащей продукции, потреблением наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах – 46859 несовершеннолетних.

Между тем, именно ранняя вовлеченность в употребление алкоголя особенно опасна. Если у взрослого человека переход от пьянства к алкоголизму занимает 6 – 10 лет, то у детей формирование хронического алкоголизма происходит в 3 – 4 раза быстрее, что объясняется анатомо-физиологическим строением детского организма⁶⁷. Так, в России среди несовершеннолетних официально зарегистрировано более 70 тысяч хронических алкоголиков⁶⁸.

⁶⁶ Статистика ГИАЦ МВД России. Форма 180, кн.111.

⁶⁷ Мозговая ткань ребёнка, в отличие от взрослого, богаче водой и беднее белком. В воде алкоголь хорошо растворяется и усваивается организмом, только 7% его выводится легкими и почками. Остальные 93% действуют как яд, оказывая разрушительное действие на все органы и системы и вызывая быстрое привыкание организма к этому яду.

⁶⁸ Из выступления Р.Г. Нургалиева на заседании Государственной Думы 17 мая 2006 г.

По данным Ф.Г. Углова, среди взрослых, злоупотребляющих алкоголем, 31,8% начали употреблять его до 10 лет, 64,4% – в 11 – 15 лет, 3,8% – в 16 – 18 лет⁶⁹. То есть раннее приобщение к спиртному является одним из решающих условий алкоголизации в зрелом возрасте. Специалисты отмечают, что алкоголизм в современных условиях «молодеет». Эти данные подтверждают, что формирование негативных привычек, извращенных потребностей, отклоняющегося поведения, в том числе, такого, как алкоголизм, начинается в подростковом или даже самом раннем детстве.

Отрицательными последствиями ранней алкоголизации являются также тяжелые медицинские и социальные последствия, рост вероятности криминального поведения, увеличение риска рождения у таких лиц детей с физическими и психическими аномалиями. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, потребление алкоголя свыше 8 литров на душу населения в год ведет к изменению генофонда нации, так как детей с психическими и физическими отклонениями от нормы при таком положении рождается больше, чем здоровых. Поэтому проблема алкоголизма влечет ухудшение здоровья не только отдельных личностей, но и здоровья общества в целом. Общество не может чувствовать себя в безопасности, не найдя эффективного механизма предупреждения наркоманий и алкоголизма, их лечения и организации социального контроля над их распространением.

Не менее опасным является влияние алкоголизации на преступность, поскольку наблюдается тесная взаимосвязь двух этих явлений. Наибольшую криминогенную опасность представляет формирование потребности в алкоголе, что побуждает к поискам незаконных средств для приобретения спиртного, приводит к снятию социального контроля, импульсивному, неконтролируемому сознанием поведению. Поэтому-то так важно своевременно предостеречь несовершеннолетних от употребления спиртного, наркотиков, других вредных привычек, приводящих к извращению их

⁶⁹ См.: Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. С. 70.

потребностей.

Среди подростков по-прежнему распространено такое явление, как наркотизм, наркомания и токсикомания⁷⁰. В России мало людей, так или иначе не сталкивающихся с наркотиками – либо они пробовали их сами, либо их друзья, знакомые, родственники, либо им предлагали наркотики. Опасность наркомании заключается также в том, что по данным исследователей, каждый наркоман вовлекает в наркозависимость от 10 до 50 человек в год, а значит эта социальная болезнь прогрессирует. Наряду с этим большая часть наркоманов больна гепатитом, СПИДом и другими неизлечимыми болезнями. Общаясь, они заражают окружающих людей.

В особо сложную ситуацию сегодня попали дети. По данным Всемирной организации здравоохранения, в каждом школьном классе каждые 3 – 4 ученика пробовали наркотики. За последние 7 лет число школьников и студентов, употребляющих наркотики, возросло в 6 – 8 раз.

Действительно, наркотизм – преимущественно молодежная мировая проблема. В трудах А. Габани отмечалось, что в 90-х годах среди потребителей наркотиков и наркоманов было свыше 67% молодых людей в возрасте до 30 лет, а начало потребления наркотиков приходилось на 14 – 16 лет. В наши дни, по данным некоторых исследователей, наиболее опасный возраст приобщения к наркомании – 9 – 12 лет⁷¹.

⁷⁰ Наркомания – заболевание, выражающееся в физической и (или) психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним – аддикции (от англ. addict – предаваться чему-либо, addicted – приверженный чему-либо), приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма.

Токсикомания – заболевание, аналогичное наркомании, вызванное потреблением ненаркотических средств и иных токсических (сильнодействующих) веществ (лекарственных препаратов, не отнесенных к наркотическим, предметов бытовой химии – лаков, красок, клея, бензина и др.)

⁷¹ См.: Сибиряков С.Л. Указ соч. С. 26.

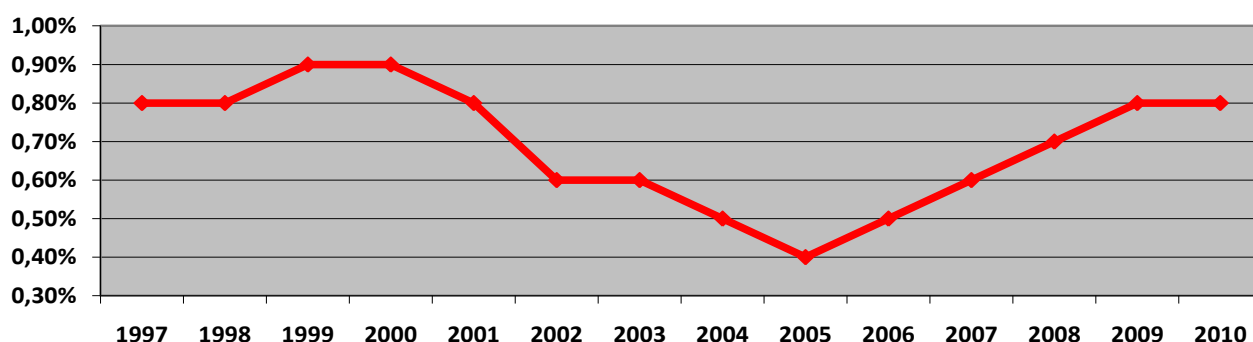

Рис. 4 Динамика удельного веса несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения (среди всех несовершеннолетних преступников)

Детский наркотизм и наркомания тесно связаны с проблемой преступности. За последние годы, начиная с 2005 г вновь стабильно возрастает удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения среди всех выявленных несовершеннолетних преступников (рис.4).

Сравнительное исследование лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения, а также состояли на учёте в ПДН в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и лиц, не имевших судимостей, (5 группа) также продемонстрировало значительно большую связь преступников с наркотиками по сравнению с правопослушными респондентами. На то, что они попробовали наркотики в несовершеннолетнем возрасте, указали 32% респондентов 4 группы и лишь 6% респондентов 5 группы. А факт употребления наркотиков в возрасте до 18 лет (включительно) признали 20% из числа респондентов 4 группы, среди проанкетированных респондентов 5 группы никто не указал на употребление наркотиков. Примечательно, что распределение респондентов по возрасту начала употребления наркотиков, выглядит следующим образом: до 10 лет – 5%; 11-12 лет – 6%, 14-15 лет – 35%; 16-17 лет – 30%; 18 лет – 24%.

В результате проведенного нами анкетирования детей были получены следующие данные. Из 100 школьников в возрасте от 9 до 13 лет, не имеющих проблем с законом (1 группа), и 98 детей такого же возраста, стоящих на учете в ПДН, содержащихся в ЦВИНП (2 группа), среди респондентов первой

группы пробовали наркотики 3%, а среди респондентов второй группы пробовали или (и) употребляли 53%. Это также свидетельствует о криминогенности наркомании.

Необходимо отметить статистически зарегистрированное снижение пристрастия несовершеннолетних к наркотикам. Тем не менее, за период с января по декабрь 2011 г. в органы внутренних дел доставлено за употребление наркотических средств, психотропных или одурманивающих веществ – 5475 лиц, не достигших 18 лет (для сравнения, например в 2007 г. этот показатель составлял 17 645 человек), среди них несовершеннолетние, не достигшие 16 лет – 2303 несовершеннолетних, (в 2007 г. этот показатель составлял 7 942 человека).

Ряд исследований выявляют весьма высокую взаимосвязь между потреблением наркотических средств и уголовно-наказуемыми деяниями. В 91% случаев совершения преступлений лицами, употребляющими наркотические вещества, обусловлено именно «наркотическими» мотивами⁷².

В ходе исследования преступников-рецидивистов⁷³, 51,9% из них заявили о том, что до осуждения они употребляли наркотические средства или психотропные вещества. Причем только 4,8% подростков, совершивших повторное преступление, считают недопустимым их употребление. В контрольной группе только 4,2% подростков употребляли, причем очень редко, наркотические средства или психотропные вещества.

Потребление наркотиков препятствует полноценному физическому и нравственному развитию личности детей, способствует всесторонней деградации личности несовершеннолетних, создает условия для совершения ими противоправных, в том числе преступных действий.

⁷² Черникова И.А., Фортунч М.В., Яковлев О.В. Предкриминальное поведение несовершеннолетних, совершивших умышленные преступления: Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 53.

⁷³ См.: Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации): Пособие / Ильяшенко А.Н., Маслов А.В., Харьковский Е.Л., Игнатов Е.А. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 22.

Необходимо рассмотреть ещё одно крайне опасное явление среди несовершеннолетних - самоубийство или суицид – то есть умышленное лишение себя жизни. Самоубийства, наряду с самоповреждениями, относятся к аутоагрессивному, саморазрушительному виду отклоняющегося поведения. Их различия заключены в конечной цели (смерти или членовредительстве) и вероятности ее достижения. Под суицидальным поведением понимается намеренное стремление человека к смерти.

Проблема суицидов характерна не только для нашей страны, сегодня она распространена во многих странах мира. По данным некоторых исследований, прогнозируется, что к 2020 году суицид выйдет на второе место в мире в качестве причины смерти людей.

Начиная с 2003 г. наша страна стала лидером и по числу самоубийств среди несовершеннолетних. Шведский центр суицидальных исследований опубликовал доклад, в котором сообщается, что по абсолютному количеству самоубийств среди детей в возрасте от 14 до 18 лет Россия вырвалась на первое место⁷⁴. Добровольно с жизнью расстаются около 2 500 несовершеннолетних россиян в год. Второе место у США – 1800 детей-самоубийц в год. Психологи из разных стран мира практически единодушны в том, что причинами подростковых самоубийств становятся не экономические факторы, социальные или бытовые стрессы, как это нередко происходит со взрослыми, а процессы, связанные, в первую очередь, с отношениями в семье, в школе, в кругу друзей и товарищей, реже – общее положение дел в стране и мире. Причем более 80 процентов детей и подростков, добровольно ушедших из жизни или попытавшихся это сделать, психически были абсолютно здоровы.

Г.Онищенко подтвердил, что в настоящее время Российская Федерация занимает первое место в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков, а за последние годы количество детских суицидов и попыток

⁷⁴ E-mail: <http://www.ug.ru/issue/?action=topic&toid=6686>

самоубийств увеличилось на 37 процентов⁷⁵. В 2009 году в стране было 260 подростковых суицидов, в 2010 г. – в 1,2 раза больше: до 20 самоубийств на 100 тысяч подростков, что втрое превышало соответствующий мировой показатель. Чаще всего кончают жизнь самоубийством подростки и молодые люди в 15-35 лет. У этой категории на одну смерть от суицида приходится почти 200 нереализованных суицидальных попыток.

Среди причин суицидов и суицидальных попыток, специалисты указывают на неразделённую любовь, конфликты со сверстниками и родителями, страх перед будущим, одиночество. Выпускники детских домов, интернатов чаще других подростков прибегают к суицидам. Среди самоубийц лидируют неработающие. Второе место занимают учащиеся. На третьем – рабочие, число которых вдвое превысил долю студентов, относящихся к социальной группе молодежи с наиболее широкими жизненными перспективами.

Наибольший риск суицидов характерен для лиц, не учащихся, не работающих, не занятых социально полезной деятельностью. Подобная ситуация вполне может складываться как в весьма состоятельных семьях, так и в семьях, слабо социально адаптированных, маргинальных, характеризующихся отклоняющимся поведением, в первую очередь, злоупотреблением алкоголем.

Среди детей и подростков всегда наблюдались отклонения в сексуальной сфере. В отличие от взрослых в психическом, физическом и юридических смыслах людей, малолетние дети, следуя медицинским, психологическим и нравственным требованиям, не должны иметь никакого сексуального опыта. На этом основании, любые сексуальные отношения малолетних детей являются противоестественными, недопустимыми, и, следовательно, отклоняющимися. Ранняя половая жизнь⁷⁶ (гомо- и гетеросексуальной направленности) является несомненным отклоняющимся проявлением и

⁷⁵ URL: <http://www.rg.ru/2013/03/15/samoubiistva.html>

⁷⁶ По нашему мнению, оценивая психологические аспекты, а также согласно медицинским рекомендациям, не желательным, а значит ранним, является начало половой жизни до 17 – 18 лет.

нарушением закона.

По данным ВОЗ, в настоящее время в странах Европы и США, в том числе и в России, отмечается широкое распространение ранней половой жизни у подростков. По материалам исследований НИИ им. Н.А. Семашко, возраст начала половой жизни городских подростков составляет 15,5 лет⁷⁷.

Ранняя половая жизнь ведет к серьезным последствиям, в том числе и в репродуктивном здоровье девушек, повышается риск гинекологических и венерических заболеваний, ранней беременности, увеличивается число аборт, нежелательных родов, рождения больных и слабых детей.

Согласно статистике, от 10 до 15 % аборт дают различные осложнения, 7–8% женщин после них становятся бесплодными. Каждый год армия тех, кто не может иметь детей, пополняется на 200–250 тысяч. В нашей стране около 15% пар, состоящих в браке, не способны зачать ребенка. По данным Всемирной организации здравоохранения, 15% – это предел, после которого бесплодие становится социальной проблемой. Врачи утверждают, что официальную статистику по количеству аборт следует умножить вдвое.

Аборт отражаются на здоровье будущих детей. Так, например, нарушение уровня газообмена в плаценте из-за рубцовых изменений в матке вследствие предыдущих аборт, отражается на коре головного мозга последующих детей, на их дальнейшем психическом и интеллектуальном развитии. Такие младенцы бывают ослабленными и физически, иногда значительно.

По оценке Министерства здравоохранения и социального развития России, в России ежегодно делается 1,6 – 1,7 миллионов аборт, причем каждый пятый аборт делается подростками до 18 лет⁷⁸.

Результаты выборочного обследования репродуктивного здоровья

⁷⁷ Беличева С. А. Указ соч. С. 63.

⁷⁸ E-mail: <http://ulin.ru/diary.htm>

населения⁷⁹ свидетельствуют о том, что 35% среди всех опрошенных лиц женского пола в возрасте 15-44 лет делали аборт.

Отчетливо прослеживается связь между ранним началом половой жизни и общей деградации личности ребенка, ведущей к иным видам отклоняющегося, в том числе преступного поведения. Из числа опрошенных несовершеннолетних девушек, совершивших повторные преступления, только 8,7% указали на отсутствие половых контактов в их жизни. Возраст начала ими половой жизни определяется следующими данными: до 14 лет – 37, 3%; 14–15 лет – 55,4%; 16 лет – 7,3%⁸⁰. На семнадцатилетний возраст начала половой жизни не указала ни одна из опрошенных. Как видно, из числа несовершеннолетних преступниц, имевших половые связи до момента осуждения, 92,7% начали половую жизнь еще в раннем возрасте.

Причем 57,7% преступниц впервые вступили в половую связь добровольно, а 42,3% – по принуждению. Столь высокий процент добровольного выбора ранней половой жизни свидетельствует о низкой нравственной и интеллектуальной характеристике несовершеннолетних правонарушителей, деформации социально-культурных потребностей и ценностных ориентаций.

На вопрос анкеты: «Имелся ли у вас сексуальный опыт?» в ходе анкетирования 100 школьников в возрасте от 9 до 13 лет, не имеющих проблем с законом (1 группа), и 98 детей такого же возраста, стоящих на учете в ПДН, содержащихся в ЦВИНП (2 группа), положительный ответ среди респондентов первой группы дали 3% лиц, причем исключительно мужского пола; а среди респондентов второй группы – 31% женского и 22% мужского пола. Даже если учитывать большую скромность (скрытость) при ответах на

⁷⁹ См.: Репродуктивное здоровье населения России 2011 г. Резюме отчёта // Федеральная служба государственной статистики, Министерство здравоохранения Российской Федерации, Фонд ООН в области народонаселения. М., 2012.

⁸⁰ Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации): Пособие / Ильяшенко А.Н., Маслов А.В., Харьковский Е.Л., Игнатов Е.А. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 23.

этот вопрос респондентов 1 группы, что снижает степень объективности, полученные данные все же подтверждают общественную опасность и криминогенность детских «отклонений» в сексуальной сфере.

Кроме проблем с ранней беременностью, абортами, болезнями, передающимися половым путем, нельзя не помнить, что ранняя половая жизнь и ее неудачный опыт, что чаще всего бывает в таких случаях, наносит серьезную психическую травму неокрепшей психике ребенка, а это, в свою очередь, ведет к личностному надлому, раннему цинизму, алкоголизации и криминализации личности. Согласно последним исследованиям американских ученых, подростки, рано начавшие половую жизнь, больше других склонны к депрессиям и суициду⁸¹.

Одним из свидетельств нравственной деградации общества и проявлением «отклонений» в сексуальной сфере детей, выступает детская проституция, которая является следствием ранней половой жизни детей и, одновременно её провокацией. Такая ситуация напрямую связана с общим падением нравственности в обществе. Так, по результатам опроса несовершеннолетних, только 35% среди опрошенных лиц порицали проституцию⁸².

Рождение слабых и больных детей как наиболее опасное следствие отклонений в сексуальной сфере – это не только существенный риск общего физического и генетического ослабления будущих поколений, но и повышенный риск возникновения в недалеком будущем отклоняющихся проявлений в поведении потомков. Связь физических и психических

⁸¹ В исследовании, проводимом фондом Heritage Foundation, приняли участие 2 800 учащихся в возрасте от 14 до 17 лет. Согласно полученным результатам, около 25 процентов сексуально активных девушек считают себя "несчастливыми", при этом не всегда проявляя клинических признаков депрессии. Такие же ощущения описывают лишь 8 процентов девушек, не ведущих регулярной половой жизни. Около 14 процентов сексуально активных девушек совершали попытки самоубийства. Среди их ровесниц, не ведущих половой жизни, суицидальное поведение встречается лишь в 5 процентах случаев. Юноши, ведущие половую жизнь, также более склонны к суициду: 6 процентов из них пытались покончить с собой, в то время как среди не вступающих в половые связи этот показатель в шесть раз меньше. E-mail: <http://www.medportal.ru/mednovosti/news/2003/06/05/kids>.

⁸² См.: Сибиряков С.Л. Указ соч. С. 61.

патологий человека и поведенческих отклонений неоднократно устанавливалась в научных исследованиях. Таким образом, опасность отклонений в сексуальной сфере, в частности ранняя, и, как следствие, беспорядочная половая жизнь представляет собой криминогенную угрозу, методично и необратимо нацеленную на будущее нашего общества.

К криминогенным явлениям можно отнести безнадзорность и беспризорность детей. Дети, частично утратившие связь с родителями из-за недостаточности контроля и влияния семейного воспитания, называются безнадзорными. Крайней формой безнадзорности является беспризорность⁸³, когда дети, покидают свой дом в силу невозможных для проживания условий, будучи оставленными родителями, как правило, находящимися на крайней стадии моральной деградации либо не имеющими элементарных условий для содержания ребенка. В России ежегодно уходят из дома или пропадает более пятидесяти тысяч несовершеннолетних⁸⁴, из них около двух тысяч детей – лица, не достигшие возраста 14 лет.

Число разыскиваемых несовершеннолетних имеет тенденцию к росту. Так, если в 2001 г. в розыске находилось 22 778 детей, в 2002 г. их количество возросло на 15 % и составило 26 192 человек, а 2006 г. увеличилось почти в 2,5 раза и достигло 53 919 человек, а в 2007 г. их число составило 53 182 человека⁸⁵ (это при том, что ежегодно число самих детей в России неуклонно снижается). Среди несовершеннолетних, находящихся в местном или федеральном розыске в 2007 г., насчитывалось 28 785 детей, ушедших из дома и 21 502 – ушедших из государственных учреждений. В 2011 г. число несовершеннолетних, находящихся в местном или федеральном розыске

⁸³ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Информационно-справочная система «Гарант». Ст.1.

⁸⁴ Веред Е. Б. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов на Дону, 2004. С. 3.

⁸⁵ См.: Сводный отчет о результатах работы подразделений милиции общественной безопасности, криминальной милиции и органов предварительного следствия по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь-декабрь 2006 г.

составляло 49 970 человек, среди которых ушедших из дома насчитывалось 27 046 детей, ушедших из государственных учреждений – 21047 детей.

Сегодня, после периода продолжительного роста показателей, наблюдается спад удельного веса и числа детей, оставшихся в розыске. Так, если удельный вес не разысканных несовершеннолетних в 2001 г. составлял 6,9%, в 2002 г. – 7,2%, в 2003 г. – 8%, в 2004 г. – 8,1%, в 2005 г. – 8,4%, в 2006 г. – 7,5%, в 2007 г. – 6,9%, то в 2011 г. этот показатель составил 4,8%.

В 2001 г. число разысканных детей составляло 1 637 человек, в 2002 г. – 1 876 человек, в 2003 г. – 2 023 человека, в 2004 г. – 2 020 человек, в 2005 г. – 1 984 человека, то в 2006 г. – 4 087 человек, в 2007 г. – 3 779 человек, в 2011 г. - 2 393 ребёнка.

Но и такое положение представляется нам весьма тревожным, если учесть, что каждый из пропавших, а также беспризорных детей может находиться в опасном для жизни и здоровья состоянии, в криминальном окружении, стать жертвой преступных посягательств, быть вовлеченным в совершение общественно опасных действий и преступлений. По данным исследователей, большинство преступлений несовершеннолетних связано с безнадзорностью и беспризорностью⁸⁶. Так, около 81,9% преступлений совершается в период с 18 до 24 часов, когда дети предоставлены сами себе⁸⁷.

В ходе проведения нами анкетирования несовершеннолетних в возрасте от 9 до 13 лет, были затронуты вопросы детской безнадзорности. 100 школьникам, не имеющим проблем с законом (1 группа), и 98 детям, стоящим на учете в ПДН, содержащимся в ЦВИНП (2 группа), был задан вопрос: «Осуществляется ли вашими родителями контроль за вашей учебой?», на который однозначно положительный ответ дали 86% респондентов первой группы и 16% респондентов второй группы. Ответ «Иногда» выбрали 12% респондентов первой группы и 48% респондентов второй группы;

⁸⁶ Кошелева Е.В. Семья и преступность несовершеннолетних: Монография / Е.В. Кошелева; под науч. ред. В.А. Лелекова. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2006. С. 30.

⁸⁷ См.: Лебедева А.И. Семья несовершеннолетнего правонарушителя как объект профилактики преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, М., 2000. С. 17.

категоричное «Нет» – 2% первой и 34% второй группы. На вопрос: «Возникло ли у вас желание уйти из дома?», ответило отрицательно 69% респондентов первой и 32% респондентов второй группы; «однажды возникло» в 27% и 28% случаях соответственно; «возникает периодически» – в 4% и 40% случаях соответственно.

В результате ответа на вопрос: «Имеются ли у вас увлечения?» детей, не имеющих таковых вообще, насчитывалось 22% из числа респондентов первой группы и 63% из числа второй. На вопрос: «Как вы проводите свободное время?», ответы: «Гуляю с друзьями» выбрало 63% респондентов первой группы и 95% второй; «Смотрю телевизор» – 48% первой группы и 51% второй; «Читаю книги» – 34% и 17% соответственно; «Занимаюсь спортом» – 21% и 15% соответственно.

Как видно, недостаточное родительское внимание к жизни детей, неблагополучие внутрисемейных отношений, отсутствие у детей развивающей референтно–значимой деятельности, а также нерегулярный контроль за их времяпрепровождением имеет серьезное криминогенное значение и связано с большим риском вероятности оставления детьми своих домов.

Безнадзорность и отсутствие контроля над времяпрепровождением детей может привести к пагубным зависимостям, например, игромании. Это еще одна нерешённая проблема российской действительности, детерминирующая преступность и самоубийства несовершеннолетних, которая в отличие от ряда зарубежных стран, в России не признана социально опасным или социально значимым заболеванием, в связи с чем, в стране отсутствуют специальные программы помощи таким лицам и их семьям. Сегодня ряд наркологических клиник в крупных городах проводят индивидуальное лечение зависимых от компьютерных игр несовершеннолетних, однако подавляющей части детей и подростков такая помощь не оказывается вовсе.

В результате современных исследований, подтвержденных

статистическими данными, были выявлены следующие зависимости⁸⁸:

1. Подтверждена связь преступности несовершеннолетних, а также общественно–опасных действий лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и беспризорности несовершеннолетних, когда сами беспризорные подростки совершают тяжкие и особо тяжкие уголовно–наказуемые деяния (именно на этот аспект связи беспризорности несовершеннолетних и преступности обратили внимание 43% проанкетированных экспертов).

2. Увеличение риска виктимности детей с момента попадания их в круг беспризорников (22% экспертов подтвердили данную закономерность).

3. Появление и распространение в среде несовершеннолетних таких проявлений отклоняющегося поведения как: проституция, наркомания, токсикомания, пьянство, бродяжничество, попрошайничество, правонарушения, которые, по мнению компетентных органов, являются следствием беспризорности.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, ученые заговорили о проблеме нравственной нормы в современном мире и, особенно, в реформируемом пространстве нашей страны. Разрушив нормы, сформировавшиеся в советское время, современное общество пытается создать новые нормы для нынешнего этапа своего развития.

Размытость нынешних, внедряемых свыше современными реформаторами норм, неубедительность некоторых из них делает проблему определения девиации чрезвычайно сложной. Все труднее теоретикам и практикам становится ответить на вопрос: «В чем и от чего происходит отклонение?». Неопределенность в критериях, в границах дозволенного, отсутствие ясных и понятных процедур ответственности и мер ответственности за содеянное объективно способствует расширению «поля девиантности», с одной стороны, обуславливая «размытость» его границ с

⁸⁸ Кадырова Н.Н. Беспризорность несовершеннолетних и ее профилактика: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Челябинск, 2005. С.17–18.

другой.

Исследователи утверждают, что потеря социальных ориентиров, социальной опоры, привычных гарантий безопасного и обеспеченного (пусть до минимума) существования вызывает у людей растерянность, делает их податливыми различным политическим и идеологическим воздействиям крайнего толка, создает предпосылки для экстремистских проявлений⁸⁹.

Хотелось бы отметить, что преступность, как и иные формы отклоняющегося поведения – это, в первую очередь, посягательство на моральные устои общества. В ходе изучения предкриминального поведения многими исследованиями было установлено, что для всех несовершеннолетних преступников характерны нарушения возрастных социальных ролей и аморальное поведение до момента совершения преступлений. Около 45,3% несовершеннолетних преступников состояли на учете в органах внутренних дел⁹⁰. Проблема нравственности остро стоит у всех несовершеннолетних правонарушителей.

В ходе проведения нами анкетирования несовершеннолетних в возрасте от 9 до 13 лет, были затронуты вопросы их мировоззренческой позиции и нравственности. Ста школьникам, не имеющим проблем с законом (1 группа), и 98 детям, стоящим на учете в ПДН, содержащимся в ЦВИНП (2 группа), был задан вопрос: «Какие общечеловеческие ценности и качества людей ты считаешь действительно важными?». В качестве нематериальных жизненных ценностей были отмечены соответственно: «Дружба» – в 89% случаев у респондентов первой группы и в 62% случаев у респондентов второй группы; «Честность» – 80% и 42%; «Любовь» – 56% и 43%; «Вера в Бога» – в 41% и 40%; «Милосердие» – 29% и 17%; «Сила воли» – 65% и 51%; «Смелость» – 52% и 75%; «Любовь к Отечеству» – 32% и 18%. Как видно, среди детей, характеризующихся отклоняющимся поведением, уровень развития

⁸⁹ См.: Девиантное поведение в России: проблемы и перспективы исследования: Материалы сессии Академии социальных наук. М.: Академия социальных наук, Институт социально-политических исследований РАН, ВНИИ МВД России. – 1994. С. 5.

⁹⁰ См.: Лебедева А.И. Семья несовершеннолетнего правонарушителя как объект профилактики преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, М., 2000. С. 17.

нравственных взглядов и высоких человеческих чувств значительно ниже, чем у их благополучных сверстников, что определяет приоритетное направление укрепления нравственности в работе по предупреждению отклоняющегося поведения детей.

В результате проведенного нами сравнительного исследования лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые впервые совершили преступление или административные правонарушения, а также состояли на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (ПДН) в несовершеннолетнем возрасте (4 группа) и респондентов, не имевших судимостей (5 группа) было установлено, что представители двух этих групп существенно различаются не только по наличию высоких человеческих чувств и нравственных качеств, но и в своём стремлении их приобрести. На вопрос анкеты «Укажите, какие качества присущи лично Вам и те, которые Вы стремитесь в себе развить» ответы респондентов 4 и 5 группы распределились следующим образом соответственно: «Вера в Бога» - 21% и 65%; «Совесть» - 38% и 68%; «Дружба» - 39% и 71%; «Справедливость» - 43% и 81%; «Любовь» - 41% и 71%; «Мужество» 38% и 76%; «Любовь к Отечеству» - 15% и 66%; «Милосердие» - 28% и 57%; «Сила воли» - 31% и 58%; «Терпение» - 42% и 65%; «Доброта» - 40% и 64%; «Честность» - 36% и 68%; «Смелость» - 31% и 74%; «Отзывчивость» 24% и 70%; «Скромность» - 22% и 56%; «Самоотверженность» - 14% и 47%; «Наглость» - 12% и 6%; «Злость» - 10% и 4%. Как видно, не только обладание высокими нравственными качествами, но и стремление развить их в себе среди респондентов 4 группы не доходит до 50%, а наименее популярными качествами выступают отзывчивость, любовь к Отечеству, милосердие.

В отношении круга деятельных, творческих и интеллектуальных интересов проанкетированные несовершеннолетние преступники во всем уступали правопослушным респондентам, имея гораздо меньше увлечений и общественно полезной и социально одобряемой деятельности. В результате

проведённого исследования было установлено, что несовершеннолетние преступники гораздо меньше увлекались в детстве чтением по сравнению с правопослушными респондентами: всего 11% против 29%; меньше занимались спортом: 50% против 74%; играли в «дворовые» игры: 35% против 52%; занимались общественной деятельностью: 4% против 29%; имели иные увлечения (мотоспорт, скейтборд, плавание, вышивание и т.п.): 11% против 35%. Однако практически одинаковое число респондентов из обеих групп занималось музыкой и рисованием 7 и 14% соответственно.

Примечательно, что нередко в анкетах респондентов 4 группы, которые отмечали высокий уровень материального достатка своих семей в детстве, имели двух родителей с высоким уровнем образования и постоянным доходом, указывалось, что они всё равно хотели бы иметь больше денег и жить в большем достатке. Данное свидетельствует, что причина недовольства своим положением может исходить также из завышенных потребностей человека, не удовлетворяющихся средним, а то и высоким уровнем жизни. Это представляет собой весьма актуальную проблему молодого поколения, растущего в обществе сверхпотребления, для которого свойственно не просто удовлетворять свои витальные потребности, но иметь непрекращающиеся желания обладать новыми и новыми благами ради статуса и собственного эго. Сегодня имеется не так много примеров, когда преступления совершаются ради выживания, чтобы раздобыть себе «кусочек хлеба на пропитание». Чаще всего несовершеннолетними совершаются преступления как раз для приобретения дополнительных благ, без которых вполне можно было бы прожить, например, более современного телефона, компьютера, модной одежды, средств для развлечений, приобретения алкоголя или наркотиков.

Как проявление аморального поведения можно рассматривать недобросовестное отношение несовершеннолетних к предъявляемым обществом требованиям, в частности, игнорирование общественно полезных обязанностей и недобросовестное отношение к обучению.

III. Бедность

1. Извечная проблема бедности в России⁹¹

Бедность в России – одна из наиболее острых социальных проблем. Неудачи государственной социальной политики в России в 90-е годы XX в. привели к значительному увеличению числа лиц, живущих за чертой бедности, а также росту преступности. Бедность и нищета сегодня – удел довольно большой социальной группы, которая есть почти в каждой стране.

Изменения социально-имущественной структуры России, происходившие в последнее время, характеризовались двумя доминирующими тенденциями: появление значительной массы населения, уровень обеспечения которых ниже прожиточного минимума, и рост имущественной дифференциации. Перемены сопровождали все сферы жизни общества, но именно массовое обеднение стало одним из самых серьезных негативных последствий периода трансформации общественных отношений. Бедность российского населения приобрела новые уникальные черты: во-первых, это бедность грамотного, трудоспособного населения. Во-вторых, российские бедные слои включают в себя людей, живших до начала 90-х гг. в условиях относительного достатка.

Так, по оценке независимых экспертов, более 20% населения России находятся за чертой бедности, т.е. впали в нищету. При этом в современной России весьма характерной чертой стало появление «новых бедных», то есть квалифицированных специалистов, не имеющих работу или получающих заниженную заработную плату.

Действительно, если на начальном этапе экономических реформ ядро бедных составляли «традиционно» бедные (многодетные и неполные семьи с детьми, инвалиды, пенсионеры, получающие пенсии в минимальном размере, одинокие престарелые граждане), то в настоящее время их ряды пополнились трудоспособными гражданами, которые по ряду причин (низкая оплата труда,

⁹¹ Параграф написан в соавторстве с А.В. Гурницким.

несвоевременная выплата заработной платы, безработица) не способны прокормить себя и свои семьи. Таким образом, складывающаяся к настоящему моменту модель бедности – это, прежде всего, результат неравенства на рынке труда: низких доходов от занятости как при высоком, так и при низком уровне квалификации. При этом в наиболее неблагоприятном положении (в состоянии крайней бедности) находятся семьи с детьми, что создает риск для воспроизводства бедности.

Современный период развития страны формирует новые проблемы. Речь идет о резко углубившемся социально-экономическом неравенстве, которое заняло ведущее положение во всей системе социальных неравенств. Неравномерное распределение богатства, наблюдающееся в любом обществе, достигло в реформируемой России несопоставимо больших размеров⁹². В результате нерешенность насущных проблем, связанных с обеспечением достойного уровня жизни населения, приобрела в меняющемся обществе совершенно иной, отличный от прежнего, характер. Сегодня речь идет уже не только о неравенстве в доходах и собственности, но и об огромных различиях в качестве жизни, характере и условиях труда, уровне образования и культуры.

Отсутствие катастрофического разрыва в доходах богатых и бедных принято считать главным признаком стабильности и наличия социальной справедливости в обществе. Именно по этой причине вопросы преодоления гигантского социально-экономического неравенства рассматриваются в качестве ключевых для его развития. И здесь важны не только объективные показатели поляризации, но и то, как проблемы дифференциации материальной обеспеченности, массовой бедности и прогрессирующего роста богатства воспринимаются населением страны и отдельными социальными группами.

Опыт всего мира показал, что если разница в доходах самой бедной группы населения и самой богатой превышает в 15–20 раз, то общество начинает разваливаться. Нарастает агрессия, исчезает солидарность, резко

⁹² См.: Россия в глобализирующемся мире: социальные аспекты. М., 2006. С. 63.

увеличивается число суицидов, появляется больше беспризорников. И даже здоровье людей становится хуже, так как многие начинают чувствовать себя социальными аутсайдерами и не имеют средств для профилактики заболеваний и лечения. Указанные процессы, в свою очередь, влекут увеличение затрат на борьбу с преступностью и улучшение здравоохранения.

Как правило, основной подход государства к решению проблем бедности основывается на экономических методах. Однако их использование, как показывает общественно-историческая практика, не только не снимает проблему, но и отнюдь не всегда приводит к снижению бедности. Осмысление социально-философских проблем феномена бедности как деструктивного состояния всех уровней социальности, лишенных одной или нескольких составляющих: экономических, духовных, нравственных, социальных ценностей индивида, общества и в целом человеческой цивилизации, будет способствовать эффективному их решению.

Радикальным последствием пауперизации населения является расширение базы потенциальных преступников и соответственно рост числа совершаемых преступлений. В юридической (в большей степени криминологической) литературе бедность и нищета традиционно анализируются в срезе причинного комплекса совершения преступных деяний, в частности, корыстных и насильственных, а также в качестве одного из факторов сохранения рецидивной преступности. При этом отмечается, что криминогенный эффект действия негативных факторов (в частности, обнищания населения) на механизм возникновения преступного результата имеет гораздо более ускоренный характер, чем эффект действия положительных факторов на исправление негативной ситуации. Когда обстоятельства жизни меняются к худшему, особенно если это происходит быстро, тревожное восприятие их у людей обостряется и порождает, как правило, немедленную реакцию, характер которой также зависит от многих личных и привходящих факторов.

Необходимость изучения феномена обнищания обусловлена

объективными причинами: экономически неблагополучные люди в малой степени способны к сопротивлению жизненным трудностям, отличаются неприспособленностью к борьбе за свои права и свободы, вследствие чего становятся жертвами различного рода преступлений. Накопление неудовлетворенностью жизнью, отсутствие прочной системы ценностей, неприемлемые социально-бытовые условия, – все это вызывает состояние социальной отверженности, формирует готовность к преступному поведению.

Терминология, призванная охарактеризовать состояние отсутствия достаточных средств к существованию, весьма многообразна в разных отраслях науки и бытовом общении. Наиболее часто используются такие понятия как нищенство, бедность, пауперизм, малообеспеченность, нуждаемость и др. Разделение данных терминов зачастую основывается на экономическом подходе, разбивающем указанное явление на несколько уровней. В криминологии, как правило, используется более общий термин – «бедность», хотя также отмечается ее неоднородность. В рамках исследования представляется целесообразным использовать именно термин «бедность» как наиболее универсальный.

Исследование проблемы бедности в целом и ее криминогенного потенциала в частности целесообразно проводить на основе: 1) исторического опыта России; 2) современных оценок масштаба данного явления в нашей стране, устанавливаемых путем статистических и социологических измерений; 3) криминологических данных, характеризующих влияние бедности на состояние преступности. Подобное изложение материала позволит не только в полной мере осветить рассматриваемую проблему, но и установить взаимосвязь экономических проблем с изменением структуры и количественных характеристик преступности. Указанный подход к изучению данной проблемы обусловил логику изложения материала.

Бедность и нищенство в истории России. Нищенство и бедность на Руси насчитывает многовековую историю. Вместе с тем, они очень долго не

попадали в фокус научных интересов. Лишь с конца XIX в. данной проблеме начинают уделять особое, в том числе научное, внимание. С этого времени ставится проблема тяжелого положения, нищеты и бесправия рабочих и крестьян в работах П. Сорокина, В. Бери-Флеровского, Н. Бердяева, В. Ленина.

Причины, происхождение, формы нищенства и меры борьбы с этим социальным злом привлекали внимание российских социологов, историков, юристов и политиков XIX в. Подавляющая часть ранних работ о нищенстве и бедности носила общий историко-генетический характер, но постепенно происходит смещение от описания генезиса явления к изучению состояния сельского и городского нищенства в большом количестве губерний России XIX в. – Московской, Ярославской, Вологодской, Калужской, Пензенской, Орловской, Могилевской, Киевской, Минской, Самарской, Саратовской. Данные собирали не только социологи, но и философы, историки, этнографы и правоведы, а также священники, литераторы и чиновники. Одновременно накапливалась обширная статистика бедности и нищеты, собираемая многочисленными губернскими и уездными попечительскими комиссиями и земской статистикой, изучавшей быт низов (В. Орлов, В. Яковенко, А. Петровский и другие). Здесь обнаруживаются весьма ценные эмпирические материалы, хотя они редко осмысливались целостно, в связи друг с другом.

В России исторически сложились две полярные по содержанию модели восприятия бедного сквозь призму его ответственности за ситуацию бедности, которые основывались на двух образах бедного. Образ «достойного» бедного или бедного, который по объективным причинам заслуживает милосердия и помощи, и образ «недостойного бедного», или того, кто ведет праздный образ жизни и не стремится к изменению своего положения. Именно существование второй группы нищих заставило ученых, просветителей и государственных мужей искать пути решения проблемы нищенства.

По мнению Н.Г. Чернышевского, государство не может существовать только для ограждения безопасности частных лиц, оно должно сокращать уровень преступности, бороться с ее причинами. Он отмечал, в частности, что

воровством обыкновенно занимаются люди, дошедшие до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтоб никто не доходил до нищеты. Для этого следует принимать меры к устройству такого общественного порядка, при котором каждый человек имел бы некоторую собственность и находил бы всегда удобства зарабатывать безбедные средства для жизни честным трудом, а также нужно заботиться об отнятии привлекательности у пороков, доводящих до нищеты.

Он также отрицательно относился к раздаче милостыни нищим, считая, что этот обычай приводит к росту и распространению нищенства, праздности и тунеядства и считал, что для устранения бедности необходимы коренные социально-политические перемены (улучшения он связывал, прежде всего, с реформой земельных отношений), а не создание благотворительных обществ⁹³.

Главным источником бедности и нищеты, по мнению П.Н. Ткачева, являлось несовершенство рынка труда. Это касалось цены на труд, определяемой спросом и предложением, которая постоянно снижается, а также опережение предложения на рынке труда спроса падает все ниже и ниже. В западных странах (Англии и Франции) фабричный рабочий едва зарабатывает для удовлетворения необходимых потребностей. Предложение на рынке труда опережает спрос. Труд становится своего рода патентом на жизнь, дает право на существование, женщина остается вне конкуренции на рынке труда из-за физиологических причин и неравноправия с мужчиной. Люди, исключенные с переполненного рынка труда, становятся изгоями общества.

Указанный автор вводит следующую градацию асоциальных элементов общества: злодействующие (преступники) и нищенствующие. Обе эти категории ничего не производят, а между тем много потребляют. Общество не получает от них ничего кроме хлопот и неприятностей и поэтому стремится свести число злодеев и нищих до минимального количества. Собственно под бедностью он понимал состояние, которое лишает человека возможности

⁹³ См.: Чернышевский Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство. Полн. собр. соч. / под общ. ред. М.М. Григорьяна. М., 1950.

содержать себя своим собственным трудом, собственными своими средствами, которое заставляет его обращаться за помощью к частной или общественной благотворительности⁹⁴.

Дополнительные факторы, обуславливающие существование бедности, представлены в работах М. А. Бакунина. Так, по его подсчетам, в Российской империи в эпоху императора Александра II 200.000 человек эксплуатировали 70.000.000. Причина такого подчинения заключается не в физической силе и природном уме эксплуататоров, а в наличие самого главного преимущества – образования. Почему же народные массы не имеют такого преимущества? Потому что меньшинство создало такие условия, при которых образование для народных масс становится недоступным⁹⁵.

Особо ценными представляются размышления о нищете К. Маркса, поскольку они в определенной степени приложимы к ситуации 90-х годов XX в. Так, он отмечал, что мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности осуществлялось по-узурпаторски, и с беспощадным терроризмом шло превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность – таковы были разнообразные идиллические методы первоначального накопления.

Причина обнищания заключалась в том, что люди, вырванные из привычной среды, не могли освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в разбойников, нищих, бродяг – часть из-за склонности, часть из-за жизненных обстоятельств.

Маркс был убежден, что развитие капитала приводит к увеличению численности пролетариата, а уделом большинства населения остается нищета, потому что то положение, при котором богатство сосредотачивается в руках меньшинства, погружает большинство на социальное дно, обрекает на

⁹⁴ См.: Ткачев П. Н. Статистические этюды (этюды третий). Бедность и благотворительность // Библиотека для чтения. 1864. № 10.

⁹⁵ См.: Бакунин М. А. Наука и насущное революционное дело // Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989.

лишения⁹⁶.

Причины русского нищенства и необходимые против них меры рассматривались на заседании Вольного Экономического Общества 16 февраля 1891 г., где с докладом выступил Д.А. Линеv. Главными причинами нищенства он считал: пьянство, малоземелье и безземелье, низкий уровень оплаты труда сельского батрака⁹⁷.

Обобщенно причины нищенства сформулировал Е.Д. Максимов, который выделил три основные причины данного явления: индивидуальные, семейные и социальные. В качестве индивидуальных причин называются калечество, старость, убожество. Эти причины делает человека не способным к труду и толкают на путь нищенства. К семейным – одиночество, слабость семьи (а именно несоответствие между рабочей силой, способностью ее к производительному труду и числом едоков).

Особое место занимали социальные причины – недостаточное обеспечение крестьянского населения земель, обеднение крестьянства вследствие семейных разделов, отсутствие ремесел и кустарных промыслов, что вело к переселению из деревни в города и фабричные центры (кстати сказать, миграция из сельской местности в город и из мелких городов в крупные характерна также для современной России). Масса народа надеялась найти хорошие заработки, но обманывалась в своих ожиданиях, оставалась без хлеба и вынуждена была просить милостыню. Кроме временного отсутствия заработка, город вреден в том отношении, что благодаря работам на фабрике, народ спивается, слабеет, а при потере регулярного заработка превращается в нищего. Такими нищими были переполнены предместья всех промышленных центров.

В качестве желательных мер по борьбе с профессиональным нищенством предлагалось учреждение сельскохозяйственных колоний⁹⁸.

⁹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд-е. Т. 23. М., 1960.

⁹⁷ См.: Линеv Д. А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб., 1891.

⁹⁸ См.: Максимов Е. Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. СПб., 1907.

Стоит также отметить, что государство в середине XIX – начале XX вв. вело активную борьбу с профессиональным нищенством, о чем свидетельствуют большое количество домов призрения за бедными.

Особое внимание следует уделить отдельным криминологическим работам, освещавшим проблему бедности в приложении к причинам преступности.

М.Н. Гернет анализирует положения социологической уголовного права, сосредоточив наибольшее внимание на одной из ключевых проблем криминологической науки на рубеже XIX–XX вв. – влиянии неурожаев, высоких цен на хлеб и бедности в целом на преступность. Он утверждал, что современные бедняки – не дикари; их потребности выходят далее круга чисто животной жизни и их недовольство должно быть ярче и сильнее, поскольку у них остается без удовлетворения насущнейшая нужда в пище. Возрастающие потребности рабочего и бедных классов не всегда находят должное удовлетворение, при этом следует иметь ввиду способность удовлетворения богатыми и бедными классами своих потребностей легальным путем: у богатого эта возможность всегда есть в той или другой степени, а у бедняка ее обыкновенно не существует; у богатого остается возможность достичь желаемого путем сокращения своего бюджета, у бедного нет этой возможности.

Анализируя влияние цен на хлеб на преступность, М.Н. Гернет приходит к выводу о том, что рост количества преступлений против собственности и преступлений против личности во многом обусловлен тяжелым экономическим положением населения, а данные виды преступлений составляют подавляющий массив преступности в целом, поэтому можно и нужно проводить дальнейшие исследования, оценивающие влияние друг на друга экономических факторов и преступности (без деления ее на имущественную, насильственную и т. д.)⁹⁹.

Советское государство занималось решением проблемы бедности,

⁹⁹ См.: Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М., 1905.

разрабатывая комплекс социальных мер, заменявших частную благотворительность. В то же время советская историческая наука считала, что профессиональное нищенство – пережиток прошлого, который уничтожен раз и навсегда, и поэтому данному явлению не стоит уделять внимания. Только в 90-е гг. XX в. наблюдается возврат к изучению ранее непопулярных тем: нищенства, бедности, благотворительности.

Так, Т.В. Ярыгина рассмотрела вопрос о том, что такое бедность в посткоммунистических странах. Автор считает, что государство, которому принадлежат все ресурсы, прямо или косвенно создает условия для консервации бедности. Тоталитарное государство создает и контролирует всю систему жизнеобеспечения населения. Степень богатства каждого гражданина зависит от его лояльности по отношению к государственной власти. Именно власть осуществляет распределительные, карательные, поощрительные и прочие функции по отношению к населению.

В СССР была создана система, удовлетворяющая лишь элементарные потребности – в пище, в одежде, в крыше над головой. Но эта система имела и обратную сторону – более полно подчинить работника, заработать можно было столько, сколько эта система считала возможным выделить. Низкий уровень жизни поддерживался также уравнительной системой распределения. Снижение дифференциации в оплате труда происходило в основном под влиянием централизованных государственных мероприятий, связанных с повышением минимальной оплаты труда и удержанием с помощью государственного регулирования достаточно низкого среднего уровня оплаты труда. Все это стало причиной полного разрушения мотивационных механизмов, и формированию иждивенческих настроений. Т.В. Ярыгина выделяет две группы причин бедности. Первая группа причин связана с особенностями индивида и потому теоретически преодолима. Вторая группа – причины, обусловленные спецификой общественно-политического и экономического устройства посткоммунистического общества. Эти причины являются результатами той же системы власти и потому не могут быть

устранены в ее рамках. Преодоление этих причин и порождаемой ими бедности возможно только при трансформации самой системы и становления новых форм жизнеобеспечения населения¹⁰⁰.

Н.В. Чернина, исследуя масштабы бедности с 1975 г.¹⁰¹, отмечает, что при переходе к рыночной системе наибольшее ухудшение жизненных стандартов испытал средний слой населения, который в развитых странах принято рассматривать как базу экономической и политической стабильности общества. Средний слой интенсивно вымывается из социальной структуры. В заключении она делает вывод, что переход к обществу, основанному на рыночных отношениях, где доминируют идеология индивидуализма и соответствующие ценности (стремление к богатству, успех) осуществляется при отсутствии (либо слабом развитии) социальных институтов, обеспечивающих общественно одобренные способы достижения значимых целей, и при дефиците легитимных средств у населения для начала предпринимательской деятельности обогащение криминальным способом ведет к все большей дезинтеграции бедных и богатых¹⁰².

В решении проблемы бедности, как глобальной проблемы социальной защиты, должны участвовать три субъекта: государство, гражданское общество и сам человек. В зависимости от развития ситуации каждый из субъектов берет на себя решение той или иной части вопроса. Надеяться только на государство нельзя, а учитывая опыт развитых стран, нужно понять, что система государственного регулирования, даже в наиболее процветающей стране, ограничивает свои возможности 5–10 процентным порогом бедности, за пределами которого возможности государства любой формации

¹⁰⁰ См.: Ярыгина Т. В. Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

¹⁰¹ Именно в 1975 г. произошло признание советским государством, в том числе и в официальной терминологии, существования такого явления как бедность, до этого времени использовался экономико-социальный термин «малообеспеченность». Малообеспеченным семьям устанавливалось пособие, гарантировался фиксированный минимальный уровень заработной платы, а критерием малообеспеченности считался установленный в абсолютном размере уровень среднедушевого дохода.

¹⁰² См.: Чернина Н. В. Бедность как национальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3.

нереалистичны. Гражданское общество в России только начинает участвовать в решении этой проблемы. Система спонсорской деятельности финансовых и коммерческих учреждений, негосударственных пенсионных фондов находится на начальной стадии развития.

Третий субъект – человек (имеется в виду экономически активная часть населения). На этом уровне помощь заключается в создании государственными средствами правовых условий, оказание всемерной помощи для адаптации к рыночным отношениям. В выходе из кризисного положения, раскрытия потенциальных возможностей человека, также должен учитываться интеллектуальный потенциал человека.

В качестве некоторого итога можно привести слова В. Мудракова, который подвергает критике решение проблемы бедности только путем простого перераспределения национального дохода в пользу бедных. Главный недостаток такого пути заключается в том, что увеличение доли пособий и компенсационных выплат в структуре доходов населения, приводит к подрыву стимулирующей функции заработных плат, трудовых пенсий. Объективно это приводит к развитию в обществе слоя населения, замкнутого на социальном вспомоществовании и лишённого всякого стимула к улучшению собственного материального благосостояния и социального статуса¹⁰³.

Таким образом, задачей активной политики социальной защиты населения является не только прямая помощь оказавшимся в сложной жизненной ситуации, а прежде всего сокращение рисков попадания в такую ситуацию за счет социальной адаптации населения к условиям рынка. Необходима социальная стабильность, развитие широкого спектра социальных услуг, их доступности, а также формирования и реализации региональных социальных программ.

2. Социологическое измерение бедности в России

Рассматривать проблему бедности можно с нескольких позиций:

¹⁰³ См.: Мудраков В. Бедность: российский вариант // Социальное обеспечение 1996. № 8.

экономических и статистических, социологических и правовых.

Наиболее приемлемым с экономической точки зрения представляется подход В.А. Сидоровой, которая отмечает, что благосостояние, как системное образование, включает три компонента: доходы и потребление; государственные социальные гарантии, бесплатные и платные услуги; социальную защиту и социальное страхование.

Автор предлагает оценивать степень неравенства в распределении доходов населения, с точки зрения критического уровня благосостояния в обществе и его количественного измерения через показатели абсолютной бедности. Последняя выражается в том, что доходы некоторых групп населения (индивида, семьи) не достигают определенной минимальной величины, и их потребление находится ниже минимальных нормативов.

Критерием абсолютной бедности является, по мнению В.А. Сидоровой, уровень бедности, который может быть измерен показателями, которые можно условно разделить на две группы. *Первая* группа включает в себя степень бедности, масштаб бедности, степень нищеты, масштаб нищеты – это характеризует количественные и качественные изменения масштаба данного явления. *Вторая* – используется для того, чтобы оценить, насколько глубоко протекает в обществе процесс обнищания населения¹⁰⁴ (см. таблицу 1).

Таблица 1

Показатели	Характеристика
Степень бедности	Отношение численности населения, имеющей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума ко всему населению
Порог (черта) бедности	Доход, обеспечивающий потребление на уровне прожиточного минимума
Порог нищеты	Доход, не превышающий 50% порога бедности
Степень нищеты	Отношение численности нищих к численности бедного населения
Дефицит дохода	Суммарное значение дохода, необходимое для повышения доходов лиц, имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, до величины прожиточного минимума
Индекс глубины бедности (или индекс степени обеднения)	<i>Среднее</i> отклонение доходов бедных семей от величины прожиточного минимума. Выражается величиной <i>суммарного дефицита дохода</i> (то есть суммой денежных средств, необходимой для того, чтобы среднедушевой доход всех бедных семей достиг

¹⁰⁴ См.: Сидорова В.А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социологические исследования. 2004. № 7.

	черты бедности), соотнесенной с общим числом семей
Индекс остроты (жесткость) бедности	<i>Средневзвешенное отклонение доходов бедных семей от величины прожиточного минимума. Выражается величиной суммарного квадратического дефицита доходов, соотнесенного с общим числом семей</i>

Предложенная система показателей позволяет более глубоко оценить динамику изменений, происходящих в зоне бедности, как в целом по стране, так и в регионах. Такова оценка неравенства в благосостоянии населения, количественное и качественное представление о неравномерности в распределении дохода, а также общее представление об эффективности воздействия региональной социальной политики по сокращению дифференциации в уровне благосостояния населения.

Есть и другие подходы к феномену бедности. Так, Н.Е. Тихонова выделяет и описывает три подхода к нему: *абсолютный, относительный и субъективный*. Она справедливо замечает, что *абсолютный подход* к бедности предполагает, что существует некий минимальный набор продуктов и предметов, необходимых для физического выживания человека, но он явно недостаточен и резко сужает границы данного явления, а, следовательно, дает специфическую картину реальной бедности. *Относительный подход*, в противовес первому, рассматривает бедность как состояние, при котором из-за нехватки экономических ресурсов ведение привычного образа жизни для большинства членов общества становится невозможным. *Субъективный подход*, получивший широкое распространение в российских социологических исследованиях последних лет, выделяет бедных на основании самооценки респондентами своего материального положения.

Н.Е. Тихонова, развивая идею о необходимости кумулятивного изучения этого явления, предлагает выделять в качестве критерия обозначения групп бедных в общероссийских исследованиях такой, как соотношение среднедушевых ежемесячных доходов респондентов и региональной медианы доходов. Опираясь на предложенный способ дифференциации бедных слоев населения, автор предлагает различать малообеспеченность, собственно

бедность и нищету. Именно группа малообеспеченных, по ее оценкам, демонстрирует максимальную эластичность и дает колебания в численности бедных в разные годы. Попадание в группу малообеспеченных определяется не только составом семьи, но и особенностями регионального рынка труда, влияющего на возможности трудоустройства и стратегии выживания. Собственно бедные семьи характеризовались низким уровнем доходов, покрывающих расходы только на необходимое и вынужденные резко сужать социальные связи, расходы на здоровье, из-за хронического дефицита ресурсов. Нищенские семьи отличались от предыдущих крайней степенью сужения возможностей для жизни, где под угрозой находилась сама возможность обеспечения самых насущных потребностей членов семей¹⁰⁵.

Опираясь на оценки Федеральной службы государственной статистики РФ, можно говорить, что в России за чертой бедности проживает 15,8 миллионов человек или 11% от всего населения России¹⁰⁶.

Социологи рассматривают бедность как «характеристику экономического положения индивида или группы, при котором они не могут сами оплатить стоимость необходимых благ. Бедность относительна, зависит от общего стандарта, уровня жизни в данном обществе, от распределения общественного богатства, статусной системы и системы социальных ожиданий»¹⁰⁷.

Описывая феномен бедности, отдельные авторы предпринимают попытки раскрыть новые формы бедности, которые проявляются в обществе. В частности Л.А. Гордон, наряду с традиционным определением абсолютных и относительных разновидностей бедности, предлагает различать бедность «слабых» и «сильных» – это так называемая социальная бедность, которая требует постоянного внимания к себе в любом обществе¹⁰⁸. К ней относятся

¹⁰⁵ См.: Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.

¹⁰⁶ См.: Федеральная служба государственной статистики РФ. Официальный сайт: www.gks.ru

¹⁰⁷ Социологический энциклопедический словарь. М.: Норма, 2001. С. 28.

¹⁰⁸ См.: Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 25.

нуждающиеся в социальной защите прослойки общества: нетрудоспособные, инвалиды, больные и т.д. Бедность «сильных» возникает в чрезвычайных ситуациях, когда работники лишаются возможности за счет своего труда обеспечить себе устойчивую жизнь. С этой позиции, бедность «сильных» можно охарактеризовать как производственно-трудовую (экономическую). Выделение социальной и экономической бедности необходимо в целях целенаправленного решения задач социальной политики государства.

В условиях рыночной экономики, когда происходит резкое расслоение общества, попадание в число бедных и на «дно» становится более быстрым. Следует говорить о нисходящей социальной мобильности. Известно, что 74% населения и 81% экспертов считают проблему «социального дна» острой и наиболее существенной; 75% населения и 85% экспертов рассматривают его как угрожающее (или просто опасное) явление российской жизни; 85% населения и 87% экспертов полагают, что развитие «социального дна», его рост и усиление агрессивности обусловлены политикой реформ.¹⁰⁹ Происходит разрыв социальных связей между индивидом и обществом.

Абсолютное измерение бедности. Анализ ситуации, характеризующей бедность, основывается в первую очередь на данных статистики федеральных органов власти России. При этом особое внимание в последние годы уделяется кризисным явлениям в экономике. Эксперты полагают, что острая фаза кризиса миновала, однако для восстановления докризисного состояния потребуется несколько лет.

Специалисты до сих пор расходятся во мнении, где проходит черта бедности и от какого уровня дохода ее необходимо считать. Социологи уже давно пришли к выводу, что сами по себе доходы еще не говорят о благополучии человека. Гораздо важнее то, чем он владеет – квартирой, машиной, дачей – и что успел за долгие годы скопить. Например, по разным оценкам, сегодня до 70% граждан нуждаются в улучшении жилищных

¹⁰⁹См.: Римащевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно) //Социологические исследования. 2004. № 4. С. 56.

условий. При этом до кризиса ипотеку теоретически способны были оплатить из своего кармана только 15% населения, коэффициент доступности жилья (за сколько лет человек может накопить на квартиру) по европейской норме составляет 5 лет. В нашей же стране, по оценкам Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, малообеспеченным гражданам нужно копить на квартиру площадью 50-60 квадратных метров 80 лет. А если исходить из европейских стандартов жилплощади (порядка 100 квадратных метров), то на покупку квартиры уйдет почти 200 лет¹¹⁰.

Практически каждый шестой гражданин России живет у черты бедности, хотя согласно приводимым официальной статистикой сведениям наблюдается постоянное снижение доли данных лиц среди всего населения¹¹¹.

Таблица 2

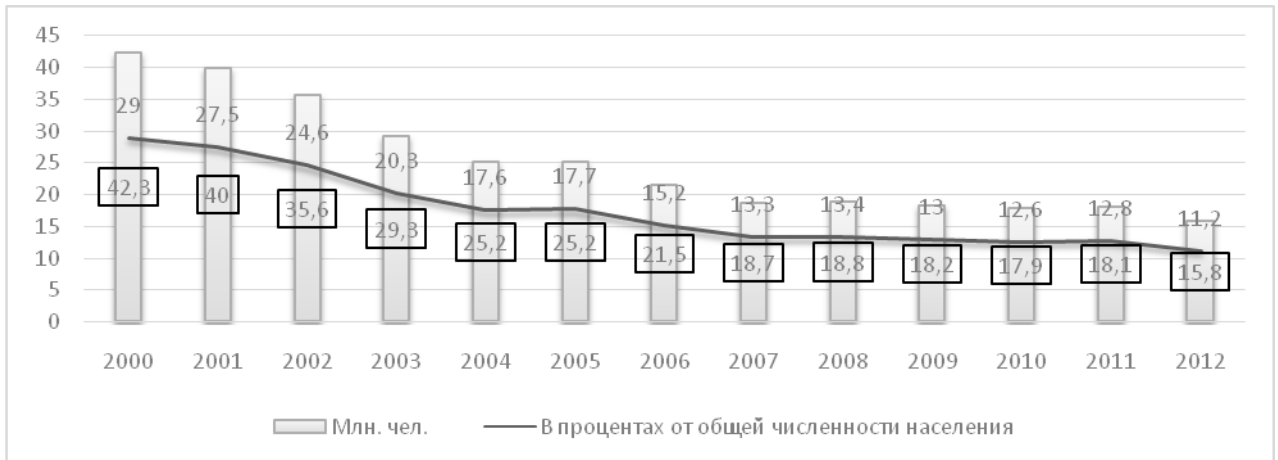
**Численность населения с денежными доходами
ниже величины прожиточного минимума**

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:	2008	2009	2010	2011	2012
млн. человек	18,8	18,2	17,9	18,1	15,8
в процентах от общей численности населения	13,4	13,0	12,6	12,8	11,2

¹¹⁰ См.: Бедность как бедствие. Кризис еще больше увеличил разрыв между богатыми и бедными // Российская газета. Федеральный выпуск. 2009. 11 декабря.

¹¹¹ Данные официальной статистики взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>

Количество граждан, имеющих доход ниже прожиточного минимума

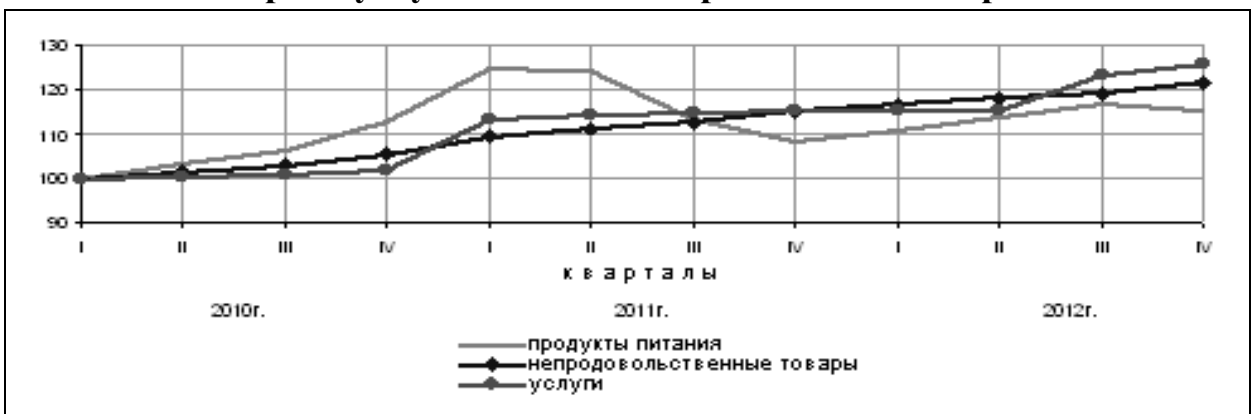

На снижение жизненного уровня населения оказали и продолжают оказывать влияние два основных фактора: более быстрый рост цен на потребительские товары и услуги по сравнению с ростом заработной платы; увеличение доли платных услуг, ранее предоставлявшихся населению за счет общественных фондов потребления (ОФП) на бесплатной и льготной основе.

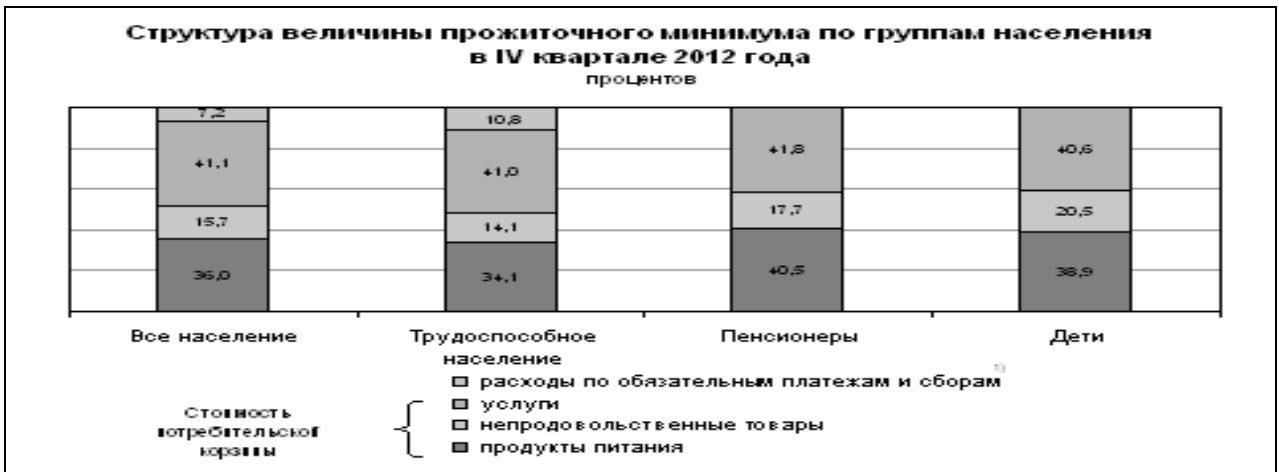
По данным Федеральной службы статистики в 2012 г. расходы на продукты питания населения составляют от 34 до 40% всех расходов. Таким образом, у значительной части граждан все меньше остается средств на повышение культурного уровня, духовное развитие, удовлетворение иных нужд и потребностей, наконец, на создание сбережений, гарантирующих уверенность в завтрашнем дне.

Диаграмма 2

Темпы роста расходов на продукты питания, непродовольственные товары и услуги в составе потребительской корзины

Структура величины прожиточного минимума в РФ в IV квартале 2012 г.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что из 100% лиц, уровень доходов которых ниже прожиточного минимума, 48% – это люди, имеющие работу, 19% – дети в возрасте до 15 лет, тогда как в развитых странах к числу бедных, как правило, относятся только неработающие. Доля лиц трудоспособного возраста (от 16 до 60 лет) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет около 64,2% от всего населения страны. По оценкам специалистов, масштабы российской бедности колеблются в пределах около 70% всего населения страны.

Как отмечалось ранее, основной чертой последнего времени стало расслоение общества еще больше обострившееся в ходе реформ, т.е. перераспределение общего объема денежных доходов в пользу самой высокодоходной группы на фоне сокращения доли остальных групп. Беспрецедентно высокая степень дифференциации доходов привела к значительным различиям в возможностях удовлетворения основных потребностей людей. В последние годы интенсивно увеличивается разрыв в доходах населения (так называемый децильный коэффициент, раскрывающий соотношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых).

По данным Министерства экономического развития РФ децильный коэффициент в условиях финансово-экономического кризиса в России достиг 16,7% (1:17), а по экспертным оценкам, разрыв в доходах десяти процентов

самых бедных и десяти процентов самых богатых в России составляет 1:20, а с учетом укрываемых от налогообложения доходов может достигать 40–60% (1:40–1:60).

Таблица 3

Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	9 мес. 2012
	Все население	100	100	100	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.:								
до 3500,0	23,3	15,9	10,9	7,3	5,3	3,8	2,8	2,5
3500,1 - 5000	16,5	13,7	10,9	8,6	7,0	5,6	4,5	4,2
5000,1 - 7000	17,6	16,5	14,5	12,5	10,9	9,4	8,1	7,8
7000,1 - 10000	17,1	18,2	17,8	17,0	15,9	14,6	13,4	13,1
10000,1 - 15000	13,9	17,1	19,1	20,2	20,4	20,2	19,8	19,8
15000,1 - 25000	11,6	12,6	16,6	19,8	21,9	23,5	24,8	25,2
25000,1-35000		6,0	10,2	7,7	9,3	10,8	12,1	12,5
свыше 35000,0				6,9	9,3	12,1	14,	14,9

Таблица 4

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения

	2008	2009	2010	2011	9 мес. 2012
Денежные доходы – всего, процентов	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:					
первая (с наименьшими доходами)	5,1	5,1	5,2	5,2	5,3
вторая	9,8	9,8	9,8	9,9	10
третья	14,8	14,8	14,8	14,9	15
четвертая	22,5	22,5	22,5	22,6	22,6
пятая (с наибольшими доходами)	47,8	47,8	47,7	47,4	47,1
Коэффициент Джини	0,422	0,422	0,421	0,416	0,413
Коэффициент фондов, в разгах	16,8	16,7	16,5	16,1	15,7

Имущественная поляризация населения в России в значительной мере усиливает и генерирует социальную дисгармонию и напряженность, рождает протестные настроения, мотивирует нарушения закона.

Б. Субъективное измерение. В настоящее время проводится довольно

большое количество социологических опросов населения¹¹², в частности, касающихся уровня их материальной обеспеченности, основных тревожащих их факторах и прогнозе дальнейшего развития экономической ситуации как в стране, так и для отдельных граждан.

Концепция абсолютной бедности предполагает ее восприятие как нехватки материальных ресурсов, необходимых для удовлетворения основных биологических и социальных потребностей. Как показывают данные социологических исследований, значительная часть населения живет в условиях постоянной экономии, затрагивающей даже сферу питания. Восприятие бедности как нужды, описываемой с помощью абсолютных критериев, – одна из наиболее легко прослеживаемых тенденций массового сознания.

Весьма значительная часть высказываний населения отражает взгляд на бедность как проблему социального неравенства, т.е. соответствует концепции относительной бедности или же относительной лишенности. В то же время нельзя сказать, что сюжет этот в полной мере иллюстрирует концепцию относительной бедности, которая включает в себя понятие обычного или принятого в данном обществе стандарта жизни. Стандарт жизни в нашей стране продолжает оставаться низким, и в социальной практике реализует себя концепция абсолютной бедности.

Восприятие населением проблем неравенства и социального расслоения отражает не столько проблемы бедности, сколько вопросы самоидентификации и социальных отношений в современной России. Срабатывают компенсаторные механизмы, и через оценки богатства и его обладателей люди пытаются оправдать и возвысить собственную статусную позицию.

В то же время, в последнее время отмечаются некоторые позитивные

¹¹² Левада центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/>. Фонд общественное мнение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/>. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/>

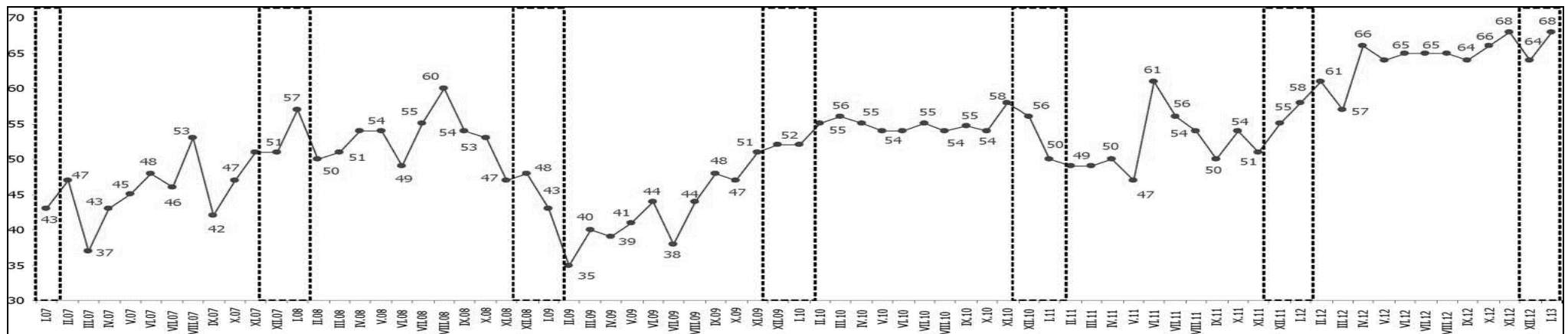
изменения. Так, проведенные ВЦИОМ в 2013 г. исследования показывают, что уровень счастья демонстрировал тенденцию к повышению: этот показатель вырос до 82%. Самый высокий показатель до этого был зафиксирован в марте 2008 г. – 77%. Несчастливыми ощущают себя сегодня 13% опрошенных.

Ощущение счастья более характерно для молодых россиян – среди тех, кто счастлив, оказалось 36% россиян моложе 35 лет, а среди несчастных – только 20%. Среди счастливых россиян высокообразованные люди встречаются чаще, чем среди несчастных: 30% опрошенных с высоким уровнем образования довольны своей жизнью, среди тех, кто считает себя несчастным – таких только 19%. Респондентов с низкой самооценкой материального положения среди счастливых людей всего 10%, в то время как среди несчастных таких оказалось 41%.

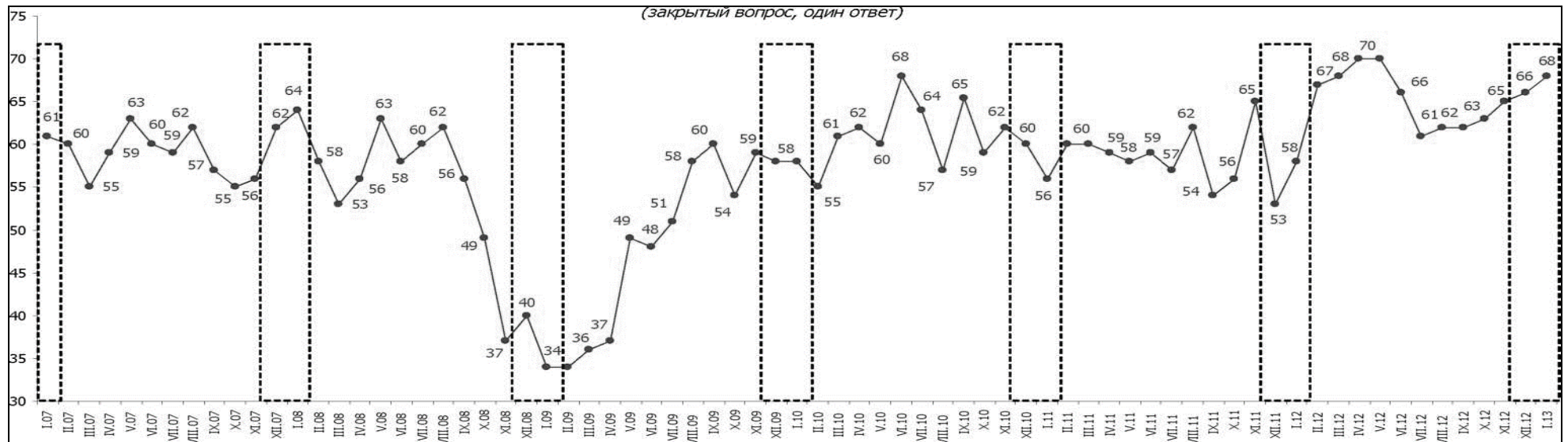
При этом бедность остается главным поводом для несчастья, однако в меньшей степени, чем прежде (с 22% в 2012 г. до 15% в 2013 г.). На втором месте – болезни, старость (10%). Также упоминаются такие факторы, как отсутствие хорошей работы (6%), одиночество (5%), плохие жилищные условия (4%), тревожная ситуация в стране, усталость, конфликты в семье, отсутствие возможностей создать семью (по 2%), множество проблем, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, рост цен (по 1%)¹¹³.

¹¹³ Сайт ВЦИОМ. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112766>. Дата обращения: 19.03.2013

Как бы Вы оценили материальное положение своей семьи?

Как Вы считаете, через год Ваша семья будет жить хуже или лучше, чем сейчас? (чем выше значение, тем оптимистичнее настроены респонденты)

Что касается угроз, стоящих перед страной, то, по мнению опрошенных, это в первую очередь экономический и финансовый кризис (46%).

В подтверждение этих данных, опросы Левада центра показывают, что именно рост цен, бедность и расслоение населения беспокоит большее количество населения.

Таблица 5

Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
	Рост цен	71	70	81	75	71	81	72
Бедность, обнищание большинства населения	55	52	50	42	51	59	53	52
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	32	32	34	28	29	31	36	35

При этом, даже сейчас, после многих лет реформ, повлекших за собой массовое обеднение населения страны, большинство ее жителей – и богатых, и (хотя и в меньшей степени) бедных – убеждены в том, что «не в деньгах счастье».

Таблица 6

Доля россиян согласных и не согласных с пословицами и поговорками о бедности и богатстве (в %)¹¹⁴

Пословицы и поговорки	Согласны			Не согласны		
	Население в целом	Богатые	Бедные	Население в целом	Богатые	Бедные
Трудом праведным не наживешь палат каменных	76,3	44,9	83,6	23,7	55,1	16,4
Бедность – не порок, а несчастье	77,7	73,6	80,5	22,3	26,4	19,5
Богатство – вода, пришла и ушла	66,0	54,8	63,9	34,0	45,2	36,1
Чем беднее, тем щедрее, чем богаче, тем скупее	75,3	30,0	83,6	24,7	70,0	16,4
Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи	65,3	51,2	68,6	34,7	48,8	31,4
Богатством ума не купишь	85,7	84,2	82,8	14,3	15,8	17,2
Не в деньгах счастье	64,9	67,0	55,9	35,1	33,0	44,1

¹¹⁴ См.: Аналитический доклад ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ispr.ru. Дата обращения: 12.02.2013.

Нынешнее отношение наших сограждан к богатству и богатым можно проиллюстрировать двумя примерами. Во-первых, богатые в массовом сознании россиян – это стремящиеся к власти энергичные и инициативные люди, довольно жадные к деньгам, безразличные к судьбе своей страны и не слишком порядочные, но при этом образованные, отличающиеся профессионализмом и трудолюбием. Особой симпатии этот портрет не вызывает, но и классовой ненависти тоже не пробуждает, особенно если учесть, что «не в деньгах счастье» и «богатством ума не купишь», а расплачиваться за богатство приходится достаточно дорого – ведь «богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи», да и ненадежно в России любое богатство – «богатство – вода, пришла и ушла».

Во-вторых, на прямой вопрос «Как Вы относитесь к людям, которые разбогатели за последние годы?», основная масса людей отвечает, что не лучше и не хуже, чем ко всем остальным. При этом у четверти россиян богатые вызывают различные положительные чувства, и у стольких же – отрицательные. Хотя среди бедной части россиян отношение к богатым несколько хуже, чем у других слоев населения, но и среди них около 40% относятся к ним не хуже и не лучше, чем к остальным, а четверть даже полагают, что качества людей не зависят от степени их материальной обеспеченности. Впрочем, более трети бедных испытывают к богатым негативные чувства.

Таблица 7

**Как россияне относятся к людям, разбогатевшим и обедневшим
за последние годы (в %)**

Характер отношения	Отношение к разбогатевшим			Отношение к обедневшим		
	Население в целом	Богатые	Бедные	Население в целом	Богатые	Бедные
Не лучше и не хуже, чем к остальным.	40,5	38,9	34,9	22,1	27,7	21,2
С подозрением, неприязнью	15,5	1,0	21,6	0,5	0,3	0,6
С интересом	13,9	18,5	11,5	51,3	43,6	52,8
С презрением	5,3	1,7	8,0	17,4	15,8	14,8
С уважением	10,1	29,7	6,8	0,8	1,0	1,8
С завистью	4,0	1,0	5,8	0,6	0,7	0,6
С симпатией	2,5	5,3	3,1	2,4	5,9	2,9
Затруднились ответить	8,2	3,9	8,3	4,9	5,0	5,3

Несмотря на то, что представления о богатстве и бедности в российском обществе носят довольно субъективный характер, все же в суждениях большинства населения о том, кого можно считать богатым, а кого бедным, достаточно много общего. По мнению большинства опрошенных богатым является человек, среднемесячный душевой доход в семье которого составляет немногим более 20 тыс. руб.

При этом решающее влияние на представления россиян о том, с какого уровня доходов начинается богатство, оказывает их собственное материальное положение. Наиболее характерными особенностями жизни богатых большинство россиян считают качество их жилищных условий, возможность провести отпуск за границей, доступность приобретения дорогой мебели и бытовой техники, уровень медицинского обслуживания, возможность для детей добиться намного большего, чем большинство их сверстников, возможность получения хорошего образования и проведения досуга, уверенность в завтрашнем дне.

В то же время для 90% опрошенных бедность – это уровень жизни немного ниже их собственного. Иначе говоря, определение «черты бедности» так же сильно зависит от собственных доходов людей, как и их представления о «черте богатства». Большинство россиян считают, что «черта бедности» проходит чуть выше 1,5 тыс. руб. на одного члена семьи в месяц. На уровне этих среднедушевых доходов сейчас находятся, судя по самооценкам россиян, почти 30% населения.

Характерными признаками образа жизни бедных, по мнению большинства россиян, выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести свое свободное время так, как хочется, а детям – добиться того же, что и большинству их сверстников.

Таким образом, бедность ассоциируется в самосознании населения

России с совершенно определенными видами лишений. Однако те, кто испытывает эти лишения, не всегда те же люди, чей душевой доход ниже признаваемой в массовом сознании «черты бедности». Все это коренится в различной стоимости жизни по регионам, специфике расходов, связанной с составом семей и со здоровьем их членов, наличием или отсутствием весомой помощи со стороны родственников, друзей и знакомых.

Таким образом, доминирующим отношением россиян к бедности является сочувствие, что логично вытекает из согласия с поговоркой «бедность – не порок, а несчастье». Сочувствие и жалость к бедным в немалой степени объясняются не только их плачевным состоянием, но и тем их образом, который сложился в современном массовом сознании россиян. Для большинства наших сограждан бедные – это люди в основном добрые, терпеливые, совестливые, законопослушные и трудолюбивые.

3. Бедность как криминогенный фактор¹¹⁵

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсифицируют процесс маргинализации населения. В результате появляется социальный слой пауперов, формируется и укрепляется «социальное дно», которое фактически отторгается обществом, практически не знающим даже его истинных размеров. Именно этот социальный слой имеет наибольшую криминогенную опасность.

Специальное исследование этой проблемы позволяет выделить четыре группы людей, составляющих «социальное дно»: 1) нищие, открыто просящие подаяние; 2) бомжи, лишившиеся своего жилья, как известно, прежде всего вследствие возникновения рынка жилья; 3) беспризорные дети, которые потеряли родителей либо убежали из дома; 4) уличные проститутки (включая детей), ведущие асоциальный образ жизни. Представители «социального дна» имеют сходные черты. Это люди, находящиеся в состоянии социальной

¹¹⁵ Параграф написан в соавторстве с А.В. Гурницким.

экслюзии, лишённые социальных ресурсов, устойчивых связей, утратившие элементарные социальные навыки и доминантные ценности социума. Они фактически уже прекратили борьбу за свое социальное существование.

В данном случае уместно остановиться на категории «уровень жизни», которую невозможно определить вне характеристики жизненно важных потребностей человека, являющихся выражением его базовой мотивации.

Потребность выступает как требование человека к внешней среде и своему внутреннему состоянию. Потребности формируются под влиянием социальных, экономических и природных условий жизни. Удовлетворение потребностей происходит в процессе потребления. Большое распространение получила «позитивная теория мотивации», сформулированная Абрахамом Гарольдом Маслоу (1908–1970 гг.). Он сгруппировал потребности по пяти категориям, но главное – установил их иерархию:

физиологические потребности (физиологические позывы) фундаментальны, будучи удовлетворёнными, они перестают быть детерминирующим фактором мотивации и более на поведение не влияют;

потребности в безопасности (потребности в сохранности физической структуры организма, психологической безопасности (свобода от страха), сохранности психической структуры личности);

социальные потребности обусловлены тем, что человек – это «социальное животное» и ощущает потребность объединяться в группы с себе подобными. Человеку необходимо взаимодействовать с другими людьми, любить и быть любимым, испытывать чувство взаимопомощи, причастности и общности;

потребности в уважении выражаются в необходимости удовлетворения таких чувств, как личное достоинство, самоуважение, ощущение личной компетентности, личной значимости.

Таким образом, любой человек нуждается прежде всего в удовлетворении физиологических потребностей, отсутствие легального способа их удовлетворения может приводить к совершению противоправных

действий. При этом, как уже отмечалось, подобное положение дел весьма характерно для представителей «социального дна».

Бедные люди и представители «социального дна» имеют свой социально-психологический климат и фактически ограниченную реализацию прав и свобод, что не позволяет им адекватно самоидентифицироваться в социуме. В целом можно утверждать, что социально-психологическое отчуждение порождает дезадаптацию индивида как личностную позицию и как его социальный статус. И то, и другое в отсутствие соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминогенные последствия. Дезадаптация, отчуждение большинства правонарушителей отличает их от законопослушных граждан.

Анализ данных показывает, что «социальное дно» имеет преимущественно «мужское лицо». Среди его обитателей две трети – мужчины и одна треть – женщины. «Дно» в России молодо: средний возраст нищих и бомжей приближается к 45 годам; у беспризорников он равен 13 годам, у проституток – 28. Минимальный возраст нищих – 12 лет, а проституток – 14 лет; беспризорничать же начинают уже с 6 лет. Большинство нищих и бомжей имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% нищих, бомжей и проституток – даже высшее. В глазах общественности внешний вид пауперов является одним из основных индикаторов принадлежности к «социальному дну». Они воспринимаются как «имеющие аморальный облик» (62% экспертов), «неопрятные, опустившиеся» (60% населения и 62% экспертов). Однако половина опрошенных пауперов моются один раз в неделю, одна треть – раз в месяц. Почти три четверти (71%) среди них лишены постоянного жилья, две трети (62%) – не имеют родных и близких, одна треть (30%) – фактически изолированы от общества.

Около 14% представителей «социального дна» живут небольшими группами или колониями, остальные – в семьях или одиночками. Места их обитания весьма разнообразны: в квартирах (своих или знакомых), в подвалах и на чердаках домов, в заброшенных домах и садовых домиках, на вокзалах и

в портах, в теплотрассах и канализационных коллекторах или колодцах, на свалках. Наиболее неустроенными являются бомжи и беспризорные дети. Значительная часть нищих и бомжей трудилась ранее неквалифицированными рабочими, на грязном производстве. Кроме того, у многих была разъездная работа с длительным отрывом от дома. Проститутки работали преимущественно в общепите и торговле.

Среди нищих и беспризорников высокий процент алкоголиков и токсикоманов. Большинство представителей «дна» имеют следы сильных побоев; две трети питаются крайне нерегулярно и пищей плохого качества. Но в целом их оценки собственного здоровья умеренно оптимистичны. Многие из них не пользуются лекарствами. Только треть проституток прибегают к медицинским услугам; около половины не обращают внимания на болезни или лечат их водкой. Почти совсем не охвачены медицинским обслуживанием бомжи и беспризорные дети.

Российское «дно» социально опасно, так как оно склонно к насилию. По мнению представителей «дна», 85% беспризорников и 34% бомжей вооружены холодным оружием, а 28% – огнестрельным. Среди беспризорников практически нет таких, кто бы не имел оружия. Многие из них употребляют токсичные вещества или наркотики, а также занимаются их распространением. Уличные проститутки часто имеют криминальное прошлое и бурное криминальное настоящее. Даже среди бомжей меньше людей, склонных к насилию.

Обитатели «дна» в России – естественный ресурс уголовного мира. По информации Комитета социальной защиты г. Москвы, средний доход бездетной попрошайки составляет 1 тыс. руб. в день. Это и есть основа их рекрутирования криминальными структурами. Только одни сборы «профессиональных» нищих оцениваются в 1,5 млрд. рублей в год. Криминалитет контролирует проституцию, привлекает представителей «дна» к наркобизнесу и для исполнения «грязной и опасной работы». Об этом заявили примерно 73% проституток, 50% бомжей и 48% беспризорников.

Бомжи способны на любые антисоциальные действия. Беспризорники – питательная среда криминализации общества, угроза общественному спокойствию. Уличные проститутки подрывают моральные устои общества, являются носителями венерических заболеваний. Наркоманы и алкоголики сосредотачивают самые серьезные факторы риска для общества.

«Социальное дно» в России находится вне рамок законов и норм Конституции. Общество исключает его из орбиты социальных связей; контакты с ним ведутся только по линии правоохранительных органов, процесс эксклюзии реализуется в наиболее полном виде. Более двух третей его представителей побывали в полиции, почти четверть – отбывали срок в тюрьме. «Дно» накапливает криминальный опыт не только непосредственной практикой преступной деятельности, но и за счет опыта лиц, отсидевших в тюрьме. Криминальная активность пауперов рассматривается как фактор политической нестабильности жизни российского общества. Обитатели «дна» способны на активные социальные действия, готовы к социальному взрыву. По отношению к властям безпризорники озлоблены, нищие настроены наиболее критично и требовательно, проститутки лояльны и снисходительны. Для пауперов самые ненавистные представители общества – это полицейские и чиновники, которые равнодушны к проблемам «социального дна» (36%), изгоняют их (23%), избивают (22%). Особенно достается безпризорникам: 42% говорят, что их избивают полицейские, 35% обвиняют их в издевательствах.

Причины нисходящей мобильности могут быть внешние (потеря работы, реформы в стране, неблагоприятные перемены в жизни, криминальная среда, вынужденное переселение, война в Чечне, последствия войны в Афганистане – афганский синдром) и внутренние (склонность к порокам, неспособность к адаптации в новых условиях жизни, личные качества характера, безпризорное детство, плохая наследственность, недостаток образования, отсутствие родных и близких). Оценка влияния указанных факторов на социальные эксклюзии весьма различна со стороны населения, экспертов и самих представителей

«дна». В обществе доминирует снисходительно-оправдательная установка на проблему бедности. Характер реформ способствует распространению мнения, что труд не является источником жизненного успеха, а бедность – это болезнь общества, не порок, а рок. Важнейшая причина, способная привести людей на «социальное дно» – потеря работы. Так считают 53% населения и 61% экспертов. В сознании людей экономические реформы в стране связываются с социальной деградацией, с массовым обнищанием, с жизненными лишениями. Менее значимыми воспринимаются влияние криминального мира, война в Чечне и вынужденное переселение (беженцы).

По мнению граждан российских городов, самая большая вероятность оказаться на «социальном дне» у одиноких пожилых людей (шансы попасть на «дно» равны 72%), пенсионеров (61%), инвалидов (63%), многодетных семей (54%), безработных (53%), матерей-одиночек (49%), беженцев (44%), переселенцев (31%). Эксперты считают, что учителя, инженерно-технические работники, низкоквалифицированные рабочие обречены на прозябание в нищете (шансы на такую жизнь оценены в 24-32%). Они не имеют возможностей подняться вверх по социальной лестнице¹¹⁶.

Применительно к России в социальной структуре бедных, по мнению Е.И. Бегловой, можно выделить следующие группы:

1. Затяжная бедность (семьи с одним родителем, главным образом матери одиночки; многодетные семьи; низкоквалифицированные и низкооплачиваемые кадры; инвалиды);

2. Бессрочная бедность слоя социальных пауперов (бывшие преступники; «бомжи»; нищие; алкоголики; наркоманы; проститутки; беспризорные дети);

3. Конструктивная или постперестроечная бедность (работники старших возрастов; жители села; молодежь, не имеющая возможности найти работу после окончания учебного заведения; безработные; часть пенсионеров;

¹¹⁶ См.: Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // Социологические исследования № 4, 2004. С. 40–42.

беженцы и вынужденные переселенцы; дети)¹¹⁷.

Для каждой из указанных категорий характерны свои особенности, а также черты личности преступника, представляющих каждую из этих групп.

Затяжная бедность. Все множество трудностей, современных семей, связано со специфическими проблемами семей «групп риска». Правдиво утверждение: «Проблемы семьи возникают тогда, когда не реализуются или слабо реализуются ее функции»¹¹⁸. С этой целью анализу подверглись семьи с одним родителем, главным образом матери-одиночки, и многодетные семьи. Неполная семья в современном обществе испытывает социальные трудности, порождаемые семейными и внесемейными факторами. К таковым можно отнести экономические, социальные, психологические переживания одиноких матерей, что обусловлено маргинальностью положения одинокой матери, особенностями ее социального статуса, осознания отношения окружающих к одинокому материнству, желанностью ребенка.

Семьи с одним родителем, главным образом матери-одиночки больше задумываются о материальном положении нежели, о духовной пище. И в отличие от среднего класса, представители которого испытывают проблемы только в удовлетворении дополнительных потребностей, бедные постоянно рассчитывают, как им выкрутиться, чтобы удовлетворить первичные потребности¹¹⁹. Чаще всего такие родители не уделяют должного внимания своим детям, в силу сложившейся ситуации. Нередки случаи, когда детей оставляют под присмотром соседей, знакомых, родственников. Мать обычно слабо контролирует поведение ребенка, а порой ведет аморальный образ жизни (например, занимается проституцией, пьянством и т.д.). Очевидно, что в неполной семье не позволительны туристические путевки, походы в кино, театр, цирк и т.д., что затрудняется материальным положением. В силу

¹¹⁷ См.: Беглова Е.И. Структура и масштабы бедности. М.: Экономика, 2011. С. 60–61

¹¹⁸ См.: Социология: учебник для вузов / под ред. проф. Лавриненко В.Н., 3-е издание, пер. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 248.

¹¹⁹ См.: Кравченко А.И. Основы социологии: Учебное пособие для студентов средних специальных учебных заведений. – 3-е изд., испр. – Екатеринбург: Деловая книга, М. 2004. С. 314.

чрезмерной занятости и нервных перегрузок матери, качество воспитания в этих семьях снижается. Особенно с учетом того, что мужчины практически не участвуют в воспитании своих детей. Нередки также случаи, когда обиду на бывшего супруга, виновного в распаде семьи, женщина вымещает на своих детях, проявляя жестокость, т.е. благоприятный психологический климат в семье отсутствует.

Схожесть матерей-одинок и многодетных семей заключается зачастую в недостатке денежных средств, отсутствии реальной помощи со стороны, нехватке времени на воспитание детей, отношении общества к этим семьям как к семьям «второго сорта».

В иерархии из десяти индикаторов жизненных благ многодетных семей первые три места заняли ценности семейные, что позволяет говорить о семьецентризме. На четвертом – состояние здоровья (72,2%), на пятом – приемлемый доход (63%), на шестом – вера в Бога (53,4%), на седьмом – наличие собственности (41,8%)¹²⁰.

В группу бедности многодетные семьи попадают не только из-за низкой зарплаты, работающих родителей, но и из-за количества иждивенцев. Чем больше количество детей, тем меньше возможности улучшить материальное положение из-за недостаточной занятости матери. По данным исследований в 40% таких семей матери либо не работают, либо заняты на низкооплачиваемой работе. Необходимо отметить, что 33% многодетных семей находятся в группе крайней бедности. Если рассматривать территориальный признак распространения многодетных семей, то уровень бедности высок в регионах: республика Тыва, Дагестан, Ингушетия (сложилась многодетность исторически и культурно). Следовательно, дети и родители из многодетных семей при наличии социально-психологических факторов подвержены воздействию криминальных элементов.

По мнению А. Пишняк, наибольшие шансы оказаться в числе бедных

¹²⁰ См.: Антонов А.И. Многодетная семья в агрессивно-малодетном обществе // Демографические исследования. № 8–9. (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473).

(почти 50%) имеют многодетные семьи (с тремя и более детьми). При этом 30% семей с двумя детьми также обладают доходами ниже прожиточного минимума. Наименьшая вероятность попадания в бедность – полных семей с одним ребенком (15,7%). Среди таких семей не должно быть бедных.

Особенностью современной России является то, что в прогрессивном состоянии бедности находится низкоквалифицированные и низкооплачиваемые кадры, т.к. в силу низкой квалификации трудно найти высокооплачиваемую работу. На сегодняшний день, чтобы нормально существовать им приходится трудиться на нескольких работах, при этом они все равно не могут обеспечить должный уровень материального благосостояния. Характерными личностными чертами данной группы являются угнетенность, апатия, озлобленность, зависть, обидчивость и как следствие депрессия, которая зачастую способствует падению на самое «дно» по социальной лестнице. Заметное влияние оказывает на них отношение окружающего мира, который признает необходимость их существования, для выполнения определенных видов работ, вместе с тем, стараясь не замечать представителей данной группы.

Важным моментом является конкретная жизненная ситуация. Отталкиваясь от этого индивид, либо смиряется со своим положением, либо происходит осознание ситуации и поиска решения ее. Существует несколько путей: первый – это легитимный, т.е. он будет искать хоть и небольшие, но все же заработки, получать помощь от государства, второй – нелегитимный, т.е. совершение преступлений (кража, грабеж, разбой, убийство, мошенничество).

Бессрочная бедность слоя социальных пауперов. К указанной группе прежде всего следует отнести бездомных (бомжей). Бездомность отражает, прежде всего, дискриминацию личности, не только по отношению к жилью, но и в использовании права на трудовую деятельность, получение медицинских и образовательных услуг, в связи с этим он не может чувствовать себя полноправным членом общества. Отсутствие постоянного жилья становится решающим фактором в идентификации индивида лишь

тогда, когда нет инстанции, которая присваивала бы ему социально приемлемую роль в системе общественной занятости, семье, общине. Если же такой инстанции нет, то жизнь «на улице» приводит к необратимым последствиям¹²¹.

В последние годы число «бомжей» в России резко увеличилось. Только в Москве их насчитывается более 30 тыс. Местом их проживания являются квартиры чужих или своих знакомых, чердаки, подвалы, канализационные коллекторы, свалки, садовые и заброшенные дома, вокзалы и т.д. Живут семьями, группами, в одиночку и являются естественным ресурсом криминала. Для них характерны следующие признаки: существование на нетрудовые доходы, уклонение от общественно полезного труда, отсутствие определённого места жительства, ведение бездомного существования.¹²²

По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, сегодня в России насчитывается 3,3 млн. бездомных. В целом по стране полностью бездомных взрослых людей 2,2% от всего населения.

Доминирующим признаком к данной категории («бомжи») является разрыв родственных и дружеских отношений. Они отторжены от своих прежних социальных групп, и приобретают специфические черты поведения, пересматривая нормы, установки, принятые и апробированные обществом.

Анализируя отношения между людьми, бомжи определяют их как натянутые, преследующие какие – либо определенные цели. Они не строят планов на будущее, живут одним днем, для удовлетворения сиюминутных потребностей. Причем удовлетворение этих потребностей зачастую решается преступным путем, не осознавая мотивы такого поведения. Объяснением мотива таких поступков является неосознанность их, или тривиальное объяснение (был в состоянии алкогольного или наркотического опьянения). Зачастую мотивы имеют устойчивый характер и длительную

¹²¹См.: Осинский И.И., Хабаева И.М., Балдаева И.Б. Бездомные – социальное дно общества // СОЦИУС. 2003. № 1. С. 54–55.

¹²²См.: Антонян Ю.М. Борьба с бродяжничеством: Учебное пособие. М., 1972. С. 30.

продолжительность, либо под влиянием условий, факторов (обогащение опыта, возрастной критерий) меняются с той особенностью, что пропустив через себя, через свою личность они начинают носить субъективный оттенок.

Внутри своей группы отношения строятся по принципу стаи. Большинство из них знакомы с тюремными нравами, т.к. хотя бы один раз побывали там. При этом выйдя на свободу, они привносят в свою жизнь законы, усвоенные в исправительных учреждениях. Они чаще всего совершают преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности (кража, грабеж, разбой). Безусловно, этот факт имеет большое значение для формирования личности, попавшего в группу бомжей. Он понимает, что каждый сам за себя, каждый озлоблен и среди этих людей не найдешь настоящих друзей. Человек остается абсолютно одиноким.

Таким образом, основными качествами бездомных людей являются: осознание отсутствия близких социальных связей (отсутствие друзей) и законов отношений в среде бездомных; низкий уровень ответственности (отсутствие готовности взять на себя ответственность за свою жизнь, непринятие контроля своей жизни); волевые нарушения (отсутствие активной позиции в жизни, признание изменения ситуации при отсутствии стимула); осознание отсутствия социальных навыков общения с обычными людьми; стыд за свой социальный статус; страх перед неизвестностью жизни; одиночество; оправдание своих пороков; осознание отсутствия долговременной жизненной перспективы; низкий уровень осмысленности жизни¹²³.

Следовательно, отсутствие жилья, отчуждение обществом, личностные характеристики, имеющиеся и приобретенные в данной среде, вынуждают бомжей решать жизненные ситуации, вставая на преступный путь и вовлекаясь в криминальные круги.

К категории бедных можно отнести, такую социальную группу как нищие. Чаще всего нищие уповают на судьбу, пытаются сохранять

¹²³См.: Ключева Н.Ю. Личностные особенности бездомных людей/ Психология человека в современном мире Т. 5 М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009. С.159.

«спокойствие», подчеркивая тем самым безразличное отношение к жизненным проблемам, а это уже говорит об эмоциональном дискомфорте. По мнению Ф.Е. Василюка, такое отсутствие естественной тревоги (как составляющей ориентировочного поведения) является даже более негативным признаком, чем завышенная тревога, и свидетельствует о генерализированном безразличии к проблемным ситуациям¹²⁴. Нищие подвергаются постоянной публичности, при этом их самооценка занижена, т.к. они считают себя не вполне удачливыми, несчастливыми, достаточно одинокими, видя причину в своей бедности.

Особо среди социальных пауперов выделяются алкоголики и наркоманы, бывшие преступники. В 2011 г., по данным Росстата, в России насчитывалось приблизительно 12 миллионов злоупотребляющих алкоголем, и почти 4,5 миллиона наркоманов¹²⁵. Такие социальные явления оказывают влияние на формирование поведения индивида в обществе, особенно на преступное поведение.

В среде алкоголиков преобладающее количество индивидов с низкой культурой, нравственными деформациями, низким уровнем образования, что не позволяет данной группе в полной мере самореализоваться. Алкоголизм является одним из факторов того типа преступников, которого можно назвать асоциальным. Одни представители этой группы отличаются пассивностью, низкой границей агрессии, чувствительностью к окружающим влияниям и т.д. Другие же наоборот импульсивны, активны, не задумываясь, начинают действовать, не давая оценку своим поступкам. Третьи – неуверенные в себе, подвержены стрессам, переживают по любому поводу, затрудняются принять какое-либо решение. Преступники-алкоголики часто пользуются благоприятными ситуациями, чем создают их. Они с безразличием относятся к окружающим, негативно относятся к своему образу жизни, но не предпринимают попыток, чтобы изменить его. Чаще всего они ведут

¹²⁴См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.

¹²⁵См.: Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru>)

паразитический, антиобщественный образ жизни. Зачастую они совершают имущественные преступления небольшой общественной опасности.

Многие черты личности преступника – алкоголика характерны и для личности преступника – наркомана. Поведение наркомана можно считать асоциальным. Росту наркомании способствует общее положение в стране: рост безработицы, высокая тревожность в обществе, экономические реформы. Употребление наркотиков позволяет уйти от повседневных проблем. Наркоманы – люди с чувством неуверенности, в основе которого лежат эмоциональные проблемы и конфликты. Под эмоциональным давлением поведение наркомана становится хаотичным и непредсказуемым, а в состоянии возбуждения опасным для общества. Психологи утверждают, что лица, употребляющие наркотические вещества имеют более слабую структуру собственного «Я», что подразумевает неспособность ослабить напряжение приемлемыми способами. Для того чтобы заполучить наркотик наркоман идет на все, в том числе и совершение преступления – выносит вещи из дома, ворует, может ограбить аптеку, подделать рецепт на получение наркосодержащего лекарства, совершить разбой. Представители данной группы способны проявлять агрессию, когда решаются на преступные действия, но это не является обязательным требованием. Мотивом преступного поведения наркомана является утоление «жажды», или так называемой «ломки». Люди, начинающие постоянно принимать наркотики, становятся подавленными, мучаются чувством вины, осознавая, что они делают нечто недозволенное, чего общество не одобряет.

Общественная опасность наркомании не уменьшается, т. к. она угрожает жизни и здоровью населения, способствуя распространению ВИЧ – инфекции, гепатита и других заболеваний. Продолжают существовать люди, которые нуждаются в наркотиках, а значит прибегают к совершению преступлений, увеличивая их число.

Еще одной группой, имеющей все шансы оказаться в числе бедных, являются лица, освободившиеся из исправительных учреждений. По мнению

В.Н. Кудрявцева «большая часть из данной категории лиц полностью или частично утратила социально-полезные связи, не получает никакой помощи в трудоустройстве и подыскивает себе работу самостоятельно, их поведение практически не контролируется полицией, они злоупотребляют спиртными напитками»¹²⁶.

У данных лиц отсутствует мотивированность к соблюдению социальных норм. Это порождается отчуждением личности от общества и его ценностей, большим влиянием на нее малых социальных групп.¹²⁷ Для представителей этой группы характерно отсутствие семьи, профессии, работы, места жительства. Для них типичен невысокий уровень культуры, примитивные потребности, сводящиеся к удовлетворению материальных нужд. Большинство из них выглядят намного старше своих лет, они страдают хроническими заболеваниями, поэтому нуждаются в медицинском обслуживании и не могут постоянно трудиться. Зачастую лица, освободившиеся из мест лишения свободы, проявляют знания правовых норм, у них отсутствует страх перед наказанием, в тоже время их влечет к общению с теми, кто ведет антиобщественный образ жизни, что постепенно разрушает общественно – полезные связи, и создает при этом группы преступников. В совокупности все это толкает к совершению новых преступлений и соответственно попадание в уже знакомую среду (исправительные учреждения), где, по сути, ни о чем не надо заботиться, ни об одежде, ни о еде, ни о работе.

«Конструктивная» или «Постперестроечная» бедность. В первую очередь данным термином охватываются ситуация, в которой оказались работники старших возрастов и пенсионеры. Безусловно, представители данных групп, занимаясь трудовой деятельностью всю жизнь, надеялись на достойную оценку их труда со стороны государства. Зачастую они испытывают беспокойство, страх, неуверенность, апатию, впадают в

¹²⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 113.

¹²⁷ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 23.

депрессивное состояние. Мысли о завтрашнем дне вводят их в тревожное состояние. Они понимают, что современные реалии их коснутся в полной мере и существует большая вероятность стать маргиналами.

В силу низкой материальной обеспеченности они становятся доверчивыми, что приводит к тому, что становятся жертвами мошенничества, ограблений, убийств. В тоже время в связи с отсутствием должных средств к существованию, чтобы выжить им иногда приходится воровать. На поведение таких людей оказывает влияние возраст, состояние здоровья, они не способны совершать поступки, требующие быстроты реакции, ловкости. Можно отметить, что в случаях воровства им свойственен стыд. Мотивацией совершения преступлений, служит удовлетворение биологических потребностей. Работники старших возрастов являются первыми кандидатами на увольнение в случае сокращения, что толкает к нищете и поиску путей выхода из нее, в том числе и преступных.

Развитие села характеризуется тем, что как снежный ком растут социальные проблемы, а именно: снижение уровня жизни, безработица, падение культуры, духовных ценностей, возникновение трудностей по содержанию семей и воспитанию детей. Одновременно с возникновением этих причин происходит деградация личности жителя села. Житель села представляет собой малообразованного, малокультурного, в большинстве своем страдающего алкоголизмом, ведущего пассивный образ жизни, смирившегося с текущим положением вещей индивида. Зачастую затрудняется отнести себя к какой-либо социальной группе, при возможности жалуется на не трудоустроенность, отсутствие досуга. При наличии этих факторов, скорее всего, вел бы иную жизнь. В разговорах с завистью говорит о жителях города, у которых больше шансов для самореализации. Поэтому, не имея материальной поддержки, опускается на «дно», при этом пытается заглушить неудовлетворенность жизнью, раздражительность алкоголем, наркотиками. Объединяются в группы «по интересам», решают спорные вопросы с помощью драки, мотивацией преступного поведения является

добыча денежных средств, с целью покупки алкогольных напитков. Чаще всего совершают кражи, грабежи, разбои, убийства.

При рассмотрении такой группы как молодежь, не имеющей возможности найти работу после окончания учебного заведения хотелось бы отметить отличительные особенности данной категории. Наличие образования, возрастной критерий, способствуют высокому уровню притязаний, но невозможностью применения своих способностей. Это приводит к объединению в неформальные группы, из которых «вырастают» преступные группировки, банды. У них присутствуют такие качества как: агрессивность, импульсивность, наличие максимализма, вспыльчивость, решение вопросов с применением силы, ведут себя демонстративно, уверенно чувствуют себя среди «своих», пытаются привлечь внимание, порой вызвать страх. Ведут увеселительный образ жизни, употребляют наркотики, алкоголь. Способны на кражи, ограбления, разбои, мошенничества, причинение вреда различной степени тяжести и убийства. Обладая определенными знаниями, умениями, навыками совершают преступления в сфере компьютерных технологий. Мотивом поведения служит добыча средств к существованию, либо кража чего – то, что можно продать. В силу влияния внешних факторов такие индивиды деградируют в личностном плане. Если раньше присутствие подобных лиц (не работают, не учатся) удивляло окружающих, то сегодня подобная ситуация не вызывает удивления. Подобный образ жизни затягивает и возможность вернуться к нормальному существованию минимальна.

Категория безработных постоянно растет, хотя государство пытается решить эту проблему путем создания новых мест на рынке труда. По ряду разных причин уровень безработицы, если и снижается, то незначительно. Безусловно, немаловажным фактором является психологическая перестройка индивида. Подобная ситуация лишает человека спокойствия, а это в свою очередь создает состояние отверженности от окружающего. Состоянию безработного характерны следующие черты: растерянность, подавленность, угнетенность, депрессивность, угрюмость, замкнутость, желание обвинять

всех, в своих проблемах, неуверенность, которые зачастую переходят в занятие алкоголизмом, наркоманией, криминалом. Происходит изменение социальной идентификации безработного, в формировании самооценки значимости как работника, основу которого составляет «Я-конкурентоспособность», что определяет характер его поведения. Наличие сильного характера, устойчивого типа нервной системы, повышает уровень адаптации личности к новым условиям. При этом использование временных заработков, первоначально дают надежду, чувство удовлетворенности. Однако такая эйфория быстро проходит и наступает период апатии. Нередки случаи, когда состояние безработицы постепенно дает ощущение, что таким образом тоже можно жить. Это становится толчком к падению вниз, бедности и опусканию на «дно». Представители безработных попадают в группу риска и вовлекаются преступными группами.

В рассматриваемую группу бедности входят беженцы и вынужденные переселенцы. Для них характерны разрыв социальных связей, оторванность и отчуждение, разобщенность, материальные лишения. Подобная миграция ведет к угрозе трудового, образовательного потенциала, к криминализации экономики и маргинализации населения. Большинство из них находятся в стрессовом состоянии, не защищены не в социальном, ни в правовом отношении, поэтому являются источником пополнения криминальных группировок. Они не имеют постоянного источника дохода, места жительства, характеризуются низким уровнем образования, не адаптированы к обществу. Им присущи черты: уязвимость, замкнутость, подавленность, неуверенность, эмоциональный дискомфорт. Эта группа совершает такие виды преступлений как: кража, грабеж, разбой, торговля наркотиками, убийство, уклонение от уплаты налогов, мошенничество.

Таким образом, все вышеперечисленные группы имеют много схожих черт, но также имеют особые отличительные черты, однако процессы в обществе влияют не только на количественные, но и на качественные показатели преступности, влияя при этом и на личность преступника.

4. Эмпирическое исследование бедности как криминогенного фактора¹²⁸

Современная криминология по мере освоения новых достижений философии, антропологии, психологии, экономики, социологии отказывается от концептуальной модели, пытающейся напрямую связывать и определять интенсивность преступности только с экономическим статусом личности, со степенью ее материального благополучия.

Занятость и зарплата (денежный доход) до совершения лицами преступлений.

Информация¹²⁹ об их экономической занятости до совершения преступлений, представленная на диаграмме 7, говорит о том, что каждый третий из правонарушителей фактически не имел постоянного денежного дохода, что могло мотивировать его антисоциальные чувства и установки.

С целью криминологической оценки фактора безработицы необходимо сравнить его уровень с уровнем безработицы по стране в целом (среди всего трудоспособного населения).

В 2006-2012 гг. этот уровень был равен от минимального показателя в 5% (сентябрь 2012 г.) до максимального – 8% (2009 г.). Иными словами, трудовая незанятость лиц, совершивших преступления, была в 4–5 раз выше, чем безработица по стране, и такое превышение доли безработных в составе правонарушителей нельзя объяснить только состоянием занятости в стране. Следовательно, у значительной части осужденных активная мотивация к трудоустройству отсутствовала.

Из экономических параметров оценки материального состояния осужденных накануне совершения ими преступлений для сравнения следует опираться на некоторые базисные оценки средних и нижних границ благосостояния россиян в 2005–2012 гг.¹³⁰

¹²⁸ Параграф написан в соавторстве с А.В. Гурницким.

¹²⁹ Информация получена путем совместного проведения НИИ ФСИН России и ВНИИ МВД России в 2012 г. анкетирования 66 тыс. осужденных, содержащихся в местах лишения свободы по всей России, на основе авторской анкеты.

¹³⁰ Статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: www.gks.ru. Дата последнего обращения: 22.11.2012.

К таким оценкам относят (см. табл. 8):

1. Величину прожиточного минимума на душу населения;
2. Среднемесячную номинальную заработную плату.

Таблица 8

Экономическая оценка	Расчетные значения (тыс. руб.)						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Величина прожиточного минимума (для трудоспособного населения)	3,4	3,8	4,2	5,5	6,3	6,7	6,9
Среднемесячная начисленная заработная плата	10,6	12,7	15	18,6	20,8	24,3	26,5

Диаграмма 7

Размер средней заработной платы на момент совершения осужденным преступления (в руб.)

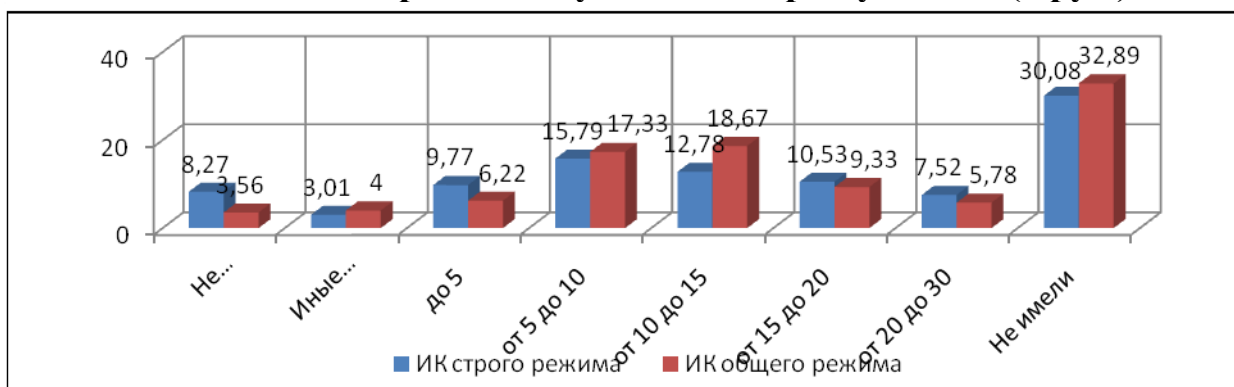

Диаграмма 8

Величина ежемесячного дохода, необходимого для того, чтобы осужденные не совершали преступления (в руб.)

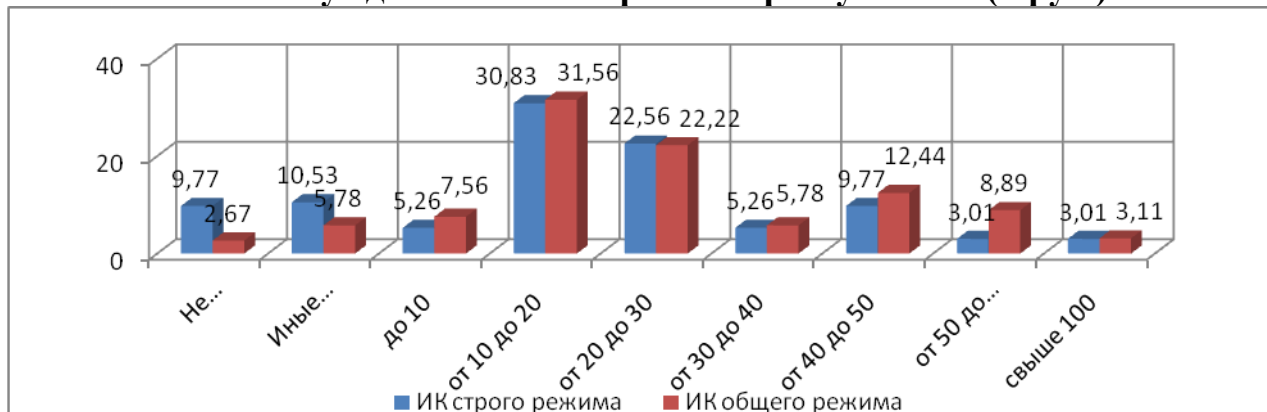

Таблица 9

Экономическое положение осужденных до совершения ими преступлений и расчет коэффициентов социального напряжения (КН) (опрос осужденных, отбывающих наказание в ИК общего режима, на примере г. Омска)

Возрастные категории	Кол-во осужденных, ответивших на вопрос анкеты	Не имели постоянного дохода	Имели заработную плату (ДД) в расчете на (тыс. рублей):		Какой должна быть величина ежемесячного дохода, чтобы жить «нормально», не совершая преступления			Депривационная (эмоциональная) оценка экономического напряжения
			одного работающего	одного осужденного данной возрастной группы	кол-во ответивших	величина «нормального» дохода (НД)	коэффициент напряженности: КН=НД/ДД	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
До 20 лет	32	15	12,3	6,6	29	24,9	2,0-3,8	Напряженное
21-25	80	9	11,9	9,1	82	29,9	2,5-3,3	Напряженное
26-30	58	25	14,8	8,4	57	33,9	2,3-4,0	Напряженное
31-35	23	10	22,8	12,9	23	44	1,9-3,5	Напряженное
36-40	12	6	12,5	6,3	12	46,1	3,7-7,3	Неудовлетв.
41-45	11	5	27,3	14,9	9	34,5	1,3-2,3	Нормальное
Старше 45	1		27,5	27,5	1	70	2,5	Нормальное
	219		Среднее – 13,5					

Таблица 10

Экономическое положение осужденных до совершения ими преступлений и расчет коэффициентов социального напряжения (КН) (опрос осужденных, отбывающих наказание в ИК строгого режима, на примере г. Омска)

Возрастные категории	Кол-во осужденных, ответивших на вопрос анкеты	Не имели постоянного дохода	Имели заработную плату (ДД) в расчете на (тыс. рублей):		Какой должна быть величина ежемесячного дохода, чтобы жить «нормально», не совершая преступления			Депривационная (эмоциональная) оценка экономического напряжения
			одного работающего	одного осужденного данной возрастной группы	кол-во ответивших	величина «нормального» дохода (НД)	коэффициент напряженности: КН=НД/ДД	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
До 20 лет	6	2	7,8	5,2	6	19,2	2,5-3,7	Напряженное
21-25	31	10	12,9	8,7	27	39,3	3,0-4,5	Неудовлетв.
26-30	34	8		9,8	31	28,7	2,2-2,9	Нормальное
31-35	26	12	12,5	6,7	23	29,4	2,3-4,4	Неудовлетв.
36-40	14	3	12,3	9,6	11	26,7	2,2-2,8	Нормальное
41-45	6	3	13,3	6,7	5	18	1,4-2,7	Нормальное
Старше 45	9	3	1,5	0,6	5	24,5	Больше 10	Неудовлетв.
	122	41	12,2	8,1				

Из сопоставления уровня прожиточного минимума и среднемесячной зарплаты по стране с показателями о материальном состоянии осужденных, представленных в таблицах 9, 10 и диаграммах 7 и 8 можно сделать вывод, что материальные затруднения до совершения преступлений испытывали 30,8-35,1% осужденных, которые ко времени совершения преступлений не имели постоянного денежного дохода.

Вместе с тем приведенные выше расчеты и оценки сами по себе недостаточны, чтобы служить основанием или причиной формирования криминальной мотивации, обусловившей совершение преступлений. Для решения вопроса о причинности, формирующей мотивацию, необходимо установить антропологический и социальный масштаб материальных затруднений, т. е. зафиксировать, как люди реагируют на экономические трудности с учетом таких духовных ценностей, как справедливость их положения и уровень солидарности или, напротив, отчуждения (рессентимента) между различными сообществами.

В качестве «инструмента» оценки личностно значимого отношения к своему материальному состоянию и его переживания предлагается использовать социологическую методику вычисления показателя (коэффициента) социальной напряженности (КН): этот показатель определяется как отношение значения «нормального» денежного дохода (НД), т.е. дохода, достаточного для того, чтобы жить «нормально» к фактическому денежному доходу (зарплате): $КН = НД / ДД$.

В рамках исследования был предусмотрен вопрос: «Какой ежемесячный доход необходим для того, чтобы Вы не совершили преступление?», который и позволил вывести данную формулу.

Результаты вычисления показателей социальной напряженности (КН) для различных возрастных категорий приведены в таблицах 9 и 10 (см графу 8). Для того чтобы «перевести» количественные оценки КН в качественные (т.е. дать их духовно-эмоциональную интерпретацию) используются следующие показатели:

а) при величине КН менее 3, свое экономическое состояние респондентом оценивается как «нормальное»;

б) при величине КН от 3 до 4 единиц состояние оценивается как «напряженное»;

в) при величине КН свыше 4 единиц респондентом испытывается страх за будущее, состояние «крайней неудовлетворительности».

С учетом данных рекомендаций в графе 9 таблиц 9 и 10 даны качественные оценки экономического состояния осужденных до совершения ими преступлений.

Данные опроса осужденных, содержащихся в ИК общего и строгого режимов, показывают, что жизненной ситуации, предшествующей совершению преступления (см. графу 9 таблиц 9 и 10), подавляющая часть опрошенных (91,7%) свое экономическое положение оценивает как напряженное или крайне неудовлетворительное. Такой уровень недовольства (депривации) входит в противоречие с данными о реальной заработной плате осужденных, которая в среднем была близкой к заработной плате в сфере экономики в целом по стране и даже вдвое превышала среднюю заработную плату в сельскохозяйственной отрасли экономики.

Подобная аномалия оценки осужденными своего экономического положения обусловлена целым рядом обстоятельств:

1) среди осужденных доля лиц, не имеющих постоянного дохода, как уже отмечено, в 4-5 раз выше аналогичной доли в составе всего населения экономически активного возраста.

2) при обработке анкет установлено, что осужденные, как правило, дают завышенное значение показателя НД, что обусловлено в основном отсутствием адекватного представления об экономически оправданной денежной оценке «нормального» существования.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что хотя экономический статус и отношение к трудовой деятельности осужденных и являются причиной напряженности состояния осужденных и их депривационного

отношения к обществу, могущего служить причиной противоправного поведения, отношение к занятости у 30–40% осужденных является также следствием некоторой этико-духовной аномалии безответственного отношения к своему образу жизни и поведению, что мотивирует их социальную апатию, отказ от экономически активной жизненной позиции. Значительную роль в детерминации указанной позиции играют также негативные тенденции процессов социальной деградации.

Следует также учитывать, что у бедных слоев населения выделяются отсутствие целей в будущем, преобладающей ценностью является материальное положение, избегание неудач, отсутствие мотиваторов социальной активности и низкий уровень социально-психологической адаптивности. Это проявляется в том, что у малообеспеченных слоев населения отсутствуют долгосрочные перспективы; формируется неверие в справедливость и закон, неуважение к закону; преобладают примитивные потребности, а также неверие в собственные силы, при этом неумение и нежелание трудиться.

Осознание возможностей законопослушного образа жизни, планы на будущее и степень их реализации.

Опрос осужденных (см. таблицу 11) показал, что свое будущее они видят в овладении профессий и трудоустройстве. Кроме того, на уровне архетипа осужденные воспринимают семью как наиболее существенный фактор их ресоциализации.

Осознание возможностей и планы на будущее осужденных по результатам выборочного опроса лиц, отбывающих наказание в ИК общего и строгого режима (на примере г. Омска)

Вид режима ИК опрошенных осужденных	Специальность и характер работы (%)		Возникнут ли у Вас проблемы в трудоустройстве после освобождения (%)		Знаете ли Вы о существовании в Вашем регионе реабилитационных центров (%)?		Каковы Ваши ближайшие планы после освобождения (% к числу опрошенных)?				
	работал по спец-ти	работал не по спец-ти	да	нет	да	нет	устроиться на работу	создать семью	устроиться на работу и создать семью	получить образование	иные
Общий (225 ч.)	23,1	58,2	35,1	64	72,9	26,2	54,7	27,1		9,3	8,9
Строгий (133 ч.)	22,6	59,4	42,1	56,4	69,2	27,8	34,6	33,1	8,3	6,8	17,4
Всего (358 ч.)	22,9	58,8	38,6	60,2	71,05	27	44,65	30,1	4,15	8,05	13,15

Таблица 12

Вероятность того, что после освобождения осужденные снова могут оказаться в местах лишения свободы

Ответы осужденных:	в % от числа опрошенных
«Не вернусь в ИУ никогда» или «скорее всего не вернусь»	82,4
«И да, и нет»	13,7
«Уверен и скорее всего снова окажусь в ИУ»	2,5

Половина осужденных считает первой необходимостью устройство на работу, и треть связывает свое будущее с созданием семьи. Свыше 8% осужденных планируют продолжить образование. Почти 90% опрошенных осужденных планируют вполне этически и социально одобряемые шаги, которые должны их приобщить к законопослушному сообществу.

Однако характер некоторых ответов опрошенных свидетельствует о том, что они не совсем отчетливо представляют институциональные трудности ресоциализации, с которыми им предстоит реально столкнуться в обществе. Так, почти две трети респондентов уверены, что у них не возникнут проблемы с трудоустройством после освобождения. Более четверти из них не имеют информации о том, существуют ли в намечаемых ими для проживания регионах реабилитационные центры.

Однако некоторая идеализация будущего, недооценка опасных характеристик современного состояния общества, в частности, на рынке труда (безработица, конкуренция гастарбайтеров), коррупция, динамика алкоголизма, наркомании, распада семейных отношений приводят осужденных к ошибочному прогнозу в отношении своего будущего.

В таблице 12 приведено сопоставление суждений о будущем, высказанные респондентами, с реальным состоянием рецидива. Судя по прогнозу самих осужденных максимальный уровень ожидаемого рецидива не должен превышать 15,9%. Однако выявленный процент рецидива преступлений за 2005-2012 гг. составил 28,8–35,8%.

Как видно, в составе осужденных в 2005-2012 гг. процент рецидива (имеется в виду фактический рецидив, включающий к моменту совершения нового преступления также лиц со снятой или погашенной судимостью) составлял 29–36% с тенденцией ежегодного прироста более чем на 1,4%. Это в 2 раза больше, чем прогнозируют осужденные, находящиеся в местах лишения свободы. Следует отметить, что такие же темпы ежегодного прироста имеет и численность трудоспособных лиц без определенных занятий в составе осужденных.

Результаты проведенного анкетирования

1. Пол	Мужской	Женский	Количество ответивших									
	520786	50626	572336									
	91%	9%										
2. Вид исправительного учреждения	ВК	ИК общий режим	ИК строгий режим	ИК особый режим	КП	ЛПУ	ЛИУ	Тюрьма	СИЗО	ПФРСИ	Не заполнено	Количество ответивших
	2415	167576	259621	17097	23923	6404	32180	1747	85759	2381	1865	600968
	0,4%	27,9%	43,2%	2,8%	4,0%	1,1%	5,4%	0,3%	14,3%	0,4%	0,3%	
3. Квалификация совершенного деяния по УК РФ, в котором подозревается (обвиняется, осуждены)	ст. 105-125	ст. 126-130	ст. 131-135	ст. 136-149	ст. 150-157	ст. 158-168	ст. 169-200	ст. 205-227	ст. 228-245	ст.263-271	Иные	Количество ответивших
	164990	3330	24420	1429	3718	222913	3589	7719	113575	4548	12757	588534
	28,0%	0,6%	4,1%	0,2%	0,6%	37,9%	0,6%	1,3%	19,3%	0,8%	2,2%	
4. Возраст	14-15 лет	16-17 лет	18-19 лет	20 лет-24 года	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50 лет-54 года	55-59 лет	60 и более лет	Не заполнено	Количество ответивших
	326	2734	13717	87708	140642	190714	86722	26775	12020	7517	3461	572336
	0,1%	0,5%	2,4%	15,3%	24,6%	33,3%	15,2%	4,7%	2,1%	1,3%	0,6%	
5. Образование	Высшее	Неоконченное высшее	Среднее специальное	Среднее	Общее	Начальное	Не имею образования	Не заполнено	Количество ответивших			
	30442	31607	181645	236050	94676	24877	134	2501	601932			
	5,1%	5,3%	30,2%	39,2%	15,7%	4,1%	0,0%	0,4%				

12. Заработок до привлечения к уголовной ответственности	До 3 тыс. руб.	От 3 до 5 тыс. руб.	От 5 до 10 тыс. руб.	От 10 до 20 тыс. руб.	Свыше 20 тыс. руб.	Не заполнено	Количество ответивших						
	42616	67518	155894	161309	95383	67698	590418						
	7,2%	11,4%	26,4%	27,3%	16,2%	11,5%							
11. Считаете ли Ваш заработок достаточным?	Да	Нет	Не заполнено										
	129499	416791	48065	594355									
	21,8%	70,1%	8,1%										
13. Какой заработок, по Вашему мнению, был бы для Вас достаточным?	10 тыс. руб.	20 тыс. руб.	30 тыс. руб.	40 тыс. руб.	Свыше 40 тыс. руб.	Не заполнено	Количество ответивших						
	25548	93674	142105	125796	195492	13659	596274						
	4,3%	15,7%	23,8%	21,1%	32,8%	2,3%							
14. Являетесь ли Вы получателем льгот или компенсаций?	По оплате коммунальных услуг	По уходу за детьми	По уходу за инвалидом	Пособия по инвалидности	Социальную защиту	На проезд	Других	Никаких	Не заполнено	Количество ответивших			
	19068	24640	9147	19302	16993	11545	6936	440629	66826	615086			
	3,1%	4,0%	1,5%	3,1%	2,8%	1,9%	1,1%	71,6%	10,9%				
15. Какую роль для Вашей семьи играло личное подсобное хозяйство?	Жизненно необходимую	Важную	Не очень важную	Несущественную	Никакую, нет подсобного хозяйства	Не заполнено	Количество ответивших						
	64320	97155	84447	63318	281949	5073	596262						
	10,8%	16,3%	14,2%	10,6%	47,3%	0,9%							

Образ жизни бедных людей характеризуется неопределенностью социального статуса, недостаточной обеспеченностью завтрашнего дня, неустойчивостью здоровья, психики, что способствует их нахождению в пограничном состоянии, не всегда представляя прямую угрозу обществу. В силу различных причин, факторов, условий эти группы либо будут возвращены в «нормальное состояние», либо просто будут изолированы, они являются «лакомым куском» для преступной среды.

Маргинальный образ жизни сам по себе не является преступным, он является делинквентным. Следует учитывать, что криминология изучает не только тех, кто уже совершил преступление, но и тех, кто находится в «группах риска» и служат «резервом» преступного поведения. При этом важно выделить как собственно личность преступника и его психологические характеристики, так и особенности социальной среды, их связи и отношения¹³¹.

Бедные люди и представители «социального дна» имеют свой социально-психологический климат и фактически ограниченную реализацию прав и свобод, что не позволяет им адекватно самоидентифицироваться в социуме. В целом можно утверждать, что социально-психологическое отчуждение порождает дезадаптацию индивида как личностную позицию и как его социальный статус. И то, и другое в отсутствие соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминогенные последствия. Дезадаптация, отчуждение большинства правонарушителей отличает их от законопослушных граждан.

При проведении исследования осужденных лиц, совершивших впервые насильственные и корыстно-насильственные преступления, основными критериями оценки являлись: возраст; образование; семейное положение; наличие и количество детей; наличие и количество иждивенцев; наличие жилища; наличие работы; уровень заработка и степень удовлетворенности им; наличие льгот и социальных компенсаций; наличие подсобного хозяйства; определение социального положения.

¹³¹См.: Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. С.6.

Пик криминальной активности при совершении преступлений приходится на возраст 30–39 лет, далее следует лица в возрасте 25–29 лет. Необходимо отметить, что приблизительно равная ситуация складывается в двух возрастных группах: 1) 20–24 года; 2) 40–49 лет. Именно в эти периоды проявляется наибольшая активность данных возрастных групп в общественном производстве, растут их социальные контакты, они играют заметную роль на производстве и в быту. На наш взгляд данные лица совершили преступные деяния в связи с достаточно высоким уровнем притязаний, но отсутствием сопутствующих условий и факторов (образования, работы, наличие иждивенцев и проч.) для достижения достаточного уровня жизни.

Таким образом, возникает противоречие между «хочу и могу» иметь, а именно, сложившаяся ситуация толкает этих лиц на совершение уголовно наказуемых деяний.

Доминирующим критерием возможности материального благополучия является образование, тем не менее, наличие его не является обязательным условием достижения высокого социального положения. Изучение респондентов показывает, что на момент исследования доля лиц, получивших среднее образование почти 40%, общего – 14,22%, начального – 4,30% и не имеют образования – 0,03%. Следовательно, можно проследить взаимосвязь между образованием и преступностью: низкий уровень образования является предпосылкой к затяжной форме неустroенности, а как следствие совершению преступлений. Поэтому в исправительных учреждениях одним из способов социализации и предупреждения совершения новых преступлений, является получение образования как среднего полного, средне специального, так и высшего.

Исследуемые свое семейное положение представляют таким образом: холост/не замужем – 55,73%; разведен/разведена – 14,73%; вдовец/вдова – 0,06%. Данные цифры демонстрируют отсутствие сдерживающего фактора в виде семьи от совершения преступления. Безусловно, преступность постоянно подпитывается за счет инфляции, снижения уровня жизни, резкой поляризации

граждан в уровне доходов, растущей безработицей, алкоголизмом, распадом семей и др. Как следствие в семьях либо отсутствуют дети, либо количество их минимально, так наше исследование показало, что у 57,39% отсутствуют дети, у 25,59% – один ребенок, двое детей у 12,74%, трое – пять и более детей суммарно составляют чуть более 4%. Можно предположить, что чем больше количество детей, тем больше существует риск попасть в категорию бедных, что, несомненно, толкает лица искать различные способы, чтобы выжить и обеспечить нормальное существование семьи. Как видно из количественных показателей около 58% респондентов не имеют детей, но при этом совершили преступление, это показывает, что наличие детей не всегда способствует совершению преступления.

Однако существует прямая зависимость количества лиц, находящихся на иждивении от материального благосостояния, как следствие разрешения сложной жизненной ситуации поиск «быстрых» денег, что может способствовать вовлечению в криминальные сферы. Как рассматривалось ранее, наличие иждивенцев в семье предполагает утрату определенного уровня доходов, поскольку одному из членов семьи приходится ухаживать за ними. При анкетировании были рассмотрены количество и состав иждивенцев. Наличие одного иждивенца – 51,50%, двоих – 28,11%, троих – 8,19%, более трех – 5,67%, отсутствуют – 6,54%. Преобладающее количество составляют дети – 57,92%, далее следуют родители – 27,31%, супруг/супруга – 18,81%, иные родственники – 11,29%. Данная ситуация рассматривается таким образом, что низкое материальное положение не позволяет достаточно обеспечить свою семью и себя, а к тому же еще и добавляется иждивенческая нагрузка, что выталкивает лиц за черту бедности.

Проверенным фактом является наличие работы, как условие, позволяющее снизить риск совершения преступления и попадания в бедные слои населения. Поэтому уместно рассмотреть наличие работы у лиц, впервые совершивших преступление до привлечения к уголовной ответственности. Из общего количества респондентов не имели работы 27,14%, при этом с

заработком до трех тысяч рублей – 8,28%, от трех до пяти тысяч рублей – 13,09%, от пяти до десяти тысяч рублей – 30,01%. Из них 77,95% считают свой заработок недостаточным, при этом опрос показывает, что приемлемым для себя считают заработок в размере десяти тысяч рублей – 4,5%, а сорок тысяч рублей 34,59%. Анализ показывает, что 83,12% лиц не являются получателями льгот и компенсаций со стороны государства.

Анализ уровня заработка лиц, совершивших корыстные и корыстно – насильственные преступления свидетельствует о том, что 35,76% респондентов имеющих возможность купить минимальный набор продуктов и услуг, имели заработок от пяти до десяти тысяч рублей, т.е. даже с таким заработком они могли позволить себе минимум, а иные лица, имеющие более низкую заработанную плату, оказываются в еще худшем положении, поскольку не могут приобрести даже минимум всего необходимого. Налицо диспропорция: с одной стороны человек трудоустроен, но с другой, он не может обеспечить достойный образ жизни.

При опросе значимость для семьи личного подсобного хозяйства была определена следующим образом: не очень важная – 14,83%, не существенная – 11,11%, никакая – 40,33%. Следовательно, более 65% говорят о том, что подсобное хозяйство не является средством повышения уровня материального благосостояния. Достаточно большое количество опрошенных не относят себя к обеспеченным категориям граждан, из проведенного исследования 20,19% считают себя бедными, а 62,21% – нуждающимися. При этом за последние 5 лет до привлечения к уголовной ответственности материальные условия ухудшились у 29,01% и не менялись у 53,25%. Важно отметить, что 9,37% респондентов не смогут улучшить свой уровень жизни до освобождения. Таким образом, выход из создавшегося положения они будут находить в силу своих субъективных особенностей, попадая в жесткую зависимость от внешних обстоятельств. Однако главным связующим звеном индивида и общества зачастую остается семья.

Данные анкетирования подтверждают результаты исследований,

посвященным причинам бедности¹³², в которых решающая роль отводится макрофакторам (безработица, задержка зарплат, недостаточность социальных пособий и т.д. Вторую по значимости группу причин бедности составляли личные проблемы – семейные несчастья (смерть кормильца, пожар и т.д.), болезнь, наличие большого числа иждивенцев и т.д.

Наконец, социально-психологические причины (лень, инертность), о которых среди специалистов говорится намного реже, чем о двух первых группах причин бедности, отметили почти 42% опрошенных россиян и только 28,3% самих бедных, причем среди «нищих» – лишь 24,2%. Если к этим причинам добавить алкоголизм и наркоманию, которые являются причиной бедности более чем у трети знакомых опрашивавшихся россиян, то выясняется, что большинство опрошенных имели среди своих знакомых людей, оказавшихся за чертой бедности фактически по собственной вине или по вине своих близких.

Можно говорить о том, что специфика положения бедных слоев населения заключается в том, что это низкоресурсные слои, лишенные не только экономического или квалификационного капитала, который бы позволил им самим выйти из сложной ситуации, но даже элементарного социального капитала, который позволял бы им рассчитывать на чью-либо поддержку кроме государственной.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Проблема связи экономического положения лиц в период времени, предшествующего совершению ими преступлений, и самих фактов этих преступлений не имеет исключительно экономического решения. В свете современных научных представлений экономические факторы являются лишь элементом более общей системы факторов, определяющих человеческое поведение. В указанной системе столь же важное значение имеют факторы, характеризующие устройство и состояние конкретного общества (например,

¹³² См.: Тихонова Н.Е. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы // Индекс. 2005. № 21.

уровень коррупции, солидарности, культуры и т. п.), а также их сложный набор, относящийся к категории антропологических, включая духовно-этическое состояние личностной структуры, состояние патологии социальных сообществ (к которым относится и сообщество правонарушителей).

При общем согласии представителей правоохранительной системы о назревшей необходимости формирования общегосударственной системы профилактики правонарушений в различных декларациях по этому вопросу наблюдаются существенные расхождения во взглядах на глубину институционального оформления самой системы, на объем ее компетенций, ее структуру. МВД, Генеральная прокуратура, ФСИН России и другие государственные органы по-разному видят степень своего участия в будущей системе и свою роль в ней.

Основной причиной сдерживания системного и окончательного решения вопроса о формировании новой системы (государственного института) профилактики представляется то обстоятельство, что в разработке указанной системы нарушена логическая и сущностная последовательность решения поставленной задачи. Ее разработке и решению, по мнению экспертного сообщества, должна предшествовать тщательная разработка межведомственной (общеправоохранительной) Концепции создания государственной системы профилактики правонарушений.

Именно в Концепции должны быть предусмотрены все элементы будущей системы профилактики: цели, задачи, функции, основные полномочия, структура, взаимодействие с другими госсистемами, финансирование, критерии оценки деятельности, оценки.

IV. Этнорелигиозные конфликты

1. Этноссы и этнические группы

В современном мире практически не осталось мононациональных стран. Население государств, как правило, принадлежит к различным этнокультурным, этноконфессиональным и расовым группам. Многонациональность, мультикультурность и полиэтничность – это глобальные и универсальные характеристики современного мира.

Ярко выраженной особенностью современной эпохи является и национально-этническое возрождение многих народов, а также их стремление самостоятельно решать проблемы своей жизни. Это происходит фактически во всех регионах мира, в том числе и в России, где проживают представители более 195 национальностей (этнических групп), и практически все субъекты Российской Федерации полиэтничны.

Накопившиеся десятилетиями ошибки в управлении государством, недостаточное внимание к вопросам межнациональных отношений и ряд других факторов вызвали в России волну межэтнической напряженности, следствием чего явились этнические конфликты, которые носят массовый и длительный характер, сопровождаются кровопролитием и с трудом поддаются прекращению. По данным Т. Гурра, только во второй половине XX в. в этнонациональные конфликты были вовлечены более 80 народов мира, из них более 30 стали участниками этнических войн¹³³. Согласно сведениям Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, более 70% военных конфликтов на планете относится к межэтническим. Д. Бойман отмечает, что во второй половине XX в. этнонациональные конфликты превратились в доминирующую форму насилия в мире, привели к гибели миллионов людей, десяткам миллионов беженцев и материальным потерям, исчисляемым в миллиардах долларов¹³⁴. Ф. Вальтер и Дж. Шнайдер, замечают, что этнические войны, в сравнении с межгосударственными, с

¹³³ См.: Gurr T.R. Ethnic Conflict on the Wane // Foreign Affairs. 2000. V. 79. № 3. P. 52-64.

¹³⁴ См.: Vyman D.L. Keeping the Peace. L.: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 4.

большим трудом поддаются прекращению посредством переговоров¹³⁵. Причем для этнических конфликтов характерно регулярное повторение насилия. Вследствие этого они тесным образом связаны с преступностью.

Специфика этнорелигиозных конфликтов определяется участвующими в нем субъектами – этносами, способными создавать конфликтную ситуацию, т.е. прочно и относительно самостоятельно влиять на ход конфликта в соответствии со своими интересами, оказывать влияние на поведение и положение других групп, вызывать те или иные изменения. Поэтому необходимо понять особенности современного состояния этносов, изучить их природу, искаженные представления о которой нередко используются в шовинистических и националистических целях. В связи с этим, Следует учитывать, что большинство современных народов Земли сформировалось в результате смешения в ходе длительного исторического развития, сложных этнических и миграционных процессов. Население мира, насчитывающее более 6 млрд. человек, в этническом, культурном, языковом, расовом и конфессиональном отношении представляет собой весьма пеструю картину. Считается, что на земле живет 3 – 4 тыс. народов. Под термином «народ» понимается исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная общность людей, обладающая общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологии, а также самосознанием, т.е. сознанием своего единства и отличия от всех других подобных общностей. Под термином «этнос» будем понимать устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплементарности (положительной или отрицательной) – подсознательным ощущением симпатий или антипатий людей, определяющим деление на «своих» и «чужих», – и отличающийся своеобразным стереотипом поведения,

¹³⁵ Walter F., Shnyder J. (ed.). Civil Wars, Insecurity, and Intervention. N.Y.: Columbia University Press, 1999. P. 3-14.

который закономерно меняется в историческом времени¹³⁶.

Термин «этнос» не является привычным в нашем повседневном использовании и общении, хотя все чаще звучит в средствах массовой информации, используется в сети Интернет. В последнее время к нему многократно обращаются российские политики и государственные деятели. Вместе с тем на современном этапе развития общества продолжают дискуссии о понятии этноса, которое возникло в Древней Греции и употреблялось тогда в значении «группа, вид, род, порода, народ». С тех пор термин приобрел несколько иное содержание.

В России термин этнос в научный оборот ввел великий русский этнограф С.М. Широкогоров, который определил этнос как группу людей, «говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающихся от обычаев других групп»¹³⁷. В данном определении в качестве этнообразующих признаков выделены прежде всего:

- 1) общность языка;
- 2) представления о едином природном пространстве происхождения;
- 3) особенности жизненного уклада;
- 4) преемственность ценностно-нормативных ориентаций.

В определении С.М. Широкогорова комплекс обычаев, уклад жизни и традиции, характеризующие данный этнос, обязательно отличаются от обычаев, укладов и традиций других этносов. В представленной дефиниции заложена идея множественности этносов.

В конце 20-х годов XX века понятие «этнос» объявили категорией буржуазной науки и исследования в данной области не проводились. Полноценно теоретические проблемы этноса начали разрабатываться лишь с середины 60-х годов.

¹³⁶ См.: Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 540.

¹³⁷ Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета Дальневосточного университета (Шанхай). 1923. XVIII. Т. 1. С. 7.

В 1988 году на страницах ежегодника «Расы и народы» прошла широкая дискуссия по вопросу о природе этноса и его исторических типах, которая свидетельствовала о большом разнообразии мнений.

К началу 90-х годов XX столетия сложились два подхода к исследованию этносов и этнических отношений:

1) субъективистский, придающий значение субъективной стороне этничности, который заключается в том, что этнос – это система. Под системностью понимается некая однородность, идентичность всех элементов этноса, которая может быть обнаружена только в самосознании;

2) объективистский, акцентирующий внимание на объективной стороне этничности, состоящий в том, что этнос рассматривается как явление социальное, следовательно, подчиненное законам развития общества и поэтому не имеющее собственных закономерностей.

Представители традиционного (субъективистского) подхода определяли этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)¹³⁸.

Л.Н. Гумилев, сторонник объективистского подхода, справедливо отмечает, что «нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобку мы можем только одно признание каждой особью «мы такие-то, а все прочие другие»¹³⁹.

Противопоставление «своих» и «чужих» («мы» – «они»), данное членам этноса в рефлексии, служит индикатором для определения этнической

¹³⁸ См., например: Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1987. С. 7; Здравомыслов А.Г. Этнические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 24.

¹³⁹ Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 5.

принадлежности, а тем самым и особым типом системообразующей связи в этносе. Этнос возникает как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям того же типа, и исчезает как система с потерей ощущения «свои» и «чужие». При этом, хотя этническая принадлежность и обнаруживается в сознании людей, но она не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую. Таким образом, самосознание только опознавательный знак, а не сущность предмета¹⁴⁰.

С позиций объективистского подхода этнос – это географическое явление, всегда связанное с ландшафтом, который кормит приспособившихся к нему людей и развитие которого зависит в то же время от особого сочетания природных явлений с социальными и искусственно созданными условиями.

Принято выделять три основные исторические типа этноса:

- 1) *племя* (характерно для первобытнообщинной формации);
- 2) *народность* (свойственна для рабовладельческой и феодальной формации);
- 3) *нация* (возникает с развитием капиталистических отношений и всемерной интенсификацией экономических связей; типична для капиталистической общественно-экономической формации).

Необходимо заметить, что подобное деление этносов не отражает всего многообразия существующих форм этнических общностей и не означает, что процесс их образования и развития обязательно достигает последней стадии.

Народность, будучи более развитым типом этноса, чем племя, отличается от последнего рядом свойств. Если племя объединяют, прежде всего, брачно-родственные связи, то народность – территориально-политические связи, складывающиеся в пределах государства. Будучи неоднородной по своему социальному составу и объединяя гораздо большее число людей, народность уступает племени по своему культурному единообразию.

¹⁴⁰ См.: Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 52.

Для нации, как и для племени, характерна относительная культурная однородность, однако она базируется на иной, чем у племени, основе и обусловлена, в первую очередь, интенсификацией социально-экономических и культурных связей. Эта интенсификация ведет к постепенному сглаживанию местных языково-культурных различий. Как и народности, нации представляют собой этносоциальные организмы, отношения территориально-политического характера, при этом большую роль играют экономические связи. Некоторые нации возникли в результате трансформации одной народности, другие путем сплочения в нацию ряда народностей, в большинстве случаев близких по языку и культуре¹⁴¹.

Большевики еще любили писать и говорить о народе, как некой аморфной массе, послушной верховной власти. В таком понимании народ есть не более чем толпа, но не та толпа, которая громит витрины магазинов, а серая масса, неумная и на все готовая. В этом значении она ближе всего подходит к народности, а еще лучше к простонародью. Народ может быть низшей частью нации. Но народ сам по себе, без нации, не способен создать государство, как мы видим на примере некоторых современных стран, где смогли создать лишь пародию на государство.

Термин «нация» многозначен. В этатистском смысле термин «нация» обозначает «государственную общность граждан». В этом значении он принимается в конституционном и международном праве, в документах ООН¹⁴². Он вошел в словоупотребление в конце XVIII в. (фр. nation – «народ – государство»), В эпоху Французской революции нация понималась как народ, т.е. как совокупность граждан, чей коллективный суверенитет и воля образуют государство¹⁴³. В международном праве принцип полновластия народа был впервые зафиксирован в 1945 г. в Уставе Организации Объединенных Наций (п. 2 ст. 1).

¹⁴¹ См.: Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004. С. 9.

¹⁴² Нация // Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1997. С. 402 – 403.

¹⁴³ См.: Хобсбаум Э. Нация и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 32.

В другом значении термин «нация» определяется как «этнополитическая общность». Он означает этногруппу, имеющую свое правительство или желающую его иметь. Нация неразрывно связана с политической системой государства, объединяет в особое образование граждан этого государства. По данным Э. Хобсбаума, этнополитический термин «нация» получил первоначальное распространение в Европе во второй половине XIX и в XX в. – на других континентах. Его пропагандировали этнонационалистические движения¹⁴⁴. Этноорганизация может ограничиваться требованием политической автономии, предоставлением части населения государства широкой степени самостоятельности в решении вопросов внутренней жизни и атрибутов государственности. В теории конституционного права такое требование именуется «национально-территориальной автономией» (в унитарных государствах) и «национально-государственной автономией» (в федеративных государствах). Гораздо чаще этноорганизации требуют территориального отделения или воссоединения этногруппы и создания национального, этнически гомогенного государства.

Н.А. Бердяев так писал о нациях: «Всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенитета есть великое несчастье, тяжкая болезнь, калечащая дух нации»¹⁴⁵.

Из прямой и основополагающей связи нации с государством вытекает ее важное свойство: нация есть политическое образование, т.е. общество, объединенное по политическому признаку и сложившееся вокруг государственной политической системы¹⁴⁶.

А.Г. Здравомыслов, выдвигая концепцию релятивистской теории наций и рефлексивной политики, считает нации не исторически необходимо складывающимися сообществами людей, которым присущи свои интересы, но

¹⁴⁴ Там же. С. 161.

¹⁴⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 102.

¹⁴⁶ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 29.

продуктом политических действий: «государство создает нацию, а не формируется как результат отражения объективно заданных интересов народа»¹⁴⁷.

Заслуживает внимания и позиция Э.В. Тадевосян. В частности он отмечает, что понятие «нация» широко и постоянно используется в двойном смысле:

1) как *этнос*, когда, наряду с социально-классовыми, социально-демографическими, социально-территориальными, социально-профессиональными и иными подразделениями общества на социальные совокупности, выделяется и его социально-этническая дифференциация – деление на различные национальные и этнографические группы;

2) как *согражданство*, политическое объединение граждан данного государства.

В то же время автор замечает, что правомерно спорить о целесообразности или нецелесообразности обозначения одним и тем же термином качественно несходных явлений, процессов. При этом невозможно не признать, что это данность, за которой стоят объективные различия двух особых социальных общностей – этнической и государственной, с которой трудно не считаться. Принципиальные же возражения вызывает не само разведение указанных понятий, а настойчивые и категорические предложения отказаться от восприятия нации в этносоциальном аспекте, сохранив лишь ее понимание как согражданство¹⁴⁸.

«Негативное восприятие национальной государственности часто образуется на ее неверном понимании. Приверженцы национально-государственного нигилизма не прочь изобразить национальную государственность как выражающую нужды только той нации или народности, которая дала ей имя. Но такое истолкование явно отдает националистическим

¹⁴⁷ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. М., 2003. С. 28.

¹⁴⁸ См.: Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или социальная реальность? // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 62.

душком, заведомым недоверием. Подлинно демократическое государство, предоставляя коренным этносам реализовывать принципы самоопределения, не может в то же время отказаться от полного равноправия граждан, независимо от того, к какой национальности они принадлежат»¹⁴⁹.

Учитывая многоаспектность дискутируемого понятия, мы пришли к выводу, что **нация** – это большая социальная группа, высший этап развития этноса, представляющий собой определенную чрезвычайно сплоченную общность людей, характеризующуюся единством территории, языка, культуры, черт национальной психики, а также очень тесными экономическими связями и стремлением к собственному государственному обособлению.

В центре научных дискуссий находится вопрос о соотношении понятий «этнос» и «нация». В отечественной науке традиционно считается, что нация является высшей формой этноса, пришедшего на смену народности. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой этнос и нация – совершенно разные социальные явления. Как отмечает В.А. Межуев, «нация, в отличие от этноса, это то, что дано мне не фактом рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность»¹⁵⁰.

Большинство современных наций сложились из разных этнических групп в процессе совместной жизнедеятельности в рамках единого государства, доверия друг к другу, взаимного уважения традиций и обычаев, положительной комплементарности, которые и стали важнейшими факторами образования наций.

По нашему мнению понятие «нация» несколько шире и сложнее понятия «этнос», поскольку в любую нацию могут входить представители нескольких этнических групп, осознанно идентифицирующих себя с конкретной национальностью и самоопределяющихся в отдельную территориально-

¹⁴⁹ Там же. С. 67.

¹⁵⁰ Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5-6.

государственную и (или) социокультурную систему. А.Д. Карнышев полагает, что «если взять шкалу, на одной стороне которой будут осознанные политические предпочтения людей, а на другой – их социально-психологические установки, то понятие «нация» будет политизированное, обладающее повышенной «дифференцирующей мощностью». Каждая этническая группа может относиться к определенной нации, но одна она далеко не всегда составляет нацию. То, что понятие «нация» более политизированное и «официальное», хорошо иллюстрирует положение людей так называемых смешанных этносов – карымы¹⁵¹, метисы и т.п. К какой нации отнесут себя такие люди чаще всего зависит от их осознанных политических и нравственных воззрений»¹⁵².

Как видим, этнос – достаточно динамичная система, для которой характерны преемственность, постоянное развитие, изменчивость во времени. Все эти и другие элементы формируют этносоциальный процесс.

В научной литературе выделяют два основных вида этносоциальных процессов:

- 1) этноэволюционные (приводят к изменению отдельных характеристик этноса, но не приводят к перемене этнического самосознания);
- 2) этнотрансформационные (приводят к изменению этнического самосознания, в итоге происходит исчезновение одних и возникновение других этносов).

В зависимости от преобладания центростремительных и центробежных тенденций этносоциальные процессы принято подразделять на две основные типологические группы, которые были свойственны всем этапам исторического развития общества:

- 1) этническое объединение;
- 2) этническое разделение.

Этническое объединение – это господствующая тенденция в

¹⁵¹ Например, в Забайкалье карымами называли метисов русских с эвенками и бурятами.

¹⁵² Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ, 1997. С. 35

современном мире, представляющая собой процесс сближения или слияния отдельных этносов. В отечественной этнографической литературе выделяют следующие его виды: этническую фузию, этническую консолидацию, этническую ассимиляцию, межэтническую интеграцию, этногенетическую миксацию.

Этническая фузия – процесс слияния нескольких ранее самостоятельных народов, родственных по языку, культуре и религии, в объединенный новый, более крупный этнос. Скорость протекания этого процесса зависит от комплекса факторов: уровня социального и экономического развития государства; интенсивности связей между территориальными единицами государства. Чем выше уровень развития государства и теснее связи между его территориальными единицами, тем быстрее происходит этническая фузия.

Этническая консолидация – процесс слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну этническую общность. Заключается во внутреннем сплочении более или менее значительного этноса в ходе сглаживания различий между имеющимися внутри него локальными группами, что характерно для подавляющего большинства крупных и средних этнических общностей.

Этническая фузия и *этническая консолидация* – тесно связанные между собой процессы. Со временем этническая фузия переходит в этническую консолидацию, однако сущность этих процессов различна. Если первый из них является этнотрансформационным процессом и приводит к смене этнического самосознания, то второй процесс – этноэволюционный и не приводит к смене этнического самосознания.

Этническая ассимиляция – широко распространенный в разных регионах мира процесс, при котором небольшие группы (или отдельные представители одного народа) перенимают характерные черты доминирующей этнической группы и как бы растворяются в ней, становясь частью другого народа.

Следует различать естественную и насильственную ассимиляцию. Первая всегда имеет прогрессивное значение.

Скорость этнической ассимиляции зависит от сочетания таких факторов, как численность ассимилируемой группы, характер ее расселения, время пребывания в ассимилируемой среде; род занятий и хозяйственные связи с основным населением территории; социально-правовое состояние и семейное положение ассимилируемых; частота вступления в смешанные браки; наличие или отсутствие контактов с родиной (если речь идет об иммигрантских группах); отношение к ассимилируемой группе со стороны окружающей этнической среды; близость тех и других по языку, культуре, религии, расе; соотношение уровней культуры ассимилируемого меньшинства и ассимилируемого большинства; уровень развития этнического самосознания и т.д.¹⁵³

Так, например, замечено, что из числа иммигрантов быстрее всех ассимилируются лица, не имеющие семей и вступающие в брак с местными жителями. Лица, прибывшие на новое место жительства со своими семьями, ассимилируются сравнительно медленно, так как в семье дольше сохраняются старые этнические традиции, обычаи, язык и т.д. Еще более затруднительная ассимиляция иммигрантов, оставивших свои семьи на родине, поскольку они смотрят на страну пребывания как на временное пристанище, которое все равно придется покинуть.

В этнической ассимиляции принято выделять несколько этапов:

культурно-бытовая адаптация;

культурная ассимиляция;

языковая ассимиляция (изменение языка, двуязычие);

смена этнического самосознания;

социально-экономическая адаптация;

натурализация (смена гражданства).

Межэтническая интеграция заключается во взаимодействии внутри государства или отдельного региона нескольких существенно различающихся

¹⁵³ См.: Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. М., 2005. С. 47.

между собой по языку, культуре, религии, расе этносов и появлению у них ряда общих черт. Этот процесс не ведет к формированию новых этносов, в результате него складываются особые межэтнические общности, которые лишь в отдаленной перспективе могут слиться в единый народ.

Процессы межэтнической интеграции присущи всем длительно существующим полиэтническим государствам. Межэтническая интеграция представляет собой в основном этноэволюционный процесс, но поскольку самосознание отдельных этносов сохраняется и появляются зачатки общего самосознания у межэтнической общности, это позволяет говорить о начале этнической трансформации.

Достаточно редко встречается *этногенетическая миксация*, в ходе которой новый этнос образуется путем смешения народов, не связанных родством. Иногда этот процесс как бы продолжает межэтническую интеграцию, однако в отличие от нее имеет этнотрансформационный, а не этноэволюционный характер.

Процесс этногенетической миксации наиболее характерен для Латинской Америки, но в прошлом он имел место и в других регионах. Так, башкирский этнос образовался из тюркских и фино-угорских групп и включил в себя как монголоидные, так и европеоидные элементы.

Этническое разделение – это процесс, характеризующийся отделением от этноса той или иной общности и приводящий к образованию нескольких новых групп, каждая из которых становится самостоятельным народом. Процессы этнического разделения и связанные с ним массовые миграции послужили основанием для возникновения многих народов.

Известны два типа этнического разделения:

1) *парциация* – разделение прежде единого этноса на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых не отождествляет себя полностью со старым;

2) *сепарация* – отделение от того или иного народа его части (обычно сравнительно небольшой), которая со временем превращается в

самостоятельный этнос. В числе причин этнической сепарации следует назвать, прежде всего: политико-территориальное обособление небольшой части народа, разделение прежде единого государства новыми границами, религиозное обособление части этнической группы. Например, переселение в XVII в. части ораитов в России привело к формированию калмыцкого этноса.

Если при этнической парциации исходный этнос фактически прекращает свое существование, то при этнической сепарации он сохраняется.

Этничность проявляется во всех сферах жизни человека, в том числе и при совершении противоправных действий, а также в посткриминальном поведении, что должно учитываться в процессе противодействия преступности.

2. Религия и религиозные группы

В современном российском обществе религиозная проблематика приобретает все большую значимость. Религиозный фактор является одним из важнейших в жизнедеятельности социума, так как оказывает существенное влияние на все сферы российского общества, формирует, прямо или косвенно, идеологические доминанты, моральные и правовые нормы, социальные институты.

Религия сопровождает общество с самых истоков цивилизации. Все люди одинаково склонны к вере, лишь только с разной степенью погруженности в нее. Мировая история не знает ни одного народа или общества, у которого нет религии. Простейшие формы религиозных верований существовали уже 40 тыс. лет назад. Исследования научного коллектива из Бристольского университета под руководством профессора Брюса Худа показали, что без веры в Бога ни *Homo sapiens*, ни современное общество не могли бы появиться на свет. По их мнению, на заре человечества те группы людей, которые верили во Всевышнего, в ответственность перед Богом, справедливость и упорядоченность миропорядка, создавали более крепкие социальные связи и тем самым повышали степень своей выживаемости. Именно они заложили основы современной цивилизации и дали ей импульс развития. Соответственно

племена и группы людей, лишённые понятия и веры в Бога, распадались и преждевременно погибали.

Образованию религии как относительно самостоятельной духовной сферы предшествовал длительный процесс формирования и развития верований и ритуалов в рамках мифологии, когда возникали и развивались верования и связанные с ними ритуалы, образовавшие прарелигию. Завершение мифологической стадии развития общественного сознания, приводит к тому, что миф перестаёт быть универсальным и единственным способом объяснения действительности и вместо первоначального диффузного, синкретического мифологического комплекса появляются религия, искусство, политика, право, научные знания.

Религия – одна из форм общественного сознания, сложное духовное образование и общественно-историческое явление, которое не укладывается в однозначные, прямолинейные характеристики. Одной из исторических миссий религии выступает формирование сознания единства человеческого рода, значимости общечеловеческих нравственных норм, непреходящих ценностей. Религия формирует в сознании верующих представление о должном характере мирового порядка и тем самым служит важным фактором его созидания и поддержания.

Безусловный интерес представляет проблема влияния религиозного мировоззрения населения в качестве сдерживающего фактора на совершение преступлений. С давних времен религия способствовала развитию у верующих законопослушности, всячески поощряла скромность и аскетизм, сдерживала гордыню, чем в немалой степени способствовала уменьшению мотивов как корыстных, так и насильственных преступлений. Не утратила своей позитивной роли религия и в наши дни.

Наряду с этим в религиозном мировоззрении могут выражаться и совсем другие настроения, идеи – фанатизм, вражда и разные модели веры, что особенно проявилось в последнее время. Вместе с тем они сопровождали человечество на всем этапе его развития. Примером религиозной нетерпимости

в силу доведенной до крайней степени приверженности к основным постулатам веры могут выступать многочисленные Крестовые походы (XI – XIV в.в.), направленные против мусульман, а также события Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., когда в ходе массовой резни гугенотов во Франции, устроенной католиками, в канун дня святого Варфоломея, погибло по разным подсчетам около 30 тысяч человек.

Религиозный фанатизм нередко используется в разжигании и конфликтов и в наши дни. Свидетельство тому – столкновения между мусульманами, католиками и православными на территории бывшей Югославии, выступления ваххабитов на Северном Кавказе, новое обострение арабо-израильского конфликта и другие события.

Последние двадцать лет на территории России разжигание национальной, расовой и религиозной розни приобретает все более организованный характер. В основе идеологии религиозных фанатиков и экстремистов лежат те же опасные постулаты, что и у крайних националистов: расизм и национализм, превосходство одной религии над другой, возможность использования насилия для достижения своих антигуманных целей. В результате религией оправдывается и прикрывается деятельность экстремистских и террористических организаций. Среди них особое место принадлежит ваххабитским организациям («Исламский джамаат», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», «Джамаат «Шариат»» и др.).

По данным Министерства внутренних дел на территории России активно проводят свою деятельность более 80-и международных экстремистских организаций, использующих в своих интересах ваххабизм – протестантское учение в суннитском исламе.

Это течение возникло в Аравии в XVIII в., его основателем является Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703 – 1792), который выступил против распространения культа мусульманских святых, усмотрев в этом возвращение к многобожию. Ваххабизм как религиозно-политическое учение связано с объединительным движением арабов, направленным против турецких

султанов. В качестве протеста против иноземного ига Ваххаб выступил с призывом отказаться от тех форм суннитского ислама, которые являлись государственными в империи турецких султанов. В тот период времени на основе ваххабизма в Аравии возникло мощное религиозно-политическое движение за восстановление чистоты раннего ислама – «ислама благочестивых предков» (сподвижников пророка Мухаммеда). Однако в широком смысле слово «ваххабизм» сегодня употребляется для обозначения религиозно-политического экстремизма, соотносимого с исламом. В связи с этим под ваххабитами понимаются либо носители идей, составляющих учение аль-Ваххаба, либо члены группировок, которые руководствуются этим учением. Другими словами, как ваххабитское характеризуется все то, что к этому учению имеет отношение.

В настоящее время ваххабизм выступает частью более широкого течения в суннитском исламе – салафизма (суннитского фундаментализма). Как и салафизм, ваххабизм не является исключительно радикальным явлением в исламе, что на практике подтверждается социально-политическими реалиями таких современных ваххабитских государств, как Королевство Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, где суннитский ислам, окрашенный в ваххабитские тона, выступает в качестве традиционного. В то же время нельзя отрицать наличие радикализма в крайней, наиболее политизированной части как салафизма, так и ваххабизма. Как представляется, нынешняя экстремистская версия ваххабизма по многим своим основополагающим мировоззренческим принципам идентична раннему, времен вероучителя Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, который осуждал поклонение мусульманским святыням («священному» черному камню в Каабе) и могилам святых. Стержнем учения стала вера в единобожие Аллаха (кстати, в отличие от традиционного суннитского ислама ваххабиты считают, что Аллах – материальное существо, похожее на человека). По их убеждению, все люди равны перед богом и никто не может быть посредником (в том числе пророк Мухаммед) между Аллахом и человеком. Аллах – единственный источник

творения и единственный достойный для поклонения со стороны людей.

Соблюдая установки Ваххаба, его последователи выступают за очищение ислама от культа святых, шейхов, истолковывают Коран по своему усмотрению. Они стремятся противопоставить шиитов и суннитов. Каждый из четырех мазхабов суннитов (мазхаб – религиозное учение в области мусульманского права, основанное на разработке выдающихся имамов) они хотят довести до уровня отдельной религии и тем самым вызвать противоречия в мусульманской общине в целом, посеять в ней смуту и раздор. Представителей всех мазхабов ваххабиты считают немусульманами, к другим религиям относятся враждебно.

В отличие от остальных исламских учений и направлений ваххабиты стремятся к высшей политической и религиозной власти. В качестве своей главной задачи они выдвигают идею повсеместного утверждения «нового» ислама, борьбу за умы верующих под лозунгом установления исламского порядка в мире, внедрения своих принципов и идеалов в общественную и политическую жизнь и, как итог, образование исламского государства. Ваххабиты придерживаются крайнего фанатизма в вопросах веры и экстремизма в практике борьбы со своими политическими противниками. Причем для них национальность не имеет значения. Они борются за права мусульман.

Основным методом реализации взглядов религиозных экстремистов является джихад, который в настоящее время представляет собой вооруженную борьбу против всех, кто препятствует распространению ваххабитского учения и его монопольному господству. Цель джихада – борьба с «врагами ислама». Побуждающим мотивом религиозного экстремизма выступает ваххабитско-салафитская проповедь джихада, снявшая общечеловеческий моральный запрет на убийство невинных людей, определяемых «врагами ислама».

Необходимо заметить, что одно из важнейших положений Корана – «джихад» (в пер. – усердие, рвение) – первоначально было связано с борьбой против мира страстей, похотей и пороков земной жизни («дуньи»). «Дунья»

манит слабых людей в море мирских соблазнов, отвращая от нормальной жизни, а это делает их жестокими, трусливыми, жадными и в конечном счете преступными. Как видим, слово «джихад» в его истинном значении предполагало борьбу прежде всего с мирскими соблазнами, алкоголизмом, наркоманией, проституцией, порнографией¹⁵⁴, и его никак нельзя сводить к ведению агрессивных военных действий, что делается в последнее время. По справедливому утверждению Р.Х. Дашаева: «Священные тексты всех мировых религий, будь то христианство, ислам, иудаизм или буддизм, содержат положения самого разного содержания, но не призывают к циничной жестокости, убийствам невинных, беззащитных людей»¹⁵⁵.

Ваххабиты заявляют, что они подчиняются лишь шариату (в их собственной интерпретации) и имеют право использовать насилие, чтобы свергнуть правителя, отошедшего от ислама. Экстремистская направленность ваххабизма характеризуется прежде всего реальными, уже обозначившимися действиями для достижения не столько религиозной, сколько политической цели, которая четко выражена в основном девизе ваххабизма – «властвовать над обществом и исламом».

Экстремистский характер ваххабизма наглядно демонстрирует и выдержка из текста листовки, распространенной «Штабом центрального фронта освобождения Дагестана» в районе Кавминвод, Левокумском и Нефтекумском районах Ставропольского края: «Мы придем и разрушим все российские законы и поставим свои законы Аллаха. Мы не хотим быть российской колонией. Все республики живут свободно, потому что завоевали свою независимость. Поэтому мы призываем Вас, братья мусульмане, объединяться. Вооружайтесь и обучайтесь, чтобы прогнать русских кафиры из нашей земли. Пока мы вместе, весь мир будет у наших ног, а это неплохая собственность».

Ваххабиты, претендующие на то, чтобы быть господствующим

¹⁵⁴ См.: Максуд Р. Ислам / Пер. с англ. В. Новикова. М., 1999. С. 61 - 68.

¹⁵⁵ Дашаев Р.Х. Религиозные аспекты современного исламского терроризма (криминологическое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8 - 9.

религиозно-политическим направлением в исламском мире, настроены резко антихристиански и ставят перед мусульманами задачу исключения христиан из политической системы любой страны, где те проживают совместно с мусульманами.

Существует также известное ваххабитское положение о том, что мусульманин, допускающий возможность мирного сосуществования с христианами и иудеями, становится неверным. «Тот, кто не считает иудеев или христиан неверными, сам считается таковым в соответствии с шариатским правилом, которое гласит: «Тот, кто не считает неверного неверным, сам является неверным»¹⁵⁶. Значит, такой мусульманин – «враг Аллаха и правоверных» и против него необходимо вести джихад.

Исламские экстремисты привлекают мнимой простотой своей альтернативы: возврат в прошлое, к исламской мечте «золотого века», к традиционализму и застою, к господству шариата. Они называют виновником бед исламского мира страны Севера, «цивилизацию христиан», «неверных», т.е. внешнего врага.

С учетом изложенного сторонники ваххабизма представляют собой угрозу сложившемуся мировому порядку. Ваххабитское учение раскалывает мусульманский мир на части, способствует разжиганию этнорелигиозных конфликтов, в том числе и с представителями других конфессий, т.к. призывает к немедленным активным агрессивным действиям, «включая насилие, ради установления в стране исламского порядка», что возможно только в случае прихода к власти «истинных» мусульман.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁵⁷ допускает наличие религиозных групп – добровольного объединения граждан, образованного в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющего деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического

¹⁵⁶ Абд аль-Хади ибн Али. Сквозь призму Ислама. Нальчик, 2002. С. 104.

¹⁵⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465 в ред. от 01.07.2011 г., с изм. от 05.12.2012 г.

лица. Эти религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей (ст. 7). Однако их деятельность не должна носить деструктивный характер, разрушительно воздействовать на естественное гармоничное состояние личности и всего общества.

В то же время с начала 90-х годов XX столетия на территории России широкое распространение получила деятельность множества нетрадиционных, новых религиозных объединений и культов, представляющих угрозу как отдельно взятой личности, так обществу и государству в целом. Эти религиозные группы, имеющие своего основателя, свое учение и свою практику, отличные от господствующей церкви или идеологии, принято называть сектами. В их числе «Аум Сенрике», «Фонд Новой Святой Руси», «Свидетели Иеговы», «Белое братство», «Сознание Кришны», «Община Виссариона», «Универсальная церковь Муна», «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» (мормоны), сайентологи, сатанисты («Черный Ангел», «Черный Дракон», «Церковь сатаны», «Южный крест», «Черный лотос» и др.), в исламе – мюриды и ваххабиты и др.

Деятельность этих групп осуществляется с нарушением действующих нормативно-правовых актов. Важнейшей особенностью является вырванность из исторического контекста, негативное отношение к российской культуре, к традиционным институтам – и религиозным, и светским, к столетиями формировавшейся специфической духовной сфере жизни нашего общества.

Положения уставов и программ многих религиозных групп включают в себя элементы вероучений, которые Церковь знала с самого начала своего существования. Этот факт очевиден. Но главные черты обладают элементами новизны – это структура, организация, методы пропаганды и вербовки в религиозные группы. Новизной отличаются приспособленность к массовой популярной культуре, агрессивное распространение через профессионально отточенные методы маркетинга и рекламы, а также мастерское использование слабостей демократических систем современных государств. Новым является

тоталитаризм современных религиозных групп, их сращивание с международным бизнесом, средствами массовой информации, а зачастую с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом.

Противоправной деятельности указанных религиозных групп свойственны следующие признаки:

разжигание религиозной розни в форме подрыва уважения и формирование неприязни к другим религиям, в особенности к христианству;

посягательство на такие права и свободы граждан, как право на жизнь и медицинское обслуживание;

осуществление и применение на практике прямого психологического давления, направленного на разрушение семьи;

наличие положения, направленного на внесение раскола между личностью и государством;

принуждение к отказу от выполнения установленных законом гражданских обязанностей.

Лидеры религиозных объединений заставляют своих последователей в целях «расширения границ сознания» или для «постижения высшего блаженства» применять наркотические средства или психотропные вещества. Они утверждают, что это способствует более полному пониманию картины мира.

Склонение к совершению развратных действий в ряде религиозных объединений основывается на своеобразном учении о грехе. Например, утверждается, что стыд и скромность есть первейшие человеческие грехи, от которых необходимо избавляться. Для этого нужно осуществить религиозные ритуалы сексуального характера.

Наиболее эффективным средством психологического воздействия на человека является гипноз. Хорошее владение руководителем религиозного объединения гипнотехникой создает предпосылки для злоупотреблений гипнозом. В сектах применяется комплекс специальных психологических приемов, в том числе нейролингвистического программирования,

направляемых на совершение манипуляций с сознанием человека по подавлению его воли с целью последующего контроля и подчинения его мыслей, чувств и поведения. Методики манипуляции сознанием приводят к разрушению личности в физическом плане (неполноценное питание, недостаточный сон, напряженная работа), в психическом (искажение личности, поведения и способности критического суждения), в умственном (обеднение всех областей знания, не имеющих отношения к секте) и социальном плане (подавление способности к общению, враждебность по отношению к обществу). Это приводит к высокой вероятности агрессивных действий. Объектами агрессии выступают как «внешний мир» (внекультовый социум), так и государство, восприятие которого осуществляется только с позиций чужеродности и враждебности религиозной группе, а также отдельные граждане.

В результате осуществляемая нетрадиционными религиозными группами деятельность начинает постепенно осознаваться как общественно опасная, позволяет говорить о криминогенном потенциале религии.

По нашему мнению криминогенный потенциал религии заключается в том, что члены религиозных групп, прежде всего тоталитарного характера, полностью подчиненные воле своих лидеров, совершают противоправные деяния против лиц из внекультового социума, посягая прежде всего на такие важные блага, как жизнь, здоровье, половую неприкосновенность и половую свободу, а также честь и достоинство личности.

3. Конфликты между нациями и религиозными группами

Рассматривая влияние этнических конфликтов на преступность, прежде всего, следует сказать о том, что понимается под конфликтом в научной литературе. Фактически каждый автор вкладывает в это понятие свой смысл. Не вдаваясь в длительную дискуссию по поводу содержания данной дефиниции, мы под конфликтом будем понимать противодействие сторон, их противоборство ради достижения своих интересов и целей. В.В. Лунеев верно

подчеркивает, что конфликт – это именно противоборство сторон, то есть ситуация, когда обе стороны совершают определенные действия, направленные друг против друга¹⁵⁸. Безусловно правы авторы, считающие, что в широком смысле слова (например, на межнациональном и межгосударственном уровнях) конфликт является собирательным понятием для обозначения сложного многоуровневого явления, крайним выражением которого является резкое, открытое столкновение даже с применением силы¹⁵⁹.

Конфликт необходимо отличать от схожих понятий – «борьба», «спор», «напряженность в отношениях», «инцидент», «кризис». Подобное разнообразие в определениях и использовании понятий обусловлено рядом причин: сложностью самого феномена конфликта; как правило, неоднозначным пониманием того, чем вызвано его возникновение. В отличие от иных явлений, конечная причина всякого социального конфликта – это противоречие интересов между его субъектами: индивидами, социальными группами, общностями и обществами.

Большинство социологов склонны считать, что существование общества без конфликтов невозможно, ибо конфликт является неотъемлемой частью бытия людей, источником происходящих в обществе изменений. «Социальные действия, имеющие целью создание материальных и духовных ценностей, их обмен и распределение, неизбежно ведут к напряженности между социальными группами, а при определенных условиях – к открытому конфликту»¹⁶⁰. Такими условиями оказываются противоречия социальных интересов.

Конфликт существует в том случае, когда стороны убеждены, что цели их деятельности несовместимы. Причем в кризисном нестабильном обществе по сравнению со стабильным значительно большее число «сторон» выдвигают несовместимые друг с другом «цели деятельности», не говоря уже об интересах. Именно поэтому в нашем обществе уже в восьмидесятых годах

¹⁵⁸ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997. С. 354.

¹⁵⁹ См.: Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004. С. 12.

¹⁶⁰ См.: Дмитриев А.В. Конфликт интересов // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 184.

число социальных конфликтов (политических, экономических, культурных и, учитывая полиэтничность страны, этнических) растет.

Таким образом, конфликт – неизбежный результат всякого порядка управления, любой иерархически организованной системы.

Этнические конфликты относятся к числу частых и фундаментальных явлений в истории человечества, в то время как другие виды конфликтов играют второстепенную роль. Думается, что причина фундаментальности состоит в особой значимости этнической идентификации в жизни человека и общества. Этносы выступают территориально организованными структурами, в силу чего этнические конфликты приобретают особую остроту.

Очевидно, что этнический конфликт является частной формой социального конфликта, а внутренняя противоречивость (латентная конфликтогенность) этнического пространства в случае системного кризиса, т.е. внешней (социальной) и внутренней (психологической) неопределенности, с большей долей вероятности перейдет во множество открытых и трудно разрешимых конфликтов, подпитываемых массовой истерией в форме конструирования образа врага – «чужака», ответственного за все сложности и неурядицы кризисного периода.

По мнению В.А. Тишкова под этническими конфликтами следует понимать любые формы гражданского противодействия на внутригосударственном и трансгосударственном уровне, при которых хотя бы одна из сторон мобилизуется, организуется и действует по этническому принципу или от имени этнической общности¹⁶¹.

Многие исследователи этнических конфликтов (к примеру, А. Ямсков¹⁶²) концентрируют внимание на конкретных действиях их участников. В результате, этнический конфликт – это динамично меняющаяся социально-политическая ситуация, порожденная неприятием ранее сложившегося статус-

¹⁶¹ См.: Тишков В.А. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 12.

¹⁶² См.: Ямсков А. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 206.

кво существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющаяся в виде хотя бы одного из следующих действий членов данной группы:

начавшейся этноизбирательной эмиграцией из региона, («исход», «массовое переселение»), существенно изменяющей местный этнодемографический баланс в пользу «других», остающихся этнических групп;

создания политической организации («национального» или «культурного» движения, партии), декларирующей необходимость изменения существующего положения в интересах указанной этнической группы (групп) и тем самым, провоцирующей ответное противодействие органов власти и/или политическую мобилизацию другой (других) местной этнической группы в защиту статус-кво, вполне удовлетворяющего последних;

спонтанных акций протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой местной этнической группы и/или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов.

Однако в этом определении нет многих составляющих конфликтов: связанных с языком, культурой, образованием, обычаями, традициями и т.д. Автор исходит лишь из социально-психологического определения конфликтных вариантов межгрупповых отношений. Соглашаясь с ним по существу толкования действий, в которых проявляется наличие конфликтной ситуации, следует обратить внимание и на другое понятие этнического конфликта, в котором «отправной точкой» является изменение этнического пространства или пересечение этнического и политического пространств. Так, З.В. Сикевич под этническим конфликтом понимает социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы (групп), с одной стороны, и государства, с другой, на пересечение этнического и политического пространства, выражающуюся в стремлении этнической группы (групп) изменить сложившиеся этнические неравенства или политическое

пространство в его территориальном измерении¹⁶³.

Необходимо заметить, что этнические конфликты представляют собой одну из форм политических отношений – конфронтацию между двумя или несколькими этносами (или между их отдельными представителями, между конкретными субэтническими элементами), характеризующуюся состоянием взаимных претензий, имеющую тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн. Они возникают, как правило, в многонациональном государстве и присутствуют в форме противостояния «группа – группа», «группа – государство».

Об этническом конфликте как реально присутствующем феномене можно говорить чаще всего тогда, когда организационно оформляется и приобретает определенное влияние национальное движение (или партия), ставящее своей целью обеспечить «национальные интересы» определенной этнической общности, а для достижения этой цели изменить существовавшее и прежде бывшее терпимым либо привычным положение в культурно-языковой, социально-экономической или политической сферах жизни.

Этнический конфликт чаще всего представляет собой явление политическое, даже, в тех случаях, когда инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или социально-экономической области, т.к. достичь своих целей они могут только путем обретения определенных властных полномочий, достаточных для осуществления подобного изменения. Под властными полномочиями, к перераспределению которых очень часто стремились участники этнических конфликтов, обычно понимают способность и возможность одной группы людей распоряжаться деятельностью других групп людей¹⁶⁴.

События, происходящие в мире, свидетельствуют о том, что многие этнические (национальные), впрочем как политические, экономические и другие противоречия имеют религиозную окраску. Конечно, этнические

¹⁶³ См.: Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 54.

¹⁶⁴ См.: Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002. С. 316.

(национальные) противоречия существовали всегда, но они не каждый раз проявлялись в чистом виде. Во многих случаях их трудно отделить от противоречий, возникающих на религиозной и расовой почве.

Таким образом, в рамках исследования влияния этнических противоречий на преступность, учитывая конфессиональную принадлежность этносов, переплетение этнических и религиозных норм, воздействие религии на этнические процессы в конкретном регионе, целесообразно говорить о этнорелигиозных конфликтах.

Этнорелигиозный конфликт – это не просто столкновение в сфере этнорелигиозных отношений, а выражение противоречий между сторонами одной и той же общественной потребности в этническом и духовном развитии, которое проявляется в оппозиционном общении этносов, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

В своем развитии этнорелигиозные конфликты проходят несколько стадий. Начальные стадии возникновения конфликта характеризуются, как правило, нарастанием напряженности, постепенным усилением социально-политической активности какой-либо одной национальной группы населения, созданием и функционированием контролируемых ее представителями общественных объединений. Проживающая в этой же местности другая национальная группа, относящаяся к другой религиозной конфессии, занимает в этот момент как бы выжидательную позицию и втягивается в противостояние не сразу. Но когда одна группа начинает выдвигать лозунг «восстановления социальной и исторической справедливости», «предоставления национальных прав», предъявлять требования социального, имущественного, территориального характера и апеллировать к местной, республиканской или центральной власти, добиваясь принятия «справедливых», по ее мнению, решений, следуют, как правило, ответные выступления и с другой стороны. Они носят чаще всего несанкционированный характер и происходят как бы стихийно.

В ходе нарастания конфликта эти два движения, как правило,

приобретают черты организованности, что находит свое отражение, в частности, в выдвижении лидеров и активистов, в оформлении собственной материальной базы. Затем начинается процесс «кристаллизации» напряжения, который течет в трех «силовых полях»: национальное движение и власть, национальное движение и представители иных национальностей, также оформляющиеся в свои структуры, национальное движение и органы охраны правопорядка. Далее события развиваются на основе этих направлений, периодически нарастая на одном или другом из них.

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов называют пять стадий динамики конфликта:

латентная стадия (отмечена возникновением конфликтной ситуации, этническим расколом в результате ее осмысления и попытками решить проблему неконфликтными способами, переговорами);

открытая стадия (включает инциденты, эскалацию противоборства в форме насильственных столкновений);

стадия деэскалации конфликта (ведет к окончанию конфликта, часто с вмешательством третьей стороны);

стадия окончания конфликта (завершается победой одной из сторон или их соглашением)¹⁶⁵.

Этнорелигиозный конфликт, как и любой социальный конфликт, имеет негативные и конструктивные последствия.

Негативные последствия для конфликтующих сторон обнаруживаются, по мнению Дж. Хеймса, в четырех классах факторов:

жизненные потери и непродуктивное потребление ресурсов;

ослабление приспособляемости людей к мирной жизни;

распространение чувства разобщенности и обострение индивидуальных проблем¹⁶⁶.

Наиболее деструктивным последствием оказываются жизненные потери и

¹⁶⁵ См.: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М., 2002.

¹⁶⁶ См.: Himes J. Conflict and conflict Management. Athens: The University of Georgia Press, 1980. P. 139.

непродуктивное потребление физических и духовных сил, человеческих и материальных ресурсов. Они трансформируются в средства давления на противника и затем потребляются в конфликте. Ресурсные потери способны привести к личной непригодности к гражданской жизни, депривации, фрустрации и росту девиантного поведения.

Негативные конфликтные последствия для социального окружения заключены в росте жизненного риска, этнических расколах и дезинтеграции социальных систем. Истощение внутренних ресурсов, прерывность коммуникации, разрушение инфраструктуры мирной жизни способны вызвать катастрофическое состояние социальной системы. Институциональная недостаточность и аномия¹⁶⁷ вследствие затяжного конфликта могут привести к распаду общества. Поэтому справедливо мнение Р. Дарендорфа о том, что одним из последствий конфликта становится новый конфликт¹⁶⁸.

А.А. Брагин и И.С. Максимов к числу негативных последствий этнорелигиозных конфликтов справедливо относят:

- аккумуляция отрицательных эмоций у враждующих сторон;
- закрепление стереотипов и образов «врагов», тем самым формирование предпосылок для последующих конфликтов;
- снижение уровня сотрудничества между сторонами конфликта или вообще отказ от него;
- нарушение коммуникационных взаимосвязей;
- ослабление ценностно-ориентационного единства межгруппового взаимодействия;
- нарастание враждебности между конфликтующими сторонами;
- неоправданная трата ресурсов (материальных, интеллектуальных и т.д.);

¹⁶⁷ Понятие аномия (буквально – отсутствие закона) ввел в оборот французский социолог Э. Дюркгейм, характеризует состояние общества, в котором преобладает равнодушие к законам вследствие утраты уважения и доверия к ним со стороны большинства населения. И как результат – либо их несоблюдение, либо злостное нарушение. Состояние аномии тесно связано с другим разрушительным для всякого общества явлением – люмпенизацией населения.

¹⁶⁸ См.: Dahrendorf A. Toward a Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution. 1958. № 2. P. 172.

человеческие потери и ухудшение условий жизни;
разрушение социальной системы¹⁶⁹.

Необходимо обратить внимание на то, что даже после урегулирования такого рода конфликтов (например, локализация действий вооружённого характера и его переход в дипломатическое «русло»), достаточно длительное время продолжается воздействие факторов, негативно влияющих на криминогенную ситуацию. К основным из них следует отнести:

рост национализма и связанной с ним этнической и культурной нетерпимостью;

проблемы социально-психологического характера, которые заключаются в том, что психотравмирующее воздействие ситуации вооружённого конфликта оказывают пагубное воздействие на личность. Это проявляет себя в виде формирования у человека таких качеств как повышенная эмоциональная лабильность, подозрительность, агрессивность, вспыльчивость, враждебность, жестокость, конфликтность. Вполне естественно, что такие качества личности занимают влиятельное место в механизме индивидуального преступного поведения. Кроме того, необходимо помнить о формировании у человека так называемой установки – готовности в определённых ситуациях действовать определённым способом.

Так называемая «остаточность» последствий вооружённых событий, которая заключается в том, что сформировавшиеся в период конфликта вооружённые преступные группы или отдельно взятые преступники, продолжают свою деятельность в дальнейшем (установка на преступное поведение, приобретённый преступный опыт и связи в криминальной среде, имеющееся на незаконном основании оружие).

Наряду с отрицательными последствиями этнорелигиозных конфликтов в литературе¹⁷⁰ традиционно выделяют и конструктивные последствия.

¹⁶⁹ См.: Брагин А.А., Максимов И.С. Регулирование этнических конфликтов: предупреждение и разрешение. Белгород, 2008. С. 30.

¹⁷⁰ См., например: Coser L. The Functions of Social Conflict. New York. 1956. P. 207; Kriesberg L. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. New York; Oxford: Lanham; Boulder,

Остановим внимание на основных из них:

конфликт способствует группообразованию, установлению и поддержанию нормативных и физических границ группы;

конфликт способствует установлению и поддержанию относительно стабильной структуры внутригрупповых отношений, содействует интеграции и идентификации, социализации и адаптации, как индивидов, так и групп;

конфликт помогает членам группы правильно понять суть проблем, требующих разрешения, а также возможных для этого путей;

конфликт играет роль «предохранительного клапана», способствуя выбросу отрицательных эмоций и напряженности в отношениях между сторонами;

в ходе конфликта стороны проверяют, узнают, зондируют друг друга, так что ранее враждебное взаимодействие часто приводит к дружественному;

конфликт высвобождает социальное напряжение, усиливает способность группы к изменениям, стимулирует творческую активность;

конфликт мобилизует все имеющиеся у сторон ресурсы;

конфликт способствует созданию и поддержанию баланса сил и, в частности, власти;

благодаря конфликту возникают новые социальные институты и организации, защищающие интересы противоборствующих сторон или выполняющие посредническую миссию;

конфликты делают жизнь более интересной. Пребывание в конфликте часто пробуждает любознательность и стимулирует интерес. Конфликт нарушает привычный ход вещей, отвлекает от рутины;

возникающий конфликт сигнализирует о возникших в социальной системе дисфункциях;

конфликт позволяет увидеть будущее, к которому придет организация, если ничего не предпринимать, и к чему можно прийти, если вмешаться в

конфликт.

Представленное деление последствий конфликта на негативные и конструктивные несколько условно. Все они взаимосвязаны, влияют друг на друга, вытекают друг из друга и не все из них (особенно конструктивные последствия) можно бесспорно принимать. Некоторые конструктивные последствия побуждают к дискуссии.

Исследование природы этнорелигиозных конфликтов позволяет обнаружить в их эволюции ряд типичных свойств:

1) этнорелигиозные конфликты – это древнейшая форма социальных конфликтов, сопровождающая всю человеческую историю;

2) этничность не является предметом свободного выбора. Этническая самоидентификация – это аскриптивный тип социальной идентификации, что существенно повышает эмоциональную насыщенность этнического конфликта¹⁷¹;

3) поскольку этносы выступают территориально организованными структурами, этнорелигиозные конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер или территориальное происхождение;

4) этнорелигиозные конфликты обладают поразительной способностью вовлекать в свою орбиту самые разные фрагменты социальной реальности, по своему происхождению далекие от этнорелигиозных отношений;

5) этнорелигиозные конфликт предстает наиболее фундаментальным явлением в истории человечества, а остальные виды конфликта играют второстепенную роль. Причина в особой значимости этнической идентификации в жизни человека и общества;

6) этнорелигиозные конфликты являются затяжными, отличаются нелинейной динамикой, повышенной кровопролитностью, чередованием насильственной конфронтации и сосуществования сторон.

¹⁷¹ См.: Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 44.

Конфронтация – это ролевая характеристика конфликта, в котором стороны попеременно выступают в ролях нападения и защиты. В динамическом аспекте конфронтация означает открытую фазу борьбы, она может увеличиваться и уменьшаться, что обозначается терминами «эскалация» и «деэскалация» конфликта. В конфронтации стороны используют силу, включая оружие, для причинения физического, имущественного и морального ущерба противнику. Нелегитимное применение силы, находящееся под запретом внутригосударственных и международных норм права, означает насильственную конфронтацию, или насилие. По степени организованности насилия в этнонациональном конфликте Т. Гурр различает следующие формы конфронтации:

беспорядок (столкновения, погромы, резня);

бунт;

заговор с целью свержения правительства;

терроризм;

партизанская и гражданская война¹⁷².

Данная типология учитывает переход одной формы насилия в другую. Например, периодически возникавшие беспорядки, вызванные конфликтом бенгальцев и пенджабцев Пакистана, переросли в 1970-1971 гг. в гражданскую войну, завершившуюся образованием государства Бангладеш. В полиэтничном Бангладеш ситуация отличалась нестабильностью: в 1980-1990 гг. произошло несколько государственных переворотов, сменилось 13 президентов, 8 лет общество находилось в условиях военного режима¹⁷³.

Сосуществование, именуемое в обыденном словоупотреблении «ни мира, ни войны», возникает в ходе этнонационального конфликта, когда противники вынуждены признать невозможность победы одной стороной. Сосуществование означает переходный период от насилия к кооперации, и наоборот. С динамической точки зрения, сосуществование – это повторная

¹⁷² Gurr T.R. Op. cit. P. 52–64.

¹⁷³ Страны мира: краткий политико-экономический справочник / Под ред. И.С. Иванова. М., 1997. С. 36.

латентная фаза затяжного конфликта. В этот период стороны прекращают открытые военные действия, но сохраняется скрытая борьба в форме партизанских и террористических акций и антипартизанских и антитеррористических операций. В период сосуществования этнический конфликт возвращается в управляемую фазу. Возобновляется кооперация сторон, но продолжают действовать конфликтогенные факторы. Относительно кооперации они имеют большее воздействие на последующие акции этногрупп и государства. Сосуществование означает, что открытое насилие может возобновиться и затем вновь быть отвергнуто мирными переговорами и соглашениями¹⁷⁴.

Знание и учет природы этнических конфликтов имеет принципиально существенное значение не только для обеспечения эффективности регулирования этих конфликтов, разрешения межэтнических проблем и выполнения масштабных, стратегических задач совершенствования межнациональных отношений, но и нейтрализации негативных последствий, наиболее опасным из которых является преступность.

В этой связи целесообразно определить причины, вызывающие этнорелигиозные конфликты и оказывающие на них воздействие. Поэтому анализ причин этнорелигиозных конфликтов, их взаимосвязи, особенностей действия имеет большое значение для обоснования результативных механизмов их упреждающего и корректирующего регулирования.

4. Причины этнорелигиозных конфликтов

Возникновение и существование такого сложного социального феномена, как этнорелигиозные конфликты, есть результат действия многообразного и многоуровневого причинного комплекса.

Причины, порождающие этнорелигиозные конфликты, коренятся во всех без исключения сферах жизнедеятельности общества в целом, его институтов и

¹⁷⁴ См.: Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995. С. 220-225; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. С. 238-241.

социальных групп, отдельных людей. В литературе выделяют причины, которые могут иметь внутриэтнический, этнический и внеэтнический характер¹⁷⁵. К числу совокупности причин относят: 1) сложившееся социально-экономическое неравенство регионов; 2) национально-государственное неравноправие народов; 3) культурно-языковую ущемленность этносов; 4) перспективу этнического самоуничтожения в результате нарушения экологической среды. Справедливо отмечается, что в различных регионах произошло тесное переплетение всех этих и других дестабилизирующих факторов, обусловивших в конечном итоге тотальный кризис межнациональных отношений, необходимость их радикального обновления¹⁷⁶. Обращают внимание на объективные и субъективные причины этнорелигиозных конфликтов, основные (характерные для всех регионов) и дополнительные (присущие только для отдельных местностей, регионов), а также цивилизационные, социально-правовые, социально-экономические, этнополитические, сепаратистские, исторические, религиозные (межконфессиональные), территориально-статусные, этнокультурные и социально-психологические, языково-культурные, этнодемографические, идеологические, уголовные и др.¹⁷⁷

В рамках данной работы будут рассмотрены только те основные причины, повышенное влияние которых доказано и подтверждено материалами многочисленных научных исследований. По нашему мнению к ним относятся:

последствия серьезных деформаций национальной политики, накопившаяся за долгие десятилетия и даже века неудовлетворенность и вражда, выплеснувшиеся наружу в условиях гласности и демократизации;

противоречия между центральной властью и властными структурами этнических регионов;

демографические причины – изменение этнонационального состава той

¹⁷⁵ См.: Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. С. 21.

¹⁷⁶ См.: Бабаков В.Г., Матюшина Е.В., Семенов В.М. Межнациональные противоречия и конфликты в России // Социально-политический журнал. 1994. № 8. С. 16.

¹⁷⁷ См., например: Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Указ. соч. С. 26, 28, 30; Брагин А.А., Максимов И.С. Указ. соч. С. 36 и др.

или иной территории. Например, в Северо-Кавказском федеральном округе этнические русские составляют меньшинство населения (30,1%) по сравнению со всеми остальными вместе взятыми. В социально-этническую структуру населения входят также чеченцы (15,0%), аварцы (9,0%), кабардинцы (6,0%), даргинцы (5,4%), ингуши (5,3%), осетины (5,2%), кумыки (5,1%), лезгины (4,1%), армяне (2,5%), карачаевцы (2,6%), лакцы (1,6%), табасаранцы (1,2%), балкарцы (1,1%), азербайджанцы (1,1%), ногайцы (1,03%) и другие этносы, численность которых составляет менее 1% от общего числа жителей округа. Приведенные характеристики оказывают существенное негативное влияние на состояние и тенденции безопасности в Северо-Кавказском регионе, который стал местом сосредоточения представителей многих национальностей, многих культур. Отсюда высокий уровень конфликтных ситуаций, которые становятся причиной многих преступлений, особенно связанных с актами насилия;

отсутствие продуманной миграционной политики в России. Например, в Северо-Кавказском регионе миграция входит в число наиболее значимых социальных факторов детерминирующих не только этнорелигиозные конфликты, но и преступность. Отмечается повышенная двусторонне направленная миграционная активность. С одной стороны – это миграция представителей народов Закавказья, решивших перебраться в Россию. С другой – миграция русскоязычного населения. За период с 1989 г. по 2002 г. субъекты Российской Федерации, входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа, покинули около 300 тыс. русских (27,5% общей численности населения). Сформировавшиеся тенденции в области естественного и миграционного движения населения определяют дальнейшее сокращение численности населения Ставропольского края. В соответствии с прогнозом Росстата (от базы на начало 2007 г.) численность населения Ставропольского края к началу 2026 г. хотя и более медленными темпами, чем в целом по России, но все же будет сокращаться и составит 2690 тыс. человек. Неконтролируемая должным образом миграция, особенно когда она разворачивается в сжатые сроки – быстро меняет этническую структуру

населения и, таким образом, размывает устоявшуюся систему межэтнических дистанций. Это само собой порождает определенную социальную напряженность и, по сути, вызывает потенциальную стадию межэтнических конфликтов. Влияние миграции проявляется и в росте нагрузки на рабочие места, а также на социально-культурную инфраструктуру, в усилении конкуренции на рынке труда, что зачастую приводит к противоречиям между мигрантами и местным населением. В результате повышается степень социально-психологической дезориентации, как принимающей, так и переселившейся группы. Неэффективное решение обозначенной проблемы ведет к маргинализации больших групп населения, росту конфликтного фона;

социально-статусные причины (связаны с местом этнических групп в общенациональном разделении труда, выражаются в различиях в содержании и характере труда, размерах и способах вознаграждения за труд, возможностях реализации материальных и духовных потребностей, количестве, структуре и использовании нерабочего времени и т.д.);

национально-психологические особенности (высоко развитое обостренное чувство национальной гордости, самолюбия и самоуважения; осознание правомерности любых, даже самых жестоких действий в качестве возмездия за свое оскорбленное достоинство, жизнь и честь родственников; главным образом холерический тип темперамента, взрывная эмоциональность, повышенная чувствительность к чужим поступкам и суждениям, большая активность, упорство и настойчивость, стремление к лидерству, а также образованию многочисленных микрогрупп по земляческому признаку и т.п.);

идеологические причины – теории и практики национального превосходства (национализм, шовинизм, неприятие культуры, традиций, религии, обычаев другого народа);

активность международной террористической сети, использующей межэтнические и религиозные противоречия.

Следует заметить, что обозначенные основные причины тесным образом

переплетены. Так, гипертрофированное чувство национальной гордости ведет к возникновению идей национализма и шовинизма, которые порождают высокомерие, враждебные взгляды, неприязнь, недоверие, ненависть, нетерпимость и презрение в отношении представителей другой национальности. В основе национализма и его крайней, наиболее опасной формы шовинизма лежат идеи превосходства одних «высших» наций над другими – «низшими», «неполноценными», безудержного возвеличивания собственной нации. Это является постоянной конфликтогенной причиной, колоссальной разрушительной силой.

Причина крайней устойчивости рассматриваемых конфликтов заключается в том, что источники их напряженности, как правило, лежат в их эмоционально-чувствительной сфере, органически подкрепляясь действием бытовых традиций, некритически воспринятыми оценками и суждениями, подсознательными, в том числе религиозными, стереотипами и стандартами, выражающими трудно изменяемое негативное отношение к людям другой национальности.

Этническая несовместимость служит выражением культурной дистанции, которая порой является условием самого существования этносов. Причем эта дистанция весьма трудно преодолима как для групп, так и на индивидуальном уровне. Нередко такие конфликты выливаются в ожесточенные, в том числе вооруженные столкновения отдельных этнических образований (тейпов, махалей), ведущих борьбу друг с другом на протяжении долгих лет¹⁷⁸.

Во многом этнорелигиозные конфликты на территории России обусловлены административно-территориальными проблемами, являющимися дестабилизирующим фактором, и вызывающими социальную-психологическую напряжённость в обществе.

Так, территориальный спор существует между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия – Алания. Республика Ингушетия оспаривает

¹⁷⁸ См.: Тупалиев О.М. Криминологические особенности преступности в Северо-Кавказском федеральном округе. Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2011. С. 119.

часть Пригородного района Северной Осетии к востоку от Владикавказа (территории, населённые лицами ингушской национальности до их депортации). В 1992 году это привело к одному из первых вооружённых конфликтов этнополитического характера на территории нынешнего состава Российской Федерации. В настоящее время он локализован, однако полностью не урегулирован.

Кроме того, Республика Ингушетия не граничит с Кабардино-Балкарской Республикой, однако наличие такой границы отмечено на официальных сайтах обеих республик. Эти два территориальных образования отделяет очень узкая полоса земли, на которой расположено селение с осетинским названием Хурикау (до депортации ингушей носило название Кескем), населённое преимущественно ингушами. Хотя ситуация с этим перешейком непростая, юридически он относится к Северной Осетии.

Некоторые разногласия по территориальному признаку существуют и с Чеченской Республикой. Современной границей между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия формально считается граница 1934 года, однако демаркация её до сих пор не проведена из-за некоторых территориальных споров в переходный период, установленный Законом РФ в 1992 году. Основные разногласия между субъектами возникают по поводу принадлежности Сунженского района, который изначально был отдельным от Чеченской Республики и Ингушетии административным образованием (являлся частью Сунженского казачьего округа). На картах Роскартографии граница между этими двумя субъектами не показана.

Напряжённость, вызванная территориальными спорами, нашла своё отражение и в тексте Конституции Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 года (в редакции от 5 ноября 2012 года), что лишний раз подтверждает серьёзность политико-географического фактора. Так в статье 11, находящейся в главе первой «Основы Конституционного строя» заявлено следующее: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия

– важнейшая задача государства».

Следующим фактором, существенно влияющим на этнорелигиозные конфликты, является клановость. Клановые структуры обладают мощной, устойчивой этнической идентичностью, консолидированным мировоззрением, однако, это мировоззрение не может быть синхронизировано с общегосударственными задачами, так как оперирует категориями этноса, а не народа, или государства.

Противоречия и конфликты между кланами, созданными, как правило, на моноэтнической основе, на поверхности жизни часто выступают как межэтнические. Указанные обстоятельства провоцируют перманентную конфликтность на весь период обозримого будущего. Причем клановая структура власти приводит не только к этнорелигиозным конфликтам, но и к феноменальной даже по российским меркам коррупции, а патриархальный уклад тормозит социальное развитие.

Доминирование клановых установок в управленческой деятельности, облегчает подчинение ее частногрупповым интересам, приводит к росту закрытости властных структур, господству «телефонного права», формирует клановый характер кадровой политики, стимулирует тенденции противостояния региональных клановых групп центральной власти, а, следовательно, становится фактором существенного снижения эффективности управления. В результате в регионах, где эта проблема стоит наиболее остро, например СКФО, удельный вес преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также преступлений против порядка управления в два раза выше, чем по России в целом.

Не менее значимым фактором, детерминирующим этнорелигиозные конфликты, является поликонфессиональный характер населения России. Например, в Северо-Кавказском федеральном округе конфессиональный состав представлен мусульманами (60%) и христианами (40%), причем население исповедует христианство и ислам различных толков и направлений, зачастую сильно переплетенные с традиционными языческими верованиями. Несмотря

на внутренние противоречия в мусульманском мире, общая религия способствует усилению внутренних эмоциональных связей, что является важным интегрирующим фактором.

В настоящее время наблюдается увеличение влияния религии, особенно в районах традиционного распространения ислама. Позиции ислама, особенно в Чеченской Республике, Республике Ингушетия и Республике Дагестан, очень прочны и он действительно определяет жизнь и бытовую культуру этих народов.

Самым исламизированным регионом является Республика Дагестан. Здесь находятся 23 шейха различных тарикатов (суфийских традиций), 13 исламских теологических вузов, функционирует более 2000 мечетей – более 80% всех культовых сооружений России. При каждой мечети формируется собственный джамаат (община). Как показывает практика, далеко не всегда эти общины исповедуют исключительно суфийский (так называемый традиционный) ислам. Часть джамаатов находится в состоянии неприязни друг к другу. *Нарастает* влияние ислама в его наиболее экстремистской форме – ваххабизм.

Рассматривая факторы, детерминирующие этнические конфликты нельзя не сказать о религиозном радикализме, который становится одним из важнейших факторов психологической и этнокультурной несовместимости, роста напряженности между народами, а также оказывает огромное влияние на криминогенную ситуацию, возникновение принципиально новых явлений: исламского экстремизма, терроризма, формирований моджахедов.

Распространенность религиозных учений деструктивного толка характерно для переходных и нестабильных периодов. Именно в это время создается благоприятная почва для культивирования сознания своей исключительности и внутригрупповой взаимозависимости, формирования отрицательного отношения ко всем другим общепринятым социальным, культурным и религиозным представлениям, установки на изоляцию себя от жизни общества, возникновению подсознательных форм коллективного

реагирования и поведения. В результате радикального изменения личностных ориентаций представители религиозных групп с легкостью могут переходить к противозаконной деятельности. Своеобразная групповая мораль отделяет их от общества, сплачивает и заставляет действовать только в своих интересах.

В некоторых религиозных группах ведется компьютерный учет как потенциальных членов, активистов своей «церкви», так и ее противников, угрожая последним физической расправой.

Необходимо заметить, что указанный перечень факторов, порождающих этнорелигиозные конфликты, способствующих обострению межнациональных отношений не является исчерпывающим. Могут быть и другие, определяемые местной национальной или религиозной спецификой. По мере развития современного общества и межнациональных отношений не исключается возникновение и иных факторов, обуславливающих этнорелигиозные конфликты.

5. Преступления, совершаемые в рамках этнорелигиозных конфликтов

Одним из особо опасных и негативных последствий этнорелигиозных конфликтов является преступность, которая сопряжена со значительными человеческими жертвами, причиняет вред личности, экономическому развитию общества, общественной безопасности и общественному порядку, а также подрывает основы конституционного строя и безопасность государства.

Следует заметить, что этнический и религиозный характер мотивации преступных деяний в чистом виде встречается достаточно редко. К этническому и религиозному мотивам преступлений, как правило, примешивается мотив корыстной или иной личностной заинтересованности. В отдельных случаях этническая мотивация объединяет и этноидеологические, и религиозные, и корыстные установки. Это единство бывает органичным – в каждом деле и во всяком побуждении человека присутствует личный интерес. Нередко этнические и религиозные мотивы оказываются лишь прикрытием

корысти или иной личной заинтересованности (карьеризма, мести и т.п.).

На территории России особый размах этнорелигиозные конфликты и преступность на их почве получили в 1988-1990 годы. Наиболее крупные межэтнические конфликты происходили, в частности: в Сумгаите, Фергане, Новом Узене (Казахстан), Нагорном Карабахе, осетино-ингушский конфликт, Приднестровье, Кыргызстане. За этот период в ходе межнациональных конфликтов погибло 795 человек, сожжены и разграблены тысячи «жилых домов». Вынуждены покинуть очаги более 500 тысяч армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев, людей других национальностей.

Среди указанных конфликтов Ошская трагедия (Кыргызстан) отличается наиболее кровавыми методами насилия между двумя братскими народами – кыргызами и узбеками. Она происходила на почве предельно тяжелой социально-экономической жизни и избыточности трудовых ресурсов населения области. Поводом к конфликту послужило стремление группы киргизской молодежи захватить 32 гектара пахотной земли, принадлежащей колхозу с преимущественно узбекским населением, для строительства индивидуальных домов.

Открытый конфликт в форме массовых беспорядков и межобщинных столкновений начался 4 июня 1990 г. в г. Ош, который на следующий день распространился на 30 населенных пунктов Ошской области, где участники конфликта, главным образом кыргызы, совершили насильственные акты против узбеков и пытались проникнуть в г. Узген с целью расправы и изгнания из города узбеков. Следует отметить, что небольшие стычки между кыргызскими и узбекскими подростками имели место и раньше, особенно в праздничные дни, но в этот раз в массовые беспорядки были втянуты огромные массы людей.

Этот конфликт типичен со своими жестокими формами: здесь убийства, изнасилования, поджоги, погромы, мародерство и т.п.

Убийства как в г. Ош, г. Узгене, так и в других городах и районах Ошской области происходили в следующих формах:

удушение проволокой и веревкой;
путем сильного избиения, нередко группой лиц;
нанесение тяжелых ударов по жизненно важным органам человека;
убийство ударами топора, камней и других твердых предметов;
убийство из ружья.

Нередки были такие случаи, когда после убийства человека сжигали, чтобы он не был узнаваем. Изнасилование женщин и малолетних было характерно для обеих сторон. Они совершались нередко в извращенной форме и группой лиц. Получили широкое распространение разные виды издевательств (раздевание женщин догола и выведение их на улицу) и истязаний как со стороны кыргызов, так и со стороны узбеков.

Согласно справке органов следствия за первую неделю (4 – 10 июня 1990 г.), было совершено более 5000 преступлений (убийства, причинение вреда здоровью разной степени тяжести, изнасилования, погромы и грабежи).

По данным следственной группы прокуратуры СССР, в конфликте с киргизской стороны в городах Узген и Ош, а также в сёлах Ошской области погибло около 1200 человек, а с узбекской, по неофициальным данным — 10 тыс. Следователи нашли около 10 тысяч эпизодов преступлений. В суды было направлено 1500 уголовных дел. В конфликте принимали участие около 30-35 тыс. человек, к уголовной ответственности привлекли около 300 человек.

В ходе массовых беспорядков сожжено 411 домов, 54 магазина и госучреждения, 89 автомобилей. Ущерб составил 85 миллионов рублей.

Насилие было остановлено объявлением чрезвычайного положения и вводом армейских подразделений в зону конфликта.

В 2010 г. исторически сложившаяся неприязнь, в частности между киргизами и узбеками, вылилась во второй раз в откровенные военные события. В течение пяти дней на юге страны стреляли, убивали, сжигали друг друга киргизы и узбеки. В этом националистическом обороте оказалось и русское население. До поры до времени оно не испытывало националистического прессинга, пока не обострились социально-этнические и межконфессиональные

отношения, крайне радикальные элементы в открытую не стали провозглашать русских «кафирами», всячески притесняя их и предлагая убраться «с нашей жирной киргизской земли».

Точное количество жертв в Оше и Джалал-Абаде до сих пор неизвестно. По официальной версии, 480 человек убитых, а по данным независимых экспертов – свыше 2 тыс. Еще более 3 тыс. были ранены. Сожжено около 2 тыс. домов. В итоге сотни тысяч людей стали беженцами. Только соседний Узбекистан разместил во временных лагерях около 200 тыс. женщин, детей и стариков, все они – этнические узбеки. Временное правительство Киргизии назвало конфликт межэтническим, а виновником объявило экс-президента Курманбека Бакиева и его окружение, который имел четкий план и цель: сорвать референдум по принятию новой Конституции, разделить страну на север и юг и даже вернуться к власти. Часть вины временное правительство возложило на узбекское население юга Киргизии, лидеры которого стали якобы зачинщиками беспорядков.

Эти факты говорят о том, что клерикализм в любых его облачениях не только поднял голову, но и разлился широким течением.

Одним из ярких примеров этнических конфликтов на Северном Кавказе является «осетинская проблема». Грузино-осетинский конфликт оказал существенное воздействие на ход и результаты первого межэтнического конфликта на территории РФ – осетино-ингушского. Военная фаза последнего пришлась на октябрь–ноябрь 1992 года. В результате эскалации грузино-осетинского противостояния в Северную Осетию в начале 1990-х годов прибыло около 43 тыс. беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии. Беженцы способствовали радикализации этнонационалистических настроений в североосетинском обществе. В это же время лидеры Северной Осетии и североосетинские националисты оказались вовлечены в другой межэтнический конфликт, осетино-ингушский. В значительной степени беженцы из Южной Осетии стали массовой опорой радикалов Северной Осетии, требовавших сохранения «территориальной целостности» своей

республики. Результат – появление 40 тыс. (по ингушским данным – более 70 тыс.) вынужденных переселенцев – ингушей. И сегодня именно «кударцы» (осетины – выходцы из Грузии) являются наиболее непримиримой группой в отношении ингушского населения Пригородного района.

Неразрешенность этого конфликта вылилась в «пятидневную войну» (8 – 12 августа 2008 г.) в Южной Осетии. Данные о жертвах весьма противоречивы. Так, к вечеру 8 августа президент республики Эдуард Кокойты заявил, жертвами нападения грузинских войск на Южную Осетию стали свыше 1400 человек. Утром 9 августа официальный представитель южноосетинского правительства Ирина Гаглоева сообщила о 1600 погибших. Вечером 9 августа посол России в Грузии Вячеслав Коваленко заявил, что погибло не менее 2000 жителей Цхинвали (около 3% населения Южной Осетии).

Очаги межнациональных конфликтов, периодически вспыхивающие на территории современной России знаменуются колоссальными по размаху миграционными процессами. Для мигрантов из стран СНГ кроме проблем, разделяемых ими с российскими мигрантами, возникают и свои, специфические. Прибывая в Россию, мигранты сосредотачиваются – в значительной мере вынужденно – в отраслях занятости, обеспечивающих быстрые, а зачастую и крупные доходы, прежде всего в торговле. Вызвано это тем, что им нужно зарабатывать не только для собственного выживания и обустройства, но и для поддержания оставшихся за рубежом родственников. По расчетам экономистов, только азербайджанская диаспора в России переводит на родину от 1,5 до 2,5 млрд. долл., что превышает бюджет Азербайджана, равный примерно 1,4 млрд. долл.

Мигрантские группы приносят с собой нередко очень своеобразные или даже контрастные культурные и религиозные нормы, обычаи, привычки, образ жизни, этические и правовые представления. Они захватывают местные рынки, приучают молодежь к наркотикам, втягивают в криминальный бизнес. Эти группы хорошо сплочены, демонстрируют чувство превосходства по отношению к местным жителям и не обнаруживают заметного стремления к

тому, чтобы интегрироваться в принимающую среду. Ответ «коренных» жителей на такое поведение «пришельцев» – всплеск ксенофобии, нередко сопровождаемый этническими погромами. Ярким примером в данном случае могут служить события 2006 г. в г. Сальске (Ростовская область) и г. Кондопоге (Карелия).

Так, в г. Сальске конфликт возник между коренными жителями и представителями дагестанской диаспоры, обосновавшейся в этом городе с 2000 г. С этого времени наблюдается определенная социальная напряженность, конфликтность в отношениях между местными жителями города и приезжими, которые стали заявлять о себе как «хозяева» города, взяв под контроль торговый и ресторанный бизнес. До стадии эскалации конфликта на этой почве различные правонарушения с обеих сторон носили регулярный характер. Апогей конфликтных отношений между дагестанцами и русскими – гибель пяти человек.

По тем же самым причинам аналогичный случай произошел и в г. Кондопоге. Во время драки между местными жителями и выходцами с Кавказа, произошедшей в ресторане «Чайка» в ночь 30 августа 2006 г., были убиты двое жителей г. Кондопоги и еще четверо получили ранения. Драка спровоцировала стихийные митинги протеста, которые переросли в массовые беспорядки и погромы имущества проживающих в городе представителей чеченской диаспоры. При этом в данном случае с обеих сторон были совершены противоправные действия, которые имеют свою определенную криминологическую характеристику. Было возбуждено 17 уголовных дел.

На наш взгляд, возникновение такого рода конфликтов явилось результатом несоблюдения элементарных требований законности и постоянного давления организованных преступных группировок, создаваемых представителями национальных меньшинств с учетом специфического мотивационно-криминологического свойства – этничностью, на жителей большинства российских городов.

Общеизвестно, что широкие слои этнообщности, вовлеченные в

этнонациональный конфликт, выказывают высокий уровень нетерпимости к противнику – ненависть, гнев и деструктивные намерения. В современных условиях агрессивная нетерпимость проявляется не только в насильственных преступлениях, но и суицидальном поведении и в обостренной восприимчивости к неуважению этнических границ. Нетерпимость индивидов проистекает из восприятия опыта отношений этногруппы со средой, но уровень эмоциональности выходит за пределы конфликта интересов.

З. Фрейд именовал агрессивную нетерпимость защитным механизмом самолюбия, чувства собственного достоинства, соединенного с ревнивым отношением к мнению окружающих¹⁷⁹. Самолюбивая реакция индивида означает неудовлетворенную потребность в признании. Сама потребность коренится в психологии «Я», представлении о самом себе, зависящем от признания индивида референтной группой. Отказ в признании приводит к внутриличностному напряжению. Оно может побудить к крайним формам поведения – самоуничтожению либо агрессивности.

Согласно Э. Фромму, самолюбивый человек поддерживает свое чувство достоинства двояким образом – посредством самовозвеличивания и возвеличивания референтной группы. Оба вида возвеличивания действуют в этнонационалистической организации, которая «остается рассадником чувства собственной принадлежности»¹⁸⁰. Члены конфликтной этногруппы реагируют на принижение своей этнической гордости с той же интенсивностью, с какой отвечают на принижение личного достоинства. Совокупность экзофобских реакций образует потенциал поддержки сторонников возобновления конфликта. Эти реакции – иррациональны.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, количество расследованных преступлений против личности, по которым установлены потерпевшие и совершенные из расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды не велико. Так, в 2001 г. их число составило 125, 2002 г. – 128, 2003 г. –

¹⁷⁹ См.: Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Соч.: В 2 т. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 99–100.

¹⁸⁰ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 58.

120, 2004 г. – 108, 2005 г. – 144, 2006 г. – 108, 2007 г. – 80, 2008 г. – 171, 2009 г. – 185, 2010 г. – 210, 2011 г. – 135.

По нашему мнению мотив национально-этнической ненависти и вражды как психологический феномен – явление достаточно сложное и комплексное. Он может носить: 1) национально-этнический характер (в основе лежат представления об идеале национально-государственного устройства территориальной единицы, социальной и этнической справедливости, благе государства или этнической группы); 2) этнорелигиозный характер (стремление к переустройству социума в соответствии с идеологией одного из религиозных учений конкретной этнонациональной группы); 3) характер корысти или иной личной заинтересованности (кровная месть, межнациональная неприязнь и др.).

Несмотря на незначительную долю в структуре преступности, повышенную общественную опасность представляют преступления против общественного порядка и государственной власти, т.е. преступные деяния террористической и экстремистской направленности, которые тесным образом связаны с этническими конфликтами (см. Табл.1). Как правило, они возникают там, где сталкиваются интересы субъектов, противостоящих друг другу в идеологическом и мировоззренческом плане.

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений, предусматривающих уголовную ответственность по ст. 205, 205.1, 205.2, 280, 282.1, 282.2 УК РФ за период с 2001 по 2011 гг.

Статьи УК РФ	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
205	327	360	561	265	203	112	48	10	15	31	29
205.1	0	0	0	5	13	16	7	10	15	22	61
205.2	0	0	0	0	0	0	0	0	7	9	14
280	5	1	1	8	8	22	38	29	45	51	61
282.1	0	0	0	8	12	7	24	18	19	23	17
282.2	0	0	0	9	14	16	16	24	20	27	67

Представленные данные являются лишь отражением статистически учитываемых показателей. Они не позволяют объективно оценивать криминальную ситуацию, т.к. данная группа преступлений обладает очень

высокой степенью латентности, а также предотвращается на стадии приготовления. Кроме того, в российском законодательстве отсутствует четкое определение понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность», что в свою очередь вызывает трудности при квалификации.

Проявления терроризма и экстремизма достаточно разнообразны. К ним относятся этносепаратистские конфликты и дискриминация национальных меньшинств, насильственные конфликты между представителями разных культур и вероисповеданий, между различными политическими движениями, а в целом между несовпадающими системами идеологических убеждений. Экстремистская нетерпимость отрицает этническое и религиозное многообразие, составляющее важнейший фактор исторического развития России, подрывает принципы суверенной демократии, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному существованию наций и социальных групп в российском обществе, препятствует достижению гражданского согласия, утверждению и развитию демократических ценностей. В связи с многоликостью террористической и экстремистской деятельности масштабы их трудно оценить.

Следует заметить, что действия, осуществляемые в рамках террористической и экстремистской деятельности, могут быть различными по содержанию, но совершаются они для того, чтобы привлечь внимание и вызвать страх. Их можно рассматривать и как попытку демонстрации силы одной группы перед другой, но главная цель такой демонстрации – инициировать страх. Поэтому насилие оказывается наиболее подходящим средством достижения этой цели.

Мотивы этой деятельности находятся, как правило, в области религиозной идеологии и определяют направленность личности. Причем вера в собственные идеалы настолько велика, что следование им становится более важным, чем сама жизнь. В результате при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности наибольшее количество исполнителей смертников.

К особенностям рассматриваемой деятельности следует отнести и ее группоцентрический характер, который заключается в том, что террористические и экстремистские акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников, представленных в сознании их исполнителей как «мы», и направлены против какой-то другой группы, представленной как «они».

Групповой характер присущ большинству преступлений, возникающих в условиях этнорелигиозных конфликтов. В их числе, например, террористический акт (ст. 205 УК РФ); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); организация преступного сообщества или участие в нем (ст. 210 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); преступления экстремистской направленности (ст. 280, ст. 282.1 - 282.2 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ).

О повышенной степени общественной опасности указанных преступных деяний, детерминируемых конфликтами на межэтнической, межнациональной почве свидетельствуют и данные социологических опросов.

В 2009 и 2010 гг. Фондом общественного мнения (ФОМ) совместно с ФГКУ «ВНИИ МВД России» было проведено масштабное социологическое исследование об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел во всех субъектах Российской Федерации. В целом по России было опрошено 33 200 респондентов в возрасте от 18 лет – граждане Российской Федерации, лица без гражданства и иностранные граждане.

В 2011 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) совместно с ФГКУ «ВНИИ МВД России» провел аналогичное исследование, в процессе которого было опрошено 41 500 респондентов.

Анализ результатов этих исследований позволяет показать оценку социальных рисков и опасений граждан, а также состояние защищенности граждан от противоправных посягательств. Так, уровень беспокойства

относительно межэтнических, межнациональных конфликтов в целом составляет 64%, из них: немного беспокоят – 33%, сильно беспокоят – 31%. В разрезе федеральных округов межэтнические, межнациональные конфликты сильно беспокоят жителей СКФО (44%), ЦФО (39%) и ЮФО (34%).

Анализ распределения ответов в динамике показывает, что в 2011 г. по сравнению с 2009 г. выросла доля опасующихся указанных социальных конфликтов в среднем на 19%. В этой связи можно констатировать, что конфликты на межэтнической, межнациональной почве относятся к числу наиболее распространенных страхов.

По нашему мнению преступления, совершаемые в сфере этнорелигиозных отношений, в зависимости от целей могут быть классифицированы следующим образом:

во-первых, направленные на жизнь, здоровье, свободу, половую неприкосновенность и половую свободу представителей других этнических групп и общностей;

во-вторых, направленные на изменение социальной и национально-государственной систем;

в-третьих, направленные на захват власти конкретными национальными элитами (этнократией);

в-четвертых, направленные на удержание власти этнократией;

в-пятых, направленные на ослабление противоборствующей стороны этнорелигиозного конфликта;

в-шестых, направленные на удержание контроля в сфере экономической деятельности этнической группировкой.

С учетом изложенного, преступность на почве этнорелигиозных конфликтов – социально-правовое явление, имеющее относительно массовый масштаб, которое слагается из совокупности преступных посягательств на социальные отношения в сфере развития и самоуправления наций как этнических общностей, обеспечения целостности их территорий, культурно-исторического достояния, равноправия граждан всех национальностей,

проживающих на данной территории, а равно преступных посягательств на права, законные интересы, свободы граждан и правопорядок, осуществленные с использованием обстановки межнациональных и религиозных конфликтов. Данный вид преступности характеризуется многообъектностью. Она наносит вред жизни и здоровью граждан, их собственности, правам и свободам, межнациональным отношениям, основам государственного управления, общественного порядка и безопасности, деятельности предприятий, учреждений и транспорта, другим общественным отношениям.

Следует заметить, что конфликты на этнической и религиозной почве должны стать предметом постоянных исследований криминологов, психологов, этнологов, историков, политологов, социологов, конфликтологов, регионоведов, философов и представителей других отраслей знания. Это необходимо не только для эффективного разрешения межэтнических проблем и выполнения масштабных, стратегических задач совершенствования межнациональных отношений, а также действенного противодействия преступности.

Глава V. Миграция населения из зарубежных стран

1. Миграция населения в формате криминологического исследования

Очевидно, что процессы глобализации способствуют негативным изменениям трансграничной и транснациональной преступности, они же обусловили возникновение относительно нового для России вида преступности – «миграционной». Ее современные тенденции вызывают серьезные опасения в российском обществе, а совершенствование противодействия этому явлению – одна из актуальных проблем криминологии.

Перманентное, на протяжении ряда последних лет, наблюдение за основными показателями отечественной миграционной преступности, позволяет прийти к выводу о негативных изменениях качественных и количественных характеристик этого феномена при относительно высоком уровне латентности. Криминогенные проявления миграционных процессов, сегодня представляют реальные угрозы национальным интересам России, при этом в различных частях Российской Федерации они приобретают региональную специфику.

Миграция населения в формате криминологического исследования, может быть представлена как социальное явление, обладающее высоким криминогенным потенциалом, способным оказывать существенное влияние на преступность в странах, проводящих активную миграционную политику, к которым сегодня можно отнести и Российскую Федерацию.

По мнению отечественных и зарубежных специалистов проблемы, связанные с миграцией населения, закономерно влияют на структуру, состояние и динамику преступности. «Миграция, как фактор социально-экономического и политического развития общества, все больше заставляет обращать на себя внимание не только теоретиков, но и представителей законодательной и исполнительной власти, а также криминологов, так как

является одним из факторов детерминирующих преступность»¹⁸¹. «Принимающему обществу миграция может подарить очаги социальной напряженности в местах повышенной концентрации мигрантов, локальные вспышки этнических конфликтов, рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма»¹⁸².

В криминологической литературе миграцию населения часто рассматривают в качестве «фонового явления преступности» влияющего на количественные, а иногда и качественные показатели преступлений против личности, в сфере экономики, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и т.д.

Существует мнение, что по своей сути любая разновидность миграции населения потенциально криминогенна. Попадая в непривычные условия, мигранты испытывают естественные социально-бытовые и психологические трудности, что может оказывать негативное влияние на поведение этих лиц в новой для них социальной среде. Однако по этой же причине и сами мигранты часто становятся жертвами преступных посягательств, что несомненно представляет интерес для криминологических исследований в области виктимологии.

По оценкам специалистов, преступления, сопровождающие миграционные процессы обладают высоким уровнем латентности. Это обусловлено особенностями общей и частной превенции, а также спецификой в организации противодействия миграционной преступности.

Особое внимание криминологов, исследующих проблемы миграции и сопутствующих этому явлению криминальных угроз, уделяется незаконной (нелегальной) миграции. Именно незаконная компонента миграций населения, как правило, связана с различными видами противоправной, а часто и преступной деятельности, в том числе, работорговлей, контрабандой,

¹⁸¹ См.: Галуза Е.В., Денисова Г.С., Кашуба Ю.А., Контарев А.А., Перекрестов В.Н. Миграционные процессы в современной России / Ростов-на-Дону: изд. «Тера», 2004. С. 132.

¹⁸² Старченков Г.И. Трудовые миграции между Востоком и Западом: вторая половина XX столетия. М., 1997. С. 108 – 112.

наркобизнесом, браконьерством, все чаще незаконные мигранты становятся объектом пристального внимания экстремистских и террористических организаций¹⁸³.

Незаконная миграция иностранных граждан является составляющей миграции населения в целом и определяется как добровольная форма территориального перемещения людей, совершаемого в нарушение норм международного и (или) внутригосударственного права соответствующих стран, которые устанавливают порядок въезда и выезда из соответствующих стран, пребывания (проживания) на их территории либо транзитного проезда через их территорию.

Криминогенные свойства миграции и, особенно, ее незаконной составляющей, дали криминологам все основания обусловить этот феномен словосочетанием «криминальная миграция». Однако следует отграничивать незаконную миграцию от миграции «криминальной», которые, по нашему мнению, соотносятся как общее и частное.

В науке о демографии, для которой миграционные процессы являются одним из основных объектов исследований, такой вид миграции не выделяется, поскольку для этой отрасли научного знания, важны главным образом формы и общие закономерности миграционных процессов, тогда как для экономики, социологии и криминологии более существенны факторы (мотивы, цели, условия, последствия и т.п.), стимулирующие и объясняющие миграцию вообще и ее криминальную составляющую в частности. Считается, что криминальная миграция – это операциональное понятие, принятое криминологами для выделения определенных категорий мигрантов, прибывающих с преступными целями и обуславливающих повышенное внимание со стороны правоохранительных органов¹⁸⁴.

По мнению Ю.М. Антоняна и М.М. Бабаева, криминальная миграция есть социальное, относительно массовое, общественно опасное явление,

¹⁸³ См.: Нечевина Н.Д., Плясова И.В. Криминальная иммиграция в современной России: криминологические, уголовные и административные аспекты. М., 2006. С. 4.

¹⁸⁴ См.: Российская криминологическая энциклопедия. М.: НОРМА, 2000. С. 345.

проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий¹⁸⁵.

Характер криминальной миграции определяется субъективным фактором – стремлением совершить преступления, ряд преступлений или осуществлять преступную деятельность на профессиональной, постоянной основе. Однако мотивы подобных перемещений могут быть самыми разнообразными – корысть, месть, политические соображения, стремление расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными элементами и группами в государствах прибытия и др. В то же время, криминальный мигрант не может не осознавать, что его постоянная или временная смена места жительства содержит в себе возможную связь с преступной деятельностью, с нарушением уголовно-правовых норм, или намерением совершить это в скором будущем.

Иногда преступники меняют свое место жительства для того, чтобы его не установили компетентные органы или чтобы скрыться от своих сообщников или врагов. В связи с этим следует согласиться с тем, что данное обстоятельство не относится к феномену «криминальная миграция» в чистом виде, то есть миграции, обусловленной криминальными целями или в виду совершения преступления.

Словосочетание «криминальная миграция» в основном применяется для криминологической характеристики мигрантов, намеренных совершить или совершивших преступления, не связанные с процессом миграции, а преступления, которые имеют прямое отношение к подобным процессам, позволяющие обеспечить сам акт незаконной миграции или скрыть его, часто рассматриваются криминологами вне понятия криминальной миграции, что представляется несправедливым.

Представляется справедливой позиция, основанная на том, что

¹⁸⁵ См.: Антонян Ю.М., Бабаев М.М. Социальная среда и личность преступников-мигрантов и постоянных жителей // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М.: Юрид. лит., 1985.

криминальную миграцию можно представить в следующих формах:

- уголовно-противоправных деяний, посредством которых собственно и осуществляется незаконная миграция;
- уголовно-противоправных деяний, обеспечивающих и сопровождающих процесс незаконной миграции;
- уголовно-противоправных деяний мигрантов вообще, то есть не связанных с незаконной миграцией.

В одной из своих работ, посвященных генезису преступности с точки зрения теории о «коллективном бессознательном» и формировании соответствующих архетипов, Ю.М. Антонян справедливо отметил, что криминологический интерес к феномену «чужого», который часто ассоциируется с иностранцем, обусловлен стремлением общества и государства защититься от терроризма и экстремизма, нередко носящих религиозный или националистический характер¹⁸⁶.

В свою очередь, М.М. Бабаев рассматривает миграционную преступность, как «фоновое сопровождение миграционных процессов»¹⁸⁷, а П.Н. Кобец – в качестве фактора, непосредственно влияющего на криминальную ситуацию¹⁸⁸. В.П. Ревин обращает внимание на тесную взаимосвязь между миграцией и «интернациональной преступностью»¹⁸⁹.

Криминологическая теория о взаимообусловленности незаконной миграции и международной, интернациональной или транснациональной преступности¹⁹⁰ получила дальнейшее развитие в работах К.К. Горяинова, В.А. Номоконова, А.Л. Репецкой и других авторов.

¹⁸⁶ См.: Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2009. С. 366.

¹⁸⁷ См.: Бабаев М.М. Методы анализа влияния различных факторов социально-экономической ситуации на состояние оперативной обстановки / М.М. Бабаев. М., 1999. С. 78.

¹⁸⁸ См.: Кобец П.Н. Теоретические основы предупреждения преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства в федеральных округах Российской Федерации. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 30–32.

¹⁸⁹ См.: Ревин В.П. Влияние открытости общества на консолидацию международных преступных сообществ в России. М., 1995. С. 25.

¹⁹⁰ В работах зарубежных и отечественных криминологов указанные понятия используются как синонимы.

В исследованиях В.Г. Гельбраса, Г.С. Витковской, Ж.А. Зайончковской, И.А. Ионцева, Л.Л. Рыбаковского, А.Н. Федотенкова, неадекватная социальным и геополитическим интересам миграционная политика рассматривается как угроза национальной безопасности.

В связи с тем, что миграционные процессы при определенных условиях могут иметь настолько существенный деструктивный потенциал, создающий реальную угрозу общественной безопасности и порядку, что это дает безусловные основания ввести в современный нормативно-правовой оборот понятие «миграционная безопасность», которая, по нашему мнению, должна занять достойное место в структуре национальной безопасности России. Именно по этой причине, в последнее время криминологические исследования миграционных процессов, все чаще осуществляются специалистами в контексте проблем обеспечения национальной безопасности, что вероятно обусловлено стремлением исследователей разработать универсальную теорию криминологического обеспечения безопасности личности, общества и государства от угроз, связанных с миграциями населения.

Думается, что подобная постановка проблемы имеет серьезную перспективу объединить многообразие теоретических знаний и опыта в решении задач криминологического обеспечения миграционной политики современной России. И именно такой комплексный подход к решению подобных задач, соответствует основным положениям Стратегии национальной безопасности до 2020 года и Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года.

Некоторые политико-правовые и криминологические аспекты миграционной безопасности нашли отражение в пока еще не получивших широкого распространения, но уже нашедших поддержку среди специалистов.

Статистический анализ правонарушений и особенно преступлений связанных с миграцией населения свидетельствует о том, что наибольшая часть миграционных деликтов совершается в процессе пребывания (проживания) иммигрантов на территории принимающего государства, а также в связи с их

трудовой деятельностью¹⁹¹. Не является исключением в этом смысле и транзитный проезд мигрантов, как через территорию России, так и граничащих с ней государств, особенно стран – членов «Евро-азиатского экономического сотрудничества» (далее – страны ЕврАзЭС). Поэтому при формировании криминологической концепции миграционной безопасности особого внимания заслуживают вопросы обеспечения миграционного режима при въезде в Россию и пребывании (проживании) иностранных граждан и лиц без гражданства на ее территории, а также транзитном проезде в целях дальнейшей миграции в другие страны, либо возвращении в страны первичного убытия.

Динамика преступлений, относящихся к нарушению установленного в Российской Федерации порядка внешней миграции населения, значительную часть из которых составляют деяния, направленные на организацию незаконной миграции, по средствам организации незаконной трудовой деятельности иностранных мигрантов, свидетельствует о том, что именно этот компонент миграционной преступности необходимо исследовать, как одну из наиболее опасных, имеющих криминологическое значение угроз миграционной безопасности государства.

Статистические данные, характеризующие динамику преступлений посягающих на миграционную безопасность Российской Федерации за последние пять лет, демонстрируют перманентный рост, что само по себе представляет интерес для криминологических исследований, направленных на выяснение детерминант этого явления и разработку адекватных мер противодействия.

Таблица 1

Наименование позиции и год	2008	2009	2010	2011	2012
Преступления, связанные с нарушением установленного порядка миграции населения, в том числе предусмотренных ст. 292.1, 322, 322.1, 327 УК РФ ¹⁹² :	2126	3062	6667	6765	7228

¹⁹¹ Сведения взяты из информационно-аналитических материалов ФМС России (форма I-PD) и открытых информационных ресурсов ПС ФСБ России.

¹⁹² См.: Результаты деятельности ТО ФМС России: форма 1 – РД и другие статистические источники, включая информационные базы ГИАЦ МВД России и ПС ФСБ России.

Необходимо уточнить, что данные сведения соответствуют количеству материалов, предоставленных для возбуждения уголовных дел только ФМС России. Генеральная же совокупность выявленных фактов, возбужденных уголовных дел этой категории, а также отказов в возбуждении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям значительно выше.

Однако было бы ошибочно полагать, что проблема криминологического обеспечения миграционной безопасности сводится только лишь к вопросам криминальной составляющей незаконной миграции. А именно предупреждению преступлений, связанных с незаконным въездом и (или) незаконным пребыванием, а также транзитным проездом через территорию России. Криминологический аспект миграционной безопасности предполагает систематизацию всех компонентов факторного комплекса, обуславливающего причины и условия преступности в сфере миграции населения, выработку мер по ее предупреждению и прогнозированию, разработку методик выявления и учета латентной составляющей незаконной миграции вообще и ее криминального компонента в частности. Кроме этого, важной составляющей криминологической теории миграционной безопасности является исследование личности преступника, посягающего на миграционную безопасность.

Вероятно, что криминологической парадигмой миграционной безопасности может стать разработанная в конце 1990-х годов теория криминологической безопасности, в соответствии с которой реальные и потенциальные угрозы интересам безопасности личности, общества и государства можно условно разделить, на криминогенные и иные.

Согласно этой теории, криминологическая безопасность есть объективное состояние защищенности прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, а также осознания гражданами своей защищенности¹⁹³.

¹⁹³ См.: Бабаев М.М., Рахманова Е.Н. Права человека и криминологическая безопасность. М., 2004. 153 с.; Бабаев М.М., Плешаков В.А. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) // Криминологический журнал, 2005, № 7. С 11 – 18; Лебедев С.Я. Криминологическая безопасность в системе

Следует признать, что возникающие вследствие миграционных процессов проблемы, и особенно связанные с их нелегальной составляющей, сегодня уже не носят только демографический, экономический или административно-юрисдикционный характер. Их устранение все чаще относят к компетенции уголовного права, о чем свидетельствует интенсивное развитие уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления в сфере миграции населения, актуализация вопросов криминологического обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в целом, а также ее отдельных территориальных образований, что обусловлено необходимостью учета их региональной специфики. Таким образом, миграция населения и связанные с ней социальные, экономические и иные процессы, сегодня представляют интерес для широкого круга криминологических исследований.

2. Современные тенденции влияния миграционных процессов на криминогенный фон

Одной из наиболее очевидных примет современности является глобализация экономики, которая создает условия для образования единого мирового хозяйства, стимулирует миграцию производительных сил и капиталов независимо от государственных и политических границ. В этой связи, следует выделить несколько направлений наиболее интенсивной глобализации: мировые коммуникационные и информационные сети, финансовые проекты, масс-медиа, международное сотрудничество в жизненно важных для человечества сферах (международная безопасность, охрана экологии и так далее), международные миграционные процессы¹⁹⁴.

Однако опыт глобализации свидетельствует и о распространении

национальной безопасности России // Российский криминологический взгляд, 2006, №3 С. 368 – 371; Плешаков В.А. «Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних»: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: 1998. 323 с. РГБ ОД, 71:99-12/54-8 .

¹⁹⁴ См.: Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2001. С.14.

теневых, преступных видов деятельности, которые тоже приобретают глобальный характер. Не является исключением и распространение нелегальной миграции, что сегодня представляет одну из наиболее серьезных угроз национальным интересам России, и в первую очередь в ее пограничном пространстве.

Вполне обоснованно Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года акцентирует наше внимание на «обострении мировой демографической ситуации и проблемах окружающей природной среды, возрастании угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, а также другими формами транснациональной организованной преступности». Особенно выделена угроза, часто сопровождающая миграционные процессы или являющаяся их следствием – «распространение эпидемий, вызываемых новыми, неизвестными ранее вирусами».

Транснациональными преступными группировками предпринимаются активные попытки создания на отдельных участках государственной границы Российской Федерации, прежде всего на дальневосточном, юго-восточном и западном направлениях, устойчивых каналов незаконной миграции.

Наиболее активный трафик незаконной миграции при въезде в Россию отмечается на российско-китайском и российско-казахстанском участках государственной границы, а при выезде из России – на российско-финляндском, российско-украинском и прибалтийском участках¹⁹⁵.

Как было отмечено ранее, многие криминологи разделяют мнение о том, что миграция часто сама является криминогенным фактором, а соответственно преступность ее фоновым сопровождением.

Известно, что незаконная миграция при определенных условиях может и сама содержать признаки некоторых составов преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ. В этой связи, именно криминальным аспектам

¹⁹⁵ См.: Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере. М.: Граница, 2005. С.10.

незаконной миграции следует уделить особое внимание, учитывая их повышенную общественную опасность.

Влияние миграционных процессов на криминогенный фон и миграционную безопасность современной России характеризуется рядом объективных факторов, которые условно можно дифференцировать на демографические, политические, этнокультурные, социальные, экономические и юридические. Соответственно этой градации и дана последующая характеристика исследуемым объектам.

По оценкам экспертов, в основном из числа сотрудников территориальных УФМС, сегодня основные миграционные потоки (в порядке убывания) в федеральные округа Российской Федерации соответствуют традиционным видовым характеристикам миграций населения¹⁹⁶.

1) Относительно целей прибытия в Россию преобладают: трудовая и учебная, далее предпринимательская (деловая) и туристическая.

2) По продолжительности: краткосрочная (маятниковая от нескольких дней до месяца) и среднесрочная (от месяца до года).

3) По степени организованности: неорганизованная и организованная.

4) Относительно свободы волеизъявления: добровольная, вынужденная, принудительная.

Однако следует учитывать, что это видовое распределение миграций основано лишь на официальных данных. Аналогичное распределение среди нелегальных миграций может как исключать отдельные их виды, так и представлять иное соотношение сопоставляемых градиентов. Так, опрос иностранных мигрантов, содержащихся в изоляторе временного содержания для задержанных за нарушение миграционного законодательства, показал, что до 60% респондентов пользовались услугами так называемых «вербовщиков», которые за определенную плату выполняли посреднические функции между потенциальными работодателями и иностранными работниками. Кроме этого, в

¹⁹⁶ Опрос экспертов производился посредством интервьюирования. Всего опрошено 126 респондентов в 6 приграничных субъектах Дальневосточного, Сибирского и Южного федеральных округов Российской Федерации.

целях обеспечения нелегальной трудовой деятельности вербовщики организовывали доставку, фиктивную регистрацию и незаконное проживание иностранных работников. А в случаях возникновения трудовых конфликтов, связанных с ненадлежащим исполнением сторонами неоформленных в законном порядке обязательств, выступали в роли посредников по их разрешению. Эту категорию трудовых мигрантов вполне обоснованно можно отнести к незаконно-организованной миграции. Но, а лиц, выполняющих вышеназванные посреднические функции, – к ее организаторам, что при наличии соответствующих условий может содержать признаки преступлений, предусмотренных частями 1 или 2 статьи 322.1 УК РФ.

Относительно свободы волеизъявления нелегальная миграция часто носит вынужденный или принудительный характер, что вызвано неспособностью «гастарбайтеров» оплатить все необходимые расходы в связи с легальной трудовой миграцией (оплата проезда, оформление виз или других разрешительных документов, расходов, связанных с законностью пребывания в принимающем государстве и так далее). Часть из опрошенных обосновывали свое незаконное пребывание материальной несостоятельностью в связи с оплатой долгов перед вербовщиками или работодателями, ссудившими средства на первичные расходы по трудовой миграции.

С точки зрения соотношения предварительно заявленных целей прибытия в Россию, среди нелегальных мигрантов распространены туристические или гостевые визиты. Это относится к тем, кто прибывает из стран, с которыми в России установлен визовый миграционный режим.

Очевидно, что миграционные процессы в современной России существенно отличаются, например, от периода заселения и освоения сибирских или дальневосточных окраин Российской Империи.

Кроме этого, наблюдаются существенные различия в миграционных процессах советского и начального постсоветского периодов, что тоже вполне естественно на фоне меняющихся геополитических, демографических, экономических и социальных условий, особенно, в наиболее отдаленных

азиатских территориях Российской Федерации. Вероятно, что такие изменения вызваны влиянием на миграционный климат в регионе вышеперечисленных условий сопредельных России государств – КНР, КНДР, Казахстана, Южной Осетии, Украины и Белоруссии. А так же в тех странах, которые хоть и не имеют границ с Россией, но традиционно являются ее миграционными «донорами» (прежде всего государства Закавказья и Средней Азии).

Развитие транспорта, информационных коммуникаций, культурных, политических и экономических связей между государствами, привели к значительному увеличению масштабов международной миграции, что в соответствии с принятой в демографии и экономике терминологией определяется как «диссонирующий миграционный тренд». Но, главное, изменились качественные характеристики миграций населения – структура, типология и состав.

Такие существенные изменения в современных миграционных процессах неизбежно отразились на всех сопутствующих миграции явлениях, включая преступность и некоторые аспекты безопасности личности, общества и государства в целом.

Анализируя влияние демографических факторов на миграционную активность населения, необходимо обратить внимание на соотношение плотности населения на сопредельных с Россией территориях некоторых государств, активно участвующих в международных миграционных процессах, преимущественно в качестве миграционных «доноров».

За последние 10 лет, плотность населения в сопредельных с Россией территориях КНР увеличилась в несколько раз. Это связано с динамикой естественного прироста населения и проводимой в Китае политикой интенсивного заселения северных приграничных провинций. На этом фоне относительно немногочисленное население Сибирского и Дальневосточного федеральных округов за последние 20 лет, по результатам переписи 2010 года, сократилось более чем на 2 млн человек¹⁹⁷.

¹⁹⁷ См.: ВЦИОМП «Итоги переписи 2010» // Пресс-выпуск № 1621.

В результате, плотность населения в Дальневосточном ФО ниже, чем в некоторых районах КНДР и КНР, более чем в 100 раз.

Для иллюстрации соотношения плотности населения наиболее показательны сведения о приграничных территориях Дальневосточного ФО России и северо-восточных провинциях Китая.

Некоторые демографические градиенты, которые, на наш взгляд, являются катализаторами эмиграционной активности населения КНР, приведены в таблице 2¹⁹⁸.

Таблица 2

Показатель	КНР	Россия	Градиент
Плотность населения чел/кв. км	83,9	3,6	23,3:1

Вероятно, что столь значительная разница демографических показателей неизбежно отражается на различных аспектах социальной стабильности и безопасности.

Известно, что демографические факторы миграционной активности населения, а соответственно и миграционной безопасности, тесно коррелируют к экономическим и некоторым другими факторам. Так, хозяйственная освоенность Восточной Сибири и Дальневосточного ФО по-прежнему самая низкая в России. Экономическая и демографическая плотность ниже средней по России в 6, а в отдельных субъектах Федерации в 8 раз. Данные соотношения еще более диспропорциональны при сравнении с сопредельными государствами АТР.

По оценкам специалистов, разница в экономической плотности Дальневосточного ФО и некоторых стран АТР еще масштабнее. Так, если на 1 кв. км территории округа приходится 1,65 тыс. дол. ВРП (валовый региональный продукт), то в КНР этот показатель составляет более 120 тыс. дол., в Республике Корея – более 3 млн. дол., в Японии – до 10 млн. дол.¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Данные из аналитических обзоров Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

¹⁹⁹ См.: Романов М.Т. Геополитический аспект развития приморских территорий Дальнего Востока России // Проблемы устойчивого развития регионов в XXI веке: мат. VII междунар. симпозиума 11-15 октября 2004 г., ИКАРП ДВО РАН. Благовещенск: БГПИ, 2004. С. 46.

Градиенты экономической плотности в Дальневосточном ФО и северо-востоке Китая, являются экономическими катализаторами миграционной активности населения КНР²⁰⁰.

Таблица 3

Показатель	КНР	Россия	Градиент
Распределение ВРП (валовый региональный продукт), \$ тыс./ км	86,6	4,4	19,7:1
ВРП на душу населения, руб./ чел.	28803	30531	1:1,06

Из приведенных данных видно, что ВРП на душу населения в северо-восточных провинциях Китая незначительно уступает российскому показателю и это притом, что китайское население больше в десятки раз.

Не многим отличается демографическая ситуация и в некоторых государствах Средней Азии и Закавказья, которые являются основными источниками трудовой миграции в Россию. Однако в отличие от Китая, в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии, на фоне высокой плотности населения имеет место прогрессирующий экономический диссонанс, последствиями которого являются высокая безработица, снижение и как следствие массовое обнищание населения.

Эти сведения являются серьезным основанием для принципиального пересмотра региональной экономической, демографической, а следовательно, и миграционной политики. Так как важнейшей из задач правительства любого государства, желающего сохранить суверенитет на той или иной своей территории, во все времена было достаточно сопоставимое с сопредельными регионами заселение этой территории своими гражданами и обеспечение условий для ее экономического освоения. Учитывая проблемы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, это должно быть стратегической задачей, которая продиктована как экономической целесообразностью, так и геополитической необходимостью²⁰¹.

По оценкам демографов, кроме северо-западных и сибирских территорий

²⁰⁰ Данные из аналитических обзоров Тихоокеанского института географии ДВО РАН.

²⁰¹ См.: Романов М.Т. Указ. соч. С. 47.

ухудшение демографической ситуации в Российской Федерации в большей степени затронуло приграничные регионы Дальневосточного ФО, где проживает не многим более 6 млн. чел. С 2002 г. отток населения из Чукотского автономного округа составил 42%, Магаданской области – более 30%, Амурской области – до 16%. В то же время на приграничных территориях северо-востока КНР более 100 млн. чел. не имеют постоянной работы. Поэтому объективным остается стремление китайских граждан к миграции и оседанию на территории Сибири и Дальнего Востока, которая к тому же воспринимается ими как исконно китайская²⁰².

Следует признать, что одной из особенностей отечественной миграционной политики постсоветского периода является то, что она часто основана исключительно на принципах экономической целесообразности, вопреки интересам безопасности включая ее криминогенную составляющую. Однако сегодня можно привести множество примеров, когда экономический рост за счет массовой и дешевой трудовой миграции впоследствии был нивелирован серьезными социальными проблемами: ростом националистических настроений и ксенофобии, распространением межэтнических конфликтов и национального экстремизма. Вместе с тем, экономически обусловленная, либеральная миграционная политика в некоторых странах ЕС провоцировала рост социальной напряженности на межэтнической почве, что показало несостоятельность распространенной в Англии, Австрии, Германии, Голландии, Франции, странах Скандинавии политики межэтнической толерантности и мультикультурализма.

Представляется, что проблемы криминологического обеспечения миграционной безопасности государства в условиях либерализации миграционной политики, нуждаются в постоянном самостоятельном и подробном исследовании.

В факторном комплексе, обуславливающем динамику и характер миграционных процессов, с точки зрения влияния на криминогенную

²⁰² См.: Баранник И.Н. Указ. соч. С. 29.

составляющую миграционной безопасности современной России, особенное значение имеют юридические факторы, которые наиболее тесно взаимосвязаны с миграционной политикой, а точнее являются ее прямым следствием и непосредственным отражением и даже определяют эту политику.

Из истории развития миграционных отношений в России, и особенно периода интенсивного освоения ее наиболее отдаленных приграничных территорий, достаточно четко прослеживается то, как эволюционировало миграционное законодательство сообразно принимаемым политическим решениям. Не является исключением в этом смысле и современный период развития правоотношений в сфере и по поводу государственного контроля над миграционными процессами²⁰³.

На вопросы о том, соответствует ли современное миграционное законодательство России интересам безопасности российского общества и государства, а также отвечает ли оно современным требованиям обеспечения государственного управления и контроля над миграционными процессами, более половины опрошенных экспертов из числа сотрудников ФМС, Пограничной службы ФСБ России, а также сотрудников иных правоохранительных органов, чья деятельность связана с различными аспектами обеспечения миграционной безопасности, ответили отрицательно²⁰⁴.

Высказанное при интервьюировании специалистов мнение о целесообразности внесения изменений и дополнений в Уголовное законодательство России относительно уголовной ответственности за злостные нарушения требований миграционного законодательства, а также ужесточения ответственности за совершение уже включенных в УК РФ преступлений миграционного характера, нашла активную поддержку среди опрошенных экспертов. Кроме этого, значительная часть специалистов поддерживает идею о наделении ФМС полномочиями осуществления оперативно-розыскной

²⁰³ Синякова Г.Ю. становление и развитие миграционного законодательства в России: политико-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

²⁰⁴ В опросе участвовали 262 специалиста в Новосибирской, Иркутской и Амурской областях, Забайкальском, Хабаровском и Приморском краях.

деятельности и функциями дознания по соответствующим категориям уголовных дел. Кроме этого, значительная часть из опрошенных специалистов, поддерживают инициативу введения института поручительства иностранных диаспор за своих соотечественников находящихся в России и связанной с этим обязанностью сотрудничать с органами государственной власти в случаях привлечения к уголовной ответственности, совершивших преступления иностранных мигрантов.

В завершение аналитического обзора основных факторов, влияющих на миграционные процессы в Российской Федерации, а также на сопутствующий этим процессам криминогенный фон, следует обратить внимание на социальные и этнокультурные составляющие в исследуемом комплексе факторов.

Следует уточнить, что в формате настоящего исследования, социальные факторы рассматриваются в контексте межэтнических отношений, которые определяются способностью и желанием коренного населения поддерживать подобные отношения с представителями иностранной иммиграции на межличностном и корпоративном уровнях, а также взаимном желании иностранных иммигрантов соблюдать этические и правовые нормы принимающей стороны. При этом, социальные и этнокультурные факторы тесно взаимосвязаны, но не тождественны, так как этнокультурные факторы охватывают только ту часть межэтнических отношений, которые основываются на национальных обычаях, традициях, религиозных устоях, идеологии и так далее.

Как это ни парадоксально, но сегодня социальные и этнокультурные факторы влияния на миграционные процессы и сопутствующий этим процессам криминогенный фон, часто имеют большее значение, чем экономические, политические и даже юридические. Это подтверждается результатами опроса общественного мнения о проблемах иностранной миграции и межэтнических отношений в целом.

Примерно 2/3 опрошенных из числа представителей коренного населения в шести субъектах Российской Федерации расположенных, как в европейской,

так и азиатской частях, считают, что готовы выстраивать межличностные и корпоративные отношения с иностранными мигрантами при условии неукоснительного соблюдения российских законов, обычаев и традиций, и только 1/3 респондентов, акцентировала внимание на связанных с иностранцами проблемах экономического или политического характера. Однако 96% опрошенных, среди основных проблем межэтнического общения назвали неудовлетворительное владение иностранными мигрантами русским языком. Более 82% респондентов высказали опасения по поводу распространения мест компактного, обособленного проживания мигрантов²⁰⁵.

Результаты вышеприведенного опроса, в значительной части коррелируются с данными всероссийского опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ 28-29 января 2012 г., который показал, что наибольшее одобрение общества вызвала инициатива противодействовать образованию замкнутых национальных анклавов – ее поддержали 79% опрошенных. Немного меньше уровень одобрения идеи введения обязательных для иностранных мигрантов тестирования на предмет знания русского языка, литературы, истории России, основ государства и права (67% респондентов). Мнения об ужесточении миграционного законодательства и введении уголовной ответственности за нарушение правил и норм регистрации разделяют 77% опрошенных.

Основные ответы распределились следующим образом:

Таблица 4

Вы согласны или не согласны со следующими предложениями? (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции)		
Ужесточить миграционное законодательство, ввести уголовную ответственность за нарушение миграционных правил и норм регистрации	Скорее согласен	77%
	Скорее не согласен	12%
	Затрудняюсь ответить	12%
Ужесточить правил регистрации и санкций за их нарушение	Скорее согласен	75%
	Скорее не согласен	13%

²⁰⁵ Опрос проведен посредством анкетирования 262 респондентов в Уральском, Сибирском и Дальневосточном ФО. Данные опроса сопоставлены с опрос ВЦИОМ, проведенным 28-29 января 2012 г., в результате которого было опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках РФ. Статистическая погрешность не превысила 3,4%.

	Затрудняюсь ответить	12%
Предотвратить появление замкнутых, обособленных национальных анклавов, живущих не по законам, а по «понятиям»	Скорее согласен	79%
	Скорее не согласен	8%
	Затрудняюсь ответить	13%
Ввести тестирование по русскому языку, литературе, истории России, основам государства и права, обязательным для мигрантов	Скорее согласен	67%
	Скорее не согласен	17%
	Затрудняюсь ответить	16%

Следует отметить, что в результате анализа фабул уголовных дел, возбужденных в отношении иностранных мигрантов за совершение различных преступлений против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и так далее, было установлено, что большинство из фигурантов этих уголовных дел, впервые совершили преступления, прибывая в России. Мотивы же совершения этих преступлений различные. Однако многие высказывались о том, что на родине они подобных деяний никогда бы, ни совершили по причинам этического характера (более уважительного отношения к женщинам, моральной ответственности перед родственниками и знакомыми, представителями духовенства традиционных религий и т.п.), а также из боязни кровной мести или уголовной ответственности по законам стран постоянного проживания.

Кроме этого, контент-анализ материалов СМИ и других источников информации позволяет прийти к выводу о том, что значительная часть острых социальных конфликтов, в которых участвовали лица определенных национальностей, этнических групп или рас, произошедших за последние 10 лет в России или за рубежом, возникали из за социальных, этических или религиозных противоречий. При этом повод для разрастания конфликта, как правило, был незначительным, но выражался в агрессивном поведении, унижении чувства национального (религиозного) достоинства, а часто и законных требованиях представителей власти.

Одной из наиболее важных проблем в организации управления миграционными процессами, включая профилактику преступности мигрантов и ослабление вызванной миграцией социальной напряженности, является распространение этнических анклавов или мест компактного проживания иностранных мигрантов, что, по мнению экспертов, оказывает негативное

влияние на криминогенный фон.

Со слов главы ФМС России – «появление этнических кварталов уже осложнило обстановку в ряде регионов. С одной стороны, живя в одном районе, мигрантам легче адаптироваться в новой стране, но с другой – они фактически создают государство в государстве, живут по своим законам и вытесняют местных жителей со своей территории. Например, в Приморье, Амурской и Еврейской автономной областях уже создаются целые китайские вотчины. В целом же для Дальнего Востока и Сибири сегодня характерно явление китайского или корейского «леспрома». Леспромхозы отдают таежные деляны под освоение иностранным предпринимателям. В дальнейшем на этом месте селятся иностранные мигранты. Это, в свою очередь, приводит к конфликтам между приезжими и местным населением. Неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов²⁰⁶.

Наиболее заметной особенностью современной миграции в Российскую Федерацию, с точки зрения влияния на сопутствующий ей криминогенный фон, является существенное изменение в структуре миграционных потоков относительно иных периодов отечественной истории. В этой связи необходимо отметить, что структурные изменения отразились на причинно-мотивационных характеристиках иностранной миграции, а так же ее половозрастном и национальном или этническом составе.

Так, в европейской части России наряду с традиционными для ее центральных регионов, миграциями из стран восточной Европы, Закавказья и Средней Азии значительно возросла миграция из Вьетнама, КНР, Индонезии и других стран юго-восточной Азии. Кроме этого наблюдается активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока. Вместе с тем, по данным ФМС России наблюдается некоторое снижение количества мигрантов из Афганистана, Грузии, государств Балтии и Турции.

²⁰⁶ См.: [Электронный ресурс] «Новые известия» 24 апреля 2007.

Распределение иммигрантов в Центральном ФО относительно государств
выбытия²⁰⁷:

Таблица 5

Государства выбытия	Доля иммигрантов, %
Азербайджан, Армения, Грузия	26
Таджикистан	12
Узбекистан	11
Украина	11
Киргизия, Казахстан	10
Молдова	5
Белоруссия	3
Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	1
КНР	9
Вьетнам	6
государства Африки и Ближнего Востока	2
Представители миграций из иных стран, в отдельности не оказывающих существенного влияния на структуру миграционных потоков	4

В последнее десятилетие наблюдается перераспределение мигрантов с точки зрения этнической и государственной принадлежности и в азиатской части России. Так, например, в Уральском и западной части Сибирского ФО кроме традиционного присутствия мигрантов из Средней Азии и Закавказья наблюдается некоторый прирост миграции из Белоруссии, Украины, Молдовы и Приднестровья, а также значительный рост миграции из стран юго-восточной Азии – КНР и Вьетнама. В восточной части Сибирского и Дальневосточном ФО на фоне традиционной миграции из КНР и КНДР наблюдается значительный рост миграции из государств Средней Азии и Закавказья и незначительный рост из стран СНГ, расположенных в восточной Европе. Кроме этого отмечается незначительная миграционная активность граждан США и некоторых стран Западной Европы, в основном для участия в совместной с

²⁰⁷ Следует принять во внимание, что в таблицу включены только наиболее многочисленные категории мигрантов относительно своей принадлежности к государствам выбытия, образующие на территории ЦФО национальные диаспоры (сообщества).

российскими компаниями разработке полезных ископаемых (нефти, газа, редкоземельных металлов) в северо-восточной части Дальневосточного ФО. Наблюдается незначительный рост трудовой миграции из Индонезии и Малайзии для работы в лесопромышленном комплексе. Вместе с тем, отмечено незначительное снижение иммиграции из Вьетнама (от 3% до 5%) в Сибирском и Дальневосточном ФО в период с 2010 по 2012 гг.

Распределение миграционных потоков относительно государственной принадлежности иммигрантов, прибывающих в наиболее крупные субъекты Российской Федерации расположенные на территории Сибирского и Дальневосточного ФО²⁰⁸.

Распределение иммигрантов в восточной части Сибирского ФО относительно государств выбытия:

Таблица 6

Государства выбытия	Доля иммигрантов, %
Узбекистан	22
Таджикистан	16
Азербайджан, Армения, Грузия	14
Киргизия, Казахстан	12
Украина	8
Молдова	3
Белоруссия	2,5
Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	0,5
КНР	18
Представители миграций из иных стран, в отдельности не оказывающих существенного влияния на структуру миграционных потоков	4

В виду ряда объективных причин распределение миграционных потоков относительно государств выбытия в федеральных округах расположенных в азиатской части России имеет некоторые различия, но они несущественны.

Распределение иммигрантов в Дальневосточном ФО относительно государств выбытия:

²⁰⁸ Сведения взяты из информационно-аналитических материалов УФМС по Новосибирской, Иркутской и Амурской областей, Забайкальского, Хабаровского и Приморского краев.

Таблица 7

Государства выбытия	Доля иммигрантов, %
Узбекистан	26
Азербайджан, Армения	17
Таджикистан	14
Киргизия, Казахстан	9
Украина	5
Молдавия	2
Белоруссия	2
КНР	20
КНДР	2
Вьетнам, Индонезия, Малайзия	2
Представители миграций из иных стран, в отдельности не оказывающих существенного влияния на структуру миграционных потоков	2

По целям прибытия в азиатской части России преобладает трудовая миграция, на втором месте учебная и деловая.

Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории азиатской части России происходит неравномерно, хотя иностранная рабочая сила активно привлекается практически во всех административно-территориальных образованиях азиатской части России, за исключением отдельных районов крайнего Севера.

Бесспорными лидерами по привлечению иностранных рабочих в Уральском ФО являются: Свердловская и Челябинская области, а также Ханты-мансийский и Ямало-ненецкий автономные округа. В Сибирском ФО – Красноярский край, а также Новосибирская и Иркутская области. В Дальневосточном ФО – Амурская область, Приморский и Хабаровский края. В указанных субъектах РФ трудятся более 60% официально оформленных на территориях азиатской части России иностранных рабочих. Наряду с этими данными особого внимания заслуживает и то, что названные административно-территориальные образования лидируют в своих федеральных округах по количеству лиц, привлеченных к административной или уголовной ответственности за деликты и преступления, посягающие на установленный в

РФ порядок миграции населения. Исключение составляют Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, где в основном задействованы легальные трудовые мигранты ввиду особых условий работы в нефтяных и газодобывающих отраслях.

В рейтинге наибольшей миграционной привлекательности в европейской части России первые позиции на протяжении ряда последних лет удерживают Центральный и Северо-Западный ФО, далее следуют Южный и Приволжский ФО.

В азиатской части России наиболее привлекательным, для мигрантов из стран, не входящих в состав СНГ, следует выделить Дальневосточный ФО. Наибольшее количество мигрантов этой категории прибывает в округ из КНР, КНДР, Вьетнама, Индонезии и Малайзии. Основная миграционная нагрузка приходится на Приморский и Хабаровский края, далее следуют Амурская, Сахалинская и Еврейская автономная области.

Изучение изменчивости структуры миграционных потоков относительно государственной и этнической принадлежности в наиболее привлекательных для иностранной миграции регионах азиатской части России, а также сравнительный анализ соответствующих результатов правоохранительной деятельности позволили предположить о наличии зависимости между меняющейся структурой миграции и некоторыми характеристиками миграционной преступности. Выдвинутое предположение основывается еще и на ряде апробированных исследований по уголовному праву и криминологии, в которых высказываются мнения о наличии устойчивых причинно-следственных связей между изменениями в миграционных процессах и соответствующими показателями миграционной преступности²⁰⁹.

²⁰⁹ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 154; Карпец И. И. Международная преступность. Отв. ред. Кудрявцев В. Н. М., 1988. С. 96–110; Бабаев М.М., Антонян Ю.М. Социальная среда и личность преступников-мигрантов и постоянных жителей / Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М., 2004. С. 6.; Бабаев М.М., Сомин В.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности преступников-иностранцев / Проблемы советского государства и права. Вып. 7. Иркутск, 1979. С. 144.; Номоконов В.А. Некоторые аспекты взаимосвязи миграции и преступности // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., 2005.; Ли Д.А. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства: структурно-функциональные закономерности

Изменение структурных показателей иностранной миграции в период с 2006 по 2011 годы в территориальных образованиях азиатской части России с наибольшей миграционной привлекательностью привело к изменению ряда криминогенных трендов, характерных для прежних структур миграционных потоков с точки зрения их государственной и этнической принадлежности. Так, например, если для преобладающих до 2006 года в восточной части Сибирского и Дальневосточного ФО миграционных потоков из КНР, КНДР и Вьетнама были свойственны одни криминогенные тренды, связанные со сферами деятельности, экономическими интересами, а в некоторых случаях и национальными устоями этих категорий мигрантов, то в дальнейшем количественное перераспределение миграционных потоков в пользу государств Средней Азии и Закавказья сопровождалось изменением и некоторых показателей преступности мигрантов.

Результаты оперативно-служебной деятельности, а также следственной и судебной практики в отношении мигрантов из стран юго-восточной Азии свидетельствуют о преобладании приходящихся на их долю в структуре миграционной преступности, преступлений экологического характера, предусмотренных статьями 256, 258, 260, 262 УК РФ, а также преступлений в сфере экономической деятельности предусмотренных статьями 171, 171.1, 180, 191, 194 УК РФ. Реже по сравнению с другими категориями мигрантов выходцами из стран Юго-восточной Азии совершается преступлений против государственной власти и порядка управления, предусмотренных статьями 291, 322, 322.1, 327 УК РФ. Единичные случаи составляют преступления против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка. Вместе с тем, результаты экспертных опросов свидетельствуют о том,

// «Черные дыры» в российском законодательстве. 2000. № 4. С. 52–54.; Кобец П.Н., Гладких В.И. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых жителями стран СНГ в Москве. М., 2001. С. 26; Хромов И.Л. Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан. (Теория и практика оперативно-розыскной деятельности): М., 2006. С. 56–62.; Эминов В.Е. Современная транснациональная преступность: состояние и проблемы борьбы. Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией. Сборник статей, М., 2002. С. 5–8.

что мигранты из стран Юго-восточной Азии отличаются от иных категорий большей организованностью, сплоченностью и скрытностью, что в итоге приводит к высокой латентности совершаемых ими преступлений и иных правонарушений. Показательными в этом смысле являются преступления, совершенные внутри национальных диаспор, мотивами которых часто являются конфликты, возникающие между самими мигрантами. Информация о таких преступлениях, как правило, не выходит за пределы иностранной диаспоры. Так, в Дальневосточном ФО, в котором отмечается одна из наиболее высоких в России интенсивность миграционных потоков из стран Юго-восточной Азии, в период с 2006 по 2012 год, было выявлено и зафиксировано только 16 преступлений, совершенных внутри китайских, корейских или вьетнамских диаспор, и только в половине случаев расследования этих преступлений, органам предварительного следствия удалось сформировать необходимую доказательственную базу для предъявления обвинений или оформления обвинительных заключений. Кроме этого, следует отметить, что 9 из выявленных преступлений отнесены к категориям тяжких или особо тяжких против личности²¹⁰.

По мнению экспертов, подобных преступлений совершается намного больше. Однако сложности в установлении круга потерпевших и других фактических данных, свидетельствующих о преступном событии вследствие отказа сотрудничать с правоохранительными органами потерпевших и свидетелей таких преступлений, уголовные дела часто не возбуждаются. Расследование же выявленных преступлений, как правило, сопровождается активным противодействием со стороны членов иностранных диаспор, что значительно осложняет установление истины по уголовным делам этой категории.

Как было отмечено, некоторые изменения в структуре миграционных потоков, вызванные ростом миграции из стран СНГ (Средней Азии, Закавказья и восточной Европы), привели к изменению сопутствующего криминогенного

²¹⁰ Сведения получены из информационно-аналитических подразделений территориальных ОВД Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Еврейской автономной, Сахалинской областей, МВД Республики (Саха) Якутии.

фона, и в количественном, и качественном выражении.

В отличие от стран Юго-восточной Азии, мигранты из Армении, Азербайджана, Киргизии, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана и других государств иногда именуемых «ближним зарубежьем», их представители чаще совершают преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка, общественного здоровья и общественной нравственности. Значительно реже эти категории мигрантов совершают преступления против государственной власти и порядка управления, что вероятно обусловлено относительно либеральным миграционным режимом, установленным Россией по отношению к миграции из стран ставших самостоятельными в результате распада СССР. В названных группах преступлений, можно выделить наиболее часто совершаемые, это, прежде всего деяния предусмотренные статьями 112, 115, 116, 131, 132, 134, 158, 159, 161, 162, 163, 186, 209, 213, 228, 228.1, 228.2, 260, 322.1, 327 УК РФ. При этом отмечался рост от 8 до 12% корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершенных данными категориями мигрантов в период острой фазы мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 году.

Наиболее показательной в России является динамика и видовая характеристика преступности иностранцев в Иркутской области, региона являющегося географическим центром России:

Таблица 8

Годы	2007	2008	2009	2010	2011
Ст.105 УК РФ	0	1	3	3	5
Ст.126 УК РФ	0	1	1	1	2
Ст.158 УК РФ	0	2	2	1	16
Ст.161 УК РФ	0	4	0	2	6
Ст.162 УК РФ	0	5	13	5	2
Ст.159 УК РФ	0	0	1	45	42
Ст.163 УК РФ	0	0	1	1	2
Ст.186 УК РФ	1	0	4	0	2
Ст.228 УК РФ	7	6	27	3	22
Ст.234 УК РФ	6	4	6	0	0
Ст.260 УК РФ	7	8	6	0	0
Иные	0	20	10	5	9

Приведенные сведения говорят о том, что практически по всем видам преступлений не наблюдается устойчивых трендов, так как количественные показатели по видам преступлений имеют циклический характер. Кроме этого, исследование количественных показателей преступности свидетельствует о том, что ее абсолютные показатели не отражают истинную криминальную ситуацию, так как в разных регионах она имеет неодинаковый характер. В этой связи установить реальные показатели преступности иностранцев позволяет вычисление коэффициента преступности из расчета на 10 000 человек, проживающих в регионе.

Динамика коэффициента преступности иностранцев, проживающих в Иркутской области в расчете на 10 000 человек, отражена в %:

Таблица 9

Годы	2007	2008	2009	2010	2011
коэффициент преступности иностранцев, проживающих в Иркутской области	0,1	0,2	0,3	0,3	0,5

Показатели коэффициента преступности иностранцев, проживающих на территории Иркутской области в расчете на 10 000 человек относительно невысоки. Между тем в последние годы наблюдается их незначительный рост, что на фоне общего снижения преступности является негативной тенденцией.

Относительно невысокие показатели преступности иностранцев в Иркутской области отчасти можно объяснить тем, что реальная совокупность совершаемых иностранцами преступлений имеют высокий уровень латентности, обусловленный определенной закрытостью этнических диаспор, сложностями в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в силу языковых и культурных барьеров.

Наиболее неблагоприятная ситуация относительно основных показателей преступности иностранцев в европейской части России наблюдается в Санкт-Петербурге.

Количество преступлений, совершенных иностранцами в целом по России снижается, однако в Санкт-Петербурге сохраняется динамика роста.

Кроме этого, удельный вес преступлений, совершенных иностранцами значительно выше среднероссийских показателей.

Сведения о преступлениях, совершенных иностранными мигрантами в Санкт-Петербурге (период 2010–2011 гг.)²¹¹.

Таблица 10

Наименование позиций	совершенно преступлений		+/-, в %		удельный вес, в %	
	РФ	СПб	РФ	СПб	РФ	СПб
иностранцами мигрантами	42431	1453	-16,5	+2,5	3,4	4,9
в том числе мигрантами из стран – участников СНГ	38748	1383	-16,9	+2,4	3,2	4,6

Несмотря на столь тревожные данные относительно удельного веса преступности мигрантов в отдельно взятом, пусть даже и крупном субъекте Российской Федерации не свидетельствуют об общем тренде в динамике этого явления. А по утверждению руководства ФМС России и некоторых правоохранительных органов преступность мигрантов вообще не оказывает, сколько-нибудь существенного влияния на общероссийские показатели преступности от общего объема регистрируемых преступлений.

Как было отмечено, одним из основных индикаторов, характеризующих влияние миграционных процессов на криминальную ситуацию, является удельный вес преступности иностранцев. По утверждению же руководства ФМС России, основная часть преступности мигрантов приходится на крупные города. И если в кризисные годы удельный вес преступлений иностранных мигрантов составлял 3,6%, то сейчас снизился и составляет 3,4%²¹².

В этой связи следует уточнить, что эти цифры отражают лишь те результаты расчета, которые основаны на официальных статистических данных и не учитывают латентную составляющую миграционной преступности. Однако известно, что именно латентная составляющая преступности иностранцев всегда несколько выше (по разным оценкам от 1,7 до 2,5 раза), чем

²¹¹ Статистическая информация МВД РФ <http://www.mvdinform.ru/>

²¹² Из выступления главы ФМС РФ в Государственной Думе 21 марта 2012 г. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N5735 от 22 марта 2012 г.

среднероссийские показатели латентной преступности вообще. Можно предположить, что это связано с комплексом объективных и субъективных факторов, подробно описанных в специальной литературе²¹³. Вполне логично и то, что реальные показатели преступности мигрантов должны соответствовать реальному количеству мигрантов, которое складывается не только из фактически учтенной ФМС и ПС ФСБ России, но и их неучтенной части.

Неучтенная же часть, как уже отмечалось, по разным оценкам составляет от 1/3 до 1/2 от количества легальных мигрантов, которое по самым минимальным подсчетам в 2011 г. составило более 7 млн. чел. Кроме этого и само руководство ФМС признает, что число нелегальных трудовых мигрантов в России может приближаться к 3,5 млн. чел²¹⁴.

Однако и это далеко не полные сведения, так как они не учитывают нелегальный миграционный транзит через территорию России, а также тех мигрантов, которые въезжают в Россию по гостевым и деловым визам, а потом переходят в категорию «нелегалов» ввиду несоблюдения установленных миграционным законодательством правил пребывания или использования законодательных пробелов.

Если даже сопоставить официальные данные относительно количества мигрантов и удельного веса совершаемых ими преступлений, то получается, что уровеньный коэффициент миграционной преступности из расчета на 100 тыс. мигрантов, составляет 0,75. А усредненный коэффициент преступности (КП) в субъектах РФ, расположенных в ее азиатской части, выше общероссийского показателя преступности иностранцев и составляет 0,82.

Следует отметить, что данный расчет осуществлялся по общепринятой в

²¹³ См.: Сборник материалов международного семинара // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М.: ВНИИ МВД РФ, 1993.; Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность. М., ВНИИ МВД РФ, 1994; Квашиш В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., ВНИИ МВД РФ, 1996. С. 35–36; Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Транснациональная преступность: проблемы и пути их решения. М., ВНИИ МВД РФ, 1997. С. 3437. Конев А.А. Преступность и проблемы измерения ее реального состояния. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

²¹⁴ Из выступления главы ФМС РФ в Государственной Думе 21 марта 2012 г. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N5735 от 22 марта 2012 г.

отечественной криминологии методике по формуле: $KП = (П \times 100000) : Н$, где П – число учтенных преступлений, Н – учтенное количество населения (лиц).

Если же рассчитать уровень преступности иностранных мигрантов исходя из реальных показателей, включающих неучтенную часть миграции и латентную составляющую миграционной преступности, то вероятно, что результат существенно не изменится в связи с пропорциональным увеличением множителя – П и делителя – Н. Однако удельный вес преступности иностранцев по отношению к общероссийским значениям преступности, рассчитываемый по формуле $УВП = п/П \times 100\%$, где п – показатель объема преступности иностранцев, а П – объем всей преступности в России, при реальных значениях делимого (П), несомненно, увеличится.

При подобных обстоятельствах нет достаточных оснований утверждать о незначительности влияния преступности иностранных мигрантов на криминальную ситуацию в целом и тем более не предавать должной актуальности проблеме противодействия этому явлению. Однако в данном исследовании не ставились задачи подробного обобщения трендов преступности иностранцев, так как это предмет самостоятельного исследования. Вместе с тем, иллюстрация основных показателей данного вида преступности позволяет лучше понять причинно-следственные связи между тенденциями в миграционных процессах и связанной с ними криминальной обстановкой, что в свою очередь направленно на формирование методологической основы криминологического обеспечения миграционной безопасности государства.

Анализируя структуру миграционных потоков с точки зрения влияния на криминогенный фон в Российской Федерации, следует обратить внимание на половозрастные характеристики иностранной миграции.

По данным ФМС иностранная миграция в Россию сегодня значительно помолодела. Наиболее существенное снижение возрастных границ характерно для трудовой и учебной миграции из государств Центральной Азии и Закавказья. Так, в первой половине 2012 г. средний возраст трудовых

мигрантов, прибывающих в приграничные регионы азиатской части России из стран СНГ, составлял 26 лет, а из стран юго-восточной Азии 31 год²¹⁵. Для сравнения, аналогичные показатели в 2006 году составляли для стран СНГ 29 лет, а относительно государств Юго-восточной Азии 33 года.

По мнению специалистов, возрастные границы наивысшей криминальной активности населения, сообразно возрастной стратификации различных категорий преступников, составляют: для насильственных и корыстно-насильственных преступлений от 18 до 29 лет; для корыстных преступлений против собственности от 16 до 26 лет; для половых насильственных преступлений от 18 до 30 лет²¹⁶.

Следует отметить, что основная часть вышеназванных преступлений приходится на долю мигрантов из стран, входящих в зону безвизового режима миграционного обмена с Российской Федерацией.

Исходя из среднего возраста для трудовых мигрантов, вполне вероятно, что значительная часть преступлений, связанных с незаконной миграцией, совершаются в диапазоне от 26 лет до 31 года, поскольку именно такие мигранты обязаны периодически подтверждать легитимность своего нахождения на территории принимающего государства.

Таким образом, можно предположить, что одним из факторов, влияющих на динамику, а также некоторые качественные показатели преступности иностранцев в России, является преобладание среди мигрантов наиболее криминально активных возрастных групп.

Наряду с возрастными изменениями в структуре миграционных потоков, следует обратить внимание и на преобладание среди иностранных мигрантов лиц мужского пола. Однако если сегодня нет достаточных оснований утверждать, что тенденция к снижению среднего возраста иностранных

²¹⁵ Средний возраст трудовых мигрантов рассчитан на основании сведений ФМС России по 6 приграничным регионам, имеющими наивысшие показатели миграционной активности.

²¹⁶ См.: Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1998. С. 122–126; Блувштейн Ю.Д. Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступности. – Минск, 1980. С. 32–34; Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток, 1970. С. 62–66.

мигрантов является устойчивой, ввиду ее относительной непродолжительности, то тренд преобладания в миграционных потоках лиц мужского пола, особенно на тех территориях, которые были присоединены к России в период ее активной колониальной политики (XVI–XIX в.в.), остается неизменным с начала их освоения и последующего заселения как самими россиянами, так и подданными иностранных, преимущественно граничащих с Россией государств. Это подтверждается многочисленными исследованиями в области демографии и истории освоения Прикавказья, южного Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Преобладание мужчин в структуре миграционных потоков оказывает существенное влияние на сопутствующий миграции криминогенный фон. Это обусловлено рядом объективных факторов.

Некоторые исследования по криминологии и криминальной психологии, направленные на выявление демографических особенностей и закономерностей преступности, свидетельствуют о том, что в однополых мужских сообществах, к которым можно отнести компактно проживающих трудовых мигрантов, отмечается повышенный уровень криминальной агрессии. Это обусловлено биологическими, психологическими и этическими особенностями межличностных отношений в сугубо мужском коллективе.

Очевидно, что преобладание мужчин среди иностранных мигрантов (примерно 86%), является важным криминогенным фактором и безусловно влияет на основные показатели преступности мигрантов. Вероятно, что подобная диспропорция, кроме повышенной криминогенности в самой миграционной среде, создает дополнительные риски возникновения социальной напряженности между коренным населением и миграционным сообществом которое более, чем на 2/3 состоит из лиц мужского пола. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, история освоения Сибири и Дальнего Востока, когда в миграционных потоках из Китая и Кореи, также как и сегодня преобладали лица мужского пола, свидетельствует о распространении таких криминогенно

опасных явлений как пьянство, наркомания, содержание притонов и азартных заведений, стимулирование занятия проституцией и т.п. Известно, что подобные явления, часто становятся катализаторами социальных конфликтов, тем более, когда в них участвуют лица других национальностей, вероисповеданий и культур.

Во-вторых, следует признать, что отсутствие в миграционном сообществе женщин компенсируется повышенным интересом иностранных мужчин к местным представительницам противоположного пола, что часто провоцирует бытовые конфликты, а также является причиной преступлений на сексуальной почве. Особое беспокойство вызывает то, что подобные конфликтные ситуации, а тем более преступления имеют широкий общественный резонанс и нередко используются националистическими организациями для разжигания межэтнической вражды и оправдания экстремистских акций. Вот несколько ярких примеров привлечения к уголовной ответственности иностранных мигрантов за преступления против половой свободы и неприкосновенности личности, которые стали предметом активного обсуждения на форумах националистических организаций²¹⁷.

1. Следственными органами Следственного комитета по Камчатскому краю завершено расследование уголовного дела в отношении 30-летнего гражданина республики Узбекистан. Он обвиняется в совершении ряда преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 УК РФ (изнасилование), ч. 1 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) и ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража) совершенных 5 мая 2011 г.

2. Калининским межрайонным следственным отделом завершено расследование уголовного дела в отношении троих граждан Республики Узбекистан в возрасте от 23-х до 25-ти лет, нелегально проживающих на территории РФ. Они обвиняются в совершении 2 июля 2011 г. преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц).

²¹⁷ См.: (Электронный ресурс) shturmnovosti.com/view.php?id=35005

3. Следственным отделом по Зареченскому району г. Тулы СУ СКР по Тульской области завершено расследование уголовного дела по обвинению 24-летнего и 20-летнего граждан Республики Узбекистан в совершении преступления 23 декабря 2011 г., предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ (изнасилование, совершенное группой лиц по предварительному сговору).

4. Завершено расследование уголовного дела в отношении 26-летнего гражданина Республики Узбекистан, проживающего в городе Чебоксары, обвиняемого в совершении 26 декабря 2011 г. преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ (изнасилование и насильственные действия сексуального характера, соединённые с угрозой убийством и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей), а также ч. 1 ст. 161 УК РФ (грабёж).

5. Следственными органами Следственного комитета РФ по Астраханской области возбуждено уголовное дело в отношении 27-летнего гражданина Республики Таджикистан Умирзока Джуракулова, подозреваемого в изнасиловании 17-летней жительницы города Астрахани (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ).

6. 9 августа 2011 г. около 15 часов гражданин Республики Таджикистан в одной из квартир в городе Балабаново совершил изнасилование 79-летней местной жительницы, удерживая при этом её руками за горло, а также сорвал с шеи женщины цепочку, кулон и крестик из золота. После этого мужчина скрылся с места происшествия. О случившемся женщина сообщила в правоохранительные органы. Благодаря слаженной работе следователей СК России и сотрудников уголовного розыска в тот же день мужчина был задержан. При нем было обнаружено похищенное у потерпевшей имущество.

7. Следственным отделом по Темрюкскому району 35-летнему гражданину Республики Таджикистан предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 УК РФ (изнасилование), ч. 1 ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища).

8. Следственными органами Следственного комитета РФ по Челябинской

области окончено расследование уголовного дела в отношении 33-летнего Миразизова Баходиржона, которому предъявлено обвинение в совершении 6 апреля 2011 г. преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ (изнасилование несовершеннолетней).

9. В Новосибирске вынесен приговор по уголовному делу в отношении 25-летнего Азиза Амонова. Он признан виновным в совершении 25 сентября 2011 г. преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой), ч. 1 ст. 131 УК РФ (изнасилование), п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство).

10. 13 августа 2011 года, правоохрнительными органами Республики Бурятия был задержан гражданин Узбекистана за совершение преступления против половой неприкосновенности малолетнего. По данному факту следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении малолетней).

Следует отметить, что данные примеры являются наиболее типичными и отражают весьма незначительную часть от всех преступлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность личности совершенных иностранцами в России. В течение же шести последних лет, по фактам совершения таких преступлений было возбуждено более 6 тыс. уголовных дел, многие из которых расследуются и сегодня²¹⁸.

Следует обратить внимание на то, что фигурантами всех вышеупомянутых уголовных дел являются мигранты, находящиеся в России с различными нарушениями миграционного законодательства. Кроме этого, из 96 изученных уголовных дел возбужденных в отношении иностранцев, за различные преступления в 82 случаях обвиняемые в их совершении также имели нарушения миграционного режима.

Подводя некоторые итоги изучения современных тенденций влияния

²¹⁸ Статистические данные (Состояние преступности в период 2006–2011 гг.) официальные сайты МВД России, Следственного комитета России и Генеральной Прокуратуры.

миграционных процессов на криминогенный фон и миграционную безопасность в Российской Федерации, можно прийти к следующим выводам:

1. Развитие транспорта, социальных коммуникаций и межгосударственных связей оказали существенное влияние на современную динамику миграционных процессов, которые в науке о демографии именуется – «диссонирующим миграционным трендом». Но главное, изменились качественные характеристики миграции, ее структура, типология и состав.

Наряду с традиционными для азиатской части России миграционными потоками из стран Юго-восточной Азии, с которыми установлен визовый миграционный режим, значительный иммиграционный прирост наблюдается из стран Средней Азии, Закавказья и восточной Европы, ранее входивших в состав СССР на правах союзных республик и имеющих соглашения с Россией о безвизовом миграционном обмене. Кроме этого, в регионах России, расположенных в ее европейской части, наблюдается значительный прирост иммиграции из стран юго-восточной Азии, Ближнего Востока и даже африканского континента, что также отражается на криминогенном фоне и миграционной безопасности в целом.

2. В период с 2006 по 2012 гг. в Сибирском и Дальневосточном ФО наблюдается относительно высокая иммиграционная активность представителей тех государств, которые ранее не входили в традиционную для этих территорий структуру миграционных потоков, а именно: Индонезии, Малайзии, Турции. В свою очередь наблюдается незначительное снижение иммиграции из Вьетнама и КНДР.

3. Количественные и качественные изменения в современных миграционных процессах оказали влияние на сопутствующий криминогенный фон и состояние миграционной безопасности государства в целом. В этой связи, наблюдается некоторое обострение социальной напряженности. Либерализация миграционной политики и связанный с этим перманентный рост масштабов иностранной миграции все чаще становится предметом критики и даже агрессии со стороны коренного населения, что способствует росту

националистических настроений и увеличению числа сторонников запретительной миграционной политики.

4. На фоне существенных изменений в структуре и динамике миграционных потоков, влияющих на сопутствующий криминогенный фон и миграционную безопасность в целом, имеет место экстраполяция некоторых исторически обусловленных тенденций, описанных исследователями в период активного освоения приграничных территорий азиатской части России.

Во-первых, как и прежде, в миграционных потоках отмечается дисбаланс между женщинами и мужчинами со значительным преобладанием последних, что обуславливает возникновение ряда криминогенных факторов.

Во-вторых, среди мигрантов сохраняется низкий уровень образования и профессиональной квалификации.

В-третьих, как и прежде, трудовая миграция часто носит вынужденный характер с точки зрения мотивации переселения, часто обусловленной стечением тяжелых жизненных обстоятельств, материальных и иных проблем в странах постоянного проживания мигрантов.

5. Отношение государства к контролю над миграционными процессами, свидетельствует о неизменности некоторых подходов к формированию и реализации миграционной политики.

Установленный отечественным миграционным законодательством режим въезда и последующего пребывания иностранных мигрантов на территории России, а также правила миграционного контроля и учета, основываются на принципах экономической целесообразности. Сама же миграция, как и прежде рассматривается властью в качестве источника относительно недорогой, с точки зрения затрат на оплату труда, рабочей силы. Это подтверждается и характером нормативно-правового регулирования ответственности за несоблюдение миграционного законодательства и совершение преступлений связанных с незаконной миграцией. Следует отметить и то, что сегодня фактически отсутствует селективность в миграционной политике России, целесообразность которой не ставится под сомнение большинством развитых

государств осуществляющих активную миграционную политику (Австралия, Аргентина, Бразилия, США, Канада, Новая Зеландия).

Изучение различных аспектов влияния миграционных процессов на криминогенный фон, позволяет прийти к выводу о том, что миграция является одним из основных компонентов факторного комплекса обуславливающего возникновение, а также устойчивое существование причин и условий миграционной преступности, которая оказывает значительное влияние на криминальную ситуацию в Российской Федерации. Для более целостного понимания природы миграционной преступности, а также совершенствования криминологических средств противодействия, необходимо более подробно исследовать признаки, детерминанты и криминологическую структуру этого явления.

3. Понятие, детерминанты и структура преступности мигрантов

В целях выяснения детерминант и криминологической структуры миграционной преступности как одной из угроз миграционной безопасности страны, следует напомнить об основных признаках, характеризующих понятие «миграционная безопасность».

Исследование институциональных признаков миграционной безопасности позволило сформулировать определение этого явления в контексте криминологической теории – как объективное состояние защищенности интересов личности, общества и государства от угроз (опасностей) криминологического характера, возникающих вследствие воздействия различных криминогенных факторов, сопутствующих миграционным процессам, а также осознание людьми своей защищенности от подобных угроз.

Известно, что наибольшую угрозу криминологического свойства интересам миграционной безопасности современной России представляет миграционная преступность. Однако следует признать, что в современной криминологии нет единой точки зрения относительно толкования и

терминологического определения этого явления. Кроме этого, наряду с «миграционной преступностью» получили широкое распространение взаимодополняющие ее смысловое содержание понятия – «криминальная миграция», «преступность, связанная с миграцией», «преступность мигрантов» и «преступность иностранцев», несомненно, имеющие общее семантическое происхождение, отражающее специфическую разновидность преступности, источником которой собственно и являются миграционные процессы²¹⁹.

Для выяснения смыслового соотношения указанных терминов, из всего многообразия соответствующих определений были выделены общие для этих понятия признаки, содержание которых, так или иначе, сводилось к характеристике преступности относительно источника ее происхождения (в нашем случае это «иностранцы мигранты»).

Если же миграционную преступность рассматривать как одну из категорий родового понятия «преступность», то есть совокупность преступлений объединяемых в виду специфики их субъектов, такой вид преступности можно определить как преступления, совершаемые иммигрантами на определенной территории, и в определенный период времени²²⁰. Однако подобное толкование понятия «миграционная преступность», во-первых, значительно сужает суть самого явления, а соответственно и решаемой проблемы; во-вторых, приводит все вышеназванные понятия к «единому знаменателю» и позволяет рассматривать их как синонимы. С такой позицией можно согласиться отчасти, так как автор разделяет точку зрения о существовании смысловых различий между такими понятиями как «миграционная преступность» и «криминальная миграция», а также полагает, что в виду семантических особенностей, термин «миграционная преступность» должен акцентировать внимание на преступлениях непосредственно связанных с миграцией в собственном смысле,

²¹⁹ См.: Кахбулаева Э.Х. К вопросу о понятии криминальной миграции // Пробелы в российском законодательстве. М.: Медиа-ВАК, 2011, № 3. С. 198–200; Собольников В.В. Понятие, сущность и субъекты миграционной преступности // Современное право, 2005, № 8.

²²⁰ См.: Российская криминологическая энциклопедия. М., «НОРМА», 2000. С. 590.

то есть специфическим, связанным с совершением преступлений, процессом перемещения людей через государственные границы.

Так, в предыдущем параграфе, при рассмотрении понятия «криминальная миграция», акцентировано внимание на том, что этот феномен часто проявляется в форме уголовно-противоправных деяний, посредством которых собственно и осуществляется незаконная миграция (ст. 322, 322.1 УК РФ), а также уголовно-противоправных деяний обеспечивающих и сопровождающих процесс незаконной миграции (ст. 291, 291.1, 292.1, 327 УК РФ)²²¹. Кроме этого криминальные мигранты могут совершать и другие преступления, не имеющие отношения к незаконной миграции. Однако следует учитывать и то, что, по мнению специалистов, смысл данного понятия подразумевает непосредственную взаимосвязь между миграцией и реализацией мигрантами своих криминальных целей.

Таким образом, термин «криминальная миграция» обуславливает разновидность миграционных перемещений, мотивация которых определяется криминальными целями²²². Тогда как, понятие «миграционная преступность» соответствует феномену особой разновидности преступлений, которые в первую очередь посягают на установленный государством порядок миграции населения, а также иные охраняемые уголовным законом, отношения причинение вреда которым так или иначе связано с миграционными процессами.

Для определения же генеральной совокупности преступлений совершаемых иностранными мигрантами на определенной территории за определенное время, наиболее точно подходит понятие «преступность мигрантов» или «преступность иностранцев»²²³.

²²¹ Известно, что незаконная миграция может сопровождаться совершением преступлений, которые по своему характеру являются самостоятельными, требующими дополнительной квалификации. Среди них, подделка или подлог официальных документов, подкуп должностных лиц, ответственных за выдачу соответствующих документов и др.

²²² См.: Антонян Ю.М., Бабаев М.М. Социальная среда и личность преступников-мигрантов и постоянных жителей // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М.: Юрид. лит., 1985.

²²³ Хромов И.Л. Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан (Теория и практика оперативно-розыскной деятельности): М., 2006. 168 с.

Таким образом, исследуя миграционную преступность в контексте ее влияния на состояние миграционной безопасности государства, наряду с общим массивом преступлений, совершаемых иностранцами в Российской Федерации, особенное внимание следует уделить деяниям, которые собственно и образуют криминальный компонент незаконной миграции, а также тем, которые сами по себе не посягают на установленный порядок миграции населения, однако при определенных условиях обеспечивают или сопровождают процесс незаконной миграции.

Для объективности криминологической характеристики миграционной преступности в России следует представить некоторые общие показатели преступности за последние десять лет.

Таблица 11

Количество зарегистрированных преступлений в расчете на 100 человек населения за год										
Место	Регион	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	Российская Федерация	1.9	2.0	2.5	2.7	2.5	2.3	2.1	1.8	1.7
1	Сибирский ФО	2.3	2.4	2.9	3.1	3.0	2.8	2.6	2.4	2.2
2	Уральский ФО	2.4	2.7	3.4	3.6	3.2	2.7	2.5	2.4	2.1
3	Дальневосточный ФО	2.4	2.4	2.9	3.7	3.4	3.0	2.6	2.3	2.1
4	Приволжский ФО	1.8	2.0	2.7	3.0	2.6	2.3	2.1	1.9	1.6
5	Северо-Западный ФО	1.8	2.0	2.4	2.5	2.4	2.1	2.0	1.7	1.6
6	Центральный ФО	1.7	1.8	2.1	2.2	2.1	1.9	1.8	1.6	1.5
7	Южный ФО (по 2009 год)	1.3	1.3	1.4	1.6	1.6	1.5	1.4	-	-
7	Южный ФО (с 2010 года)	-	-	-	-	-	-	-	1.5	1.4
8	Северо-Кавказский ФО	-	-	-	-	-	-	-	0.8	0.8

Представленные данные свидетельствуют о том, что три федеральных округа России, образующих ее азиатскую часть – Сибирский, Уральский, и Дальневосточный стабильно занимают три верхние позиции общероссийского рейтинга уровней преступности, как округа с наиболее неблагоприятной криминальной обстановкой. Вполне естественно, что и субъекты Российской Федерации, образующие административно-территориальную структуру перечисленных округов (например – Приморский, Хабаровский, Забайкальский, Красноярский края; Амурская, Иркутская, Новосибирская области и т.д.) так же занимают первые тридцать мест в рейтинге регионов относительно уровня преступности. Исключением являются Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Омская область, Чукотский и Усть-Ордынский

Бурятский автономные округа. Данные факты свидетельствуют в пользу наличия контрастных региональных особенностей, влияющих на основные показатели преступности в различных территориальных образованиях Российской Федерации. Существование этой специфики проверенно временем, так как лидирование по основным показателям преступности в указанных регионах отмечается на протяжении последних 10 лет.

По мнению специалистов, территориальные образования, расположенные в азиатской части России относятся к наиболее неблагополучным в криминогенном плане регионам, что в свою очередь отрицательно влияет и на уровень криминализации различных слоев населения, в том числе и на иностранных мигрантов²²⁴.

Из приведенных в таблицах данных видно, что динамика преступности иностранцев на территории России тесно взаимосвязана с общими показателями преступности, ввиду того, что общий тренд на повышение преступности, как правило, сопровождается ростом количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Однако следует понимать и то, что это не является основанием для механической экстраполяции подобных тенденций.

Таблица 12

Год	Зарегистрировано преступлений, тыс.	Преступления, совершённые иностранными мигрантами в РФ		Преступления, совершённые мигрантами из СНГ в РФ	
		Количество, в тыс.	Доля в %	Количество, в тыс.	Доля в %
2003	2756,4	40,6	1,5	37,3	1,4
2004	2893,8	48,9	1,7	45,1	1,6
2005	3554,7	51,2	1,4	46,6	1,3
2006	3855,4	53,0	1,4	47,5	1,2
2007	3582,5	50,1	1,4	45,3	1,3
2008	3209,9	53,9	1,7	48,8	1,5
2009	2994,8	58,0	1,9	53,1	1,8
2010	2628,8	49,0	1,9	44,6	1,7
2011	2404,8	45,0	1,9	40,5	1,7
В среднем	3097,9	50,0	1,6	45,4	1,5

²²⁴ Пахомов В. Д., Пономарев П. Г., Чеботарев А. Н. Региональные особенности преступности в России // Криминология. Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 765–766.

Так можно изобразить динамическую модель преступности иностранцев в графической форме, включающей показатели уровня преступности с позиции зарегистрированных преступлений, а также совершивших эти преступления лиц.

Графическое изображение 1

Состояние и динамика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Федеральных округах Российской Федерации с 2005 по 2011 г.

Таблица 13

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1	2	3	4	5	6	7	8
Совершено преступлений иностранцами в России	51225	53 014	50 139	53 875	57 955	48 992	44 956
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (%)	11,3	3,5	-5,4	7,5	7,6	-13,9	-8,2
В Центральном федеральном округе	25412	26 409	26 091	29 067	31 968	26 779	23 635

1	2	3	4	5	6	7	8
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	-1,1	3,9	-1,2	11,4	10	-16,2	-11,7
В Северо-западном федеральном округе	2 764	2 585	2 575	3 139	3 009	3 162	3 353
1	2	3	4	5	6	7	8
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	5,2	-6,5	-0,4	21,9	-4,1	5,1	6
В Южном федеральном округе	2 951	3 420	3 025	2 779	2 594	1 811	1 980
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	7,1	15,9	-11,4	-8,1	-6,7	-13,2	9,3
В Приволжском федеральном округе	4 703	4 631	3 915	3 606	4 534	3 781	3 868
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	13,7	-1,5	-15,5	-7,9	25,7	-16,6	2,3
В Уральском федеральном округе	4472	4352	3996	4426	4720	3 747	3 845
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	3,2	-2,7	-8,2	10,8	6,6	-20,6	2,6
В Сибирском федеральном округе	3573	3360	2741	2743	2937	2932	2 603
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	12,0	-6,0	-18,4	1,0	8,3	-0,2	-11,2
В Дальневосточном федеральном округе	1173	1319	1005	1053	1045	1032	879
Темп прироста преступности по отношению к АППГ (в %)	21,4	12,4	-23,8	4,8	-0,8	-1,2	-14,8

Из приведенных в таблице данных, полученных из информационных ресурсов ГИАЦ МВД России, следует, что в 2006 г. наблюдается увеличение

количества преступлений, совершаемых иностранцами. Однако в 2007 г. наблюдается обратное, когда фиксировалось общее снижение соответствующих показателей, а в 2008 г. количество зарегистрированных преступлений, совершенных иностранцами в РФ несколько увеличилось за исключением Южного и Приволжского ФО.

В 2009 г. зафиксировано снижение соответствующих показателей в Северо-западном, Южном и Дальневосточном ФО, а в 2010-2011 гг., вновь зафиксирован рост преступлений, совершенных иностранцами в Северо-западном и Уральском ФО. Вероятно, что те сведения, которые свидетельствуют о существенном снижении числа соответствующего вида преступлений, не соответствуют реальному состоянию преступности иностранцев, так как не отражают ее латентную составляющую, которая, по мнению большинства опрошенных экспертов, весьма значительна.

Статистические данные ГИАЦ МВД России в период с 2001 по 2006 гг. свидетельствуют, что количество преступлений, совершенных иностранными мигрантами в Сибири, выросло с 1062 до 3360 тыс., а в период с 2007 по 2008 гг. отмечалась относительная стабилизация показателей, и даже снижение на 1% (от 2741 до 2713 тыс.). Но уже в 2009 г. вновь было зарегистрировано 2937 тыс. преступлений совершенных иностранцами, что составило 8,3% прироста.

Для большей объективности следует отметить, что по сравнению с 2007 годом общее количество раскрытых преступлений в России снизилось на 3,5%, а зарегистрированных – на 10%. Однако следует не забывать и о высокой латентности преступлений, совершаемых иностранными мигрантами вообще и «нелегалами» особенно, она, по данным экспертов, в 3–4 раза превышает средний уровень латентности преступлений совершаемых коренным населением. Кроме этого, статистические данные по Сибирскому ФО свидетельствуют, что 45,5% преступлений, совершенных иностранцами, относятся к категории тяжких и особо тяжких. В то же время, наиболее распространенными в структуре миграционной преступности являются: преступления связанные с подделкой и использованием официальных документов (приблизительно 22%),

незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (19%), кражи (12%) и мошенничеств (6%).

Конкурируют с Сибирским ФО по росту уровня преступности вообще и миграционной в частности, Дальневосточный, Уральский, Северо-западный и Южный ФО.

Примечательно то, что на протяжении последних 10 лет Уральский ФО лидирует в рейтинге округов по уровню наркотизации населения. При этом округ является своего рода транзитной территорией для миграционных потоков из Азии в Европу и одновременно трафика тяжелых наркотиков в этом же направлении.

Как отметил председатель ФСКН на выездном заседании антинаркотического комитета, состоявшегося 01 декабря 2010 г. в городе Екатеринбурге, уровень наркотизации в округе выше среднего показателя по России на 28%.

Известно, что тяжелые наркотики опиумной группы прибывают в Россию из стран Центральной Азии, через слабо охраняемую границу с Казахстаном, более 1,5 тысячи километров которой проходит по территории Челябинской, Курганской и Тюменской областей. Следует обратить внимание и на то, что именно этот участок Государственной границы РФ отмечается специалистами как наиболее часто используемый нелегальной миграцией из стран Средней Азии. Таким образом, прослеживается прямая связь между миграционными потоками через российско-казахстанскую границу представителей стран СНГ (в основном – киргизов, узбеков, таджиков) и ростом наркопреступности. В этой связи, полномочный представитель Президента РФ в Уральском ФО на одном из заседаний посвященных проблемам противодействия преступности в округе указал на существенные недостатки в работе региональных подразделений ФМС России. В первую очередь в вопросах учета иностранных граждан, прибывающих в регионы округа. Так, в первом квартале 2011 года в субъектах Федерации в Уральский федеральный округ прибыло более 230 тыс. иностранных мигрантов. Из этого числа на миграционный учет по месту

прибытия встали около 150 тыс. человек. Разрешение на работу получили 20 тыс. Таким образом, место нахождения 80 тыс. иностранцев осталось для органов ФМС и региональных властей неизвестным. Неясной осталась и судьба 130 тыс. человек, которые встали на учет, но не получили разрешение на работу. Отмеченные недостатки приводят к тому, что иностранные граждане, не получив или утратив работу в России, часто встают на криминальный путь. Количество совершенных ими преступлений в 2011 г. по сравнению с 2010 г. увеличилось на 4%.

Если же говорить об общем соотношении преступности иностранцев в округе и другими федеральными округами России, то Уральский ФО на протяжении 10 лет, устойчиво занимает по этому показателю второе после Северо-западного ФО место, в общероссийском рейтинге со значением, превышающим от 0,4 до 0,5% удельного веса этих преступлений.

Наиболее показательным относительно экстраполяции основных трендов миграционной преступности в азиатской части России, является Дальневосточный ФО.

Во-первых, округ не занимает лидирующей позиции по рейтингам преступности среди других федеральных округов, расположенных в азиатской России, во-вторых, именно в ДФО примерно в равном соотношении миграционные потоки из стран Юго-восточной и центральной Азии, тогда как в других округах миграционные потоки более разнородны, а следовательно, и их влияние на основные тенденции миграционной преступности, в силу объективных причин, будет существенно отличаться. Поэтому, осуществляя криминологическую характеристику миграционной преступности в федеральных округах России, расположенных в ее азиатской части, особое внимание будет уделено именно Дальневосточному ФО.

Рассмотрим общие показатели преступности мигрантов, в субъектах Российской Федерации Дальневосточного ФО в период с 2005 по 2011 гг.

Таблица 14

Наименование субъекта	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего в ДФО	1173	1319	1005	1053	1045	1032	879
Республика Саха (Якутия)	116	163	67	112	81	90	65
Приморский край	438	471	450	403	369	426	379
Хабаровский край	361	325	249	274	265	160	144
Камчатский край	51	75	44	42	81	43	42
Амурская область	103	146	89	100	121	144	111
Магаданская область	31	27	19	18	14	30	18
Сахалинская область	40	79	60	69	84	93	100
Еврейская АО	20	21	20	29	22	42	18
Чукотский АО	13	12	7	6	8	4	2

Анализируя показатели, представленные в таблице, заметим, что наибольшее количество преступлений, совершаемых иностранцами, зарегистрировано на территории Приморского и Хабаровского краев. На долю этих дальневосточных субъектов Российской Федерации в среднем приходится до 66% преступлений, совершаемых иностранными мигрантами, от общего числа подобных преступлений²²⁵. Такая ситуация объясняется тем, что Приморский и Хабаровский края являются наиболее крупными административно-территориальными образованиями в дальневосточном регионе России с выгодными для иностранных граждан геополитическими, географическими, экономическими и социальными условиями.

В 2008 году общий прирост преступлений, совершенных иностранными мигрантами в Дальневосточном ФО, составлял 4,8%.

В период с 2009 по 2011 годы отмечалось незначительное снижение подобных преступлений. Но уже в 2012 году, в ряде регионов Дальневосточного ФО вновь отмечен существенный рост (примерно на 1/3) числа преступлений, совершенных иностранными мигрантами (+29,9%; Россия: -6,9%), в том числе: в Чукотском автономном округе (+400,0%), Магаданской области (+266,7%), Камчатском крае (+200,0%), Хабаровском крае (+82,0%), Сахалинской области (+54,3%), Республике Саха (Якутия) (+30,8%), Еврейской

²²⁵ См.: Скоркина Н.В. Частные криминологические градиенты, характеризующие миграционную преступность в Дальневосточном федеральном округе России // Актуальные вопросы правовой политики в современных условиях: сбор. матер. всерос. заоч. науч.-практич. конф., февраль – март 2009 г. Хабаровск, 2009. С. 290.

автономной области (+20,0%), Амурской области (+4,0%). Незначительное уменьшение количества таких преступлений отмечалось только в Приморском крае (-6,3%), что вероятно связано с подготовительными мероприятиями к саммиту АТС в 2012 г.

Подавляющее большинство подобных преступлений было совершено мигрантами из стран СНГ. Так, в 2012 году на их долю пришлось 86,2% от общего числа преступлений, совершенных иностранцами (данный показатель в течение последних 3 лет варьируется в пределах 68-70%).

Наибольшее количество преступлений, образующих структуру миграционной преступности совершают мигранты из Узбекистана (23,8%), Китая (16,5%), Кыргызстана (13,8%), Украины (11,9%), Азербайджана (10,9%), Таджикистана (6,0%), Армении (5,8%).

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений на протяжении последних 4 лет устойчиво снижался, если в 2008 году доля таких преступлений составляла 40,6%, то в 2011 году – 30,6%, в 1 полугодии 2012 года – 23,2%.

Однако уже к концу 2012 года рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных иностранцами, составил 3,4%.

Удельный вес преступлений экономической направленности на протяжении ряда лет был представлен следующими цифрами: в 2008 г. – 25,7%; в 2009 г. – 20,6%; в 2010 г. – 11,8%; в 2011 г. – 6,8%; в 2012 году – 8,2%.

В 2012 году рост количества преступлений экономической направленности среди иностранцев составил 3,2%.

В структуре преступности иностранных граждан и лиц без гражданства удельный вес хищений чужого имущества, совершенных путем краж, мошенничества, грабежа, разбоя, составляет в среднем 18 – 26% (в 2008 г.: 25,7%; в 2009 г.: 18,2%; в 2010 г.: 26,3%; в 2011 г.: 20,7%; в 1 полугодии 2012 г.: 26,2%).

В 2012 году рост хищений чужого имущества составил 52,8%, в том числе краж (+85,2%) и разбоев (+20,0%). Количество мошенничеств и грабежей

уменьшилось на 20,0% и 27,8% соответственно.

Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков составляет в среднем от 14,5% до 22% (в 2008 г.: 14,5%; в 2009 г.: 22,2%; в 2010 г.: 17,1%; в 2011 г.: 16,0%; в 1 полугодии 2012 г.: 11,5%).

В 2012 году количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось на 16,2%.

Отмечается существенный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия совершенных иностранными мигрантами. Так в период с 2008 г. по 2012 г. количество таких преступлений возросло более чем в три раза.

Практически одна треть преступлений совершена иностранцами, прибывшими для работы по найму (29,8%) (2008 г.: 10,2%; 2009 г.: 13,2%; 2010 г.: 14,5%; 2011 г.: 17,8%), рост преступлений, совершенных этой категорией лиц, составил 124,6%.

Иностранцами, находящимися на территории России нелегально, совершено 4,6% преступлений из общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (2008 г.: 6,2%; 2009 г.: 7,0%; 2010 г.: 8,8%; 2011 г.: 8,4%), количество таких преступлений увеличилось на 4,3%.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства в 2012 году совершено в группе 62 преступления, в том числе 22 – тяжких и особо тяжких, 26 краж, 2 разбойных нападения, 18 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В группе с участием иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 29 преступлений, в том числе 10 тяжких и особо тяжких, 3 изнасилования, 9 краж, 11 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В составе организованных групп и преступных сообществ иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 23 преступления, в том числе 8 тяжких и особо тяжких, 12 – связанных с незаконным оборотом наркотиков.

С участием иностранных граждан и лиц без гражданства в составе организованных групп и преступных сообществ совершено 5 преступлений, в том числе 4 тяжких и особо тяжких, 4 – связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Необходимо отметить, что преступная деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства учитывая их количество по отношению к местному населению, оказывает существенное влияние на криминогенный фон в Дальневосточном ФО. Так, в 2012 году количество таких преступлений в общем массиве составило 1,7%. Выявлено 620 лиц (+8,6%) или 2,4% от общего числа лиц, совершивших преступления.

Особое беспокойство вызывает рост трансграничной организованной преступности, представляющей серьезную угрозу интересам безопасности России.

Известно, что развитие трансграничной преступности является прямым следствием роста миграционной активности, которая стимулирует трансграничные криминальные связи, информационный обмен и поиски новых направлений криминальной деятельности.

В приграничных регионах Дальневосточного ФО наблюдается повышенный интерес транснациональных преступных групп, в которые часто входят мигранты из стран юго-восточной Азии, к природным ресурсам Дальневосточного региона России. Так, в 2011 году, перекрыт крупный канал незаконного вывоза древесины ценных пород в Китайскую Народную Республику, действовавший с 2009 года. Установлены участники трансграничной преступной группы, состоящей из 16 человек, граждан России и КНР, в отношении которых были возбуждены уголовные дела, по ч. 4 ст. 188 УК РФ (ныне декриминализованной).

Одной из особенностей трансграничной миграционной преступности в дальневосточном регионе, является деятельность в приграничных с Китаем районах, организованных преступных групп, использующих международные криминальные связи для реализации сложных преступных схем. Суть

подобных комбинаций заключается в том, что под видом законных внешнеэкономических операций, через сеть «транзитных» иностранных коммерческих банков, осуществляется вывод денежных средств за рубеж. Для иллюстрации такой преступной деятельности, можно сослаться на материалы уголовного дела, возбужденного по ст. 193 УК РФ в сентябре 2011 года Дальневосточным следственным управлением на транспорте СК России.. В результате проводимых мероприятий, задокументированна преступная деятельность организованной группы, члены которой за второе полугодие 2008 года, при использовании цепочки фирм «однодневок», зарегистрированных в г. Хабаровске и западных регионах страны, по фиктивному внешнеэкономическим контрактам вывели за рубеж более 150 млн. рублей.

Одним из направлений криминальной деятельности трансграничных преступных групп, является поставка в Россию запрещенных сильнодействующих препаратов, которая сегодня, по мнению экспертов, превышает контрабанду наркотических и психотропных веществ, а также их аналогов в несколько раз и представляет серьезную угрозу здоровью населения России.

Особое беспокойство отечественных правоохранительных органов в вопросах противодействия этим преступлениям вызывают следующие обстоятельства:

- большинство подобных препаратов (БАДов), ввозимых из КНР, Вьетнама, Таиланда, Индонезии, легально производятся на предприятиях фармацевтической промышленности и разрешены к свободной продаже в этих странах, однако в России такие вещества находятся под запретом;

- отсутствие в аннотациях ко многим медицинским препаратам, производимых в этих странах, указаний о содержании в них «сибутрамина» и других запрещенных в России веществ;

- постоянное изменение ассортимента и сертификации данных товаров (зарубежные производители быстро реагируют на изменение оперативной обстановки на территории России и принимаемые правоохранительными

органами меры по запрету ввоза тех или иных препаратов).

Как было отмечено в начале параграфа, центральное место в структуре миграционной преступности, по мнению автора должно быть отведено преступлениям, по средствам которых собственно и осуществляется незаконная миграция, а также уголовно-противоправным деяниям, обеспечивающим и сопровождающим процесс незаконной миграции.

Известно, что основным регулятором численности привлекаемой в Россию иностранной рабочей силы является механизм квотирования. Однако адекватно отразить в квотах реальную потребность экономики регионов в трудовых мигрантах пока не удастся. Отсутствие действенного механизма квотирования и «неповоротливость» существующей системы прогнозирования реальных потребностей в трудовых мигрантах, являются одной из причин увеличения масштабов незаконной трудовой миграции.

Сложившаяся практика формирования заявок потенциальных работодателей на иностранную рабочую силу ориентирована лишь на крупные предприятия с отсутствием выраженной сезонности производства. Мелкому же и среднему бизнесу крайне сложно получить такие квоты. Поэтому представители такого бизнеса в основном прибегают к использованию нелегальных иностранных работников с выплатами «серых», не облагаемых налогами и социальными вычетами зарплат. На этом фоне, внесены изменения в миграционное законодательство России упрощающие порядок постановки на миграционный учет, а также правил осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы. Однако, вопреки предпринимаемым мерам, проблема сокращения масштабов незаконной трудовой миграции сегодня так и не решена. Причиной же подобного положения дел, является то, что вся ответственность за постановку на миграционный учет и соблюдение правил пребывания в России, сегодня возложена на принимающую сторону, что привело к распространению в миграционной среде безответственного отношения к соблюдению миграционных правил, но главное укоренению среди

мигрантов чувства полной безнаказанности в случае игнорирования миграционного законодательства.

По самым скромным подсчетам, до 60% трудовых мигрантов – как из стран СНГ, так и Юго-восточной Азии, сегодня осуществляют свою трудовую деятельность «нелегально», либо с нарушением установленных миграционным законодательством правил²²⁶. А это в свою очередь обуславливает возникновение новых проблем, связанных со стимулированием «теневого» сектора экономики, сопровождающегося ростом экономической преступности.

На фоне увеличения масштабов иностранной миграции, которое естественно сопровождается ростом количества нарушений миграционного законодательства, часто имеющих организованный характер, число выявленных фактов организации незаконной миграции, влекущих уголовную ответственность по ст. 322.1 УК РФ, остается на неоправданно низком уровне. Следует отметить, что сегодня фактически во всех регионах России, получили широкое распространение посреднические услуги, связанные с решением проблем «незаконной трудовой миграции» и ставшие для определенной категории лиц весьма прибыльным и не всегда законным бизнесом (вербовка потенциальных работников, незаконное размещение и посредничество в устройстве на работу, обеспечение безналоговых расчетов с работодателями и др.).

Так реализация мероприятий, направленных на выявление фактов организации незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, в органы

²²⁶Упрощенной формой легализации трудовых отношений иностранных мигрантов является оформление «трудовых патентов» предоставляющих право найма частными лицами для выполнения неквалифицированных работ и помощи гражданам России при ведении домашнего хозяйства. Однако же многие из трудовых мигрантов имея такие патенты, злоупотребляют своим правом, нелегально нанимаясь на те работы, которые согласно миграционному законодательству РФ предполагают процедуру «квотирования» и оформления полноценных трудовых правоотношений на основе договоров найма или трудовых контрактов. По мнению экспертов, подобная практика незаконного найма, наносит существенный вред экономики России.

внутренних дел за последние два года, всего направлено 78 материалов для возбуждения уголовных дел по статье 322.1 УК РФ. В свою очередь, возбуждено лишь 22 уголовных дела – в Республике Саха (Якутия), Амурской и Сахалинской областях, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Кроме этого, из региональных УФМС в органы внутренних дел направлен 71 материал с признаками состава преступления предусмотренного ст. 327 УК РФ (в большинстве случаев имела место подделка миграционных карт и дат-штампов о продлении пребывания в России), но только в 15-и случаях были найдены основания для возбуждения уголовных дел, по которым к уголовной ответственности привлечены 13 лиц, 11 из которых иностранные граждане.

Так в первой половине 2012 года, в Хабаровске выявлена межрегиональная преступная группа, состоящая из 4 человек, прибывших на территорию Дальневосточного ФО из Республики Кыргызстан. Данная группа, осуществляла легализацию иностранных граждан, уклоняющихся от выезда с территории Российской Федерации по окончании установленного срока пребывания, посредством выпуска фальшивых миграционных карт и проставления поддельных дат-штампов. Получая такие документы, иностранные граждане вставали на миграционный учет или продляли его действие, а в дальнейшем получали патенты для осуществления трудовой деятельности у физических лиц либо разрешения на работу в организациях. В течение 2011 – 2012 гг. в Дальневосточном ФО были приняты решения о возбуждении еще 12 уголовных дел по аналогичным фактам, с привлечением к уголовной ответственности виновных лиц по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. И в одиннадцати случаях приняты решения о возбуждении уголовных дел по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Для большей объективности в характеристики миграционной преступности, следует уделить особое внимание преступлениям, посредством которых собственно и осуществляется нелегальная миграция, а также уголовно-противоправным деяниям, обеспечивающим или сопровождающим этот

процесс.

Приведем некоторые сведения, отражающие динамику этого вида преступлений (далее по тексту – миграционных преступлений) в 2010 и 2011 гг., когда по данным официальной статистики фиксировался наибольший за последние пять лет спад преступности вообще и миграционной в частности.

Из приведенных данных видно, что количество таких преступлений относительно количества возбужденных уголовных дел выросло на 10,5%. И это на фоне общего сокращения преступности в Российской Федерации. Увеличилось на 37,2% и число лиц привлеченных к уголовной ответственности за подобные преступления (см. таблицы 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22).

Таблица 14

Сведения по статьям УК РФ	В целом по Российской Федерации			
	2011	2010	(+ / -)	%
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие				
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	6765	6667	98	1,5
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	4184	3680	504	13,7
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	2602	2355	247	10,5
Привлечено лиц к уголовной ответственности	974	710	264	37,2

Таблица 15

Дальневосточный ФО

Сведения по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	Дальневосточный ФО			
	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	348	309	39	12,6
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	170	110	60	54,5
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	90	58	32	55,2
Привлечено лиц к уголовной ответственности	19	15	4	26,7

Таблица 16

Сибирский ФО				
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	815	1058	-243	-23,0
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	488	684	-196	-28,7
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	167	284	-117	-41,2
Привлечено лиц к уголовной ответственности	29	40	-11	-27,5

Таблица 17

Уральский ФО				
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	577	518	59	11,4
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	382	311	71	22,8
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	278	240	38	15,8
Привлечено лиц к уголовной ответственности	133	117	16	13,7

Таблица 18

Приволжский ФО				
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	711	622	89	14,3
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	536	373	163	43,7
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	364	256	108	42,2
Привлечено лиц к уголовной ответственности	279	187	92	49,2

Таблица 19

Южный ФО				
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	280	330	-50	-15,2
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД	189	208	-19	-9,1

либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям				
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	93	97	-4	-4,1
Привлечено лиц к уголовной ответственности	43	25	18	72

Таблица 20

Северо-Западный ФО

Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	923	545	378	69,4
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	743	408	335	82,1
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	215	164	51	31,1
Привлечено лиц к уголовной ответственности	52	34	18	52,9

Таблица 21

Центральный ФО

Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	2792	2709	83	3,1
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по нереабилитирующим основаниям	1564	1501	63	4,2
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	1338	1185	153	12,9
Привлечено лиц к уголовной ответственности	396	258	138	53,5

На фоне общего увеличения миграционных преступлений наиболее высокие темпы прироста отмечены в Дальневосточном, Приволжском, Северо-Западном и Уральском федеральных округах. Менее значительный прирост миграционной преступности отмечен в Центральном ФО, тогда как в Южном ФО наблюдалось незначительное снижение этого показателя – 4,1%.

Вместе с тем, следует обратить внимание на ситуацию в Сибирском ФО, которая характеризуется более чем динамичным снижением количества возбужденных уголовных дел по этой категории преступлений – 41,2%. Такое

значительное снижение вызывает, по меньшей мере, удивление в связи с тем, что через территории Казахстана, а далее Сибирского ФО осуществляются основные миграционные маршруты из Средней Азии в другие федеральные округа Российской Федерации, той части мигрантов, которые добираются автомобильным или железнодорожным транспортом, в связи с неспособностью оплатить более дорогостоящий перелет авиационным транспортом из столиц среднеазиатских государств в Москву, Екатеринбург или другие города. Но по свидетельству более 100 опрошенных мигрантов прибывших в Северо-Западный и Дальневосточный ФО из Средней Азии, примерно 2/3 из них добирались автомобильным транспортом из Казахстана до Новосибирска, с последующей пересадкой на поезда до Санкт-Петербурга, Хабаровска или Владивостока. По свидетельству экспертов из ФМС и самих мигрантов, аналогичным способом проезда пользуется основная часть трудовых мигрантов, прибывающих на заработки в Сибирский и Уральский федеральные округа.

Можно предположить, что столь динамичное снижение количества миграционных преступлений в округе, который является транзитной территорией для самых многочисленных миграционных потоков из Средней Азии, на фоне, значительного роста аналогичных преступлений в большинстве федеральных округов России, обусловлено отсутствием единообразной практики в применении уголовного закона, либо погрешностями статистики. Однако и первое, и второе является серьезным основанием для подробного изучения этих проблем.

Изучение криминологической структуры и детерминант миграционной преступности в разных регионах Российской Федерации позволило прийти к выводам о ее качественной неоднородности, а также заметных количественных изменениях в последнее десятилетие, что вероятно обусловлено соответствующими переменами в отечественной миграционной и уголовно-правовой политике, а также активизацией миграционных процессов.

Следует отметить, что на протяжении последних десяти лет наблюдается

некоторый диссонанс между показателями миграционной преступности и состоянием преступности вообще, что позволяет прийти к выводу о существовании уникального факторного комплекса, оказывающего влияние на динамику миграционной преступности, обуславливающего рост или снижение соответствующих показателей. Вместе с тем, можно предположить, что существуют и иные проблемы, определяющие видимое отсутствие четко выраженной взаимосвязи между основными трендами преступности вообще и ее миграционной составляющей в частности. Это могут быть недостатки в организации правоохранительной деятельности, связанные с проблемами выявления, квалификации и расследования соответствующих преступлений. Вероятно, могут существовать и более опасные причины ярко выраженного диссонанса между показателями преступности вообще и ее миграционной компоненты в частности, например, проблемы, связанные с проводимой Россией миграционной политикой или погрешности статистического характера, способствующие необъективности реальной оценки состояния миграционной преступности.

Выявляя специфические черты преступности мигрантов в разных регионах Российской Федерации, отметим, что на фоне некоторого снижения в период с 2009 по 2012 гг. преступности вообще, наблюдался значительный рост преступлений, связанных с незаконной миграцией. За исключением ранее отмеченной ситуации в Сибирском и Южном федеральных округах, что не оказывает существенного влияния на общие тенденции состояния миграционной преступности в России.

Однако на основании экспертных оценок, контент-анализа разных информационных источников, а также наблюдений за изменениями миграционной ситуации в различных регионах Российской Федерации, можно с определенной долей уверенности сказать о наличии существенных противоречий между реально складывающейся ситуацией с точки зрения присутствия криминогенных факторов оказывающих влияние на рост преступности мигрантов (включая и миграционную преступность, то есть

связанную с процессом незаконной миграции) и теми ее показателями, к которым сегодня апеллирует официальная статистика. Так, ежегодный прирост объема иностранной миграции на 250–300 тыс. чел. (миграционное сальдо), который естественно сопровождается ростом и ее нелегальной составляющей, на фоне постепенного снижения миграционной убыли (миграционное нетто), в обычных условиях является фактором, способствующим росту миграционной преступности, пропорционально доли прироста миграционного сальдо. Кроме этого, сегодня нет достаточных оснований говорить, о возникновении новых факторов, обуславливающих снижение преступности мигрантов.

Наряду с представленными доводами призванными аргументировать причины роста миграционной преступности в России и особенно наиболее отдаленных от центра регионов ее азиатской части, сегодня нет достаточных оснований утверждать об отсутствии негативного влияния на эту разновидность преступности экономических факторов. Еще не устранены все последствия так называемой «первой волны» мирового финансового кризиса, а специалисты уже прогнозируют новые экономические потрясения, что, несомненно, отразится и на отечественной экономике. Прогнозируемы – спад производства, а соответственно и рост конкуренции на рынке труда, рост инфляции и уменьшение доходов населения, и многое другое. Вероятно, что данные обстоятельства окажут существенное влияние на активизацию миграционных процессов, а следовательно и связанные с ними криминогенные факторы.

В целом сегодня наблюдается беспрецедентный рост социальной напряженности в связи с увеличением масштабов иностранной миграции, особенно из государств Закавказья и Средней Азии. Данное обстоятельство, наряду с ранее перечисленными, свидетельствует о наличии факторного комплекса способствующего обострению криминогенной ситуации в связи с активизацией миграционных процессов. Пока нет достаточных оснований утверждать, об улучшении условий, способствующих снижению преступности вообще и ее миграционной составляющей в частности.

VI. Масс-медиа

1. Понятие масс-медиа и их роль в обществе

Наблюдаемые сегодня негативные тенденции в преступности являются в значительной степени следствием социально-психологических процессов, которые одновременно порождают преступность, порождаются ею и неизменно сопутствуют ей.

В ряду таких процессов одно из ведущих мест занимает криминализация общественного сознания. Однако несмотря на то, что этот процесс достаточно трудно преодолеть – отношение к нему со стороны общественности и государства, если не пассивное, то, как минимум, почти безразличное.

В целом основу криминализации общественного сознания составляет, в первую очередь, деформация ценностно-нормативной системы личности, размывание социально позитивных ценностей, установок, стереотипов поведения, нравственных идеалов людей. Она сопровождается значительным распространением среди различных слоев населения, в том числе традиционно законопослушных, антиобщественных взглядов и представлений, которые допускают, оправдывают, поощряют либо открыто провоцируют противоправное поведение. В сознание людей внедряются мнимые ценности, ложные идеалы и даже нормы поведения «воровского», криминального мира, нередко выдаваемые за образцовые; культ сильного, хоть и безразличного к окружающим, материально обеспеченного, хоть и ставшего таким путем нарушения законов, ставится в пример, который якобы соответствует современному типу успешного во всех отношениях гражданина и в точности отражает социально-экономическое, политическое и морально-нравственное состояние страны и общества.

Подобная ситуация постепенно приводит к тому, что преступность начинает восприниматься большинством как повседневное естественное явление, разновидность нормы. А это в свою очередь неминуемо приводит к существенному снижению так называемого социально-позитивного

иммунитета общества²²⁷. Выступая в качестве гарантии безопасности и самосохранения общества, защиты от тотального криминального поражения, такой иммунитет от преступности в нормальных условиях должен включать в себя как минимум следующие социально-психологические элементы:

- уверенность граждан в реализации государством провозглашенных демократических норм и принципов;

- уверенность граждан в выполнении государственных программ по противодействию криминальным процессам и явлениям в стране;

- доверительное отношение граждан к государственной власти, к правоохранительным органам, убежденность в реальной способности последних противостоять преступности, в том числе посредством привлечения к этой деятельности соответствующих социальных инструментов;

- абсолютная неприемлемость в массовом сознании противоправных проявлений, непримиримость с ними, понимание и убежденность в неотвратимости наказания за них;

- уверенность граждан в собственной защищенности от криминальных посягательств;

- всеобщее признание консолидированной агитационно-информационной политики государства и общества, направленной на формирование моделей законопослушного поведения, уважения граждан к закону, принятым в обществе демократическим нормам поведения, нравственно-духовным ценностям и др.

Отсутствие де-факто в обществе названных условий приводит к значительному усилению отрицательного воздействия на общественное сознание массовых технологий и институтов, через которые распространяется негативная информация и осуществляются различные формы коммуникации. Речь идет о прессе, телевидении, киноиндустрии, радио, сети Интернет, компьютерных, видеоиграх и др.

²²⁷ См.: Ключкова А.В., Пристанская О.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право, 1999, № 2. С. 18.

Эти институты гораздо шире понятия «средства массовой информации», поэтому мы будем именовать их масс-медиа. Термин «масс-медиа» для российской науки является относительно новым, а потому его определение представляет сложность. Некоторые отождествляют его с понятием «средства массовой информации». В основе данной точки зрения лингвистический подход, поскольку в переводе с английского «mass media» означает СМИ. Однако тот смысл, который вкладывается в это понятие за рубежом, не соответствует отечественному.

Согласно российскому законодательству, под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации²²⁸.

В зарубежной научной и правовой литературе масс-медиа определяется как совокупность всех медиа технологий, включая сеть Интернет, телевидение, газеты и радио, которые используются для обеспечения массовых коммуникаций, а также совокупность всех институтов, которые управляют этими технологиями²²⁹.

Таким образом, во избежание подмены понятий под термином «масс-медиа» мы будем подразумевать любые источники информации и средства ее распространения, имеющие массовое воздействие на потребителей (получателей) такой информации. Это определение включает в себя как СМИ в традиционном понимании, так и новые медиа (сеть Интернет, социальные сети, игры, мобильные устройства связи и т.п.), значение которых в современном мире очень велико.

Вообще слово «медиум» используется для обозначения инструмента преобразования опыта в знание. Это относительно обобщенное понятие, т.к. подразумевает любой коммуникационный инструмент, который передает

²²⁸ См: ст. 2 Закона Российской Федерации № 2124-1 от 27.12.1991 «О средствах массовой информации».

²²⁹ См.: Potter W. J. *Arguing for a general framework for mass media scholarship*. – CA: SAGE, 2008, P. 32.

(распространяет) определенное значение. Телефон, радио, фильм, телевидение являются «медиа» так же, как и пресса, человеческий голос, скульптура и живопись. В то же время сам процесс медиации осуществляется в каждом случае по-разному, в зависимости от степени «чистоты» медиума. Например, телефон представляет собой «чистую» форму медиации, в то время как масс-медиа теснейшим образом связаны со средой своего существования и, в свою очередь, формируют свой собственный самореференциальный универсум.

В условиях, создающих или обеспечивающих возможность обращения таких медиа к неограниченной и достаточно большой аудитории, они приобретают статус масс-медиа.

Во второй половине XX – начале XXI в. мировые медиа соединились вместе в широкую универсальную систему. Если для 80-90-х гг. важным аспектом расширения пространства масс-медиа стало формирование и развитие видеокультуры – в последнюю декаду появляются новые области, имеющие специфические функции, распространяющиеся среди населения неравномерно, но значительно меняющие возможности, смыслы и структуру большей части современного культурного потребления в области массовых коммуникаций²³⁰. На смену видеокассетам, видеодискам, видеоконференциям, видеотрансляциям, видеокамерам и видеотекстам приходят цифровые медиаформаты, цифровое телевидение, цифровая фото- и видеоаппаратура, 3-Д технологии. Однако за относительно непродолжительный период времени в сфере масс-медиа произошла коренная революция, затронувшая не только их содержание: если раньше можно было говорить об их значительном влиянии на сознание людей, то сейчас такое влияние – более чем огромно.

То есть современные масс-медиа являются одним из основных источников, формирующих представления человека о реалиях окружающего мира. Как сказал известный немецкий социолог Н. Луман: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через масс-медиа. Это

²³⁰ См.: Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века // под редакцией В.В. Бычкова. М., 2003. С. 46.

относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаем о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: «люди говорят то-то и то-то»... С другой стороны, о самих масс-медиа мы слышали такого, что не можем верить этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из масс-медиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга»²³¹.

С вышесказанным сложно не согласиться, поскольку информация всегда являлась инструментом регулирования общественной жизни, а в настоящее время – в эпоху информационного общества – эта ее роль многократно возросла.

Обладая способностью определять содержание сообщений, материалов, иной информации или, по крайней мере, задавать им смысловой, идейный вектор, масс-медиа могут воздействовать на общественное сознание и настроение, взгляды и поведение отдельных людей, социальных групп. Информация, доводимая посредством масс-медиа до читателей, слушателей или зрителей, вызывает у них соответствующую реакцию в виде эмоциональных, психологических переживаний, что приводит к формированию определенных установок во взглядах, ориентирах и даже поведении. Причем эти установки могут носить как позитивный характер, так и провоцировать противоправное, в том числе преступное, поведение.

Масс-медиа сегодня – это мощное стратегическое средство формирования массового сознания, стереотипов, гражданских ценностей, идентичности. В наше время, в период глобального расширения информационного пространства, социализация нового поколения невозможна без активного влияния этого института. Поэтому роль масс-медиа в воспитании личности – очень значима, поскольку, имея реальную возможность актуализировать ту или иную

²³¹ См.: Luhmann N. Die realitat der massenmedien. 2., erweiterte Auflage. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P.9.

проблему в публичных показах, дискуссиях, выступлениях, диспутах и т.д., масс-медиа способны содействовать утверждению конкретного нужного для них баланса общественного мнения в социуме. И от того, кому они реально «служат», и зависит фактическое содержание медиапродукта, и, как результат, законопослушность или криминальная направленность его потребителей.

Конечно же, большинство представителей масс-медиа в своей деятельности проводят линию, удовлетворяющую интересам государства и общества в нашей стране. Но все же есть некоторая часть из них, которая создается, финансируется и функционирует «под заказ» определенных заинтересованных лиц, представляющих конкретные интересы политических, идеологических и иных кругов, чаще всего преступных, преследующих свои личные корыстные или политические цели в ущерб общественным и государственным интересам. Им, безусловно, выгодно возвращение управляемой человеческой среды. Такие медийные институты наиболее опасны; они имеют своих покровителей не только в криминальной среде, в том числе международной, нередко их связи ведут и к местным политическим структурам, включая правоохранительные и государственные.

Конечно, сегодня откровенно враждебных государству институтов масс-медиа практически нет (по крайней мере – легальных), однако безразличных к общечеловеческим и государственным ценностям – немало. Именно они и являются носителями лжеидей и стереотипов, которые упорно и последовательно прямо или косвенно внедряются в сознание отчаявшихся людей и, в первую очередь, молодежи путем подачи медиа-продукта, обычно по форме привлекательного, зажигательного, яркого, но по содержанию пошлого, безыдейного, преступного. Криминогенная ситуация в связи с деятельностью этой части современных масс-медиа также усугубляется.

Вступив в стихию рыночных отношений, оказавшись в ситуации острой конкурентной борьбы за рынки сбыта своей продукции, названные представители масс-медиа, вполне лояльные к государственной власти и ее общенациональной политике, в целях удержания и расширения

потребительской аудитории вынуждены прибегать к использованию методов и приемов, многие из которых сводятся к манипуляциям с традиционными духовными, социальными и правовыми ценностями, к игре на человеческих слабостях, «смакованию» и прославлению пороков, уничтожению нравственности. Злоупотребления такими методами со стороны журналистов, авторов книг, представителей киноиндустрии, производителей видео- и компьютерных игр и иных ответственных за содержание средств массовой коммуникации лиц, усугубляемое зачастую их криминологической неграмотностью, оказывают существенное негативное воздействие на массовое сознание, которое может носить и криминогенный характер, опосредованно влияя на состояние преступности в обществе. Они, конечно же, далеки от традиционных методов воспитания, базирующихся на социальных нормах гуманистической, духовной культуры, направленных на закрепление в обществе патриотических, толерантных чувств и идей, принципов равноправия и законопослушности. Более того, своим медиа-продуктом они отвлекают людей от насущных проблем, от истинных жизненных ценностей и культивируют простой путь «к счастью» через применение силы, нарушение закона, аморальное поведение, безразличие к окружающим и т.д. По этой причине в условиях углубления в молодом российском обществе правового нигилизма и негативизма, повышения терпимости граждан к нарушению уголовно правовых запретов и потенциальной их готовности к совершению преступлений, изучение информационных посылок криминализации общественного сознания приобретает особую актуальность.

Исследования взаимосвязей между преступностью и масс-медиа – достаточно новое научное течение, которое именуется криминологией массовых коммуникаций. Под ней понимается направление криминологической науки, систематизирующее знания о природе, закономерностях преступности в сфере оборота массовой информации, возможностях предупредительного воздействия на нее и применения массово-коммуникативных методов

оптимизации функционирования системы противодействия преступности²³².

Приведенное определение, по нашему мнению, представляется не совсем точным, поскольку не охватывает достаточно важный аспект – детерминацию преступности под воздействием массовой информации, проводником, транслятором которой являются масс-медиа.

Изучение содержания современных медиа позволяет выделить главные факторы, которые оказывают потенциальное криминогенное влияние на формирование общественного мнения.

Во-первых, основная масса медийной продукции, затрагивающая тему преступности, характеризуется чрезмерным натуралистическим описанием жестоких способов совершения преступлений, истязаний жертв насилия и т.д. Следует отметить, что если раньше подобная форма подачи информации оказывала эффект массового устрашения, поскольку ее психологическое восприятие для большинства было затруднительным, то сейчас это стало разновидностью нормы. Более того, подобный прием достаточно широко используется в медиаиндустрии в коммерческих целях. А ведь демонстрация откровенных сцен насилия, в том числе в «благородных» целях, может оказать существенное криминогенное влияние, в первую очередь, на подростков. В последние годы криминологами отмечается особая жестокость, присущая преступности несовершеннолетних. Стали нередкими факты, когда подростки истязают и даже убивают своих родных, есть и прямо противоположные случаи. Сценарии таких преступлений нередко идентичны тем, что несовершеннолетние преступники видели в фильмах и в компьютерных играх. Подросток с сигаретой в зубах, употребляющий алкоголь и наркотики, с ножом в руках, битой или с оружием – образ, который уже не шокирует общественность.

Во-вторых, доминирование криминальной или насильственной тематики в большинстве медийных произведений, в которых она выступает если не

²³² См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. А. Шестакова СПб., 2003. С. 129.

основной, то второстепенной, приводит к развитию у определенной части аудитории привыкания к безнаказанности преступности, формированию отношения к ней как к неотъемлемому элементу повседневной жизни.

Это способствует неадекватному отображению в массовом сознании общественной опасности различных преступлений, когда менее опасные преступления практически безразлично воспринимаются людьми, у них повышается толерантность к преступникам.

В-третьих, современное масс-медийное пространство характеризуется высокой коммерциализацией. Оно, как уже отмечалось, ориентировано на потребительский спрос, который в условиях практически абсолютной свободы и вседозволенности информации, отличается повышенным интересом ко всему запрещенному, порочному, скандальному и т.п.

Героизация преступников, прославление антигероев, декларация свободы самовыражения и поведения вопреки общественному мнению, культивирование таких ценностей, личностных качеств и свойств, как цинизм, хладнокровность, расчетливость, пренебрежение интересами окружающих – распространенные атрибуты современной медиакультуры. Традиционные ценности и идеалы постепенно вытесняются из современных медиа, поскольку становятся все менее актуальными и востребованными.

Наглядно вышеуказанную тенденцию можно проследить на тематическом и содержательном изменении программ телевизионного вещания. Если раньше телевидение было вторично по отношению к другим каналам коммуникации (кино, театр, эстрада, радио), то сегодня, наряду с дальнейшей модификацией и приспособлением указанных жанров, возникают новые «гибридные» формы, а также специфические телевизионные шоу. Речь идет о так называемых реалити-шоу. Обычно сюжетом этих программ является показ действий группы (или групп) людей в приближенной к жизни обстановке. Реалити-телевидение очень развито в США и Великобритании, однако и в России процент реалити-программ в сетке вещания достаточно высокий.

Реалити-шоу исключительно популярны у зрительской аудитории.

Психологи связывают это с подсознательным стремлением к «подсматриванию» за чужой жизнью. Разумеется, действуют здесь и общие факторы, определяющие популярность любых скандальных передач: любопытство и стремление к сильным переживаниям, особенно проявляющиеся на фоне монотонной повседневной жизни. «Натурализация» телеимиджей ведет к их укоренению в среде культуры повседневности, к слиянию образов телеэкрана с окружающей вещной средой.

Критики утверждают, что реалити-шоу оказывают негативное воздействие на психику зрителей, особенно молодых, с несформировавшимся еще вкусом, характером и убеждениями: они активизируют нездоровое любопытство и предоставляют в качестве образца для подражания не вполне адекватное поведение участников. Организаторы шоу в погоне за зрелищностью нередко балансируют на грани непристойности, а иногда и явно переходят ее, что также может оказывать негативное воздействие на нравственность зрителей, многие из которых склонны без рассуждений принимать телевизионные образы за эталон. Нередко в них участвуют публичные люди, кумиры молодежи (артисты, музыканты, спортсмены), что многократно усиливает эффект такого воздействия. Кроме того, вызывает беспокойство и состояние психики участников, которые вынуждены в течение длительного времени жить в условиях, когда каждый их шаг фиксируется и может быть показан миллионам зрителей. Циничность, грязная конкуренция, бескомпромиссность, стремление к наживе и выгоде при пренебрежении интересами окружающих – вот основные характеристики поведения героев многих реалити-шоу. Показательно в этом отношении реалити-шоу «Дом-2». За многолетний период ее существования многие участники оказались замешаны в ряде скандалов и преступлений, судьбы некоторых участников завершились трагично.

Конечно, прямого криминогенного воздействия такие шоу не имеют, однако их роль в деформации ценностных и нравственных ориентиров телезрителей, особенно молодежи, неоспоримо. А такая деформация, в свою очередь, может детерминировать преступность.

Таким образом очевидно, что сегодня влияние масс-медиа на общество может иметь отрицательные социально-психологические и даже криминогенные последствия. Но не следует забывать, что они способны оказать разноплановый эффект на разные категории людей. У одних, например, циничные, излишне подробные описания насилия могут вызвать агрессивное возбуждение, у других – привести к формированию психологической черствости, безразличию и невосприимчивости к чужим страданиям (такая реакция наиболее характерна для лиц с неустойчивой психикой, включая подростков), у третьих – к которым мы относим предрасположенных к насилию лиц – психологическую разрядку, имеющую позитивное социальное значение. Конечно, положительное значение последнего эффекта несравнимо с разрушительной социальной и нравственно-психологической направленностью остальных.

2. Классификация современных масс-медиа

Итак, современные масс-медиа определяются посредством следующих признаков:

- информативная насыщенность;
- публичность, т.е. неограниченный и надперсональный круг потребителей;
- наличие специальных, технических приборов, аппаратуры для передачи сообщений;
- не прямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров;
- однонаправленность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, ограниченность обратной связи;
- непостоянный и рассредоточенный тип аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате концентрации общего внимания на том или ином сообщении (радио- или телепередача, веб-сайт компьютерной сети Интернет и т.д.).

Согласно данным ЮНЕСКО, из ста процентов предлагаемой информации человек, слушая, запоминает 15% речевой информации, глядя – 25% видимой информации, слушая и глядя одновременно – 65%. Введение цвета в предлагаемую информацию на 40% увеличивает интерес к ней, на 73% понимание информации и на 85% убедительность высказанных идей²³³, рассмотрим наиболее значимые, на наш взгляд, виды современных масс-медиа.

Телевидение.

В последние годы телевидение получило колоссальное развитие. До конца 1980-х годов в Европейской части мира эта область изменялась сравнительно медленно: считалось, что телевидению не хватает частот. Но вот пришло вначале спутниковое, а затем цифровое телевидение, появилась возможность предоставить зрителю множество каналов и множество телевизионных услуг по вполне доступным для массового потребителя ценам.

Благодаря способности распространять на огромные территории звуковые и зрительные образы, в том числе одновременно с совершением события, телевидение способствует преодолению физических барьеров пространства и времени между источником информации и аудиторией. Обогащенное наглядностью зрительной информации, данное качество телевидения приводит к высокой степени результативности сообщения, формирует у аудитории новый интерес к знанию, увеличивает ее потребность в приобретении более широкой и глубокой информации из других источников.

Несомненно, телевидение продолжает оставаться основным видом масс-медиа, несмотря на активное развитие компьютерных технологий и глобальной информационной сети Интернет. Социологические исследования 80-х гг. XX века в США показали, что средняя американская семья проводила у телевизора более 7 часов в сутки и ради этого жертвовала многими занятиями и видами деятельности. К концу 90-х годов привязанность американцев несколько снизилась, но остается очень высокой – дети США проводят у телевизора в

²³³ См.: Сошкин А.В. Применение аудиовизуального комплекса при сопровождении лекций ИТО-2001 // <http://ito.edu.ru>.

среднем 21 час 38 минут в неделю²³⁴. В Великобритании люди от четырех лет и старше смотрят телевизор в среднем двадцать пять часов в неделю²³⁵.

Что касается нашей страны, то показатели здесь не менее впечатляющие. По словам генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерия Федорова, телевидение в России играет огромную роль, потому что мы нация домоседов. Он отметил, что телевидение сегодня у нас является продуктом ежедневного потребления и проиллюстрировал данное утверждение конкретными цифрами опросов общественного мнения: при ответе на вопрос «Как часто вы смотрите телевизор?» – мы видим, что 72% говорят, что смотрят каждый день. Один-два раза в неделю порядка 6%, еще реже порядка 4%, еще 14% говорят, что 3-4 из каждых 7 дней мы смотрим телевизор. Чем старше россиянин, тем активнее он смотрит телевизор. В самой старшей возрастной группе 60 лет и старше – 77% опрошенных каждый день смотрят телевидение. В самой молодой возрастной группе от 18 до 24 лет – 69%. Согласно данным другого социологического опроса, проведенным фондом «Общественное мнение», проведение времени у телевизора является основной формой досуга российских граждан – так ответило 28% респондентов.

Как отмечает Э. Гидденс, при продолжении современных тенденций просмотра телевидения к 18-ти годам среднестатистический ребенок, рожденный в наши дни, потратит на просмотр телепередач больше времени, чем на какое-либо другое занятие, не считая сна! В этой связи вполне очевидным представляется тот факт, что телевидение в настоящее время является основным каналом информационного влияния на общество и останется им в ближайшем будущем.

Значимость телевидения объясняется наибольшей информационной и технической доступностью (распространенностью телевизионных приемников). Телевидение, обладая особой силой наглядности, ведет к повышению

²³⁴ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М., 2004. С. 372.

²³⁵ См.: Гидденс Энтони. Социология / Пер. с англ. М., 2005. С. 397.

эмоциональных факторов восприятия, что повышает эффективность его влияния на формирование установок личности. Это качество телевидения создает предпосылки для большей убедительности, достоверности телевизионной информации. Большое значение имеет и эффект сиюминутности присутствия и сопричастности реципиента к информации, когда воспитание человека осуществляется на материалах живых социально-политических событий.

В настоящее время именно телевидение является тем источником информации, которое преимущественно определяет содержание мировоззрения людей, поскольку телевидение создает символический образ реальности, формирующий восприятие жизненного пространства индивидом. В прежние времена эту функцию выполняли мифология, фольклор и религия, превращавшие представления и ритуалы в формы символической социализации и контроля. Из телевизионных сюжетов и образов, сообщаемых идей складывается символический мир, который структурирует жизненные ценности, нормы и установки людей, обуславливает образ мышления, чувств и поведения масс.

Кино- и видеопродукция.

В соответствии с определением Большой Российской Энциклопедии кинематография (от греч. *kínema*, род. падеж *kinematos* – движение и графия от греч. *grapho* – пишу, черчу, рисую) – это комплекс технических средств и методов, обеспечивающих съемку и демонстрацию кинофильмов. Термин кинематограф впервые появился (и стал общепринятым) в его французском варианте – «синематограф», так назывался аппарат для съемки движущихся объектов и последующего проектирования полученных фотоснимков на экран, изобретенный Л.Люмьером в 1895 году. Также под кинематографом понимают зрелище (систему его организации), основанное на использовании киноаппаратуры.

Кинематограф расширил аудиторию потребителей актуальной информации, включив в нее тот контингент населения, который не

воспринимал эту информацию вследствие неграмотности. Это преимущество кино перед печатью приобрело особое значение в отсталых странах, где значительная часть жителей не умеют читать. По сравнению с радио, кино представляет собой более эффективное средство распространения информации, так как оно добавило к сообщениям, воспринимаемым на слух, зрительные образы, помогающие эти сообщения воспринимать эмоционально. Чем шире аудитория кинозрителей, тем значительнее для общества социальный эффект усвоения ими идейного и нравственного содержания кинофильмов.

Основными жанрами кино- и видеопродукции являются:

- боевик (англ. action movie, букв. фильм действия) – жанр киноискусства, в котором основное внимание уделяется дракам, боям, погоням и т. п.. Большинство боевиков иллюстрируют известный тезис «добро должно быть с кулаками». Экшен-фильмы часто обладают высоким бюджетом, изобилуют каскадерскими трюками и спецэффектами. Фильмы этого жанра зачастую не обладают сложным сюжетом. Главный герой обычно сталкивается со злом в самом очевидном его проявлении: коррупция, терроризм, убийство. Не находя иного выхода, главный герой решает прибегнуть к насилию. В результате уничтожению подвергаются десятки, а иногда и сотни злодеев. Хэппи-энд – неременный атрибут боевика, зло должно быть наказано;

- вестерн (англ. western) – жанр литературы и кино, возникший и развивающийся в США с конца XIX века. Действие вестернов происходит, как свидетельствует название, на Диком Западе (англ. west – запад) в конце XIX века. Сюжеты вестернов могут быть самыми разными, но объединяет их одно – так называемый «быстрый выстрел». Все, наверное, при упоминании этого слова могут вспомнить такую картину: пыльная улица, жара, пот стекает со лба..., на улицу выходят два человека со сверкающими пистолетами на бедрах... Добро сражается со злом;

- детектив (англ. detective, от лат. detego – раскрываю, разоблачаю) – преимущественно литературный и кинематографический жанр, произведения которого неизменно содержат иллюстрации преступных деяний, следующего за

ними расследования и определения виновных. Конфликт строится на столкновении справедливости с беззаконием, завершающемся победой справедливости;

- документальное кино (или неигровое кино) – жанр кинематографа. Документальным называется фильм, в основу которого легли съемки подлинных событий и лиц. Реконструкции подлинных событий не относятся к документальному кино. Первые документальные съемки были произведены еще при зарождении кинематографа. Темой для документальных фильмов чаще всего становятся интересные события, культурные явления, научные факты и гипотезы, а также знаменитые персоны и сообщества. Мастера этого вида кинотворчества нередко поднимались до серьезных философских обобщений в своих произведениях. В настоящее время документальное кино прочно вошло в киноискусство всего мира;

- драма – литературный и кинематографический жанр. Специфику жанра составляют сюжетность, конфликтность действия, обилие диалогов и монологов. Драмы изображают в основном частную жизнь человека и его острый конфликт с обществом. При этом акцент часто делается на общечеловеческих противоречиях, воплощенных в поведении и поступках конкретных персонажей;

- исторический фильм – фильмы этого жанра киноискусства реконструируют реально происходившие исторические события. Исторические фильмы обычно бывают высокобюджетными, с красивыми костюмами и декорациями, нередко с внушительными массовками;

- комедия – жанр драматургии и кино, характеризующийся юмористическим (сатирическим) подходом;

- мелодрама – жанр художественной литературы, театрального искусства и кинематографа, произведения которого раскрывают духовный и чувственный мир героев в особенно ярких эмоциональных ситуациях на основе контрастов: добро и зло, любовь и ненависть и т. п.;

- мистика – жанр кино, в котором присутствуют изображения

сверхестественных явлений и духовной практики, направленной на связь с потусторонним миром и сверхестественными силами;

- мыльная опера – один из жанров телевизионных сериалов. Отличается огромным количеством серий и транслируется нередко годами;
- приключения – занимательные сообщения о реальных или вымышленных происшествиях;
- трагикомедия – вид драмы, совмещающий признаки трагедии и комедии;
- триллер (от англ. thrill – трепет) – так называют фильмы, стремящиеся создать у зрителя ощущение напряженного переживания, волнения. Жанр не имеет четких границ. Часто к триллерам относят детективно-приключенческие фильмы, акцент в которых смещен на подготовку к какому-то уникальному преступлению. К триллерам также часто относят фильмы ужасов. Признанным мастером триллеров считается режиссер Альфред Хичкок;
- фильм ужасов (в просторечии ужастик; англ. horror film, horror movie) – жанр художественного фильма. К фильмам ужасов относят фильмы, которые призваны напугать зрителя, вселить чувство тревоги и страха, создать напряженную атмосферу ужаса или мучительного ожидания чего-либо ужасного – т. н. эффект «саспенс» (от англ. suspense – неопределенность);
- фантастика (от греч. phantastike – искусство вообразить) – разновидность художественной литературы; ее исходной идейно-эстетической установкой является диктат воображения над реальностью, порождающий картину «чудесного мира», противопоставленного обыденной действительности и привычным, бытовым представлениям о правдоподобии;
- эротика – искусство передачи сексуальных эмоций. Наиболее часто эротика выражается с помощью изобразительных искусств, литературы и песен. Поведение персонажей изображенных в эротическом произведении может быть связано как с искренним, почти божественным чувством любви, так и с обыкновенным сексуальным вожделением. В отличие от порнографии, эротика не акцентирует графические детали половых органов и полового акта.

В эротике часто присутствует элемент недосказанности, незаконченности сюжета – окончание изображаемой любовной прелюдии, ее детализация отдается на откуп воображению зрителя, читателя или слушателя.

По мере совершенствования технических способов распространения видеоизображения (спутниковые и кабельные телеканалы, носители CD, DVD и Blu-ray, сеть Интернет) изменяется и популярность кино.

Это подтверждают проведенные ВЦИОМ России изучения общественного мнения, касающиеся предпочтений жителей страны в посещении кинотеатра, популярности видеопродукции, представленной посредством телевидения и видеоносителей. Результаты исследования следующие (опрос касался 1600 человек в возрасте от 18 до 59 лет):

1. На вопрос «Ходите ли Вы в кинотеатры, и если да, то как часто?» 5% респондентов ответили, что посещают кинотеатр несколько раз в месяц, 18% – несколько раз в год, 5% – один раз в год, 54% – практически не посещают, 12% опрошенных признались, что никогда не были в кинотеатре и 2% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

2. При ответе на вопрос «Как по Вашему, Вы сейчас ходите в кинотеатр столько же, чаще или реже, чем 5-10 лет назад?» 4% пояснили, что посещают кинотеатр значительно чаще, 6% – несколько чаще, 11% – так же, как и раньше, 8% – несколько реже, 16% – значительно реже, 43% – вообще перестали ходить, 8% признались, что никогда не были в кинотеатре, 5% опрошенных затруднились ответить.

3. Отвечая на вопрос «Если Вы не посещаете кинотеатры или посещаете их очень редко, то почему?» 4% опрошенных сослались на отсутствие интереса к кино вообще, 5% ответили, что не показывают кино, которое им интересно, 19% – не ходят в кинотеатры, так как смотрят интересные фильмы посредством телевидения, 9% – предпочитают просмотр фильмов на видеоносителях дома, 23% респондентов сослались на отсутствие свободного времени, 20% – на дороговизну билетов, 7% объяснили снижение интереса к походам в кинотеатр отсутствием в городе хороших кинотеатров, 26% – по причине отсутствия

кинотеатра по месту их проживания, 7% – определили для себя другую причину, 4% – затруднились ответить и 1% опрошенных людей никак не ответили на вопрос.

Таким образом, снижение общего интереса к просмотру кинофильмов посредством кинотеатра очевидно. На наш взгляд, это обусловлено общедоступностью телевидения, ценовой привлекательностью видеопродукции на электронных носителях (зачастую контрафактной) и, конечно, стремительно развивающейся популярности всемирной сети Интернет.

Сеть Интернет.

За последние десятилетия научно-техническая революция более всего затронула информационно-телекоммуникационную сферу, вызвав стремительное развитие и широкое распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Произошел переход от индустриальной фазы развития общества к постиндустриальной, характеризующейся ростом предоставления и потребления услуг, в том числе информационно-коммуникационных, а также все более возрастающей ролью информационной сферы.

С начала 1990-х гг. был дан старт объединению персональных компьютеров в локальные и международные сети, что в дальнейшем привело к созданию глобальной информационной сети Интернет. Число ее пользователей растет революционными темпами: в самом начале 90-х годов оно не превышало 70 тысяч человек, в 1993 году в мире пользователями Интернет являлись уже 10 миллионов человек, а в 2006 году этот показатель превысил 1 миллиард. По прогнозам, уже к 2016 году количество пользователей глобальной сети достигнет 3 млрд человек²³⁶. В сети размещено несколько миллиардов сайтов и изображений, а объем передаваемых через Интернет данных удваивается ежеквартально.

Очевидно, что компьютерная сеть Интернет представляет собой, если взять всю историю цивилизации, самое быстро растущее средство

²³⁶ См.: <http://rocid.ru/news/1810-bcg-forecast>.

коммуникации из всех, которые когда-либо существовали. Сегодня пользователи, имеющие высокоскоростной доступ к Сети, могут смотреть на экранах своих компьютеров эфирные телепередачи практически всех основных каналов. Происходит сращивание телевидения с Интернетом, увеличивается охват населения новыми технологиями, возможности которых расширяются, и влияние которых в XXI веке продолжает увеличиваться.

Уникальные возможности, которые предоставляет Интернет, максимально информативные; оперативность передачи информации, оперативное реагирование на изменение конъюнктуры и новые тенденции, доступность и относительная дешевизна получения информации, и всеобщность информационного ресурса - эти преимущества все активнее используются сегодня и в России.

Вместо того, чтобы ждать, когда же начнут транслировать ту или иную передачу, пользователь ЭВМ запрашивает подборку информации по интересующим темам из сетевой базы данных, дополняемой и корректируемой 24 часа в сутки. Например, можно провести поиск фильмов, телепередач по какой-то одной тематике, с участием какого-либо артиста, телеведущего, дав компьютеру задание «найти то, не знаю что», указав лишь приблизительное описание сюжета и воспользовавшись ассоциативным поиском при помощи все той же системы искусственного интеллекта. В итоге, отпадет потребность в телепрограммах на неделю. Благодаря глобальной сети Интернет каждому зрителю планеты в любой момент доступен любой фильм, включенный в базу данных Сети, если же фильм на незнакомом языке, компьютерные программы обеспечат синхронный перевод в титровой или голосовой форме.

Появление сети Интернет и возможности неограниченных коммуникаций в масштабах земного шара по значимости не уступает другим революционным этапам в развитии коммуникаций, таким, как изобретение печати, появление телеграфной связи, радио и телевидения. Эти великие открытия оказывали влияние на всю сферу человеческих коммуникаций и видоизменяли процессы коммуникации в глобальном масштабе. Прежде всего, "сетевой" человек

самостоятелен, "неизбежно оригинален" в своем поведении в сети Интернет. Если для телезрителя подобная оригинальность ограничена набором доступных телеканалов, для читателя печатных изданий – перечнем известных изданий, для радиослушателя – кругом улавливаемых приемником радиостанций, то для сетевого потребителя информации подобные ограничения не существуют. Кроме того, пользователь в Сети менее подвержен манипуляции с одной стороны и гораздо сильнее влияет на источник информации в Интернет с другой стороны. Иными словами, компьютерная сеть Интернет гораздо более гибкая в реакции на изменение вкусов и предпочтений аудитории, чем другие виды коммуникации, и в то же время, гораздо более зависима от аудитории и дорожит ее вниманием, потому как любые попытки обмана могут привести к оттоку посетителей, а значит, к краху конкретного интернет-проекта.

Глобальная сеть Интернет прочно вошла в жизнь современного общества, превратившись из средства связи между компьютерами во всемирную коммуникационную среду. На сегодняшний день Интернет предоставляет рядовому пользователю широчайшие возможности коммуникации, получения и передачи информации практически любого типа. Этому способствует как усовершенствование технологий передачи информации между удаленными компьютерами и другими электронными устройствами, так и развитие служб Интернета, и в первую очередь – World Wide Web (именно эту службу зачастую подразумевают, говоря об Интернете). По мере того, как получал все большее распространение широкополосный доступ к Интернету, доля мультимедийной информации, размещаемой в Сети, возрастала. Развитие технологий беспроводного доступа в Интернет (как через сети сотовой связи, так и через сети Wi-Fi и WiMAX) обеспечило пользователям возможность еще более оперативной публикации, даже в отсутствие настольного компьютера. В свою очередь, развитие веб-технологий привело к появлению динамически обновляемых веб-сайтов, что подготовило почву для развития веб-сервисов, основная часть контента которых размещается не администрацией сайта, а рядовыми пользователями.

В современном обществе все большее место начинает занимать общение, опосредствованное различными интернет-ресурсами. Примером такого ресурса могут служить блоги или онлайн-дневники, которые представляют собой индивидуальные веб-страницы пользователей, заполняемые различным содержанием (дневниковыми записями, фотографиями, музыкой, видеороликами, ссылками на другие ресурсы и т. д.). В отличие от обычного дневника, блог чаще всего является доступным для остальных пользователей, что открывает уникальные возможности для взаимодействия, обмена комментариями и установления отношений с другими блоггерами (людьми, ведущими блог). Таким образом, отдельные блоги складываются в огромные социальные сети, в общей сложности охватывающие тысячи пользователей из самых разных уголков нашей планеты.

Рассмотрим основные виды социальных сетей Рунета и зарубежных интернет-ресурсов.

1. Социальные сети Рунета:

ВКонтакте – современный молодежный интернет-мессенджер для быстрого и удобного общения, а также поиска людей по всему миру. Наиболее популярен в России и странах ближнего зарубежья. Первоначально задумывался, как сайт поиска сокурсников и одноклассников, однако с момента первого запуска потерпел множество изменений, и был упрощен. Одна из возможностей ресурса – смотреть видео и слушать музыку онлайн;

Одноклассники – сайт создан для помощи людям в поиске своих бывших одноклассников, сокурсников, старых друзей, с целью дать им возможность поддерживать связи между собой, несмотря на разные города и страны проживания;

Мой мир – одна из популярных альтернативных социальных сетей. Отличительная черта сайта – возможность бесплатно дарить друг другу виртуальные подарки;

Мой круг – социальная сеть для профессионалов (поиска работы, трудовых кадров). Первая в Рунете социальная сеть, созданная в 2005 г. группой

недавних выпускников МФТИ, МГУ и Российской экономической школы. Первоначально ресурс был задуман как сайт для поиска одноклассников, однокурсников, позже был перепрофилирован;

Rambler Планета – социальная сеть на www.rambler.ru. Содержит множество видео- и аудиоматериалов;

RuSpace – российская социальная сеть, аналог всемирно популярной американской социальной сети MySpace;

Gosu – игровая социальная сеть;

GameSpot – социальная сеть любителей компьютерных игр;

Паутина профессиональных знакомств (Webby) – предоставляет возможность своим пользователям опубликовать свою визитку-презентацию и наладить деловые контакты;

FiXX.RU – российская социальная фотосеть;

TooDoo – как пишут авторы сайта, «этот сайт – социальная сеть «сайтофанатов», призванная объединить Рунет и позволить каждому обмениваться мнением со своими друзьями по поводу любимых (или нелюбимых) сайтов, находить новые интересные странички, узнать «в лицо» тех, кто читает те же сайты, заводить новые знакомства с интересными людьми – например с авторами любимых сайтов»;

Spaces.ru – российская сеть для мобильных телефонов;

2. Зарубежные социальные сети:

Facebook – год основания – 2004. Самая популярная социальная сеть в мире;

Classmates – год основания – 1995. Одна из крупнейших социальных сетей в мире, объединяющая людей, желающих найти и поддерживать связь с теми, с кем учился, работал или служил в армии. К услугам его членов возможность выкладывать фотографии, биографии, участвовать в обсуждениях новостей в лентах своего сообщества. Classmates.com считается первой социальной сетью Интернета;

MySpace – год основания – 2003. «Онлайн-сообщество для общения с

друзьями ваших друзей» – так определяют назначение этой социальной сети разработчики. Участники сети могут создавать собственные сообщества по интересам, вести блоги, размещать фото, музыку и видео материалы;

LinkedIn – год основания – 2003. Пользователи располагают инструментами для создания собственного профессионального портфолио, поиска партнеров и клиентов, расширения круга профессионального общения;

Friendster – год основания – 2002. Одна из старейших онлайн-социальных сетей, обеспечивающих поиск тех, «кто вам интересен» и построение социальной сети.

Таким образом, социальные сети представляют собой новое явление в мировом сообществе, не только в сетевом пространстве, но и в целом - в существовании человечества XXI века. На их развитие и перспективу влияют многие составляющие: возможность самореализации большого количества людей, участия их в жизни современного общества, создания ими новостей, а также, возможно, уникальных произведений литературного, изобразительного, аудиовизуального и других видов творчества.

Компьютерные и видеоигры.

В последние десятилетия с ростом компьютеризации возник и развивается новый вид игр – компьютерные и видео игры, которые получили широкое распространение. Миллионы людей разных возрастов в разных странах увлечены этим видом игровой активности, а производство новых игр превратилось в настоящую индустрию. Основным отличием этих игр является техническое устройство, на котором осуществляется игра. И если для компьютерных игр таким устройством является персональный компьютер, то устройством для видеоигр является игровая приставка.

Компьютерные и видеоигры могут быть классифицированы по следующим признакам:

- игра может быть однопользовательской (рассчитанной на игру одного человека) или многопользовательской (рассчитанной на одновременную игру нескольких человек);

- играть могут с одного компьютера или на одной игровой приставке через компьютерную сеть Интернет, через электронную почту или из нескольких точек доступа (массово);

- управление игрой осуществляется посредством различных проводных и беспроводных устройств (клавиатуры, мыши, джойстика, руля, пистолета и т.д.). Особый интерес современных пользователей вызывает так называемый игровой «контроллер без контроллера» Kinect, который позволяет игроку или игрокам взаимодействовать с компьютерной или видеоигрой без помощи традиционного игрового контроллера через устные команды позы тела и показываемые объекты или рисунки;

- игра может принадлежать как одному, так и нескольким жанрам, а в некоторых случаях – открывать новый жанр или быть вне всяких жанров в принципе;

- игра может использовать как графические средства оформления, так и, напротив, состоять из текста;

- игра может быть двухмерной или трехмерной;

Сначала в компьютерные и видеоигры можно было играть один на один с компьютером или игровой приставкой, но с развитием сетевых технологий и появлением всемирной сети Интернет все больший интерес стали вызывать многопользовательские игры. Игра в Сети позволяет собирать как небольшие команды, так и сотни, и даже тысячи игроков в одном игровом пространстве.

Рассмотрим основные жанры современных компьютерных и видеоигр²³⁷:

логические игры – относят к классике компьютерных и видеоигр. К ним причисляют карточные игры, игры со словами и настольные игры: шахматы, шашки, нарды, крестики-нолики, разнообразные пасьянсы;

экшен-игры – особо динамичные компьютерные и видеоигры, где сюжетная линия развивается очень быстро. Действия героев в этом случае могут быть самыми разнообразными – боевые действия с применением оружия,

²³⁷ См.: Кропалева Е. Во что играем? // Дети в информационном обществе. М., № 2, 2009. С. 16–17.

рукопашный бой, погони на различных видах транспорта;

аркады – игры, в которых главным героем является маленький человечек, который по сюжету игры выполняет определенные движения (бегает, прыгает, приседает и т.д.). В ходе игры герой должен преодолеть множество хитрых препятствий, капканов, избежать столкновения с невероятным количеством врагов. Цели такой игры также очень разнообразны: от спасения прекрасной принцессы до освобождения целых городов;

квесты – компьютерные и видеоигры, в которых игрок должен разгадать большое количество разных головоломок и шарад. Они чаще всего имеют линейный сюжет. В ходе игры герой общается с другими персонажами и использует различные предметы, в результате этого он может достичь заданной цели;

стратегии – позволяют развивать логическое мышление и расчетливость. Они имитируют жизнь государства, городов или небольших поселений. В ходе игры необходимо строить города, заводы, добывать полезные ископаемые, ресурсы и еду. Создание армии и повышение уровня ее боеспособности позволит завоевать новые территории и победить врагов. Данный жанр компьютерных и видеоигр может выступать в роли симулятора определенных исторических событий, крупных сражений и битв. Все действия в этом случае соответствуют настоящим и составлены на основе подлинных документов;

симуляторы – представляют собой различные гонки и приключения на автомобилях, мотоциклах, самолетах, вертолетах, кораблях, подводных лодках и танках. Управление транспортными средствами приближено к натуральному;

спортивные игры – компьютерные и видеоигры, в ходе которых можно поучаствовать в состязаниях по футболу, баскетболу, шахматам, бильярду и другим видам спорта;

ролевые игры – по своей сути напоминают квесты, но в отличие от них здесь особое внимание уделяется развитию героя, росту его умений и способностей. Действия таких компьютерных и видеоигр происходят в фантастических мирах с большим количеством интересных персонажей, а

сюжетная линия может развиваться в различных направлениях и, как правило, зависит от действий игрока. Данный сюжет может сочетать в себе элементы экшен-игры и стратегий.

Как видим, многообразие видов масс-медиа и их внедрение во все сферы и институты современного общества делает их достаточно могущественным инструментом, который может существенно влиять на вектор общественного мнения и предопределять развитие экономической, социальной, политической, духовно-нравственной и иной ситуации в регионе, стране и даже в мире.

Информационная зависимость от масс-медиа постоянно растет и рост этот уже невозможно остановить. В такой ситуации необходимо принять все возможные меры организационного, правового, социального, нравственно-идеологического, культурно-воспитательного и другого характера, которые создали бы все условия для сдерживания и ограничения негативного влияния масс-медиа на общество. Очень важно, чтобы каждый человек научился и был способен реально воспринимать, объективно анализировать и самостоятельно оценивать медиа-продукт. Институты масс-медиа необходимы людям, но они всецело должны служить здоровым интересам общества.

3. Влияние масс-медиа на криминализацию общества

Масс-медиа в современном мире представляют собой один из наиболее влиятельных социальных институтов по силе их воздействия на повседневную жизнедеятельность людей. В условиях развития информационного общества, характеризующегося повышением значимости процессов производства, распространения и потребления информации, современная медийная продукция становится доминирующим источником информирования людей о событиях окружающего мира и все более уверенно исполняют роль агентов социализации. Социальное воздействие масс-медиа носит весьма разносторонний и неоднозначный характер и изучается в теории массовых коммуникаций в контексте «эффектов массовой коммуникации». При этом большинство исследователей масс-медиа говорят об амбивалентном характере

ее влияния на общество.

О роли масс-медиа в жизни общества, их возможном влиянии на преступное поведение говорили многие, начиная с Ч. Ломброзо. Например, М.Н. Гернет отмечал отрицательное влияние газетных хроник о преступлениях, А.А. Жижиленко, указывая на свойственное людям стремление к подражанию, выделял среди факторов преступности и медийную продукцию. Масс-медиа в качестве фактора, ослабляющего социальный контроль над преступностью, усиливающего восприимчивость населения к моделям преступного поведения рассматривали Э. Ферри, Э. Сазерленд, У. Реллекс и другие.

Влияние масс-медиа на сознание человека не связано непосредственно со степенью доверия к получаемой информации. Определенное воздействие оказывает даже активно отвергаемая информация (она воспринимается, оценивается, запоминается). Медийная продукция оказывает значительное влияние на формирование и распространение общественного мнения, является своего рода массовым «проводником» идеологии, мировоззрения, социальных ценностей, способна в известной степени «создавать» действительность.

Проблема негативного влияния масс-медиа обусловлена прежде всего ее содержательным наполнением (контентом). Исторический опыт показывает, что характерная для капиталистических стран тенденция коммерциализации масс-медиа приводит к ставке на отбор контента по критерию его продаваемости, что способствует насыщению их негативной информацией, привлекающей внимание аудитории.

Роль масс-медиа в механизме детерминации противоправного поведения человека носит весьма сложный и неоднозначный характер, а, следовательно, не может описываться упрощенной бихевиористской схемой «стимул–реакция». Человек как потребитель продукции масс-медиа является активным субъектом, обладающим индивидуальностью как в плане психологических особенностей восприятия и мышления, так и в плане личностных ценностных ориентаций. Поэтому содержание и характер влияния одного и того же медиаконтента на разных людей может заметно отличаться. Кроме того,

необходимо всегда принимать во внимание характер ситуации, в которой происходит восприятие информации, также способной вносить существенные коррективы в эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции человека. Вполне очевидно, что, например, просмотр сцен агрессивного поведения в кругу семьи в домашних условиях, и в толпе футбольных болельщиков во время матча на стадионе может иметь совершенно различное воздействие.

При определении конкретного содержания медийной продукции (например, сцены насилия) в качестве деструктивного необходимо уделять внимание контексту его воспроизведения в масс-медиа, который также может как усиливать его негативное влияние, так и снижать его, вплоть до нейтрализации. К его составляющим можно отнести такие факторы, как: степень натуралистичности описания (изображения); характер персонажа, совершающего определенные действия; описание последствий совершения определенных действий; морально-ценностная оценка поведения персонажа и т.п. Поясним сказанное на двух конкретных контрастирующих примерах. Описание жестокого убийства двух женщин Родином Раскольниковым в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» сопровождается последующим подробным описанием душевных мук и страданий, которые испытывает убийца, осмысливая содеянное. В противоположность этому во многих же современных американских боевиках главные герои уничтожают своих противников или просто «попавших под руку» людей без особых раздумий и душевных переживаний. Вполне очевидно, что воздействие на потребителя указанных образцов информационной продукции, содержащих один и тот же тип контента (сцены насилия), будет значительно отличаться.

Формулировка понятия «насилие на экране» в российской науке принадлежит К.А.Тарасову: оно трактуется исследователем как аудиовизуальное изображение разновидности «социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее

своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб»²³⁸.

Рассмотрим содержание представителей наиболее популярных и доступных видов медийной продукции: телевидения, компьютерных и видео игр.

Составляющую современного российского телевидения охарактеризуем посредством контент-анализа телевизионной программы трех российских телеканалов («Первый канал», телеканал «Россия» и телеканал «НТВ») в один будний (четверг, 7 июня 2012 г.) и в один выходной день (воскресенье, 10 июня 2012 г.). Даты выбраны произвольно, данные о телепрограмме взяты из журнала «Семь дней» № 22 за 2012 г.

Результаты контент-анализа телеэфира, представленные в таблице 1 (будний день), выглядят следующим образом²³⁹:

а) «Первый канал». Подавляющий объем эфирного времени (11 часов – 45,8%) отводится телепередачам, транслируемым в основном в дневное и вечернее время. Среди них значительное место отводится развлекательным передачам («Модный приговор», «Смак», «Хочу знать», «Между нами девочками», «Давай поженимся», «Пусть говорят», «Вечерний Ургант», «На ночь глядя»), далее идут передачи социальной направленности («Контрольная закупка», «Понять. Простить», «Жди меня») и замыкает список телепередача юридической тематики «Человек и закон».

Далее по количеству отведенного времени в телеэфире следуют сериалы – 4 часа 15 минут (17,7%), которые транслируются преимущественно в дневное время и состоят из трех сериалов отечественного производства и одного иностранного.

Следующими идут новостные блоки, которым отводится 2 часа 50 минут (11,8%), включая так называемые «Другие новости» неполитического характера (25 минут).

²³⁸ См.: Тарасов К.А. «Агрессивная кинодиета» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 69.

²³⁹ Анализ содержания утреннего эфира не проводился.

И последним по длительности является иностранный художественный фильм (производство США, жанр – триллер), которому отведено 120 минут (8,3%) в ночное время.

Какие-либо научно-познавательные, образовательные, а также детские, молодежные телепередачи и мультипликационные фильмы для детей в сетке вещания «Первого канала» в рассматриваемый день отсутствуют.

б) Телеканал «Россия». На данном телеканале в эфирном времени преобладают сериалы – им отводится 7 часов (29,2%), большинство из которых (5 из 6) отечественного производства, транслируемые в течение всего дня. Только один сериал производства США транслируется в ночное время.

На втором месте по количеству эфирного времени находятся телепередачи (6 часов 35 минут – 27,4%), представленные ток-шоу («С новым Домом!», «О самом главном», «Люблю, не могу!», «Прямой эфир», «Поединок», «Профилактика») и одной передачей для детей («Спокойной ночи, малыши!»).

Следующими представлены блоки новостей (6 часов 40 минут – 19,4%), включая «Вести. Дежурная часть» (40 минут).

На последнем месте находится один иностранный художественный фильм (производства США) жанра комедия ужасов, которому отведено 1 час 45 минут – 7,3%.

Научно-познавательные, образовательные и молодежные передачи в телеэфире телеканала «Россия» не заявлены.

в) Телеканал «НТВ». На данном телеканале лидером также выступают телесериалы отечественного производства, занимающие в совокупности 11 часов 45 минут (48,9%) эфирного времени (самый высокий показатель среди трех телеканалов). Их трансляция осуществляется в течение всех суток.

На втором месте телепередачи (5 часов 15 минут – 21,8%), среди которых доминируют развлекательные передачи псевдо юридической направленности («До суда», «Суд присяжных», «Прокурорская проверка»).

На третьем месте новостные блоки (3 часа 30 минут – 14,7%), включая

новостную программу криминальной хроники «Обзор. Чрезвычайное происшествие» (1 час 30 минут).

Замыкает список один документальный фильм продолжительностью 55 минут (3,8%%) исторической тематики (производства России), транслируемый в ночное время.

Художественные и мультипликационные фильмы в эфире телеканала «НТВ» отсутствуют. Как и для двух других телеканалов, характерно отсутствие научно-познавательных, образовательных передач, передач для детей и молодежи (за исключением телепередачи «Спокойной ночи, малыши», транслируемой на телеканале «Россия»).

Таблица 1

Типы телепродукции	Наименование телеканала								
	1 телеканал			Телеканал «Россия»			Телеканал НТВ		
	Кол-во	Время	% от эфирного времени	Кол-во	Время	% от эфирного времени	Кол-во	Время	% от эфирного времени
Утренний информационно-развлекательный блок	1	235 мин.	16,3	1	240 мин.	16,7	1	155 мин.	10,8
Новостные блоки	9	170 мин.	11,8	12	280 мин.	19,4	8	210 мин.	14,7
Телепередачи	14	660 мин.	45,8	7	395 мин.	27,4	6	315 мин.	21,8
Сериалы	4	255 мин.	17,8	6	420 мин.	29,2	7	705 мин.	48,9
Художественные фильмы	1	120 мин.	8,3	1	105 мин.	7,3	0	0 мин.	0
Документальные фильмы	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0	1	55 мин.	3,8
Мультфильмы	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0
	Общее время: 1440 мин. (24 часа)			Общее время: 1440 мин. (24 часа)			Общее время: 1440 мин. (24 часа)		

Результаты контент-анализа телеэфира тех же телеканалов в выходной день (воскресенье) представлены в таблице 2. Как видно, содержание телеэфира несколько меняется.

а) На «Первом канале» первенство переходит от телепередач к художественным фильмам (13 часов 15 минут – 55,2%), из которых 3 фильма

отечественного производства и 3 иностранного.

Среди телепередач, вторых по количеству эфирного времени (4 часа 50 минут – 31,7%), доминируют передачи развлекательной тематики («Играй гармонь, любимая», «Смак», «Кто хочет стать миллионером?», «Прожекторперисхилтон», «Хочу знать»), хотя и присутствует одна передача нравственно-пропагандистской направленности («Слово пастыря»).

Мультипликационный блок для детей представлен 40 минутами эфирного времени (2,8 %).

Немногим схожа картина на телеканале «Россия». Содержательно изменяется по сравнению с будним днем номенклатура телепрограмм (9 часов 5 минут – 38,6%), среди которых большая часть времени отведена развлекательным передачам («Сам себе режиссер», Смехопанорама Евгения Петросяна», «Утренняя почта», «Сто к одному» и т.д.). Среди художественных фильмов (6 часов 15 минут – 26,5%) здесь представлена преимущественно отечественная продукция (2 из 3).

Некоторые изменения происходят и в телеэфире телеканала «НТВ». Здесь преобладают телепередачи (8 часов 15 минут – 34,7%), среди которых имеются передачи развлекательного характера и социальной направленности («Лотерея «Русское лото», «Академия красоты с Ляйсан Утяшевой», «Готовим с Алексеем Зиминим», «Главная дорога», «Квартирный вопрос», «Своя игра» и др.), передачи-расследования и скандальной социальной хроники («И снова здравствуйте!», «Чистосердечное признание», «Тайный шоу-бизнес»).

Отличительной чертой телеканала «НТВ» от первых двух телеканалов является весомое присутствие сериалов в телеэфире выходного дня (7 часов 10 минут – 30,2%).

Таблица 2

Типы телепродукции	Наименование телеканала								
	1 телеканал			Телеканал «Россия»			Телеканал НТВ		
	Кол-во	Время	% от эфирного времени	Кол-во	Время	% от эфирного времени	Кол-во	Время	% от эфирного времени
Утренний информационно-	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0

развлекательный блок									
Новостные блоки	5	80 мин.	5,5	5	145 мин.	10,2	6	185 мин.	13,2
Телепередачи	7	290 мин.	20,2	10	545 мин.	38,6	9	495 мин.	34,7
Сериалы	0	0 мин.	0	1	225 мин.	15,9	4	430 мин.	30,2
Художественные фильмы	6	795 мин.	55,2	3	375 мин.	26,5	2	250 мин.	17,7
Документальные фильмы	2	110 мин.	7,6	0	0 мин.	0	1	60 мин.	4,2
Мультфильмы	2	40 мин.	2,8	0	0 мин.	0	0	0 мин.	0
Спортивные трансляции	1	125 мин.	8,7	1	125 мин.	8,8	0	0 мин.	0
	Общее время: 1440 мин. (24 часа)			Общее время: 1415 мин. (23 часа 35 мин.)			Общее время: 1420 мин. (23 часа 40 мин.)		

Результаты проведенного анализа демонстрируют нам, что основная часть телеэфира трех основных российских телеканалов отводится телепередачам, сериалам и художественным фильмам. Причем среди телепередач подавляющее большинство – это передачи развлекательного характера и передачи социальной направленности («передачи для домохозяек»). Телеканал «НТВ» отличается наличием передач скандальной социальной хроники.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие научно-познавательных, просветительских и образовательных передач, передач для молодежи и подростков, а также минимальное количество передач социально-политической направленности и передач для детей.

Еще одной важной характеристикой телеэфира является то, что значительное количество транслируемых художественных фильмов иностранного производства – это продукция США. Что касается отечественных сериалов, то большинство из них посвящены криминальным сюжетам («Побег», «Тайны следствия», «Новая жизнь сыщика Гурова. Продолжение», «Глухарь», «Литейный», «Паутина», «Лесник») и любовно-жизненной тематике («Женский доктор», «Девичья охота», «Ефросинья. Таежная любовь», «Кровинушка»,

«Сваты», «Моя большая семья»). Документальное кино представлено в малом объеме фильмами исторической, биографической и социально-политической тематики.

Отсутствие передач для молодежи на ведущих российских телеканалах восполняется популярными в молодежной среде передачами юмористического характера на других телеканалах («Наша Раша», «Комеди-Клуб», «Хорошие шутки»), реалити-шоу («Дом-2»), а также развлекательными передачами телеканалов «Муз-ТВ» и «MTV», все внимание которых сосредоточено на шоу-бизнесе. Есть еще молодежный канал «2Х2», на котором транслируются «продвинутые» мультфильмы для подросткового контингента. Правда, к сожалению, культурная и образовательная составляющие в содержании большинства из них отсутствуют.

Создается впечатление, что современный телеэфир представляет собой не что иное, как источник девальвации духовных ценностей. Например, такие передачи как «Дом-2», «Каникулы в Мексике» несут в своей основе идеологию социал-дарвинизма с лозунгом «выживает сильнейший», способствуя нейтрализации традиционных для России и, особенно, советской эпохи ценностей сострадания, взаимопомощи и взаимной поддержки. Откровенная пошлость и цинизм, наносящие колоссальный ущерб нравственности, несут некоторые юмористические передачи («Комеди Клуб», «Наша Раша», «Ты смешной», «Голые и смешные», «Стыдно, когда видно»), реалити-шоу «Дом-2», современные художественные фильмы и сериалы иностранного и отечественного производства, особенно комедийного жанра.

Девальвация таких социальных ценностей, как семья и любовь, проводится посредством показа тех же скандальных передач, передач с привлечением «частных детективов» и использованием «скрытой видеосъемки», ток-шоу со специально подобранным кругом приглашенных гостей и экспертов, художественных фильмов соответствующего содержания. Одни передачи формируют представление о неизбежности и повсеместной распространенности супружеской неверности, разводов и «свободных»

половых отношений, а вторые легитимируют данные социальные отклонения мнением «психологов», иных «экспертов», «звезд» шоу-бизнеса. Общечеловеческая норма в семейных отношениях (крепкая семья, наличие детей и забота о них) подвергается острой критике, представляется ущербной, не соответствующей потребностям времени.

Отметим, что в современном отечественном телеэфире широко пропагандируются образцы массовой культуры, основанные на культе насилия. Сюда следует отнести телепередачи на криминальные темы («Криминальная Россия», «Следствие вели», «Приговоренные пожизненно», «Очная ставка», «Вне закона»), телесериалы аналогичной тематики («Карпов», «Глухарь», «Пятницкий», «Улицы разбитых фонарей», «Тайны следствия», «Закон и порядок»), художественные фильмы с патологическими проявлениями насилия («Пила», «Груз 200», «Хостел»). Информированию обывателей о шокирующих общественных событиях отводится место и в передачах скандальной социальной хроники («Ты не поверишь!», «И снова здравствуйте», «Говорим и показываем», «Русские сенсации», «Бывает же такое!»).

Как это не покажется парадоксальным, свою лепту вносят и новостные блоки, в которых сообщениям о «резонансных» преступлениях и происшествиях придается центральное значение. Причем освещение таких событий не сводится к простому информационному сообщению, а включает в себя подробные репортажи с места событий, эмоциональные комментарии участников и очевидцев происшествия, демонстрирование (при наличии) соответствующих видеозаписей происшествия либо ярких видеосюжетов с места его происхождения с показом трупов, раненых, крови, обломков техники и т.п. Хотя такое освещение событий и не преследует цели создания культа насилия, но косвенно способствует этому. Актуальный пример: по миру идет волна информационных сообщений о беспочвенных массовых убийствах с применением огнестрельного оружия. Представляется, что помимо культивирования насилия на телевидении, компьютерных играх и кино, важную роль в причинной детерминации данных поступков играет и характер

их освещения телевидением, который можно назвать «смакованием», создающий некий героический ареол вокруг таких «стрелков», хоть и с отрицательным оттенком. Неудивительно, что у них находятся подражатели по всему миру.

Таким образом, для российского телевидения характерны следующие черты:

доминирование продукции развлекательного характера, которая способствует актуализации потребности в развлечении (зрелищах) в структуре мотивации личности;

крайне низкий уровень содержания адаптивно значимой информации;

широкое освещение негативных проявлений социальной жизни: насилия, алкоголизма, наркомании, супружеской измены и т.д.;

минимальное освещение и обсуждение основных социально-политических и международных проблем за рамками новостных блоков;

забвение воспитательной функции телевидения, включая пропаганду позитивных, общественно-значимых ценностей;

широкое распространение пошлости, цинизма в телепродукции, транслируемой в общедоступное время, присутствие в ней нецензурной брани;

низкий уровень образовательной и научно-просветительской функций телевидения;

агитация (пропаганда) девиантного поведения, включая сексуальные извращения;

игнорирование подростковой среды как целевой аудитории (передачи для молодежи, за исключением развлекательных, практически отсутствуют);

распространение образцов массовой культуры, основанных на культе насилия.

Справедливости ради следует заметить, что многие из выявленных негативных характеристик частично компенсируются наличием специализированных телевизионных каналов: «Культура», «Спорт 1», «Карусель», «Россия 24», «МУЗ-ТВ» и других. Однако, на наш взгляд, такая

компенсация носит неравнозначный характер.

Следующим видом медийной продукции, подлежащему рассмотрению (учитывая его популярность и общедоступность) является компьютерные и видеоигры. О популярности данной медиапродукции свидетельствует статистика «Steam» – сервиса цифровой дистрибуции ведущих разработчиков компьютерных и видеоигр, согласно которой только в течение 2011 года пользователи зарегистрировали более 14,5 млн. копий игр с поддержкой «Steamworks» (набора инструментов для разработчиков, позволяющего использовать в играх автообновление, сбор игровой статистики, обеспечение мультиплеерных игр голосовым чатом и т.п.)²⁴⁰, что на 67% больше, чем было годом ранее.

Каковы предпочтения российских пользователей рассматриваемой медийной продукции? Для ответа на этот вопрос проанализируем содержание пяти популярных компьютерных и видеоигр, размещенный на российском веб-сайте GameGuru.

Так, по состоянию на октябрь 2012 года пятерка популярных продуктов игровой индустрии в России выглядит следующим образом²⁴¹:

1-е место – «The Sims». Компьютерная игра, стратегия и симулятор, разработанная игровым дизайнером У. Райтом и компанией Maxis и изданная компанией Electronic Arts. Игра вышла в феврале 2000 года. С тех пор было продано 6,3 миллионов копий игры по всему миру, что позволило назвать ее самой продаваемой PC-игрой в истории. «The Sims» иногда определяются как «симулятор Бога»: игрок может создавать виртуальных людей и контролировать их жизнь. Смысл игры заключается в управлении семьей, которая может состоять максимум из восьми человек (симов). Семью можно создать самостоятельно или выбрать из предложенного списка. Все события игры влияют на путь становления личности. Десятки особенностей характера (смелость, артистизм, неуживчивость, неуклюжесть и даже kleptomания с

²⁴⁰ См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Steamworks#Steamworks>.

²⁴¹ См.: <http://gameguru.ru/>.

паранойей) формируют одну из 700 миллионов комбинаций личности²⁴².

2-е место – «Grand Theft Auto: San Andreas». Серия мультиплатформенных компьютерных игр, созданных и разрабатываемых главным образом шотландской компанией-разработчиком Rockstar North. Изданием игр занимается компания Rockstar Games. Первая игра серии вышла в 1997 году. В этих играх игрок должен почувствовать себя в роли преступника, выполняя такие задания и миссии как заказные убийства, ограбление банка и другие. Серия насчитывает более десяти, которые в разное время были хитами продаж, получили множество положительных отзывов и звание лучших игр года по мнению различных изданий. К весне 2013 года продажи игр серии «Grand Theft Auto» по всему миру превысили 150 млн. экземпляров²⁴³.

3-е место – «S.T.A.L.K.E.R.». Сюжет этой популярной игры повествует о молодом герое, который потерял память и теперь вынужден путешествовать по зараженной зоне вокруг Чернобыльской АЭС. «S.T.A.L.K.E.R.» – бренд, принадлежащий украинской компании «GSC Game World», – название вымышленной вселенной, которая создана на основе повестей «Пикник на обочине» и «Забытый эксперимент братьев Стругацких, фильма «Сталкер» А. Тарковского и реальной Чернобыльской зоны. Англоязычные источники объясняют название игры как акроним от английских слов «Scavengers, Trespassers, Adventurers, Loners, Killers, Explorers, Robbers» (сборщики, нарушители, авантюристы, одиночки, убийцы, исследователи, грабители)²⁴⁴.

4-е место – «Fallout». Компьютерная ролевая игра, действие которой происходит в мире, медленно возрождающемся после ядерной войны. Разработана и выпущена в 1997 компанией Interplay Entertainment. Одно из наиболее известных произведений постапокалиптического и ретрофутуристического жанров. Сюжет игры следующий: «после окончания Третьей Мировой войны, разразившейся в 2077 году и за несколько часов превратившей большую часть Земли в радиоактивное пепелище, выжили лишь

²⁴² См.: <http://gameguru.ru/pc/games/>.

²⁴³ См.: Там же.

²⁴⁴ См.: Там же.

те люди, которые успели укрыться в огромных подземных. Герою игры предстоит покинуть спасительное убежище и, поднявшись на поверхность, увидеть, что стало с некогда цветущей планетой²⁴⁵.

5-е место – «Counter Strike». Культовая серия компьютерных игр в жанре командного шутера от первого лица; популярная многопользовательская игра, имеет поддержку сетевых и одиночных игр. По сюжету игроки делятся на две команды – террористов и спецназ – и сражаются друг с другом на различных местностях²⁴⁶.

Как видим, компьютерные игры все более привлекают людей. В этом – особенность современной эпохи. С одной стороны, игры являются основой межгруппового общения, развлечением и формой досуга. С другой, растущая популярность видеоигр – это все более заявляющая о себе проблема бытия человеческой личности: «здесь» или «там»? Виртуальная дружба, виртуальные браки, ролевые игры в сети Интернет, занимающие нередко больше времени, чем реальная жизнь игрока – все это сознательный уход и бегство личности от самой себя и неизбежных проблем. Печально, что вопрос «здесь или там?» встает не только перед взрослыми, но и перед маленькими детьми. Так, по данным «Института изучения СМИ и Семьи» (США), американские дети начинают играть с 2-х лет. Уход в виртуальность – это одна из самых сложных проблем человеческого бытия.

Один из ведущих отечественных специалистов по данной проблеме Д.В. Жмуров, обобщив результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследований, пришел к выводу, что жестокие компьютерные игры могут вызывать криминальную агрессию человека. По его мнению феномен так называемой «пост-игровой жестокости»²⁴⁷ включает в себя два условия:

1) внутренние признаки – это личностные качества игрока, предопределяющие его криминальное (агрессивное) поведение,

²⁴⁵ См.: <http://gameguru.ru/pc/games/>.

²⁴⁶ См.: Там же.

²⁴⁷ См.: Жмуров Д.В. Компьютерные игры и подростковая агрессия // Авторский сайт Д. Жмурова.

представляющие собой:

предрасположенность к агрессии, имевшейся до игровой практики;
игровая зависимость;

агрессивный прайминг (явление имплицитной памяти, при котором обработка воздействия заданного стимула определяется предшествующим действием того же самого или подобного стимула; фиксирование установки – это эффект имплицитной памяти, при котором реакция на действие данного стимула оказывает влияние на реакцию, возникающую в ответ на последующие стимулы);

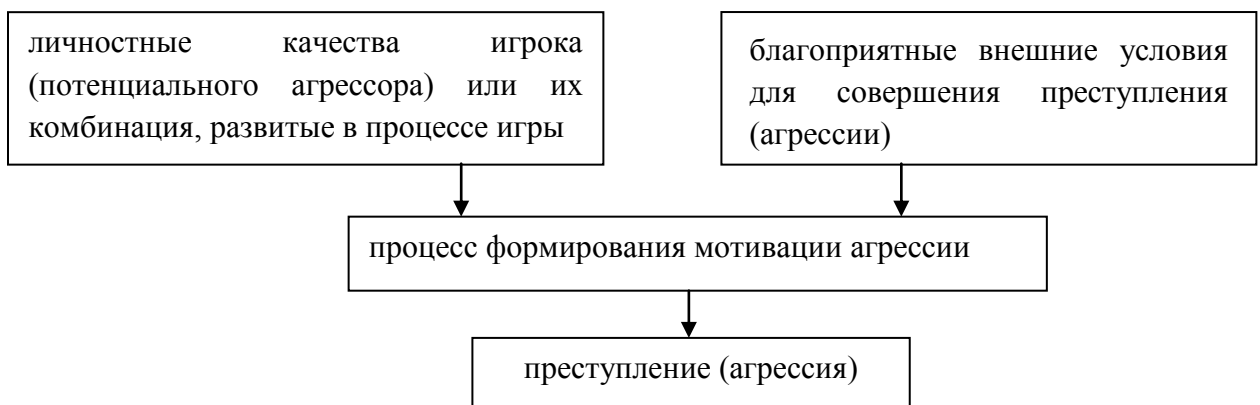
положительный опыт переноса игровой практики в действительность;
признаки лабильности сознания;

деформация сознания под влиянием игр (гиперкомпенсация комплекса неполноценности, десенсибилизация агрессии, повышение тревожности и страха);

высокий уровень социальной фрустрированности.

2) внешние признаки (жизненные ситуации, располагающие к агрессии, в которых оказывается человек).

По мнению Д.В. Жмурова, наличие этих двух условий может привести в итоге к криминальной агрессии. Автор предложил следующую аналитическую схему детерминации такой агрессии («пост-игровой жестокости»):

На основе анализа источников о правонарушениях Д.В. Жмуров выделил 4 формы насильственных преступлений, совершаемых под воздействием

жестоких компьютерных игр:

- 1) преступления, в которых игры не формируют агрессивную мотивацию, но стратегия преступного поведения явно заимствуется из игрового опыта;
- 2) преступления, совершенные в состоянии измененного сознания, непосредственно после игрового сеанса или в связи с ним;
- 3) преступления, совершенные игровым аддиктом для удовлетворения потребности в компьютерной игре;
- 4) преступления, совершенные на фоне отягощающего влияния компьютерных игр.

Представляется, что предлагаемые признаки, схема и формы негативного воздействия на сознание и поведение человека применимы и к другим видам масс-медиа: аудио- и видеоматериалам, кинопродукции, сети Интернет.

Помимо рассмотренных выше существует целый ряд иных научных подходов и концепций, описывающих влияние масс-медиа на противоправное поведение. Среди них имеются как достаточно простые модели, например, характеризующие распространение посредством масс-медиа информации о способах и средствах совершения преступлений, так и чрезвычайно сложные, изучающие влияние медийной продукции на формирование молодежных субкультур, характеризующихся девиантным поведением.

Проанализировав содержание популярной и доступной продукции масс-медиа, становится понятным тот факт, что она способна оказывать мощное криминогенное влияние на общество путем формирования определенных стереотипов восприятия, представлений о доминирующих социальных ценностях, социально желательных или допустимых формах поведения и т.п. При этом спектр конкретных способов такого влияния и их сочетаний чрезвычайно многообразен.

Среди них можно выделить, например, девальвацию традиционных моральных ценностей и норм, легитимацию социально неприемлемых форм поведения, пропаганду или оправдание социальных патологий (алкоголизма, наркомании, проституции) и др. Объединяющей их чертой является результат

воздействия, состоящий в такой модификации нормативно-ценностной системы общества или отдельных социальных групп, которая детерминирует совершение правонарушений их членами. Указанные тенденции четко диагностируются в нашей стране.

Российская общественность не раз высказывала озабоченность по поводу негативного социального влияния масс-медиа вследствие широкой трансляции ими деструктивной информации. Так, в принятом в 2009 г. Манифесте кинематографистов прямо говорилось следующее: «Кино, телевидение, пресса, как орудия крупного калибра, из всех своих стволов беспощадно палят по России, ее народу, ее традициям, уничтожая все самое дорогое, хрупкое и ценное... «Будьте бесстыдными!», призывают нас с экрана телевизионные каналы. Основой большинства передач сегодня стали идеологический цинизм, жажда развлечений любой ценой, отказ от уважения к человеку, от категорий добра и зла, от осознания ответственности за своего зрителя. Большая часть телевизионных каналов транслирует нескончаемый поток сюжетов об отклонении от нормы, о всевозможных разновидностях патологии – в деловых отношениях и любви, в искусстве и религии, в дружбе и сексе, во взаимоотношениях с государством и законом...»²⁴⁸.

Отметим, что негативное влияние масс-медиа является лишь одним из элементов в структуре комплексного механизма детерминации противоправного поведения, вступающих в сложные и противоречивые взаимодействия с другими его элементами. Тем не менее, недооценка его значимости в условиях развития информационного общества является большой ошибкой. Комплексная междисциплинарная научная разработка данной проблемы выступает необходимым условием выработки эффективной стратегии профилактики правонарушений в XXI веке.

4. Насилие в современных масс-медиа

Насильственные преступления против личности составляют наиболее

²⁴⁸ Принят 23 мая 2009 г. в Липецке в рамках XVIII Кинофорума «Золотой Витязь».

устойчивую часть преступности, в большинстве случаев они совершаются в области неформального межличностного общения для решения индивидуальных эмоционально значимых проблем в сфере быта и досуга. Фигурируя в одной и той же или похожей обрисовке в уголовном законодательстве всех народов и чуть ли не всех времен, они лучше всех характеризуют состояние и динамику преступности, чем все остальные преступления вместе взятые. Согласно статистическим данным МВД России за 10 месяцев 2012 года на территории страны зарегистрировано 335339 преступлений против личности, что составляет 17,2% от общего числа зарегистрированных преступлений (1953053). Из них 11275 – убийств и покушений на убийство, 31401 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 4005 – изнасилований или покушений на изнасилование²⁴⁹.

Как правило, усвоение насильственных установок, готовности совершать насильственные действия является результатом воздействия одновременно различных источников, в том числе масс-медиа. Безусловно, проблема содержания насилия в продукции современных масс-медиа является не только криминологической, но и социальной, а также психологической.

Первые попытки выявить влияние медианасилия на преступность, в том числе и преступность несовершеннолетних, относятся к началу XX века. А. Лацис и Л. Кейлина в работе «Дети и кино» (1928 г.) указывают, что «наглядевшись в кино авантюрных картин, некоторые подростки перенимают приемы киобандитов и предводителей шаек и переносят их в жизнь... Американские кинотрюки воспитывают русских хулиганов»²⁵⁰. Вопрос негативного влияния масс-медиа с тех пор обеспокоил множество исследователей. Большинство из них пришли к неутешительным выводам, которые выражены в словах Энна Ландерса, утверждавшего, что «телевидение производит насилие». Таким образом, медийная продукция стала рассматриваться в качестве одной из вероятных причин агрессии. По мнению

²⁴⁹ См.: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_115664/.

²⁵⁰ Федоров А. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. – Таганрог: «Кучма», 2004. С. 15.

профессора Университета штата Айова Брэда Бушмана, «связь между телевидением и агрессией, а также снижением интеллектуального уровня у детей более доказана, чем связь между курением и раком».

Влияние масс-медиа трудно переоценить. Стремление подражать экранному герою не всегда связано только с проявлениями агрессии. Отдельные исследования позволяют увидеть, насколько заразительными могут быть телевизионные программы, кинофильмы, компьютерные и видеоигры.

Так, согласно заявлению «Итальянского национального института здоровья» часто итальянские подростки начинают курить, чтобы подражать актерам и звездам экрана. Эксперты заявляют, что итальянские телеканалы Rai, Mediaset, La7 и MTV показывают курящего человека каждые 32 минуты²⁵¹. Причем большинство случаев курения ассоциируется с позитивным героем, победителем. Согласно исследованиям, проведенным в США, 38% американских подростков начали курить, копируя экранных героев²⁵². Результаты исследований WisdomWorks Ministries показали, что 41% американских подростков либо читали, либо смотрели истории о Гарри Поттере. В результате этого 12% из них серьезно заинтересовались колдовством, а 66% опрошенных принимали участие в различных оккультных ритуалах²⁵³. Все сказанное говорит о том, что идентификация с виртуальными персонажами является неотъемлемым фактом нашей жизни. При этом подражание таким персонажам может приобретать самые различные формы, в том числе и насильственные.

Большая часть исследователей считает, что показ сцен насилия в фильмах, телевизионных программах, компьютерных и видеоиграх, а также сети Интернет может повысить агрессию потребителей медийной продукции. И, если исследователи едины в этом мнении, то вопрос о причинах агрессии вызывает споры и разногласия в научной среде. Существуют различные

²⁵¹ См.: Телевидение поощряет курение подростков – считают итальянцы // Ликар-инфо, 19 июня 2003 г.

²⁵² См.: <http://www.krasfilm.ru/news/165.htm>.

²⁵³ См.: Колдовство – это не то, чем можно позабавиться // «Седмица», № 4 от 10 июля 2002 г.

подходы к объяснению экранного насилия. Особый интерес вызывает теория, предложенная Д.В. Жмуровым, согласно которой совершенные преступления могут быть имитацией увиденного насилия.

По его мнению, имитационные действия можно разделить на несколько групп:

1) Патологические (воспроизведение сцен агрессии, вызванное психическим отклонением).

2) Типичные (воспроизводятся отдельные компоненты агрессивных сценариев в контексте социальных отношений не отождествляемых с медийной продукцией).

3) Казуальные (не являющиеся преступлением воспроизведение сцен насилия при отсутствии понимания его общественной опасности).

Отличительной чертой патологических имитационных действий является то, что насилие совершается с особой жестокостью, копируются методы и способы совершения насилия, более того, акт насилия происходит в рамках социальных отношений отождествляемых с сюжетом фильма. Подобное отождествление может быть вызвано психологическим расстройством агрессора.

М. Ибаньес в статье «Киллеры-имитаторы» приводит несколько примеров подобных преступлений. Т. Л. Анзли застрелила свою домохозяйку, заявив, что та вступила в заговор с целью убить ее и что эта самая домохозяйка со своими сообщниками «совершила в Матрице множество преступлений». Фанат главного героя кинофильма «Матрица» Джошуа Кук, проживавший в городке Оактон, штат Вирджиния и увешавший все стены своей комнаты плакатами с изображениями героев фильма, заявил, что он «находится в Матрице» и в феврале 2002 года убил своих родителей²⁵⁴.

В 1999 году бразильский студент-медик Матеус да Коста расстрелял из автомата несколько человек в кинотеатре. Следствие пришло к выводу, что он действовал в точном соответствии со сценарием компьютерной игры «Duke

²⁵⁴ Ибаньес М. Киллеры–имитаторы // «La Vanguardia» от 18 августа 2003 г.

Nuket». На первом уровне этой игры герой оказывается в туалете и для пополнения боезапаса ему необходимо стрелять по зеркалам. Матеус, прежде чем войти в кинотеатр, прошел в туалет и расстрелял обойму по зеркалам. После этого он направился в зрительный зал, где выпустил по зрителям более пятидесяти патронов²⁵⁵.

В ноябре 2012 года 30-летний юрист Московской фармацевтической компании «Рисла» Дмитрий Виноградов в офисе компании в результате неприязненных отношений расстрелял из двух карабинов своих семерых коллег. Судя по размещенной на странице в социальной сети «ВКонтакте» информации, 30-летний москвич давно увлекался стрельбой, среди его любимых фильмов присутствует кинолента «Прирожденные убийцы», а среди компьютерных игр – «Manhunt»²⁵⁶.

Бесспорно, отличительной чертой патологического подражания является то, что насилие в реальной жизни становится продолжением кинофильма, компьютерной или видеоигры, сюжеты которых были дополнены собственной болезненной фантазией.

Типичные имитационные действия с точки зрения уголовного права являются преступлениями. Они могут быть не менее жестокими, чем собственно патологические действия, последние, однако, не всегда могут получить легальную оценку, в связи с невменяемостью преступника. При типичных имитационных действиях преступник, хоть он и подражает увиденному на экране, но все же осознает характер своих действий и остается при этом вменяемым.

В 2001 году в Великобритании произошел подобный случай. Трое 16-летних подростков были признаны вменяемыми и осуждены за убийство 15-летнего подростка: на детской площадке была воспроизведена сцена из фильма «Бешеные псы». Школьники предприняли длительное жестокое нападение, причем один из мальчиков повторил сцену культового фильма, попытавшись

²⁵⁵ См.: <http://www.zorych.ru/>.

²⁵⁶ См.: <http://mosday.ru/news/>.

отрезать жертве ухо при помощи разбитой бутылки²⁵⁷.

В Барселоне произошел случай, когда трое подростков, посмотрев телевизор, воспроизвели восхитивший их трюк. Поздно вечером они натянули через улицу пластиковую ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту. Он умер на месте²⁵⁸.

В начале 2003 года два молодых американца убили свою мать и расчленили ее тело, чтобы избавиться от улик. В одном из эпизодов телесериала «Клан Сопрано», который любили смотреть убийцы, преступники действовали таким же образом²⁵⁹.

Российский фильм С. Говорухина «Ворошиловский стрелок», предположительно, стал руководством к действию для Андрея Кочетова, защищавшего честь своей 15-летней сестры, изнасилованной двумя молодыми людьми. Полгода подросток обдумывал, как отомстить насильникам, но воплотить в реальность задуманное ему не удавалось. Как-то Андрей, сестра и мать смотрели вечером известный художественный фильм «Ворошиловский стрелок». Именно эта кинолента побудила молодого человека к активным действиям. Следующим вечером Андрей, сжег обидчиков сестры в гараже²⁶⁰.

Участились также случаи сообщений о преступлениях групп подростков после показа в 2002 году на канале РТР сериала «Бригада». Так, в Караганде, по сообщению пресс-службы ГУВД, группа подростков на берегу Федоровского водохранилища жестоко убила мужчину и женщину. Расследование показало, что преступление совершили трое несовершеннолетних. Все они увлекались сериалом «Бригада». Более того, молодые люди выбрали себе прозвища героев киноленты: друг друга они называли Пчела, Космос и Саша Белый²⁶¹.

В 2006 году 21-летний экстремист и антисемит Александр Копцев с

²⁵⁷ См.: Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. «Питер», 2003 г., С. 139.

²⁵⁸ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. «Эксмо-пресс», 2005 г. С. 112.

²⁵⁹ См.: Убийство на экране. Кино- и телефильмы становятся образцами для совершения реальных преступлений // Washington ProFile.

²⁶⁰ См.: Файтельберг-Бланк В., Колесниченко Т., Костроменко А. Кинонасилие – провокация преступности // Газета «Порто-Франко», № 39 (784), 2005 г.

²⁶¹ См.: <http://www.krg-guvd.kz/publications/>.

ножом ворвался в здание синагоги на ул. Большая Бронная в г. Москве, ранив раввина Ицхака Когана и 9 прихожан²⁶². Следствием высказывалась версия о том, что на поведение преступника повлияло увлечение компьютерными и видеоиграми, в частности игрой «Postal».

В 2010 году 15-летний поклонник компьютерной игры «Grand Theft Auto» в г. Сыктывкар, совершив в ночное время угон автомашины своего отца, решил повторить сюжет любимейшей игры. Находясь за рулем, подросток грубо нарушал Правила дорожного движения, не реагировал на неоднократные требования сотрудников дорожно-патрульной службы остановиться. В результате подросток совершил дорожно-транспортное происшествие, повлекшее значительные механические повреждения транспортного средства²⁶³. И таких примеров множество.

Казуальные имитационные действия представляют собой причинение вреда без преступного умысла, когда общественная опасность копируемого насилия недооценивается или не осознается в силу различных причин.

Так, дети в Уэльсе после просмотра фильма «Гладиатор», воспроизвели некоторые сцены кровавой битвы. В результате одного 12-летнего мальчика пришлось отправить в больницу, потому что друг пронзил его двухфутовым копьём²⁶⁴.

Масс-медиа может оказывать и косвенное влияние на жертв преступления, снижая, например, их желание наказать агрессора. Ярким примером этому служит фильм, транслировавшийся телекомпанией CBS под названием «Кричи: Насилуют». «Его сюжет сводился к тому, что жертва изнасилования, пожелавшая выдвинуть обвинения против виновника, рискует подвергнуться тяжелым испытаниям, которые могут оказаться не менее мучительными, чем само изнасилование. В данном случае, насильник предоставил убедительные доказательства того, что его совратила сама женщина. В течение следующих нескольких недель резко снизилось количество

²⁶² См.: <http://lenta.ru/news/>.

²⁶³ <http://chp.ntv.ru/news/17043/>.

²⁶⁴ См.: Фильм Тарантино виноват в убийстве подростка // «События» от 8 июля 2000 г.

обращений в полицию об изнасилованиях – очевидно потому, что жертвы, насмотревшись телевизора, боялись, что полицейские им просто не поверят»²⁶⁵. В данном случае насильственная преступность находила прямое подкрепление в подобном поведении жертв.

Негативное влияние медианасилия в криминализацию сознания человека можно оценивать по-разному и все же необходимо признать, что оно реально существует.

4. Криминогенная роль гламура

Существуют такие продукты общественного развития, которые могут приносить вред или пользу в зависимости от того, в чьих руках находятся и какие цели преследует их обладатель. К этой категории относится практически вся гигантская площадка масс-медиа, которая занимает большинство ниш человеческих потребностей и интересов и имеет громадное влияние на людей. Деятельность сферы масс-медиа обладает такой спецификой, которая не позволяет законодателю по объективным причинам ограничивать ее, что нередко оказывает негативное и иногда даже криминогенное воздействие.

Как уже отмечалось, в погоне за высокими рейтингами, расширением потребительской аудитории лица, ответственные за содержание средств массовой коммуникации, прибегают к использованию методов и приемов, многие из которых сводятся к манипуляциям с традиционными духовными, социальными и правовыми ценностями, к игре на человеческих слабостях, аморальных потребностях. Они отвлекают людей от насущных проблем, от истинных жизненных ценностей, предлагая привлекательные, яркие новые образы и ориентиры, устанавливая новые стандарты эстетических, поведенческих, морально-нравственных и иных норм.

Среди таких компонентов современной медиакультуры значимое место отводится «гламуру», который получил в последнее десятилетие невероятно

²⁶⁵ Пратканис Э. Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения: Повседневное использование и злоупотребление. Олма-Пресс прайм – Еврознак, 2002 г.

высокую популярность в России путем целенаправленного и последовательного поощрения, насаждения, а нередко – введения в обиход средствами масс-медиа.

Однако несмотря на насыщенность и масштабы продуктов «гламурного» содержания, особенно в молодежной среде, до сих пор однозначное научное определение «гламура» отсутствует.

В Европе и Америке его значение в течение веков подвергалось обновлению и в настоящее время имеет следующие концепты:

- а) привлекательная внешность;
- б) шарм, обаяние, романтическое очарование;
- в) сексапильность;
- г) роскошь, шик, богатство;
- д) известность, успешность, популярность;
- е) магия, колдовство, чары (только «в связке» с другими значениями);
- ж) харизма;
- з) глянец, блеск, лоск;
- и) экзотичность;
- к) престиж²⁶⁶.

На практике эти значения редко актуализируются по отдельности – каждое обычно аккумулирует несколько смыслов. В русском лингвокультурное пространство это слово заимствовано в конце XX – начале XXI века, что совпадает с начальным периодом развития в России глянцевого журналистики. Одно из первых определений слову «гламур» предложил Л.П. Крысин, в толковом словаре которого записано: «ГЛАМУР, множественного числа нет – внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике и т.п.), внешняя привлекательность. Гламурный – внешне привлекательный, шикарный

²⁶⁶См.: Становление и развитие межъязыковых коррелирующих концептов GLAMOUR и ГЛАМУР: автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. С. Платонова. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 16–18.

(преимущественно о женщинах)»²⁶⁷. Лингвисты до сих пор спорят из какого языка (английского или французского) это слово заимствовано и насколько целесообразно его использование в русском языке.

Нечеткость интерпретаций ключевых значений позволяет практически каждому иметь свое представление о смысловом содержании «русского гламура». «Гламур» стал собирательным термином, означающим для одних – роскошный образ жизни современной элиты, для других – шарм и умение элегантно одеваться, для третьих – это не всегда дорого, но обязательно стильно, для четвертых – это просто блеск и дешевая подделка. Этот термин стал очень популярным в русскоязычной повседневной речи и «как никакой другой феномен сегодняшней жизни одновременно восхищает, привлекает и интригует воображение»²⁶⁸.

Известно, что основу криминализации общественного сознания составляет, в первую очередь, деформация ценностно-нормативных ценностей, размывание социально позитивных установок, стереотипов поведения, нравственных идеалов людей. Именно современные масс-медиа являются одним из основных источников, формирующих представления человека о реалиях окружающего мира, активно воздействуют на общественное сознание и настроение, взгляды и поведение отдельных людей, социальных групп. Информация, доводимая посредством масс-медиа до читателей, слушателей или зрителей, вызывает у них соответствующую реакцию в виде эмоциональных, психологических переживаний, что приводит к формированию определенных установок во взглядах, ориентирах и даже поведении. При таких обстоятельствах гламур сегодня – эффективное средство, культивируемое масс-медиа и используемое ими для манипулирования общественным сознанием. В этот процесс вкладываются огромные финансовые средства, которые приносят прибыль несоизмеримо большую, чем предварительные денежные вложения. В

²⁶⁷См.: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов – 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2010. С. 187.

²⁶⁸См.: Руднева Д.А. Гламур как феномен культуры постиндустриального общества: методология исследования // Известия Уральского государственного университета. 2010, № 2 (76). С. 34.

результате такого насаждения потребители этого продукта оказываются вольно или невольно втянутыми в сети гламура: все чаще гламурная тематика становится одной из основных в различных социальных группах: обсуждение новостей и событий из жизни популярных людей (актеров, музыкантов, телеведущих, спортсменов, политиков и т.д.), зачастую частного и даже скандального характера, модных предметов одежды, аксессуаров, драгоценностей, других дорогостоящих или стильных и ярких изделий.

На первый взгляд, никаких социально опасных, а тем более криминогенных, последствий «гламуризация» общества не влечет. Однако при более глубоком анализе наблюдаемых тенденций связь, хоть и опосредованная, между ними и деформацией ценностно-нормативной системы личности, явно прослеживается.

Это как раз тот случай, когда медиа-продукт наряду с другими выполняет негативную функцию – отвлекает людей от подлинных проблем, от духовных, нравственных ценностей, не предлагая взамен ничего достойного и культивируя, казалось бы, простой путь «к счастью», новому образу жизни, который фактически и по сути своей является фетишизмом и псевдомечтой.

Если для масс-медиа гламур (в разных его формах) – это больше рекламный и хорошо оплачиваемый продукт, обладающий особыми притягательными свойствами, то для его потребителей – значительной части населения страны – он становится образцом, эталоном благополучия. Естественно, при таких обстоятельствах каждый хочет обладать им, заполучить его, но лишь немногим это удастся сделать честным и законным путем, поскольку чаще всего гламур недостижим для большинства, так как носит штучный характер, обладает своими специфическими особенностями и качеством, а потому стоит очень дорого. Как следствие – наиболее психологически неустойчивые личности в своем стремлении к гламуру способны переступить не только моральные, нравственные запреты, но и правовые.

Для обозначения подобного состояния общества, при котором наступают

разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок ввиду расхождения между потребностями и интересами части его членов с одной стороны и возможностями их удовлетворения с другой, социологами используется термин аномия. Это понятие введено в научный оборот Э. Дюркгеймом²⁶⁹. Дальнейшее развитие концепции аномии связано с именем Р. Мертона²⁷⁰.

Понятие аномии выражает собой исторически обусловленный процесс разрушения базовых элементов культуры, прежде всего в аспекте этических норм. При достаточно резкой смене общественных идеалов и морали определенные социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности (в том числе социально декларируемые образцы поведения) отвергаются членами этих групп, а вместо конвенциональных средств достижения индивидуальных или общественных целей выдвигаются собственные (в частности, противоправные). Именно такая ситуация складывается сегодня в российском обществе под воздействием повсеместной «гламуризации».

Явления аномии, затрагивая при социальных потрясениях все слои населения, особенно сильно действуют в отношении молодежи. Отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам, отражается, в первую очередь, на подростках и молодых людях, которые, не имея богатого жизненного опыта, не обладая достаточной моральной, нравственной, волевой устойчивостью легко поддаются воздействию соблазнов гламурных образов и способны ради достижения желаемой цели встать на криминальный путь.

На основе изучения американского общества середины XX века Р.

²⁶⁹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд. / Изд. подгот. Вал. А. Луковым. СПб., 1998. С. 294–296.

²⁷⁰ См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Перевод с французского Самарской Е.А. // М.: Издательство «Прогресс», 1966. С. 299–313.

Мертон рассмотрел понятие аномии в очень актуальном для современной России контексте. По его мнению, порок и преступление являются «естественной» реакцией людей на ситуацию, когда усвоено культурное акцентирование денежного успеха, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, недостаточен.

Р. Мертон выдвигает тезис о том, что нарушение равновесия между средствами и целями как фазами социальной структуры служит основанием для возникновения состояния аномии.

Случай, когда все внимание уделяется достижению цели, а характер избираемых средств полностью игнорируется, является центральным объектом анализа в концепции Р. Мертона, так как в результате стремления добиться цели любой ценой, не считаясь со средствами, интеграция общества ослабевает и развивается аномия. При этом он констатирует следующие положения, характеризующие состояние социальной структуры общества.

1. Богатство как всеобщий символ успеха. Чрезвычайный акцент, делаемый в обществе на приобретение богатства в качестве символа успеха, препятствует достаточно эффективному контролю над применением установленных норм, регулирующих приобретение состояния. Обман, коррупция, аморальность, преступность – весь набор запрещенных средств – становится в возрастающей степени обычным тогда, когда акцент на достижении успеха, стимулируемого культурой, отделяется от акцента на соответствующее применение дозволенных средств.

2. Ограничение социальных возможностей только областью физического труда. По мнению Р. Мертона, в зонах с высоким уровнем преступности существует ограничение профессиональных возможностей человека только неквалифицированным трудом. Это связано с низким доходом. Такой образ жизни не может конкурировать с организованной аморальностью, приносящей гораздо более высокие доходы.

3. Возрастающая жесткость (окаменение) социальной структуры. Р. Мертон пишет, что действительное достижение желаемых символов успеха

по общепринятым каналам является относительно редким и затруднительным. Имеется множество доказательств того, что классовая структура общества становится менее подвижной и вертикальная мобильность (возможность продвижения вверх) снижается. Лидеры в политической и экономической сферах в большинстве случаев происходят из «высших» слоев общества, а стереотип – каждый дворник может стать президентом – не более чем «полезная приманка» для тех, кто может взбунтоваться в случае, если такая утешительная надежда будет устранена.

Вывод Р. Мертона таков: антисоциальное (и преступное) поведение ощутимо возрастает, если в обществе превыше всего превозносятся определенные символы успеха, якобы общие для населения в целом, в то время как социальная структура этого общества ограничивает или полностью устраняет доступ к законным средствам завладения этими символами для значительной части этого населения.

Аномия – важная категория общей теории девиантного поведения. Причины, порождающие аномию, являются социальными, а не личностными или психологическими, и носят системный характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывает одновременно комплекс факторов, обладающих кооперативным эффектом.

Одним из таких факторов в нашем обществе, безусловно, выступает устойчивое культивирование гламура, который создает образцы, эталоны желаемых социальных благ, привлекающих своим блеском и роскошью, но недоступных для большинства.

Жизнь богатых и знаменитых людей сегодня является одним из самых коммерчески востребованных продуктов на рынке масс-медиа. Глянцевые гламурные журналы выплачивают огромные гонорары за возможность частной съемки различных событий из жизни звезд: свадьбы, рождение детей, покупка домов, автомобилей, посещение различных светских мероприятий и т.д. Аудиторию современных СМИ интересуют любые подробности, связанные с их кумирами – одежду каких дизайнеров они носят, какими мобильными и

иными устройствами пользуются, что едят, в каких местах предпочитают отдыхать. Подобная информация составляет основу статей множества глянцевого журналов и молодежных телепередач, читатели и зрители которых формируют в своем сознании образ идеальной и желаемой жизни.

Учитывая, что для большинства из них такой образ остается мечтой, достичь которую правомерными методами невозможно, вполне объяснимо развитие в обществе аномии, порождающей неверие в закон, необязательность его соблюдения и возможность достижения поставленной цели вопреки ему, в том числе преступным путем.

Любое умышленное преступление имеет причины и условия его совершения. Универсальность гламура как детерминанта преступности, заключается в том, что он, с одной стороны, непосредственно связан и с индивидуальными особенностями человека и с социальными условиями его жизни, одновременно существенно влияя на них; с другой стороны – он сам же и создает благодатную почву для преступного поведения и часто сам же является его мотивом. То есть, гламур как детерминант преступности может играть роль и причины совершения преступления (мотива), и условия, способствующего совершению преступления.

Большинству людей свойственно стремление к благополучию, богатству, жизни в достатке. Но каждый в содержание этих понятий вкладывает различный смысл. Гламур в зависимости от индивидуальных психологических, духовных, моральных, материальных и иных особенностей людей действует на них неодинаково и вызывает разные побуждения. Но в любом случае сценариев развития поведения всего два: если человек понимает истинную «ценность» гламура или абсолютно безразличен к нему – воздействия не происходит; если же он поддастся действию привлекательности гламура – стремление к нему практически неизбежно.

При реализации первого сценария наиболее вероятны также два пути: один – когда окружение человека разделяет его взгляды, идеалы, в частности, безразличное отношение к гламуру, – ничего существенного в жизни этого

человека не происходит; в противном случае он рискует стать изгоем своего окружения, подверженного гламуру: среди коллег, друзей, знакомых и даже родных. Такая ситуация способна привести к получению морально-психологических травм, к уединению человека, замкнутости в себе.

При развитии второго сценария вариантов множество, и воздействие гламура может иметь даже криминогенное свойство.

Причем, как уже отмечалось, гламур может выступать как в форме причины (мотива) совершения преступления, так и условия (чаще происходит первое). Известно, что мотив – явление психологическое и формируется при условии вступления человека в разнообразные социальные отношения с окружающими, его включенности в общественные связи. А гламур сегодня – это «лакмусовая бумага», определяющая «своего» или «чужого» в той или иной социальной группе. По этой причине, чтобы стать, оставаться или удерживаться в качестве «своего» в обществе многие стремятся завладеть, пользоваться и распоряжаться производными гламура. Таким способом человек утверждает себя в этой среде: на социальном, социально-психологическом и индивидуальном (самоутверждение) уровнях. Это особенно важно, если у него нет иных атрибутов для этого, к примеру, хорошего и прочного материального, служебного положения или собственных достижений – творческих, служебных, научных и иных. Вне мира гламура он не способен к получению определенного социально-ролевого положения. Выдвижение на социальном уровне обычно соотносится с завоеванием престижа и авторитета, карьерой, обеспечением материальными благами. Гламур становится смыслом и условием жизни человека.

Такое безудержное и бессознательное стремление способно привести к совершению преступления. Уголовно-правовая практика знает немало примеров. Наиболее простой и распространенный – когда замороженный блеском гламурных образов – дорогих машин, стильных вещей, драгоценностей и т.д. – не имея средств приобрести все это, человек совершает преступление: кражу, грабеж, разбой и даже убийство.

Правда не каждый из потенциальных «гламурных» преступников способен совершить преступления, связанные с причинением насилия; это уже зависит от степени криминогенной предрасположенности личности (воспитание, образование, социальное положение, образ жизни, личностные психологические и иные качества).

Нередко гламур становится причиной изготовления и реализации подделок (драгоценности, дизайнерская одежда и т.д.), совершения финансовых и иного рода махинаций, рейдерских захватов, других корыстных преступлений.

Более того, культивирование гламура еще более опасно потому, что оно порождает множество так называемых замещающих преступных действий, когда, не достигнув первоначальной цели по ряду объективных и субъективных причин, преступник стремится заменить ее другой идентичной, но доступной, при этом тяжесть преступления и степень общественной опасности способов ее (цели) достижения может быть гораздо большей, так как нередко напряжение аффекта у преступника достигает наивысшей точки. К примеру, попытавшись угнать дорогой автомобиль, но получив неожиданный отпор от хозяина, преступник отступает, не достигнув своей цели; но в следующий раз он, совершая аналогичное преступление в другом месте, уже готов применить насилие, чтобы своей цели все-таки достигнуть. Благодаря таким замещающим действиям происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения и преступник получает удовлетворение.

В приведенных случаях гламур если и не становится одной из причин преступления, но как минимум присутствует среди мотивов его совершения.

В условиях, когда общество пронизано «гламурщиной», когда большинство масс-медиа в основу своей деятельности ставит коммерциализацию, ориентировано на потребительский спрос, который в условиях практически абсолютной свободы и вседозволенности информации, отличается повышенным интересом ко всему запрещенному, порочному, скандальному. Это оказывает негативное воздействие на психику людей,

особенно молодых, с несформировавшимся еще вкусом, характером и убеждениями, активизируя нездоровое любопытство и предоставляя в качестве образца для подражания не вполне адекватное поведение участников или образ жизни. Избежать такого влияния практически невозможно. То есть создается специфическая неблагоприятная среда, бессознательно воспринимаемая обществом. Очевидно, что в этих случаях гламур выступает благодатным условием криминализации части общества.

Наблюдаемые сегодня негативные тенденции в преступности являются в значительной степени следствием социально-психологических процессов, которые одновременно порождают преступность, порождаются ею и неизменно сопутствуют ей. Гламур в современном российском обществе является одним из ярких проявлений таких тенденций. Выполняя в основном функцию деформации ценностных и нравственных ориентиров в обществе, он тем самым способствует аморальному и криминогенному воздействию на людей. Его неконтролируемое культивирование опасно не только тем, что гламур способен детерминировать преступность, но и тем, что он несет в себе серьезную угрозу ее социально-политическим и экономическим устоям. И чем раньше будут приняты меры по обузданию этого явления, тем более успешной окажется борьба с преступностью в целом.

Глава VII. Криминальная субкультура

1. О природе и сущности криминальной субкультуры

Если задаться простым вопросом: «Откуда есть пошла» криминальная субкультура? – мы получим столь же простой и незамысловатый ответ: «родина-мать» криминальной субкультуры – преступность и криминалитет.

Фигурально говоря, криминальная субкультура возникла не тогда, когда на земле появился первый преступник, а когда впервые сошлись два преступника и поняли, что нужны друг другу («чтоб не пропасть поодиночке»), а инстинкт самосохранения подсказал необходимость создания своего рода невидимой преграды, отделяющей и, главное, защищающей их мир, мир криминала, от всего «остального мира», Преграда эта, позволяющая отличать «своих» от «чужих», превращающая, казалось бы, аморфную массу преступников в некое, относительно закрытое сообщество, конечно же, складывалась постепенно: формировался «особый» язык, система знаков, специфический порядок информационного взаимодействия, арсенал правил, норм, регулирующих едва ли не все стороны жизни членов криминального сообщества, которым под страхом санкций они должны подчиняться, и многое другое, что в совокупности образует теперь уже хорошо известное понятие – криминальная субкультура.

И поскольку общепризнано, что преступность «всегда» была, есть и будет, следовательно, не опасаясь впасть в преувеличение, надо то же самое сказать и о криминальной субкультуре как об объективной реальности, которой принадлежит и всегда будет принадлежать своё собственное место в системе человеческих ценностей.

С этим, надо полагать, никто не спорит. Вопросы касаются другого. Что это за место? И главное: что представляет собой современная криминальная субкультура и чем она грозит обществу? Как далеко позволили мы ей распространиться и затуманить умы, нравы, совесть, нравственность, нет, не преступников (здесь картина более ясна), но самого широкого круга людей,

которых принято называть законопослушными гражданами? И отсюда – насколько законопослушны законопослушные граждане?

Ответы на эти и подобные вопросы нужны не только и не столько для того, чтобы представить себе характер и масштабы распространения криминальной заразы, оценить степень общественной опасности преступности и прогнозировать, куда нас вывезет «кривая» завтра.

Если мы будем адекватно понимать, что конкретно представляет собой картина мира уголовного сообщества, мы глубже проникнем в тайны преступности, лучше поймем законы ее развития, причины живучести. Говоря в более общей форме, следует признать, что эффективный анализ влияния социальных условий на антиобщественное поведение, получение здесь нового знания, способного лечь в основу разработки новых действенных мер предупреждения преступности, – все это невозможно без всестороннего рассмотрения феномена криминальной субкультуры. Причём, рассмотрения не изолированного, а в контексте общей культурологической теории, всех, не только положительных, но и отрицательных компонентов «большой» культуры²⁷¹, в контексте закономерностей и особенностей происходящих в стране социально-культурных процессов.

Из всего многочисленного комплекса вопросов, которые естественно возникают, когда речь идет о таком многосложном явлении, будут рассмотрены те, которые объединяются одной актуальной и социально значимой темой: криминогенное влияние криминальной субкультуры или: криминальная субкультура – общество – преступность.

Речь пойдёт о криминальной субкультуре как об одной из актуальнейших характеристик духовной основы преступного мира, как важной составляющей механизма “расширенного воспроизводства” криминала в нашей стране и как одной из самых серьезных угроз криминологической безопасности граждан,

²⁷¹ Культуру общества, взятую как целостность и признаваемую большинством, принято в литературном обиходе называть «большая», «господствующая», «подлинная». Она и является вмещающей средой для субкультур. Эти термины будут использоваться при последующем изложении.

общества и государства России.

Сам по себе термин «криминальная субкультура» уже с первого взгляда раскрывает двуединую суть определяемого им явления, его природу. Она предопределена генетической связью с феноменами «культура» и «преступность». Как представляется, ключевым из них следует считать первое, поскольку именно оно открывает путь к анализу содержания триады: «культура» – «субкультура» и, далее, – «криминальная субкультура». С обзора существующих в обществоведении представлений о культуре мы начнём наше изложение.

Культура – понятие интегральное, всеобъемлющее. Будучи чрезвычайно сложной, многоуровневой системой, оно охватывает всё, сотворённое руками и разумом, интеллектом человечества, все стороны жизнедеятельности человека, общества, государства или, иначе, результаты этой жизнедеятельности в их материальной и духовной ипостаси.

Самое широкое определение культуры, как и следовало ожидать, принадлежит философам, с позиции которых культура – это форма бытия, которая образуется человеческой деятельностью и включает в себя личностные качества самого человека как субъекта творческой деятельности; способы деятельности, которые изобретаются человеком, совершенствуются и передаются из поколения в поколение благодаря обучению и воспитанию; многообразие предметов – материальных, духовных, художественных, в которых опредмечиваются процессы деятельности, которые, в свою очередь, становятся «второй природой» и образуют культурную среду общества; вторичные способы деятельности, служащие уже не опредмечиванию, а распредмечиванию тех человеческих качеств, которые хранятся в предметном бытии культуры; человека, как творения культуры и соучастника её творчества²⁷².

Сразу хочется обратить внимание на принцип конструирования определения: по сути это – перечень явлений и артефактов, дающих

²⁷² Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 43.

представление о сущности культуры как социального феномена. Такой принцип достаточно широко распространён, хотя, естественно, в других определениях, предлагаемых представителями иных научных дисциплин, перечни также оказываются иными. «Культура – это уровень отношений, которые сложились в коллективе, те нормы и образцы поведения, которые освящены традицией, обязательны для представителей данного этноса и различных его социальных групп. Культура предстаёт формой трансляции социального опыта через освоение каждым поколением не только предметного мира культуры, навыков и приёмов технологического отношения к природе, но и культурных ценностей, образцов поведения. Причём, эта регулирующая социальный опыт роль культуры такова, что она формирует устойчивые художественные каноны, представления о прекрасном и безобразном, добре и зле, отношению к природе и обществу, сущему и должному и т.д.»²⁷³. Нетрудно заметить, что приведенный вариант дефиниции отражает, прежде всего, социологический подход к пониманию культуры.

Для нашей темы очень актуально понимание культуры как образа жизни. Ключевые тезисы соответствующего определения, кроме «образа жизни», – «совокупность верований и практик», «социально стандартизированное поведение... некоторой группы», «материальные продукты поведения некоторой группы», «привычный способ мышления и поведения» и т. п.

Значимость феномена «образ жизни» для теории криминальной детерминации трудно переоценить. Образ жизни – это способ жизнедеятельности людей, проявляющийся в реально практикуемых нормах их общения, поведения, в складе мышления. Существует прямая и обратная связь категории «образ жизни» с ещё одним, представляющим немалый криминологический интерес, феноменом. Речь идёт о *нравах*, к числу которых принято относить взгляды, потребности и интересы, типы человеческих характеров, предпочтения, движущие и направляющие поведение людей и отношения между ними, другими словами то, что помогает «нащупать» многие

²⁷³ Глобалистика: Энциклопедия. М., изд-во «Радуга», 2003. С. 494.

очень важные пружины и модели человеческого поведения, в том числе и преступного.

По этому поводу очень точно высказался В.Н. Кудрявцев: образ жизни не только способствует преступлениям, но часто сам в них выражается. Преступное поведение – это и есть образ жизни значительного круга людей, причём не только профессиональных преступников²⁷⁴. Добавим, что вне анализа категорий «образ жизни» и «нравы» нельзя разобраться и в механизмах формирования и функционирования криминальной субкультуры.

Выше было сказано, что культура – это не только духовный, но и материальный мир, созданный человеком. Но проблемы материальной культуры (совокупность материальных благ, созданных людьми в процессе их трудовой деятельности) останутся за пределами нашего анализа. В соответствии с темой работы, предметом всего последующего изложения будет *духовная культура или, иначе говоря, результаты духовной деятельности людей.*

В своём конкретном воплощении духовная культура – это выраженное вовне содержание понятий, представлений, оценок, существующих в индивидуальном, групповом, общественном сознании, характер и уровень сложившихся отношений между людьми и между иными социальными субъектами государства и общества, нормы и образцы поведения, сформированные традициями и сами эти традиции, обязательные для представителей той или иной этнической, либо другой социальной группы, общества в целом. В частности, она являет собой форму сохранения и трансляции не только положительного, но и отрицательного социального опыта путём освоения каждым новым поколением названного духовного богатства и, увы, духовной скудости. Можно говорить о «сквозном» характере культуры: с ней непосредственно связаны все формы человеческой активности, в том числе и противоправное поведение.

Структура культуры чрезвычайно сложна, но в суммарном виде эта

²⁷⁴ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003, С.10–11.

структура представляет собой *единство трёх взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: интеллектуального, нравственного (этического) и эстетического.*

Итак, духовная культура как система мировосприятия, включает в себя сложную совокупность знаний, умений, идей, обычаев и традиций, моральных и правовых норм, религиозных верований, мифов и т.д. В рамках социокультурного пространства все эти социальные конструкты, каждый в своей сфере, функционируют, прежде всего, как относительно самостоятельные «подразделения» культуры. Но в реальной действительности они «представлены» в головах людей как «дирижёры» поведения не по отдельности, а комплексно, в сфокусированном виде. Здесь мы подходим к тому, что в обществоведении принято называть *картиной мира.*

Никакое общество в принципе не может существовать без своей собственной картины мира, понятной всем или, по крайней мере, большинству членов общества, и принятой ими. Под этим термином (трактуемым по-разному представителями различных наук) в данном случае выступает более или менее целостная ценностно-значимая совокупность (своего рода модель) представлений, явно или латентно существующих в сознании людей и касающихся, прежде всего, той реальности, в которой люди живут. Это – модель, определяемая культурой и одновременно определяющая её характер. Более того, с известной долей условности можно сказать, что картина мира общества – это и есть его культура. И уж во всяком случае, – её подробная «визитная карточка».

Картина мира, формируемая в рамках социума и ему принадлежащая, охватывает именно «мир» людей или социальных групп. Причём, не только внешний т.е. микро- и макросреду, но и собственный внутренний мир в сложном и противоречивом взаимодействии и взаимовлиянии этих двух ипостасей картины мира. В конечном счёте, именно она выступает в качестве одного из существенных субъективных детерминантов той или иной разновидности поведения (деятельности, поступков) включая противоправное.

Другими словами, картина мира – это идеальная мысленная конструкция, обобщающая для данного общества, социальной группы, индивида всю информацию о мире и о себе, находящемся в этом мире. Таким образом, это и есть окружающая объективная реальность, «опрокинутая» в сознание людей, и их субъективные представления о ней, а также отношение ко всему происходящему и к самому себе («Я» в мире или «жизнь человеческого духа»). И, что особенно важно, действительная полнота и «красочность» представлений достигается, как уже сказано, взаимосвязью и взаимодействием, сплавом представлений, относящихся к внешним и внутренним компонентам целостной картины мира.

Впрочем, правильнее было бы говорить не о картине мира, а о картинах мира. Ведь наряду с картиной мира социума в целом, т.е. совокупности представлений, которыми обладает большинство членов общества, существуют, соотносящиеся с ней как часть с целым, картины мира отдельных сообществ (национальных, религиозных и др.), социальных групп (возрастных, профессиональных, криминальных и др.) и, наконец, индивидуальные картины мира. На этой основе как раз и формируются различные субкультуры, в том числе и криминальная субкультура.

«Люди разных культур» внутри одного общества (которое, в действительности, только на первый взгляд и то лишь в условном смысле может быть признано единым), люди с различными, подчас противоположными системами ценностей, с различным, нередко принципиально разным, менталитетом, – это неизбежное явление, совершенно нормальное, естественное положение дел. Само по себе оно, таким образом, не свидетельствует о наличии социального, в том числе и криминологического, неблагополучия в стране. Но только если эта культурная дифференциация, достигая критических масштабов, не превращается в источник столкновений, острых социальных противоречий и если, притом, у государства и общества отсутствуют эффективные механизмы сглаживания противоречий, снижения уровня конфликтной напряжённости. При таких обстоятельствах сам собою

напрашивается вывод о том, что огромное разнообразие картин мира всё-таки заключает в себе определённый потенциал криминальной опасности, требующий постоянного внимания и принятия опережающих мер профилактики, чтобы возможная угроза не превратилась в реальную опасность для стабильного существования страны.

Завершая, кратко остановимся на том, как трактуется понятие культуры (духовной культуры) криминологами.

Надо признать, в нашей литературе очень немного попыток дать соответствующее определение. Притом, что написанных юристами книг и статей, так или иначе затрагивающих вопросы культуры (особенно, когда речь идёт о правовой культуре), за многие десятилетия накопилось много, они, наверное, могут составить немалую библиотеку. Приходится сожалеть, что многими авторами была, увы, упущена возможность обогатить содержание своих научных трудов за счёт профессионального осмысления базовых идей культурологии, социологии и других обществоведческих дисциплин и опоры на эти идеи.

В первую очередь, обращает на себя внимание очень общий характер определений, принадлежащих перу наших коллег (что вовсе не есть повод для критики). Скорее всего, это объясняется тем, что специалисты в области права и криминологии совершенно справедливо (и за это им отдельный респект) не считают себя соответствующими специалистами в деле исследования проблем, всестороннее освещение которых требует профессиональной культурологической подготовки. Обратимся к нескольким примерам.

М.П. Клеймёнов подчёркивает в культуре, прежде всего, её созидательную, конструктивную суть: «культура – это отражение той гармонии, имманентно присущей миру, которую человек, как носитель творческого начала, отражает и выражает в самых различных сторонах своей деятельности, духовных и материальных ценностях. Подлинная культура животворит, она не несёт в себе разрушающего потенциала. Таким

потенциалом обладает антикультура, псевдокультура, эрзакультура»²⁷⁵.

К оценке содержания последней фразы мы ещё вернемся, а сейчас заметим, что именно такая формулировка позволяет автору наиболее выпукло и чётко противопоставить подлинную культуру и то, что он называет антикультурой. Последняя же, как можно сделать вывод (и с таким выводом надо согласиться) есть духовная подоплёка криминализации общества, которую М.П. Клеймёнов справедливо считает результатом (от себя добавлю: и процессом) вандализации, искусственного разрушения культурного ядра общества, замены его эрзаобразцами²⁷⁶.

По мнению Е.В. Грибанова, культура представляет собой среду (поле), воздействующую на человека (институты семьи, образования, воспитания, СМИ, субкультур и др.), стимулирующую либо устраняющую его криминологически важные качества и одновременно испытывающую на себе воздействие формирующейся или уже сформированной личности²⁷⁷. Важнейшее значение моральных, нравственных компонентов культуры вполне обоснованно подчёркивают Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский: «всё, что создаётся в рамках культуры, создаётся через мотивацию каждого отдельного субъекта и относится к сфере добра или зла»²⁷⁸. Здесь внимание привлекает характеристика культуры как пространства столкновения добра и зла, итоговый вектор которого (столкновения) предопределяет мотивацию и, следовательно, законопослушное, либо противоправное поведение субъекта.

Итак, определения из арсенала криминологической науки отличаются от всех других спецификой профессионально подхода: криминологию культура интересует, прежде всего, в том качестве, в каком составляющие её элементы (включая и субкультурные ипостаси) обладают преимущественно

²⁷⁵ Клеймёнов М.П. Криминализация общества в России; культурологический аспект. Преступность и культура. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 19.

²⁷⁶ Там же. С. 19–20.

²⁷⁷ Грибанов Е.В. Криминологические аспекты изучения культуры и её влияния на преступность несовершеннолетних. Дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 25.

²⁷⁸ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., изд. НОРМА, 2008. С. 258.

криминогенным либо антикриминогенным потенциалом и, соответственно, могут влиять на формирование преступного поведения граждан или же сдерживать этот процесс.

В процессе любого анализа, в конечном счёте, неизменно доминантными остаются два тесно связанных между собой, дополняющих друг друга подхода к пониманию культуры: оценочный (аксиологический) и описательный (социологический). «Если первый претендует на установление различной культурной ценности для человека тех или иных фрагментов его внешнего и внутреннего мира, то второй лишь объективно констатирует, описывает то, что присуще миру безотносительно к его оценке. Действительно, понятие культуры включает в себе как бы двойной смысл: с одной стороны, оно выражает определенную оценку предмета или явления с точки зрения некоторой принятой системы ценностей (в этом случае о культуре говорят как о качестве, которое может быть присуще или не присуще явлению: наряду с «культурой» возможно и «бескультурье»), с другой, – просто обозначает наличие в любой сложной системе – общественной, групповой, индивидуальной – определенной совокупности элементов»²⁷⁹.

Логично будет начать с последнего, т.е. сказать о духовной культуре как социальном явлении *вне оценки* её компонентов. В этом смысле одна из основных целей социологии культуры состоит в *познании реальности в полном её объёме и разнообразии, а не в выявлении идеала*, в анализе действительного (сущего), т.е. происходящих в реальной жизни социокультурных процессов во всём разнообразии их содержания. Это означает, что социальная культурология разрабатывает методы объективного анализа, «диагностики» тех процессов жизнедеятельности, в которых не только создаются общепринятые высокие духовные ценности, но вместе с тем возникают застои, срывы, конфликты, массовые потрясения и крушения судеб обществ, социальных групп или отдельных личностей, совершаются дурные поступки и т.п. Один из основных постулатов культурологии как социологии культуры – признание

²⁷⁹ Культура: теории и проблемы. М.: «Наука», 1995. С. 35–36.

реальности, действительного процесса, а не только духовного феномена, насколько бы значительным он ни представал в сфере «собственно» культурной.

Не требует, видимо, доказательств мысль о том, что групповая или индивидуальная картина мира вмещает в себя компоненты, разные по своей значимости для жизнедеятельности субъекта, занимающие неодинаковое место на шкале предпочтений и с разной интенсивностью толкающие его на совершение тех или иных поступков. Отсюда следует: духовная культура, будучи категорией целостной, по своему содержанию представляет собой своего рода *единство противоположностей*: в ней соединяется, казалось бы, несоединимое. Причём, она вмещает в себя не только просто разные явления. Она объединяет в своём лоне явления, различные с точки зрения их социального качества, независимо от того, нравится нам нечто или нет, гордимся им или стыдимся, любим или ненавидим. Коротко говоря, *в ней есть всё – и высокое, и низкое*. Ничто не отвергается, ничему не отдаётся предпочтение, и то, и другое в равной мере подвергается анализу, – такова суть социологического понимания культуры.

Но как понять, что такое высокое и что такое низкое в культуре? Чем одно отличается от другого?

Инструментарием, позволяющим искать и находить ответы на эти вопросы, служит система оценок, включая процесс её формирования и применения, составляющие суть аксиологической²⁸⁰ доктрины культуры. Ядром этой доктрины являются такие категории как «ценности» и «ценностные ориентации». Они чрезвычайно значимы для анализа проблем уголовного права и криминологии.

Приверженность тем или иным ценностям культуры (или, иначе, ценностная ориентация) задаёт образцы и стандарты поведения и оказывает влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами (законопослушание – преступление), влияет на мотивацию поступков, целей и

²⁸⁰ От *axio* – ценность, *logos* – слово, учение.

средств их достижения.

Культура, как было сказано выше, объединяет в себе по сути и все без исключения духовные проявления и поступки людей: общепринятые (общезначимые) и отвергаемые большинством, признаваемые хорошими или плохими, полезными или вредными, одобряемыми либо порицаемыми, – все они, от абсолютного плюса до абсолютного минуса, с позиции социальной культурологии, есть ценности культуры. Но с аксиологических позиций, на общепринятой шкале ценностей, которая строится из длинного ряда «ступенек», предусматривая возможность достаточно тонкой нюансировки этих оценок, образно говоря, от белого до чёрного цвета, – этим ценностям принадлежат самые разные места: чему-то у вершины, чему-то у подножья.

Мы акцентируем на этом внимание потому, что слишком распространено неверное представление о ценностях как о чём-то исключительно положительном.

Итак, если на всё бесконечное разнообразие явлений, составляющих в итоге содержание духовной культуры, смотреть с аксиологических позиций, появляется возможность (и, что не менее важно, необходимость), понимать их субъективную значимость и делать для *себя* выбор между плохим и хорошим, честным и нечестным, уважаемым или презираемым, наконец, героическим или преступным. И всё это зависит от характера, содержания потребностей, желаний, интересов, которые, как известно, далеко не всегда одинаковы у разных людей, групп, обществ.

Как и любая сложная система, духовная культура фактически включает в себя не менее сложную «сеть» подсистем или разнородных композиционных блоков, иерархически связанных между собой. Для иллюстрации сказанного достаточно привести самый простой, никак не ранжированный, не имеющий в основе единого критерия перечень социальных групп: чиновники, наркоманы, сельские жители, футбольные фанаты, хакеры, молодежь, студенты, бродяги, национальные группы (ханты, чеченцы, китайцы), профессиональные военные и т.д.

Самоочевидно, что каждая из этих групп имеет собственное, более или менее выраженное, лицо и в то же время является составной частью системы социума. Однако, что можно сказать о приведенном или же ему подобном перечне, если оценивать его с позиций культурологии?

Во-первых, любая из названных или подобных социальных групп (функциональных блоков) существует как некая общность, во многих отношениях отдельная, сознающая свою отдельность от остальных членов большого социума и готовая её оберегать и отстаивать.

Во-вторых, каждая из них имеет свой менталитет, свою, в той либо иной степени сложившуюся, «специализированную» культуру, отличающуюся от культуры других сообществ и от большой культуры.

Каждая «отдельность» развивает, сохраняет, транслирует свою «отдельную» культуру, без которой она немыслима в принципе. Но и любая социальная группа обязана своей «самостью» этой специфической культуре. Иначе говоря, общность делает культуру, а культура делает общность.

Наконец, в-четвёртых, каждое отдельное сообщество, будучи подсистемой в системе социума, в целях самосохранения не может не ощущать себя и не вести себя как некая целостность, помещённая во внешнюю (в ряде случаев даже враждебную) среду. Соответственно, культура такой общности (независимо от её позитивной или негативной направленности) должна быть не только позиционирована, но и реально сформирована как целостность, чтобы выполнять функцию жизнеобеспечения своего и своей общности, чтобы удерживать каждую из этих групп от распада, от размывания в противоречивом и конфликтном социуме.

Надо полагать, читатель уже понял, что речь идёт о субкультуре тех или иных социальных общностей как части культуры общества в целом, и об её (субкультуры) базовых функциональных характеристиках.

Субкультура обладает собственной специфической картиной мира, формирующей язык, этику, эстетику, внешние отличия, ритуалы и традиции, законы и нормы. Именно от субкультуры производны также мифология,

привилегии для «элиты», предпочтения, способы проведения досуга, отношение к «своим» и «чужим» и т.д.

Каким образом перечисленные и иные свойства, особенности общей характеристики любой субкультуры находят отражение в определениях её криминальной разновидности? Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся к криминологической литературе.

О.П. Дубягина говорит о криминальной культуре как о способе поведения людей, образе действий, принятых в криминальной среде, «т.е. среде как лиц, совершивших, совершающих преступления, так и других лиц, взаимодействующих с осуждёнными и иными лицами, преступающими уголовный запрет»²⁸¹.

В этом определении привлекает взгляд автора на способы поведения и на образ преступных действий как на «квинтэссенцию» криминальной культуры. Однако ряд использованных далее терминов делает, на наш взгляд, авторскую мысль мало понятной. Во-первых, каждое ли действие, являющееся преступным, соответствует образу, принятому в криминальной среде, и потому может и должно быть оценено как воплощение криминальной культуры? Например, любое неосторожное деяние? Во-вторых, что скрывается за термином «взаимодействие»? Какова юридическая природа и фактическая суть такого взаимодействия, отвечающего «статусу» криминальной культуры? Полагаем, без ответов на эти вопросы предложенное определение не может оцениваться ни как теоретическое, ни как операциональное.

Фактически с тех же позиций, но более точно определяет криминальную субкультуру Ю.К. Александров: это образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определённых законов и традиций²⁸². К данной формулировке, пожалуй, необходимо сделать лишь одно уточнение: криминальная субкультура, конечно, может быть атрибутом одной или нескольких преступных групп, но о ней надо, прежде

²⁸¹ Дубягина О.П. Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды. М.: Издательство ООО «Юрлитинформ», 2008. С. 10.

²⁸² Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2002. С. 8.

всего, говорить как о социальном феномене, который, в принципе, вовсе не так жёстко структурирован.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания позиция В.Ф. Пирожкова, который понимает под криминальной субкультурой определённый уровень развития жизни преступных сообществ, выраженный в типах и формах их организации, деятельности членов данных сообществ, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях²⁸³. Здесь тоже в качестве ремарки заметим, что, в отличие от большой культуры, её криминальная составляющая, как таковая, не включает создание «криминальных материальных ценностей», она не располагает какими бы то ни было материальными носителями, кроме самих преступников.

Перечень подобного рода цитат можно было бы продолжить. Но мы остановимся на определении, по нашему мнению, наиболее полно и верно характеризующем предмет нашего анализа. Д.А. Корецкий и В.В. Тулегенов предлагают определить «криминальную субкультуру как совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на наиболее рациональную организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности»²⁸⁴.

Целый ряд признаков предопределяет специфику именно криминальной субкультуры, её существенное отличие от любой иной субкультурной модели, если рассматривать их как модель. Назовём наиболее существенные из этих признаков:

- картина мира максимально отличается от «типичной», т.е. характерной для большой культуры;
- особенно острое противостояние нормам и ценностям большой культуры; противостояние это – абсолютно, любые ситуации сближения носят

²⁸³ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодёжи (криминальная субкультура). Тверь: ИПП «Приз», 1994. С. 47.

²⁸⁴ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и её криминологическое значение. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 17.

тактический характер;

- относительная близость нормам и ценностям большинства делинквентных субкультур, вплоть до частичного взаимного совпадения;
- в отличие от иных субкультур, формируется как система и стратегия выживания в условиях направленной на неё борьбы на уничтожение;
- способность «мгновенно» меняться под воздействием обстоятельств, нередко «играя» на опережение, мимикрировать, принимая формы большой культуры, гибко подстраиваясь под её требования и условия;
- криминальная субкультура неискоренима, вечна, как неуничтожима сама преступность и её носители.

В связи с последним, казалось бы неопровержимым, тезисом попутно заметим: в публикациях самого последнего времени, оказывается, можно встретить суждения прямо противоположно толка. О.В. Старков пишет, что при рассмотрении содержания криминальной субкультуры главным является вопрос о причинах и условиях её возникновения, развития и ликвидации²⁸⁵. Серьёзная дискуссия по поводу ликвидации криминальной субкультуры, как и самой преступности, сегодня уже немыслима, будем считать это авторской оговоркой.

Выше мы привели несколько определений криминальной субкультуры, которые, на наш взгляд, в основном верно отражают наиболее существенные черты её характеристики. Однако надо сказать и о высказываниях, побуждающих к серьёзной дискуссии с их авторами.

Чтобы представить, каким образом освещается в криминологической литературе вопрос о природе интересующего нас феномена и его дефинициях, надо вначале обратиться к прошлому, впрочем и не очень далёкому.

Напомним, что в советское время концептуальная позиция криминологии строилась на безоговорочном противопоставлении преступности и того, что с нею связано, с одной стороны (чёрное), и культуры (белое), – с другой. Понятия “культура” и «криминальная субкультура» объявлялись несовместимыми,

²⁸⁵ Старков О.В. Цит. соч. С. 17.

исключающими друг друга. Но тогда это не было продиктовано вовсе не приверженностью к аксиологической трактовке предмета в её крайнем, если можно так сказать, «экстремистском» выражении. Ориентиром была жёсткая идеологическая установка: культура социализма, советская культура может быть только кристально чистой. Всё дурное – «от лукавого», т.е. буржуазного окружения.

Сегодня ни о каком идеологическом давлении говорить не приходится. Тем не менее, некоторые современные публикации дают повод думать, что трактовка сущности субкультуры во многих случаях не претерпела существенных изменений. Сошлёмся хотя бы на некоторые примеры.

Выше мы цитировали М.П. Клеймёнова, который применительно к предмету нашего анализа прибегает к таким терминам как «антикультура, псевдокультура, эрзацкультура»²⁸⁶. По О.В. Старкову, криминальная субкультура – это сделанное человеком нечто второстепенное, подчинённое, находящееся под культурой, рядом, возле неё²⁸⁷. Более того, по его мнению, «если всё сотворённое человеком позитивное и прогрессивное принято называть словом «культура», то всё произведённое негативное и регрессивное обычно называют термином «субкультура»²⁸⁸.

В.Ф. Пирожков пишет, что криминальная субкультура находится в «антагонистических отношениях» с культурой. А.И. Гуров полагает, что криминальная субкультура во всём противоречит культуре и является её антиподом²⁸⁹. Если учесть, что преступность (преступное поведение) есть одна из разновидностей социокультурной практики, следует признать аналогичным по смыслу суждение Н.И. Минкиной: «преступность имеет однозначно ярко

²⁸⁶ Клеймёнов М.П. Криминализация общества в России; культурологический аспект. Преступность и культура. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 19.

²⁸⁷ Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 4.

²⁸⁸ Старков О.В. Там же. Согласиться с такой позицией категорически мешает очевидный факт: существует множество субкультурных комплексов, которые, в целом, ни коим образом не могут быть оценены как негативные, например, субкультуры национальных меньшинств, профессиональных групп и т.п.

²⁸⁹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит-ра, 1990. С. 172.

выраженную определённую и антикультурологическое (?) происхождение»²⁹⁰.

По сути то же самое противопоставление стоит и за достаточно распространённой оценкой криминальной субкультуры как «псевдокультуры» и «квазикультуры». Ведь с помощью приставки «квази» обозначают нечто ложное, мнимое, ненастоящее. Если иметь в виду наш случай – не настоящая культура, т.е. не культура.

Итак, мы имеем дело с основанным на аксиологическом подходе противопоставлении двух типов социальных ценностей: криминальной субкультуры и большой культуры как абсолютно позитивного феномена. Можно ли возражать против самого факта такого противопоставления? В принципе, конечно, нет! А если ещё иметь в виду безусловно позитивную нравственную позицию авторов, их, если можно так сказать, моральный «посыл», тем более: любой нормальный, думающий человек не может не видеть концептуально значимого водораздела между ценностями криминала, с одной стороны, и нравственными, правовыми и культурными ценностями общества, с другой. Рассуждая с таких позиций, не следует возражать против любого из терминов, говорящих об антиобщественной природе преступности.

Предметом дискуссии является другое: в приведенных выше формулировках легко и очевидно просматривается идея не просто выделить определенную разновидность господствующей в обществе культуры и даже не столько выделить, наметив, по возможности, более или менее четкую границу между «большим» и «малым» феноменами культуры. Цель здесь, как представляется, – отделить, противопоставить, чтобы исключить криминальную субкультуру из контекста «большой» культуры.

Подобные высказывания, с которыми, на наш взгляд, невозможно согласиться, побуждают нас к дискуссии на тему, имеющую принципиальное, методологическое значение: является ли криминальная субкультура частью большой культуры, более того, *естественной и неотъемлемой его частью*.

²⁹⁰ Минкина Н.И. Культурная криминология. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью: вып. 1. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 99.

Во-первых, начнём с того, что для нужд криминологического исследования названных двух феноменов приоритетное значение имеет социологическая их трактовка. Аксиологический взгляд в данном случае, видимо, не актуален: криминальная субкультура, *будучи порождением преступности и её духовной поддержкой*, – это остро негативное явление, что само собой разумеется и потому, как аксиома, не требует специальной аргументации и не может оцениваться иначе.

В рамках же социологического подхода (и об этом неоднократно говорилось выше) неоспоримо то, что большая культура вмещает в себя и позитивные, и негативные образцы духовных ценностей. Среди последних один из самых худших – криминальная субкультура.

Во-вторых, важно подчеркнуть: *сама по себе «субкультура» как научная категория и как некий социальный конструкт изначально ни хороша, ни плоха. Это – своего рода ячейка, которая заполняется тем или иным содержанием, и уже в зависимости от своей имманентной сущности получает ту или иную социальную оценку.*

Всё сказанное в полной мере относится к криминальной субкультуре или к употребляемым в качестве её синонимов таким терминам как преступная субкультура, криминальная культура, субкультура преступного сообщества.

В-третьих, «антикультура» – это тоже культура, только иная, имеющая в своей основе иную систему духовных стандартов, поведенческих норм, представлений. Забегая несколько вперёд, скажем: действительно, на шкале ценностей, признаваемых таковыми большинством общества, криминальной субкультуре традиционно уготовано самое низкое положение. Но ведь даже в этом случае речь-то всё равно идёт о месте на *шкале ценностей культуры!*

Достаточно напомнить общее понятие субкультуры как *культуры* отдельного, осознавшего свою ценность блока (социального слоя, класса) в социуме. Соответственно, криминальная субкультура представляет собой специфическую составную часть общей культуры социума. Кратко и точно эту мысль сформулировал известный американский социолог – автор отличных

работ по криминологии Эдвин М. Шур: субкультура – это «культура внутри культуры»²⁹¹.

Отсюда – прямой логический вывод: преступность следует рассматривать как феномен культуры, а криминальная субкультура есть неотъемлемая составная часть преступности и всего, что с нею связано, значит, криминальная субкультура суть тоже культура, специфическая ее форма, и вне контекста культуры она не может быть ни понята, ни объяснена с точки зрения ее природы и сущности. Потому, что по исходной структуре, т.е. совокупности составляющих её компонентов субкультура ничем не отличается от большой культуры: это её нормы и ценности, традиции и обычаи, язык и символика, ритуалы и табу, наконец, менталитет и картина мира. Принципиально отличается «лишь» содержательное наполнение этих «ячеек».

Ещё одна особенность состоит в том, что криминальная субкультура находится во «враждебной» вмещающей среде, поскольку она и «большая» культура «исповедуют» кардинально различные базовые ценности. Речь идет, таким образом, о связи, которую можно назвать связью противоборства. Но здесь необходимо отметить, по меньшей мере, две важных момента.

Во-первых, поскольку криминальная субкультура находится не вне, а внутри названной выше среды, речь должна идти о враждебных отношениях в том же смысле, в каком здоровые силы организма враждуют с носителями болезни, мобилизуя все возможности иммунитета на её подавление.

Во-вторых, связь противоборства в то же время не следует трактовать как простую и односложную. В частности, в ее рамках нетрудно видеть такие компоненты, которые кажутся странными только на первый взгляд: например, взаимная «подпитка», а, значит, и поддержка, известная открытость, способствующая процессу взаимопроникновения и обмена ценностями и т.п. (об этом подробнее будет сказано ниже).

²⁹¹ Шур Эдвин М. Наше преступное общество. М., 1977. С. 158. Аналогична позиция Я.И. Гилянского (см. его: Криминология. Курс лекций. СПб., 2002. С. 38–39) и Г.Н. Горшенкова (Юридическая криминология // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 519).

Природа и сущность криминальной субкультуры наиболее явственно и конкретно раскрываются и воплощаются в ее функциях, весь комплекс которых можно условно разделить на две части – внутренние и внешние функции.

Внутренние – это, если можно так сказать, – функции «самообслуживания» или самоорганизации (Г.Н. Горшенков), связанные непосредственно с криминальной практикой преступного сообщества. Они включают в себя: а) создание своими специфическими средствами предпосылок для результативной деятельности – совершения преступлений, сокрытия их следов, уклонения виновных от ответственности; б) сохранение идентичности криминального сообщества; в) создание условий жизнеобеспечения сообщества в целом и отдельных его членов (в частности, функционирование т.н. общака); г) вертикальная (межпоколенная) и горизонтальная (относящаяся к новым членам сообщества) трансмиссия обычаев, традиций норм и правил поведения и т.п.; д) удержание сообщества в целом и отдельных преступных групп от “размывания” и “кадровых” потерь в условиях серьезных социальных перемен, усиленного давления со стороны правоохранительных органов (страх наступления ответственности) и др.

Внешние функции криминальной субкультуры связаны с исполнением ею роли инструмента (одного из инструментов) для достижения целей и обеспечения интересов преступного сообщества путем распространения его влияния «за собственные пределы», т.е. на общество в целом. Назовем некоторые из таких функций: а) помощь в решении задач пополнения рядов криминалитета главным образом за счет молодежи («кадровая» функция); б) содействие снижению в обществе «барьеров нетерпимости» к криминальной идеологии, культуре и криминальной практике как к способу выживания, жизнеобеспечения, обогащения и т.д. (идеологическая функция); в) использование инструментария криминальной субкультуры для воздействия на людей, от которых зависит успех операций по захвату ключевых позиций в важнейших экономических сферах (экономическая функция); г) то же самое применительно к операциям проникновения в высшие и иные властные

структуры, в правоохранительные и судебные органы (политическая функция) и т.д.

2. Криминальная субкультура как источник криминализации общества

Субкультура уголовного мира – одна из важных составляющих системы криминальной детерминации. Наша задача – показать, в чем состоят особенности механизма криминогенного влияния этого социального феномена, его месте в причинном комплексе, определяющем характер, тенденции и масштабы распространения преступности.

Как известно, причинный комплекс преступности включает в себя несколько блоков: экономический, политический, социальный, организационный и др. Особое место в этом комплексе, по мнению большинства специалистов-криминологов, принадлежит к блоку социально-психологических детерминантов. Ведь, образно говоря, преступления, в большинстве своём, вначале и прежде всего «совершаются» в головах людей, именно здесь находится главный блок пускового механизма преступного поведения.

Вот почему, главным образом, в сфере деформированных нравов, обычаев, привычек, психологических пружин, толкающих людей на нарушения закона, как раз и находится самое «плодородное поле» для криминальной субкультуры. При этом стоит ещё раз напомнить: криминальная субкультура действует не изолированно (самостоятельно), а во взаимодействии с другими компонентами причинного комплекса.

Наиболее значимыми каналами её криминогенного влияния, на наш взгляд, являются:

- распространение норм и ценностей криминальной субкультуры её носителями (агентами) и распространителями;
- использование взаимного проникновения криминальной субкультуры и большой культуры в интересах преступного мира;

- криминализация носителей смежных субкультур (групповой уровень).

Рассмотрение этих вопросов поможет понять, в чём состоят основные особенности «участия» криминальной субкультуры в детерминационных процессах преступности.

Вопрос о том, кто именно является носителями (агентами) криминальной субкультуры принципиально важен для нашего исследования. Ответ же, который лежит на поверхности, предельно прост: преступники. Но на поверхности далеко не всегда лежат верные ответы. Здесь уместно будет сказать несколько слов о следующем. Очень часто (если не всегда) мы привычно употребляем слова «криминальный мир», «криминальное или преступное сообщество», «криминал» и при этом не задумываемся о том, что и кто конкретно стоит за этими терминами. Неужели все без исключения лица, совершившие деяния, предусмотренные нормами уголовного закона?

Но ведь хорошо известно, что криминальный контингент настолько разнообразен, что зачастую некоторые преступники отличаются друг от друга больше, чем преступники – от некоторых законопослушных граждан (или, во всяком случае, считающиеся таковыми). Весь массив преступников, в зависимости от критериев классификации, можно разделить на неосторожных и умышленных; обычных и профессиональных; совершивших преступления тяжкие и иные, в одиночку, в группе, в банде, в составе организованной преступной группы; совершивших преступления политического, экономического, насильственного характера; несовершеннолетних, молодых, взрослых и т.д.

Вывод, который нетрудно сделать, имея в виду приведенные варианты классификации: криминал (криминальное сообщество) – это не все, чьи действия закон называет преступными. Соответственно, *далеко не все лица, совершившие преступление, могут и должны считаться носителями (агентами) криминальной субкультуры.* Вряд ли нужно специально аргументировать мысль о том, что за пределы круга носителей криминальной субкультуры следует вывести большую часть несовершеннолетних, случайных

(ситуативных) преступников, лиц, впервые совершивших деяния небольшой тяжести, неосторожных преступников и некоторые иные категории нарушителей уголовного запрета. Нет необходимости проводить специальные исследования, чтобы доказать: люди, о которых мы говорим, – это, хотя и оступившиеся, но, в целом, фактически обычные, не противопоставляющие себя обществу граждане. Образно, а потому и условно говоря, их можно назвать «преступниками факта (события, ситуации)». К нарушению уголовного закона их ведут не принципиальный конфликт с обществом, не криминальная идеология. Сказанное не означает, что в их сознании вообще нет никаких пороков, генетически связанных с дурным влиянием криминальной субкультуры. Такое вовсе не исключено. Но, как максимум, это чаще всего лишь отдельные проявления подобного рода ментальности.

Итак, относительно легко было более или менее определенно (а исчерпывающе точно – невозможно) обозначить круг тех преступников, кого *не следует* считать носителями криминальной субкультуры. Гораздо сложнее определить, кого *надо считать* таковыми, какие критерии позволяют в достаточной мере обоснованно провести водораздел между ними и другими уголовными правонарушителями. Следовательно, круг носителей криминальной субкультуры может быть очерчен лишь с относительной точностью.

Достаточно сказать, что сходные уголовно наказуемые деяния могут совершить в одном случае опытный, неоднократно судимый преступник, а в другом – новичок, который впредь ничего подобного не сотворит. Профессионал может «засветиться» на некрупной краже, в то время как некто, ранее не имевший никакого отношения к криминалитету, в пьяном угаре лишает жизни сразу несколько человек, да еще и с особой жестокостью.

Кто из них носитель криминальной субкультуры? Очевидно лишь одно: опираться лишь на критерий тяжести совершенного деяния для того, чтобы ответить на этот вопрос, было бы ошибочным. Хотя не меньший «прокол» – вообще исключать из анализа данный признак, как и любой другой. Особенно,

если использовать их «поодиночке». Видимо, следует опираться на их комплекс, чтобы получить не монохромный, а многокрасочный портрет, который только и способен дать представление о людях – носителях криминальной субкультуры. Это – правило. Исключения возможны, но они мизерны.

Если коротко сформулировать главное, надо сказать: носители криминальной субкультуры – это «вместилище» ее сущности, ядро преступного мира, его квинтэссенция. Речь идет о людях, для которых преступление не является случайным эпизодом, импульсивным поступком, эмоциональным срывом. Хотя с ними вполне может произойти и такое. *Но ведущий признак в другом: преступное поведение как составная и неотъемлемая часть жизненного процесса, как образ жизни.*

Это мир, в котором живут не все преступники, а только те, для кого криминально-субкультурные нормы – практическое руководство, имеющее приоритет над всеми другими. Указанные нормы, требования, правила поведения эти люди сознательно воспринимают как *постулаты преступного сообщества*, отчетливо и адекватно оценивая их антиобщественный характер, причем, принимают к руководству вполне добровольно, с готовностью нести ответственность за их нарушение (иногда еще и клятву дают на этот счет). Они активно защищают «кодекс жизни» уголовников, участвуя в реализации санкций, назначаемых нарушителям его требований и особенно – «отступникам».

В первую очередь здесь надо выделить профессиональных преступников. Понятием «криминальный профессионализм» охватывается преступная деятельность, которая характеризуется следующими признаками (по Гурову А.И.): устойчивый вид преступного занятия (специализация); наличие определенных знаний, навыков, опыта (квалификация); преступление как основной источник для существования; предельно жёсткая связь с асоциальной, криминальной средой. Профессиональные преступники делятся на тех, кто периодически или постоянно участвует непосредственно в преступных

действиях, и тех, кто, оставаясь в тени, осуществляет общее руководство всеми стадиями преступных операций, проводимых членами подчиненных организаций, либо обеспечивает прикрытие этих операций или же выполняет иные криминальные услуги (сбыт краденного, сутенерский бизнес, хранение оружия, автотранспортных средств и т.п.).

Классический образец профессионального преступника – это «вор в законе», «авторитет» – традиционный лидер преступного мира. Но, как было сказано, круг профессионалов не ограничивается только ими.

Совершенно очевидно, что удельный вес профессионалов в общей массе преступников относительно невелик. Но они вносят очень большой вклад в процессы консолидации преступного сообщества, внедрение в криминальную среду порядков, основанных на духе и «букве» норм криминальной субкультуры.

Еще один контингент, аккумулирующий в себе негативные образцы криминальной психологии, – рецидивисты. Официальные статистические данные свидетельствуют о крайне неблагоприятных тенденциях распространения рецидивизма. Так, удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершившими преступления, в среднем составляет примерно 25–30%.

Отмечается повышенный удельный вес специального рецидива (совершение однородных по своему характеру преступлений). Это косвенно свидетельствует о «профессиональном» совершенствовании преступников, об углублении их противостояния с обществом, осознанном выборе модели криминального повеления. Доля таких рецидивистов в числе лиц, совершающих умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения, разбои, грабежи составляет не менее одной трети.

Рецидивизм – «инструмент» двойного негативного действия. С одной стороны, здесь в процессе совершения новых и новых преступлений происходит накопление криминального опыта и навыков, совершенствование «мастерства», приоритет отдается наиболее опасным – групповым преступным

действиям. Так готовится почва для перехода определенной части рецидивистов в клан профессиональных преступников. С другой стороны, как уже подчеркивалось, рецидивная преступность не только аккумулирует в себе традиции, обычаи и нормы криминальной субкультуры, но становится одновременно источником всё более активного негативного влияния на общество. Конечно, общественная опасность профессиональной преступности гораздо более велика, чем рецидивной. Но рецидивисты существенно превосходят профессионалов количественно. Поэтому среда рецидивистов представляет собой не только гораздо более емкое «хранилище запасов», но и более мощный источник распространения культуры преступного мира.

Общеизвестно, что самым вредоносным источником худших образцов криминальных традиций, обычаев, порядков является, бесспорно, субкультура тюрем и колоний. Эти «университеты» проходит огромное множество людей, в том числе молодых, особенно подверженных отрицательным влияниям. Общеизвестно, что многие из них возвращаются в общество со сложившимися криминальными привычками и навыками. Высока их готовность подчиняться правилам поведения и нравам преступного мира. С этих позиций и следует оценивать данные, которые опубликованы на сайте Министерства юстиции Российской Федерации²⁹²: одновременно в местах лишения свободы, следственных изоляторах и на учете в уголовно-исполнительных инспекциях находится 1 млн 300 тыс. человек. Только через СИЗО за год проходит 3 с половиной миллиона, из них – 1 млн. 800 тыс. поступивших туда впервые.

По данным научных исследований в обществе одновременно находится от 10 до 15 миллионов человек, ранее совершавших преступления и в значительной своей части прошедших через горнило мест лишения свободы.

Как правило, очень активны в интересующем нас отношении так называемые «авторитеты», которые постепенно, но неуклонно приходят на смену прежним знаменитым «ворам в законе». В сравнении с ними фигура «авторитета» – не менее значительная и могущественная. Но это уже не

²⁹² Режим доступа: <http://www.minjust.ru>

татуированный зэк с почерневшими от чифиря зубами. Занимающие ключевые позиции в структурах, прежде всего, организованной преступности, контролирующие, подчас, важнейшие отрасли экономики, богатые обладатели российской и зарубежной недвижимости, – эти «авторитеты», при всем их внешнем лоске, остаются «буграми», уголовниками, пусть даже главными (т.е. главарями), и уже в силу этого носителями специфических форм криминальной субкультуры.

Очень близки по своей сути к кругу «авторитетов» лица, стоящие во главе сплоченных и устойчивых преступных групп самой разной направленности (бандитские, воровские, группы наркоторговцев и т.п.), в том числе и подростково-молодежных группировок, совершающих, как показывает практика, и корыстные, и насильственные преступления. Кстати, значительная часть таких главарей может не иметь многих судимостей и не имеет оснований хвастать долгими годами тюремной и лагерной отсидки. Они – организаторы и руководители, держащие в кулаке все нити управления группировкой. Они посылают «на дело» рядовых «бойцов», снимают все пенки с добычи, но сами в налетах, в преступных операциях не участвуют, остаются как бы в стороне, ни причем, и потому умело избегают законной ответственности, не предстают перед судом. Но были, есть и будут источником, питающим криминальной заразой окружающих, особенно тех, кого обмануть несложно, кто «сам обманываться рад».

Носителями криминальной субкультуры могут быть и «простые», «рядовые» преступники (не обязательно рецидивисты), если сами они прошли определенную «школу», если идеи, установки уголовной психологии глубоко проникли в их сознание, а сами они являются активными адептами соответствующего образа жизни, ревностным приверженцем этих идей.

Из сказанного выше вытекает, что прослойка носителей криминальной субкультуры в общей массе преступников ограничена по своим масштабам. Но иначе и быть не должно. В отличие от «серого» большинства, «хранители и радетели» этих норм и традиций, как правило, люди, прошедшие не только

школу, но и университеты жизни по законам преступного мира. И они могут быть только частью данного мира, хотя и очень значимой частью. Они действительно концентрат уголовной психологии, «ядерная» часть криминального населения, а «ядро» не может быть равно объему последнего. Впрочем, раковая опухоль тоже бывает не обязательно огромной. А как страшны метастазы! А результат?..

И тут возникает вопрос: если ситуация именно такова, почему же так быстро и широко распространяются «метастазы» криминальной субкультуры, легко переходя границы между преступным миром и обществом?

Более полный ответ на этот вопрос будет дан в одном из последующих разделов. Сейчас же подчеркнем лишь один, если можно так сказать, «организационно-кадровый» момент. Есть носители, и есть распространители криминальной субкультуры. Вторые, конечно, могут быть одновременно и носителями, но в роли распространителей чаще всего выступают и «рядовые» преступники, и обычные граждане, которые являются приверженцами тех или иных норм и традиций криминального мира и распространяют их (кто вольно, а кто и невольно, по малому разумению), подобно тому, как заболевшие инфицируют других людей. Число распространителей очень велико. В их ряды становятся (охотно!) даже некоторые СМИ. Так что в стране есть кому «позаботиться» о масштабах и темпах распространения криминальной субкультуры.

Резюмируя, сделаем вывод. Как было сказано ранее, - существует такой печальный круговорот: преступность рождает криминальную субкультуру, а та в свою очередь рождает преступность. Но этот круг не замкнут: определенные компоненты субкультуры преступного мира становятся достоянием людей за пределами этого мира. В этом смысле криминальная субкультура - категория более широкая, чем преступность. В другом смысле она менее широка, чем преступность (криминалитет), поскольку значительная часть лиц, совершивших уголовные проступки, не придерживаются норм, обычаев и традиций криминальной субкультуры.

Если говорить кратко, криминогенная роль субкультуры преступного мира состоит в её распространении в пространстве большой культуры общества и негативных (криминальных) последствиях этого процесса.

Названные два феномена существуют как целое и его часть, как система и подсистема. И вместе с тем, при всех их различиях, – как нечто единое, целостное: преисполненная противоречий духовная жизнь общества. Вот почему жёстких барьеров, непроходимых границ между большой культурой и криминальной субкультурой не существует. Можно сказать, что они живут друг в друге. Отсюда следует: *их взаимопроникновение и взаимовлияние – дело естественное и неизбежное.*

Начнём с ответа на вопрос: что происходит в результате воздействия криминальной субкультуры на большую культуру?

Воздействие это – внешне не сразу и не всем заметный, но от этого не менее активный и опасный процесс разрушения важнейших социокультурных основ существования государства и общества как цивилизации и как системы обеспечения безопасного существования граждан.

Общечеловеческие ценности, отраженные в социокультурных и, прежде всего, в нравственных нормах, - все это есть главные защитные силы страны, ее социальный иммунитет от любых форм беспорядка и хаоса. Своим негативным влиянием криминальная субкультура подтачивает, размывает, ослабляет эту иммунную систему, способствует возникновению ситуаций, в которых общество оказывается в значительной мере бессильным перед нарастающими преступными угрозами.

В результате криминального заражения происходит не просто девальвация, но и мутация сложившихся в обществе норм культуры, этических принципов оценки добра и зла. Образно говоря, хорошее превращается в плохое, а плохое ещё более укореняется, становится особенно вредоносным. Снижается общий уровень культуры населения, растёт число примитивных личностей, не способных противостоять дурным влияниям и собственным дурным инстинктам. В массовую культуру, в повседневный обиход внедряются

специфические для преступного мира способы коммуникации и разрешения конфликтов (как правило, противоправными средствами). Преступный мир насаждает нравы и обычаи, традиции и нормы, базирующихся на ценностях криминальной субкультуры, не только допускающие, но и оправдывающие, поощряющие, открыто провоцирующие нарушения уголовно-правовых запретов.

В этом, прежде всего, и заключается криминогенная экспансия криминальной субкультуры в здоровое (или, скорее всего, – в относительно здоровое) общество и её роль как стимулятора преступной активности в составе блока субъективных компонентов причинного комплекса преступности.

Распространение криминальной субкультуры в обществе, первоначальное приобщение к ней происходит, по преимуществу, спонтанно, стихийным образом. Однако нельзя не видеть и недооценивать достаточно распространенные ситуации, когда идеология преступного мира внедряется в сознание членов различных групп целенаправленно, расчетливо и планомерно²⁹³.

Чаще всего адресатами такого влияния оказываются подростковые и молодежные группировки, люди, не удовлетворенные своим низким статусом в системе официальных отношений. Благодатная почва для «расцвета» криминальной субкультуры – безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних, неудовлетворительное состояние психического и физического здоровья населения, появление все более увеличивающегося слоя «аутсайдеров», «лузеров», маргиналов – людей, отброшенных на обочину жизни и лишенных возможности и перспектив возврата к нормальным условиям бытия, молодежные группировки откровенно экстремистской и даже фашистской направленности. «Во все времена и во всех странах социальный слой наименее обеспеченных, наименее образованных и культурных людей традиционно проявлял склонность к нарушению уголовного закона, что

²⁹³ Это принципиально не меняет стихийной в целом природы криминализации общества путем распространения соответствующей субкультуры.

нередко приобретало характер социального протеста. Этот слой всегда был «поставщиком» преступников, алкоголиков, наркоманов, проституток и бродяг»²⁹⁴. Личность, не получившая в силу различных условий (очень часто – по собственной вине) признания и решившая «взять свое» хотя бы в преступном сообществе, как правило, чаще других демонстрирует свою приверженность криминальной субкультуре, готовность принять ее ценности и следовать ее нормам.

Как известно, норма – это правило, обязательное для исполнения. В этом состоит принудительный, императивный характер ее требований. Но если нормы по своему содержанию не противоречат уже сложившимся критериям приемлемого для субъекта (индивида, группы), если, иначе говоря, нормы эти субъективно привлекательны, то в процессе выполнения их требований постепенно, а подчас и достаточно быстро вырабатываются поведенческие образцы, наполняемые таким жизненно важным смыслом, что следование этим образцам, воспроизведение их происходит на совершенно добровольной, чаще всего даже на подсознательной, интуитивной основе. В этих случаях уже не требуется специальное осознание своей «формальной», диктуемой извне обязанности поступать так, а не иначе. Подобная внутренняя готовность добровольного восприятия ценностей криминальной субкультуры есть по сути свидетельство психологического созревания способности перейти непосредственно к криминальной практике. В этих случаях процесс диффузии норм криминальной субкультуры существенно ускоряется, рационализируется прежде всего за счет поправок на конкретные особенности «аудитории», и потому его негативная эффективность становится особенно высокой.

Интенсивность проникновения криминальной субкультуры в самые различные сферы жизнедеятельности социума и результативность ее криминогенного влияния зависят от фактического состояния нынешнего российского социального организма и прямо пропорциональны степени его болезни. Криминальная субкультура паразитирует на этих болезнях, на пороках

²⁹⁴ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: «Логос», 2004. С. 66.

общества, на деформациях общественного развития. Ее криминогенную силу и возможности умножают просчеты власти и управления, дефекты правового регулирования, людские слабости и ошибки. Основой поддержания ее «живучести» и ее влияния на процессы криминализации современной России служат многочисленные и хорошо известные теневые стороны и негативные последствия реформирования нашего общества и перехода на рельсы рыночной экономики. Впрочем, не менее значимы и ситуации, коренящиеся в прежних исторических условиях существования и развития государства.

Огромная разрушительная роль принадлежит коррупции, которая стала доминантой, определившей господство криминальных по существу отношений во всех сферах экономической и социальной жизни общества. И это на фоне отсутствия реальной системы предупреждения преступности и научно обоснованной уголовной политики, стратегии и тактики борьбы с нею.

Перечень можно было бы продолжать. Но важнее сказать: государство и общество, допуская подобные ситуации, вольно или невольно открывают простор для фактически свободного проникновения в любые, даже критически значимые сферы жизнедеятельности социума, а главное, – в сферу общественного сознания самых опасных «возбудителей» нравственных болезней, подталкивают собственных граждан жить не по законам, а по «правилам» криминальной субкультуры.

Очень важно подчеркнуть, что те социальные, экономические, социально-психологические, политические и иные явления, процессы, обстоятельства, ситуации, которые рассматриваются нами как условия и предпосылки формирования и распространения криминальной субкультуры в обществе, одновременно способны выступать в качестве детерминантов преступного поведения, т.е. в статусе факторов, входящих в состав причинного комплекса преступности. В этом состоит двуединая роль рассмотрения выше явлений и процессов.

Криминальная субкультура по изначальной сути своей агрессивна. Таково имманентное ее свойство, предопределенное социальным

предназначением. Если бы даже она оказалась просто активной, но не суперактивной, «высокоэнергетичной», решительно наступательной, т.е. агрессивной, – она не сумела бы выполнить одну из главных своих функций – содействие самосохранению преступного сообщества, воспроизводству и распространению уголовных правонарушений. Она бы оказалась беспомощной в ее борьбе со здоровыми силами общества и под их воздействием утратила бы значительную часть своего опасного потенциала.

Но, увы, криминальная субкультура, ее носители и распространители демонстрируют по-настоящему высокую степень агрессивности воздействия на общество и под этим напором подчас даже существенно меняются (причем меняются достаточно быстро, «на глазах») характер и темпы развития криминальных процессов – в локальных масштабах и общества в целом.

Мы уже не раз подчёркивали, что большая культура никогда не была, не будет и не может быть стерильно высокой, безупречной с точки зрения общественных интересов, вместившем только тех ценностей, которые, по всеобщему признанию, относятся к разряду позитивных. Далеко не во всех своих проявлениях «большая» культура остается на той же высоте, на какой она позиционирует себя в храмах музыки и живописи, на лучших страницах литературных произведений.

Очень живо и точно конкретизировал эту мысль Я.И. Гилинский: «В культуру входят способы научного, технического, художественного творчества, но также и способы взлома квартиры, ... нормы христианской морали, но также и нормы воровской культуры, лучшие образцы мирового зодчества, но также и надписи на заборах...»²⁹⁵.

Криминальная субкультура паразитирует на том низком, что есть в большой культуре, на её дефектах, теневых сторонах. Именно они создают «поле возможностей» для представителей преступного мира, с помощью «отмычек» своей субкультуры собирающих здесь криминальный «урожай».

Мы говорим о различного рода культурных суррогатах, образцах

²⁹⁵ Гилинский Я.И. Цит. соч. С. 46–47.

«низкой» культуры. Убогая и грубая, полная заимствований из уголовного лексикона и нецензурщины, речь, производная от столь же убогого мышления определенных категорий людей; многие, достойные решительного порицания, способы проведения торжественных мероприятий, сводящиеся к повальным пьянкам и хулиганским акциям (свадьбы, проводы призывников в армию, встречи демобилизованных солдат, празднования дня воздушно-десантных войск и т.п.); лишённые сколько-нибудь внятных интеллектуальных, художественных и иных достоинств, а порой и просто низкопробные произведения литературы, живописи, искусства, кино- и телепродукция, эстрадные номера, – все такого рода явления, пользующиеся к тому же зачастую большим общественным вниманием, – это тоже наша культура.

Конечно, упомянутые и сходные с ними обычаи и традиции, идеи, лежащие в основе соответствующих произведений, не следует рассматривать как один из вариантов субкультуры. Конечно, здесь в разной степени дают себя знать те или иные субкультурные компоненты ментальности различных людей или групп людей, нашедшие отражение в определенных обычаях, традициях, в подходе к творчеству и т.п. Но, скорее всего, все это образует своего рода *«переходную», «пороговую» культуру*, которая в том или ином отношении сближается с уже сложившимися субкультурами негативной или даже девиантной направленности. Именно здесь располагаются самые низкие из барьеров на пути проникновения криминальной субкультуры в пространство большой культуры.

Тот социокультурный слой, который был назван *«переходным», «пороговым»*, достаточно обширен. Значительная часть чиновничества, бизнесменов и контактирующих с ними граждан давно привыкли руководствоваться не правовыми и нравственными нормами, а *«понятиями»* (и термин, и принцип – из обихода преступников).

Наверное, в любой стране трудно найти людей, которые ни разу не совершали бы каких-то правонарушений или даже некоторых уголовных проступков. Но в нашем обществе, как представляется, соответствующая

планка опущена до крайне опасного уровня. Совершение многих, конечно, не «кровавых», преступлений (уклонение от уплаты налогов, мздоимство, казнокрадство и др.), как и общение с фигурантами уголовного мира, в представлении многих людей не считается чем-то предосудительным. У немалой доли выпускников школ и вузов критерий выбора будущих занятий – возможность получать «левые» доходы. Это только некоторые примеры того низкого, что есть в общественном сознании и что служит одновременно и социокультурной предпосылкой и результатом криминализации общества.

Когда под воздействием криминальной субкультуры смещаются и искажаются социокультурные ориентиры (критерии), происходит подмена смыслов, интеллектуальный сбой в понимании того, какие нравственные постулаты должны оставаться нерушимыми, через что можно, а через что нельзя переступить. Особенно явственно подобный сбой происходит, когда дело касается представлений о ценностях политики, о дозволенном и недозволенном в борьбе за власть и т.п. Сошлёмся на пример из советской истории.

Не требует, видимо, доказательств тезис о том, насколько несовместимы насилие и общепризнанные, общечеловеческие нормы морали. Они исключают друг друга по определению. Иначе говоря, зло насилия не может и не должно быть предметом морального выбора. Но иной оказалась мораль революционеров-марксистов и в первую очередь – В.И. Ленина. Вот как писал об этом известный русский мыслитель Н.А. Бердяев: «Марксизм считает зло путём к добру. Ленин объявляет нравственным всё, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, всякие средства. Нравственный момент теряет всякое самостоятельное значение. И это есть несомненная дегуманизация»²⁹⁶. Нетрудно понять, что здесь речь идёт о принципиальном противостоянии двух несовместимых социокультурных позиций в вопросе о допустимом и недопустимом.

²⁹⁶ Истоки и смысл русского коммунизма // Юность. 1989. № 11. С. 92.

Экскурс в прошлое не случаен. Надо ли доказывать, насколько прочно вошли в практику современной экономической и политической борьбы всё те же максимы: «цель оправдывает средства», «падающего толкни», «нет добра или зла, есть интерес» и т.п.

Мы солидарны с И.М. Мацкевичем, считающим, что криминальная субкультура не проникает в культуру, а уничтожает ее. Впрочем, от себя добавим: действительно, не проникает, если иметь в виду проникновение извне, поскольку сама есть часть культуры. Но процесс проникновения идёт, причём, идет постоянно: вредоносные компоненты криминальной субкультуры изнутри проникают в здоровые ткани большой культуры, поражая, а в каких-то пределах и уничтожая их, или, лучше сказать, подменяя одни ценности другими. Впрочем, как известно, далеко не всегда взаимодействие принимает столь острые конфликтные формы: многие компоненты криминальной субкультуры, таким способом проникнув, довольно-таки мирно уживаются с большой культурой.

Но есть на этом пространстве и гораздо более опасное. То, что напрямую связано и с культурой криминального мира, и с его практикой. Среди наиболее опасных феноменов такого рода, – *агрессивность*. Её органичное воплощение – системное насилие является, по мысли Г. Маркузе, неотъемлемой составляющей существующего социального порядка. Более того, системное насилие проявляет себя «как нечто само собой разумеющееся» и катастрофически «всеохватное»²⁹⁷. Интересующая криминологию агрессивность, выраженная в форме деструкции, жестокости или, иначе, злокачественная агрессивность (Э. Фромм) с её враждебностью, стремлением к захвату с применением даже средств уничтожения предмета ненависти (людей или даже неодушевлённых предметов) существует, конечно, как некоторым образом генетически предопределённое явление. Но это природное свойство так или иначе регулируется сознанием и, в одних случаях, контролируется, подавляется до разумных пределов. В других же, – усиливается,

²⁹⁷ Цит. по: Родионов С. Свободная мысль, июль 2007. С. 173.

«усовершенствуется» в процессе социальной практики и превращается в специфическую форму поведения – насилие как способ решения индивидуальных или групповых проблем, достижения успеха и других целей. Агрессивность, таким образом, становится продуктом социализации, актом, детерминированным социальными факторами и адекватным сложившейся системе мировосприятия. И потому это – уже культура.

Что же касается российского общественного сознания (один из наших социокультурных стереотипов) то, как справедливо замечает Ю.М. Антонян, в нём давно и прочно укоренились насильственные способы решения больших и малых проблем. Применение этих способов стало чем-то вроде национальной традиции. Поэтому, в частности, в России, начиная с середины XIX века, пышным цветом процветал терроризм, взращённый и реализованный многими поколениями людей, постоянно готовых к бунту, даже самому кровавому²⁹⁸. Констатация печальная, но с ней трудно не согласиться.

Другим опаснейшим, разрушительным пороком российской духовной культуры в условиях нашего многонационального государства является *национализм, ксенофобия, этноцентризм* – концентрат агрессивности и жестокости, одетых в сомнительного свойства форму «национального духа».

Национальное самосознание на уровне личности, социальной группы, общества, оценка своей национальной идентичности и вытекающие отсюда уважение к ценностям и достижениям своей нации, гордость за свою принадлежность к ней, готовность защищать её интересы и т. д. – всё это в совокупности есть неотъемлемая позитивная составляющая любой культуры. Позитивная, пока она связана с такими важнейшими категориями духовной культуры как «интернационализм», «толерантность». Там, где этого нет, национальное самосознание уступает место национализму – одному из крайних проявлений национального эгоцентризма.

Феномен национализма в его крайнем воплощении – это патологическая

²⁹⁸ Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. // Монография. М.: ВНИИ МВД России. 2001. С. 231.

форма самоуважения и самодостаточности нации, соединённая с дремучим пренебрежением к ценностям и идеалам общечеловеческой культуры и других культур. Это - доведенная до крайности, до абсурда гордыня, питающая ни на чём не основанную убежденность в собственной исключительности. Это – национальная идея, гипертрофированная до масштабов несовместимой со здравым смыслом «великой идеи», слепо оправдывающей, восхваляющей и даже поощряющей любые (вплоть до преступных) способы и средства действий во имя «очищения» пространства своей нации от тех, кто «не наш» по цвету кожи или волос. Воинствующий клич «Россия для русских!» – частный случай выплеска такой идеи. Она служит психологическим источником агрессивной расовой и национальной нетерпимости, которая не требует никаких разумных резонов для применения силы ко всем «чужим», а «чужой», в рамках данной культурной традиции – а priori – враг и поступать с ним надлежит как с врагом. Не случайно подобная убежденность – ключ к запуску механизма самых опасных преступлений ненависти.

Национализм – ещё одна дальняя периферия культуры. Субъекты, формирующие этот специфический социокультурный слой, приверженцы националистических идей – люди самого разного образовательного, профессионального статуса, разного положения (в том числе и весьма высокого) на ступенях социальной иерархии. Многие из них во всяких иных отношениях могут занимать нормальные и даже вполне положительные позиции. Но националистические взгляды, убеждения, а тем более поступки, отвергающие дозволения и запреты морали и совести, на наш взгляд, характеризуют их как носителей культуры люмпенов.

Дефекты, негативные компоненты духовной культуры общества сами по себе способны играть роль криминогенных факторов. Но в соединении с ними криминальная субкультура становится особенно опасной криминальной угрозой.

Ещё и ещё раз по необходимости напомним, что в силу изначальной своей природы криминальная субкультура являлась и, казалось бы, должна

была оставаться закрытой, замкнутой системой. Ведь рождена она для обслуживания внутренних интересов преступного сообщества, для обеспечения безопасности последнего и других нужд, требующих держать свою границу «на замке».

Но противоречивая сущность криминальной субкультуры сказалась в том, что, подчиняясь реалиям, требованиям объективной необходимости, она фактически тут же из закрытой системы превратилась в открытую (или относительно открытую) с достаточно свободным (или относительно свободным) «двусторонним движением». Почему так произошло? Целый ряд соображений убеждает, что неизбежность проникновения норм и ценностей цивилизованного мира в ткань криминальной субкультуры, их заимствования обусловили и продолжают обуславливать важные для выживания преступного сообщества обстоятельства. Кроме того, это делает криминальную субкультуру ещё более эффективным инструментом криминализации общества.

Преступники живут среди нас, они – неотъемлемая часть населения страны. Отсюда следует, на наш взгляд, логичный вывод: поскольку преступный мир не только не отделен стеной от всего остального мира людей, но, напротив, эти миры связаны между собой сложной системой «кровеносных сосудов», – даже самые вредоносные структуры криминального сообщества *живут одновременно в рамках двух культур – «большой» культуры и собственной субкультуры.*

В таких условиях проникновение первой во вторую становится просто неизбежным процессом. Более того, в силу целого ряда причин такая диффузия воспринимается криминальным сообществом как объективная необходимость для обеспечения его эгоистических интересов и в определенной мере превращается подчас в процесс управляемый, регулируемый.

Надо полагать, что изначальное формирование феномена криминальной субкультуры происходило «на материале» общепризнанных и потому заведомо понятных и чтимых категорий культуры и этики. Иначе откуда можно было брать в свой арсенал (инкорпорировать) то, что служило соблазнительной

приманкой для рекрутируемых молодых «бойцов», основанием для признания постулатов, правил поведения криминального сообщества не только убедительными, но и достойными уважения, охотно соблюдаемыми.

Но, конечно же, в процессе интериоризации происходило грубое, патологическое искажение самой сути заимствуемых понятий и терминов, замена истинного их содержания новым, работающим на потребу криминалитета, размывающим границы между добром и злом. Так благородный постулат помощь ближнему и взаимная поддержка стал стимулом формирования криминального «общака»; честность и благородство превратилось в воровскую «этическую» норму – не воровать у своих; товарищество – в круговую поруку; дружба – в преданность лидеру и преступной группе; коллективизм – в слепую защиту любых интересов группы любой ценой.

В тюремном мире справедливость и достоинство – это верность тюремным законам. Достойное поведение – это их неуклонное исполнение.

В определённом смысле можно сказать: криминальная субкультура – это сколок большой культуры, насыщенный иным, опасным для общества, но полезным для преступного мира содержанием.

Криминальная субкультура в форме ее языка, коммуникативных атрибутов, обычаев, традиций, правил поведения выступает как некое тайное знание для избранных, как особого рода сектантская религия, которую следует принимать за истину *просто потому, что веришь* в неё, веришь, не рассуждая и не заботясь об аргументах. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах криминальная субкультура не могла обойтись без заимствований из арсенала религиозных ценностей.

В первую очередь здесь речь идет о некоторых (особо подчеркиваем, – некоторых!) библейских постулатах. Можно назвать, в частности, уважение к старшим, почитание родителей («Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...» Исх., 20:12). Но святая истина была опошлена и в своё время среди криминальных татуировок

появилась модная и, как правило, лишённая правды фраза: «Не забуду мать родную». При этом, конечно, остались не востребованными такие заповеди как «не укради», «не убий» и др.

Из того же святого источника почерпнута была и идея *ритуалов*. И еще раз подчеркнем: взята именно идея, форма, а содержание, безусловно, ничего общего не имеет с сутью ритуалов храмовых. Добавим: психологическое влияние ритуалов достаточно велико, и оно, без сомнения, служит укоренению постулатов криминальной субкультуры в сознании участников, сплачивает членов преступного общества.

Среди таких ритуалов – порядок «прописки» новичка в тюремной камере, определение его статуса, изгнание из группы тех, кому отказано в доверии, проводы на свободу, «коронование» вора в законе и т.п.

Чем больше преступный мир испытывает на себе возрастающее давление со стороны общества, государства и их институтов, тем актуальнее для его представителей становится задача уменьшения риска разоблачения, обеспечения собственной безопасности и вместе с тем более свободного, если можно так сказать, – естественного существования в среде обычных граждан. Тем более, когда повышение интенсивности борьбы с преступностью, усиление уголовного преследования виновных, активизация силового и иного противодействия криминалу обостряет у представителей криминального сообщества чувство самосохранения, инстинкт выживания, а значит, побуждаем их быть более хитрыми, гибкими, умелыми, технически оснащенными, способными держать удар по принципу: «Хочешь жить – умей вертеться».

Реальные обстоятельства, с которыми нельзя было не считаться, заставляли преступный мир искать решения этой задачи, прежде всего, вне собственного относительно замкнутого клана. Один из выходов состоял в том, чтобы «раствориться» в «большом» мире. Член преступной группы должен быть незаметным, не привлекать к себе внимания, тем более – повышенного. Это нужно не только для того, чтобы подольше сохранить свободу, но еще

более – для расширения возможностей готовить и совершать новые преступления, прятать их следы, уходить от разоблачения.

Значит, уже нельзя так активно, как прежде, сопротивляться проникновению в свою среду общепринятых стандартов, норм культуры, свойственных ей, а не криминальной субкультуре. Интеграция в данном случае – не просто дань новым веяниям, а суровая необходимость, продиктованная интересами сохранения идентичности криминального сообщества. Это понимают даже самые рьяные ревнители обычаев и традиций криминалитета. Времена меняются, и «они» меняются вместе с ними, скажем мы, чуть-чуть перефразируя мудрое выражение древних латинян.

Хочешь сохранить себя – постигай искусство мимикрии. И она в данном случае имеет лишь одно направление – в сторону «большого» общества и заимствования его внешних атрибутов (сущностные идентификационные признаки и свойства, естественно, остаются у криминала неизменными). Иначе говоря, не в ущерб главному, определенные «территории» криминальной субкультуры «отдаются на милость победителя», в подчинение стандартам и нормам «большой» культуры.

Так постепенно крепло осознание того, что отказ от слепого следования жестким и бескомпромиссным криминальным регламентам и канонам, от существования только в рамках закрытых и тайных структур и одновременно восприятие хотя бы внешних атрибутов общечеловеческой культуры, следование им, – открывает путь в общество и сулит перспективы, о каких жизнь в условиях по законам преступного клана не позволяла даже мечтать.

Все сказанное можно было бы считать не только неоспоримым фактом (это так!), но еще и большой или малой победой цивилизации (за которой, правда, не очень ощущается поражение противника). Можно было бы говорить об отступлении криминала, о смягчении нравов уголовного мира и минимизации зла, если бы не то, о чем будет сказано ниже.

Дело в том, что с другой стороны, криминалитет в лице его «капитанов», а за ними и те, кто рангом пониже (имя им – легион!) вошли в общество не

только и не столько во имя самосохранения, но и для того, чтобы жить «как все», а может быть, не как все, а как все принадлежащие к высшим кругам, к избранным, к элите. И пользоваться всеми благами такого положения.

Преступный мир, прежде всего в лице его лидеров, во все времена, демонстрировал свою мобильность, гибкость, способность приспосабливаться к меняющимся условиям. Разнонаправленные процессы обновления и консервации в рамках криминального субкультурного слоя происходят перманентно и одновременно. Нормы, обычаи, традиции ветшают, эволюционируют, «подлаживаясь» под новые реалии. Но не меняется базовая составляющая криминальной субкультуры, ее сущность, социальное предназначение и служебная роль, т.е. все то, что должно обеспечивать наиболее результативное достижение криминальных целей. Под этим углом зрения нельзя не видеть: целенаправленно организуемое или стихийное проникновение «большой» культуры в криминальную субкультуру смягчает, «очеловечивает» последнюю с ее исходно жесткими посылами и установками, делает ее более привлекательной для восприятия «со стороны», похожей на настоящую культуру. И это облегчает проникновение криминальной субкультуры в общество и его культуру, а также в сознание значительно числа граждан.

3. Криминальная субкультура в системе смежных субкультур

Преступление – самая опасная, разновидность девиантного, отклоняющегося от принятых в обществе правил (норм), поведения. Эта аксиоматичная формула, безусловно верная в своей принципиальной основе, достаточно чётко отражает распространённую в криминологической литературе позицию, в соответствии с которой «социальная девиация» и её частный случай – преступление, преступность рассматриваются как форма (вид) человеческой

деятельности¹.

Между тем, по нашему мнению, видеть в девиации только «деятельностные» их формы, – значит, необоснованно сужать само это понятие. Представляется, есть все основания говорить и о негативных девиациях в духовной сфере. Криминальная субкультура, в силу её прямой связи с бытием криминального мира, – это типичная социокультурная девиация. Впрочем, здесь, как и во всех иных случаях, (наркотизм, проституция, «профессиональное» попрошайничество, алкоголизм) «деятельностные» и социокультурные отклонения не просто взаимосвязаны и имеют одни корни, они образуют органичное единство. По точному выражению Н.П. Мелешко, их единая антиобщественная природа обуславливает взаимное влияние, зависимость, соединение различных видов социальных отклонений, в том числе и преступлений, в единый негативный социальный процесс.

Имея в виду эту единую в принципе природу негативных форм социального отклонения, надо говорить и об общем, родовом понятии «девиантная субкультура», составной частью которой и является криминальная субкультура.

Не всякая девиация имеет собственную, достаточно автономную субкультурную характеристику. Однако в границах девиантной субкультуры в целом существуют достаточно четко дифференцируемые ее формы, которые связаны с вполне определенными типами социальных общностей и, соответственно, типами социального поведения.

Мы выборочно остановим внимание на характеристике представителей таких субкультурных общностей, имеющих чётко выраженную негативную направленность. Общее для всех подобных форм социальной девиации состоит в том, что они находятся в зоне так называемой *низовой культуры*, к которой, разумеется, относится и криминальная субкультура. Таким образом, все они не

¹ Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 28; см. также: Кудрявцев В.Н. и др. Социальные отклонения. М., 1989.

просто «смежники». Они, образно говоря, «варятся в одном котле». И это предоставляет носителям и распространителям криминальной субкультуры уникальные возможности эффективного проникновения в эти социальные группы, чтобы активизировать их противоправную активность, распространять на них своё влияние и рекрутировать здесь своих будущих сообщников. Дело это серьёзно облегчается тем, что публичные акции подобных групп, как правило, сопровождаются действиями на грани преступного или даже безоговорочно преступными. Обратимся к примерам.

Молодежно-подростковые уличные группы. Речь идет о давно и хорошо известных специалистам неформальных группах молодежи, возникающих по месту жительства. Несовершеннолетние здесь занимают до 80% состава подобных групп. Места встречи – подвалы, подъезды домов, чердаки, отдаленные парки, скверы. Общение сопровождается выпивками, нередко – наркотиками, многочисленными и зачастую беспорядочными половыми контактами. Драки между враждующими группировками, чаще всего жестокие и кровавые, – одновременно и защита своей территории, и проверка силы, храбрости, преданности группе. Общепринятые ценности, как правило, откровенно презираемы и отвергаемы, свои же, групповые, строго соблюдаемы, а нормы обязательны и им надо неуклонно следовать. Развлекаются («отрываются») члены подобных общностей в формах, вызывающих шок и возмущение окружающих: дерзкое хулиганство, кровавые драки, избиения неудобных (и незнакомых – просто так, для развлечения), вандализм, мелкие кражи, насильственное отобрание денег и вещей у младших и слабых (мобильные телефоны, айфоны и пр.), участие в азартных играх на деньги и т.п. Когда названные и им подобные поступки (а их перечень можно было бы продолжить) превращаются в стиль, норму поведения, не вызывает сомнения, что по сути законы жизни подобных групп и законы жизни преступного мира становятся постепенно едиными. И это означает, что завершился процесс перерастания таких группировок в собственно криминальные.

В рамках девиантной молодёжно-подростковой субкультуры существует

множество различного рода групп, часть из которых имеет собственные названия. Среди наиболее массовых – скинхеды. Движение скинхедов уже десятилетия распространяется в России. В ряде крупных городов действуют достаточно хорошо организованные и большие их объединения. В большинстве же своём – это слабо оформленное (но от этого не менее опасное) движение, члены которого готовы по первому сигналу собраться для проведения одной или нескольких «силовых» акций.

Идеологемы скинхедства – идеи русского патриотизма, густо замешанные на «дрожжах» шовинизма, ксенофобии, национал-социализма, этнического и религиозного экстремизма, гомофобии, ненависть ко всем «чужим», господства белой расы. Такова основа субкультуры скинхедов. А в основе практики лежит культ насилия в самых разных (чаще всего – криминальных) его формах: поиск и жестокое избиение людей с «неславянской» внешностью (в частности, иностранных студентов), погромы на рынках, в кафе, в местах проживания «чужаков», в электричках. В последнее время в качестве излюбленного и распространённого объекта насилия, наряду с кавказцами, стали выходцы из Средней Азии. Нападения на ни в чём не повинных людей часто заканчиваются тяжёлыми травмами или смертью.

Ближе всего к скинхедам и по идейным установкам, и по характеру практик примыкают группировки футбольных фанатов. С повышением интереса к футболу в последнее время, их число выросло, фанатское движение приобретает все больший размах. Сформировались достаточно крупные группы поклонников команд, и как следствие стала появляться и распространяться *фанатская субкультура* как специфическая система идеалов, ценностных ориентаций и традиций, а также свод правил (норм) группового поведения по время футбольных матчей или в связи с ними. На этой основе сложился специфический язык общения («фанатский» сленг) и внешняя атрибутика. Общая для всех российских фан-группировок субкультура имеет определенную специфику у каждого конкретного фан-движения, поддерживающего тот или иной клуб.

Большинство организационно сформировавшихся групп имеет своего рода «устав», в котором определены обязанности члена фан-группы, при несоблюдении которых, он может быть подвергнут соответствующим мерам воздействия (его могут публично избить, выразить недоверие и исключить из группы, «оштрафовать»).

Фанатская субкультура конфликтна и агрессивна. Чаще всего весь потенциал социально опасного конфликта (зачастую он носит характер хулиганства и насилия) выплескивается внутри субкультуры, на другие фан-движения, поклонников других команд, однако нападения очень часто направляются и на полицию, обеспечивающую правопорядок во время матча. Едва ли не все футбольные встречи заканчиваются массовыми драками фанатов и причинением крупного материального ущерба стадиону.

В криминологических работах Д.В. Деккерта, В.А. Мамедова и А.А. Мейтина субкультура футбольных фанатов рассматривается как стимулирующая среда для совершения противоправной и уголовно-наказуемой деятельности, а также как плодотворная почва для образования групп с элементами организованной преступности. Не случайно политизированные футбольные фанаты рассматриваются специалистами едва ли не как самые опасные среди молодых радикалов.

Субкультура огромного контингента наркоманов (наркотическая субкультура) – ещё одна разновидность делинквентной субкультуры.

Один из немногих исследователей этой проблемы А.А. Алоян дает следующее определение субкультуры наркомании: «Это своеобразная культура потребителей наркотиков, трансформированная антисоциальным мышлением система ценностей, с установкой на получение эйфории от употребления наркотиков и обладающая специфической мировоззренческой окраской, что вступает в противоречие социальными и правовыми нормами, установленными обществом»¹.

¹ Алоян А.А. Предупреждение распространения субкультуры наркомании в молодежной среде. Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия МВД России, 2002. С. 14.

Определение это, в целом приемлемое по своей основной схеме, нуждается, на наш взгляд, в заметной коррекции. Следовало бы подчеркнуть, что носителями наркотической субкультуры (так мы будем называть этот феномен по аналогии с формулой «криминальная субкультура») могут считаться лица, которые практикуют не просто потребление, а устойчивое потребление наркотиков.

Если учесть, что наркомания – это уже не просто отклонение (девиация), а болезнь на почве девиации, то тезис об «антисоциальном мышлении» вряд ли правильно относить ко всему контингенту без ограничения.

Определение не позволяет понять, в чем состоит «специфическая мировоззренческая окраска» своеобразной культуры потребителей наркотиков. А редакционная неточность состоит в том, что правовые нормы устанавливаются не обществом, а государством.

Наконец, следовало бы сказать еще и о потребителях не только наркотических, но и психотропных, а также сильнодействующих средств. С учетом этого последнего замечания, мы будем употреблять термин «наркотическая субкультура» в расширенном его толковании.

Субкультурная специфика в данном случае связана с тем, что здесь речь идет о психологии, нормах поведения людей в большинстве своем социально неустроенных, не умеющих, либо не желающих обрести достойный (кажущийся себе таковым) статус, чувствующих себя заброшенными, неблагополучными, аутсайдерами, переживающими утрату или изначальное отсутствие смысла жизни. Они «уходят» в наркотики, чтобы найти недоданные им семьей, окружением, обществом ощущения участия и заботы, понимания, снятия напряжения, наконец, счастья. Очень часто, когда дело касается несовершеннолетних, потребление наркотиков выступает как знак, демонстрирующий принадлежность к соответствующей субкультуре.

Для устойчивых потребителей наркотиков вся система ценностей, в конечном счете, преобразуется в своего рода концентрат, в котором сердцевина принадлежит наркотикам и тому, что с ними связано: соответствующий круг

общения с себе подобными, источники приобретения зелья, добыча денег для этой цели и т.п.

Здесь также существуют свои правила поведения – регуляторы отношений со «своими», с наркоторговцами, с внешним миром, своя система коммуникации. Последняя достаточно сложна, т.к. субкультурный круг включает в себя не только самих потребителей наркотиков, но и наркоторговцев (несколько уровней), людей, обеспечивающих инфраструктуру (наркопритоны, пункты продажи наркотиков и т.п.), представителей правоохранительной системы, которые подчас из борцов с этим злом превращаются в покровителей и даже прямых соучастников криминального распространения наркотических, психотропных и сильнодействующих средств.

Наш краткий анализ охватил не все разновидности (формы), образующие в своей совокупности девиантную субкультуру как негативное социальное явление. Мы не случайно акцентируем внимание на этом феномене как на некоем родовом понятии. Дело в том, что, забывая о принципах уровневого подхода, некоторые авторы анализируют как рядоположенные явления субкультуры профессиональной, организованной преступности, с одной стороны, и субкультуры молодежных группировок и наркоманов, – с другой²⁹⁹. В этом видится явное нарушение критериев классификации. Здесь в один ряд выстраиваются криминальные и некриминальные сообщества, носителей криминальной субкультуры и тех, кто таковыми не является. И хотя все эти разновидности субкультур могут быть, как уже говорилось, объединены родовым понятием – девиантная субкультура, – однако нельзя не видеть, что анализ отдельных ее видов окажется корректным лишь в том случае, когда мы будем учитывать уровневые и качественные различия между компонентами общей структуры.

В качестве итога подчеркнем следующее. Анализ родового понятия «делинквентная субкультура» и его составляющих, среди которых занимает

²⁹⁹ Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 36–38.

свое место криминальная субкультура, позволяет наглядно представить, во-первых, с какими видами субкультур криминальная имеет непосредственные точки или даже зоны соприкосновения. Во-вторых, понятно, что существование этих точек (зон) обеспечивает наиболее простое, быстрое и легкое взаимопроникновение и «взаимообогащение», делает значительную часть представителей смежных субкультур лёгкой «добычей» преступников. В-третьих, такая относительная легкость и результативность взаимной субкультурной диффузии объясняется, прежде всего, уже отмеченной единой природой всех негативных девиаций, в том числе и преступной, их системной близостью, многими общими чертами поведенческих проявлений, что было показано выше.

Криминальная субкультура взаимодействует с другими субкультурами делинквентной направленности, если можно так сказать, по горизонтали, как со «своими», и это важное обстоятельство, также объясняющее эффективность негативного ее влияния на «смежников». Впрочем, как и обратное влияние.

Аналогичным образом происходит взаимодействие и взаимовлияние различных форм делинквентной субкультуры при их контактах между собой, а не только с криминальной субкультурой. При этом одна культура берет у другой не все подряд, а лишь то, что близко ей самой, т.е. то, что смогут понять, оценить и использовать члены соответствующей общности для достижения групповых целей; то, что принесет группе явную или скрытую выгоду, даст преимущество перед другими группами; то, что отвечает внутренним потребностям данного сообщества, т.е. удовлетворяет такие фундаментальные потребности, какие не могут удовлетворить культурные артефакты и комплексы, имеющиеся в его распоряжении.

Так, футбольные фанаты оказались наилучшими соратниками для скинхедов и представителей ряда других молодёжных групп антиобщественной направленности при проведении массовых уличных акций, сопровождавшихся насилием, поджогами, погромами. Провокаторами в них зачастую были опытные преступники.

Таким образом, есть все основания говорить, что криминальная субкультура является мощным и крайне негативным источником влияния на все иные разновидности девиантной субкультуры и, следовательно, на их представителей, повышая тем самым их опасный для общества потенциал. Вместе с тем преступный мир имеет в лице носителей девиантной субкультуры свой надежный и постоянно обновляющийся резерв, подпитку. В итоге криминальная субкультура во многих отношениях сращивается с иными формами девиантной субкультуры. В конечном счете девиантное поведение в рамках соответствующих группировок и общностей представляет для очень многих молодых людей своего рода «курс молодого бойца» в процессе превращения в будущего серьезного преступника.

Не только уголовная статистика, но еще больше – сама жизнь показывает нам, в какую мощную силу превратился криминал в нашей стране. И, тем не менее, не покидает ощущение, что криминальная субкультура при всей ее агрессивности зайдет так далеко, насколько мы (общество) ей это позволим.

Но насколько мы позволим? И как долго будем позволять?...

Глава VIII. Коррупция

1. Понятие и состояние коррупции и коррупционной преступности

Понятие «коррупция», которым обозначается одно из самых общественно опасных явлений современного развития общества, пока еще не приобрело своего юридического закрепления в уголовно-правовом законодательстве России и является, по сути, криминологическим понятием.

В научной, учебной и общественно-публицистической литературе России сегодня существуют различные определения коррупции. В большинстве своем они в той или иной степени дополняют статью 1 Федерального закона РФ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года №273–ФЗ, где используется следующее определение коррупции: это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами³⁰⁰.

Однако чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и коррупции в собственном смысле слова, как подкупа, продажности. Их криминологические, криминалистические характеристики различаются, соответственно не являются идентичными и меры реагирования на них.

Таким образом, определение коррупции, данное в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», нуждается в более расширительном толковании с оценкой ее сущности как социального явления. С учетом этого

³⁰⁰ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч.1.). Ст. 6228.

дадим следующее определение понятия коррупции: коррупция – это негативное социальное явление, принимающее в современных условиях масштабы, угрожающие национальной безопасности государства, связанное с противоправным использованием лицом, занимающим определенное служебное положение в государственных, негосударственных и коммерческих структурах, своих полномочий в корыстных целях, а также противоправное предоставление ему материальных или иных преимуществ (подкупа) физическими и юридическими лицами за действия (бездействие), совершаемые в их пользу с использованием служебного положения.

Коррупция – это социально-противоправное явление. Как социальное явление, коррупция разлагающе влияет на процессы социального управления, способствует подрыву авторитета власти, дестабилизирует и нарушает основные принципы экономического развития. Как явление противоправное, коррупция рассматривается в двух аспектах. Во-первых, как противоправное использование субъектами власти и управления своего служебного положения вопреки интересам службы в корыстных целях для прямого собственного обогащения (воровство). Во-вторых, как противоправное предоставление субъектам власти и управления материальных или иных преимуществ иными физическими и юридическими лицами за действия (бездействие), совершаемые в их пользу с использованием своего служебного положения (взятка, подкуп).

Коррупции как социально-противоправному явлению в современный период присущи следующие характерные черты: системный характер, заключающийся в возникновении коррупционных иерархий, стабильности и множественности коррупциогенных источников, совершенствовании механизма реализации коррупции; распространенность и обыденность, связанные с тем, что она оказывается столь обычной и ожидаемой, что отказ от нее воспринимается как нарушение общепринятого порядка взаимоотношений; всепроникающее свойство коррупции, выражающееся в «способности ее заполнять» имеющиеся коррупциогенные «дыры» в законодательстве, нормотворчестве, коррупциогенные ниши в организационно-управленческой

деятельности, вклиниваться во взаимоотношения административных структур с населением.

Тем не менее, понятие коррупции является больше социально-криминологическим, поскольку коррупция предусматривает не только уголовно-правовые деяния, но и нарушения дисциплинарных норм, норм административного и гражданского законодательства, а также такие деяния, которые создают условия для коррупции. Общественная опасность коррупции и коррупционной преступности складывается в основном из общественно опасных фактов проявления взяточничества и коммерческого подкупа, доля которых в российском обществе довольно велика. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) только в 2011 году составил 160,71 млрд рублей. В среднем по России ежегодно возбуждается более 10 тысяч уголовных дел, причем только 70% из них доходит до суда, а реальную меру наказания, связанную с лишением свободы, получают лишь 25–30% осужденных.

Таблица 1³⁰¹

Годы	2009			2010		
	204	290	291	204	290	291
Статьи УК РФ	204	290	291	204	290	291
Окончено расследований уголовных дел	1436	6890	4971	1360	4265	4070
Направлено в суд уголовных дел	1094	6648	4236	1131	2348	3522
Выявлено лиц, совершивших преступления	627	2894	3976	757	2483	3845
Привлечено к уголовной ответственности	361	2138	3482	514	2039	3228

Заметим, что численность населения нынешней Российской Федерации меньше населения СССР на 40 %. В то же время число выявленных фактов взяточничества уже в 2010 году превысило показатели 1980 года на 25%, при этом число осужденных сократилось почти наполовину. Оценивая статистические показатели, следует отметить, что к лицам, осужденным по ст. 290 УК РФ, судами применяется в основном такая мера наказания, как

³⁰¹ Информационный справочник ГИАЦ МВД РФ. 2010–2012. <http://www.mvd.ru/stats/>

условное осуждение к лишению свободы, и лишь седьмая часть подсудимых приговаривается к реальному лишению свободы. Например, в 2005 году по ст. 290 УК РФ к реальному лишению свободы осуждено немногим более ста подсудимых, что составило 8,5%, в 2008 году из 8 625 человек, осужденных за взяточничество, менее 20% были лишены свободы. В 2010 году к реальному лишению свободы осуждены 25% обвиняемых, к лишению свободы условно – 63%, оштрафованы более 11%. При этом, по информации председателя Верховного суда РФ В. Лебедева, 43% осужденных получили дополнительное наказание в виде запрета занимать определенные должности. Из общего числа приговоренных к тюремным срокам 73% получили наказание за участие в преступлениях в составе организованных групп³⁰². Следует также заметить, что в течение трех лет количество осужденных взятодателей в полтора раза превышало количество привлеченных к реальной уголовной ответственности взятополучателей.

Нынешние показатели 2010–2012 годов снизились относительно уровня 2009 года, когда вступило в силу антикоррупционное законодательство, активизировавшее деятельность правоохранительных органов по выявлению этих преступлений. Сейчас же, как отметила руководитель российского отделения Transparency International Е. Панфилова, показатели возвращаются к своим традиционным значениям³⁰³.

Статистические данные необъективно отражают состояние коррумпированности общества, поскольку латентность данных преступлений остается чрезвычайно высокой. Одной из главных ее причин является то, что взятодатели вынуждены существовать в рамках коррупционного поля и чаще всего не сообщают правоохранительным органам о фактах дачи или вымогательства взятки.

Стремительно набравшая силу и пустившая глубокие корни в нашем обществе коррупция, как подчеркнуто в Национальной стратегии

³⁰² Российская газета 2011. 16 марта /www.rg.ru./

³⁰³ <http://www.rdcdaiv.ru>

противодействия коррупции, «...серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и является одним из основных препятствий выхода России на рубежи передовых держав мира»³⁰⁴.

Особая опасность коррупции заключается еще и в следующем: во-первых, коррупция носит скрытый характер и редко становится предметом судебного разбирательства, теневой характер коррупционных связей затрудняет техническую процедуру фиксации и возможность юридического пресечения подобной активности; во-вторых, коррупция не сводится к взяточничеству (и вообще к набору преступлений), поскольку лоббизм, протекционизм, nepотизм, фаворитизм, создание различных «целевых фондов», предоставление льгот, переход государственных чиновников на высокооплачиваемую работу в коммерческие структуры и т.п. также нередко являются формами коррупции; в-третьих, трудность правовой борьбы с коррупцией заключается в том, что зачастую законодатели, которые должны принимать законы о борьбе с коррупцией, на самом деле противодействуют этому.

Важной особенностью современной коррупции являются и ее широкое распространение в стране, значительные масштабы, особая общественная опасность. Коррупционной сетью охвачены такие важные сферы жизни, как экономика и политика. Особенно широко пронизаны коррупцией приватизация государственной собственности, финансирование, кредитование, банковские операции, лицензирование и квотирование, внешнеэкономическая деятельность, распределение фондов, осуществление земельной реформы и т.п. Одновременно коррупционная деятельность проникает и в такие политические процессы, как выборы в органы законодательной власти, деятельность этих

³⁰⁴ СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

органов, осуществление кадровых перестановок в органах государственной и муниципальной власти, принятие и реализация государственных решений.

В массовом сознании коррупция, к сожалению, получает все большее оправдание, и даже одобрение как путь, позволяющий эффективно решать возникающие у населения проблемы. На уровне бытовой коррупции взятка выступает почти стопроцентной гарантией успеха, а сама коррупция все больше становится органической, естественной частью жизни общества. Поэтому самым опасным последствием распространения коррупции стало не только разложение государственного аппарата, дискредитация власти, противоправное нарушение защищаемых законом интересов государства, отдельных граждан, но и развращение населения, общества в целом.

И «...хотя понятие коррупции, – говорится в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года, – должно определяться национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или не совершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие». Преимущественно как подкуп (активный и пассивный) рассматривает коррупцию Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и Конвенция Совета Европы (1999 г.) об уголовной ответственности за коррупцию отнесено также злоупотребление влиянием в корыстных целях. Здесь, таким образом, под коррупцией понимается подкуп, продажность должностных лиц (публичных служащих) и их служебное поведение, осуществляемое в связи с полученным или обещанным вознаграждением.

Коррупция сегодня является одним из основных объектов криминологического изучения, поскольку она часто проявляет себя в наиболее общественно опасных формах – коррупционных преступлениях и системно связана с разными видами преступности, в первую очередь с наиболее

общественно опасными фактами ее проявления в виде взяточничества и коммерческого подкупа. Таким образом, наиболее опасные проявления коррупции связаны с совершением коррупционных преступлений, совокупность которых образует понятие коррупционной преступности. Коррупционная преступность это социально-правовое явление, характеризующееся подкупом лиц, занимающих служебное положение и выражающееся в совокупности преступлений с признаками коррупции и лиц, их совершивших на определенной территории в определенный период времени. Из этого определения следует, что неизменными признаками коррупционного преступления являются:

- непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной службы (государственной службы, службы в органах местного самоуправления, непосредственному исполнению функций органов государственной власти), а также непубличной службы (службы в коммерческих и иных организациях);

- незаконный (противоправный) характер получаемых государственным (муниципальным) служащим или иным публичным служащим либо служащим коммерческой или иной организации преимуществ (имущества, услуг или льгот имущественного характера);

- использование виновным своего служебного положения вопреки интересам службы и наличие у него корыстной или иной личной заинтересованности и умысла на совершение противоправного деяния;

- специфичность субъектов совершения преступлений. Коррупционные преступления совершают не только должностные лица, но и иные государственные, муниципальные служащие, служащие коммерческих или иных негосударственных структур. В качестве же подкупающих выступают любые физические и юридические лица.

Согласно мнению ряда авторов коррупционная преступность включает разные по своей уголовно-правовой природе деяния. Ее составляют многие преступления против государственной власти, государственной и иной службы. Это, прежде всего взяточничество (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), а также

связанные с ним: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), преступления против интересов службы в коммерческих и других организациях (ст. ст. 201–204 УК РФ) и целый ряд иных преступлений, в том числе в сфере компьютерной информации – неправомерный доступ к компьютерной информации лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 272 УК РФ) и т.п.

Обычно коррупционные преступления воспринимаются как наиболее опасные проявления коррупции. До настоящего времени в России нет законодательного акта, включая и действующий Федеральный закон «О противодействии коррупции», где давался бы исчерпывающий перечень преступлений, которые следует относить к коррупционным³⁰⁵. Современный российский уголовный закон содержит весьма внушительный перечень норм об ответственности за собственно коррупционные и непосредственно связанные с ними преступления. Если допустить, что законодатель России достаточно точно «предугадал» коррупционную природу всех преступлений, совершение которых в принципе может быть связано с эксплуатацией служебного статуса в личных интересах, то число видов коррупционных преступлений достигнет нескольких десятков, которые бессистемно расположены в разных главах и разделах УК РФ. Поэтому однозначный перечень коррупционных преступлений – это не только технологическая (эффективный учет и контроль над распространенностью коррупционных проявлений), но и этическая проблема. Ведь любая неопределенность в решении открывает многочисленные возможности для политических спекуляций. К сожалению, полностью

³⁰⁵ Есть лишь совместное указание Генеральной прокуратуры и МВД «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности», включившее 23 преступления коррупционной направленности // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257339>

разрешить эту неопределенность может только законодатель.

Следовательно, особенностью коррупционных преступлений является, прежде всего, многоликость должностных или служебных злоупотреблений, которые полностью или частично, временно или навсегда затрудняют реализацию законных интересов тех или иных физических или юридических лиц, вынужденных в своей жизни и деятельности соприкасаться со статусными полномочиями чиновников. Ради охраны интересов потенциальных потерпевших и должны быть задействованы средства уголовного законодательства.

В настоящее время явление коррупции исследуется в рамках различных подходов, течений и направлений научной мысли и не только в России. Теории различных дисциплин изучают как глобальные направления, так и отдельные аспекты коррупции. Понятие коррупции прочно вошло в жизнь российского общества, а борьба с ней стала наиболее актуальной научной проблемой. Осуществлен ряд крупных научных исследований, посвященных проблеме анализа состояния, предупреждения и пресечения коррупции, опубликовано несколько десятков монографий и статей ведущих отечественных криминологов и специалистов в области административного права и государственного управления, издано достаточное количество содержательных учебных пособий, проведены научно-практические конференции, защищены докторские и кандидатские диссертации. Борьба с коррупцией стала одним из основных аргументов в конкурентной борьбе различных партий и их представителей за власть в законодательных и исполнительных органах.

В Российской Федерации коррупция является широко распространенным явлением. По оценкам экспертов, количество правонарушений, связанных с коррупцией, со времен Советского Союза возросло в разы – она стала широко распространенным социально негативным явлением. В научной литературе нередко высказываются точки зрения и, не только юристов, о том, что коррупция является наследием прошлого и что рост числа коррупционных деяний – результат перехода от прежней системы к построению новой России. А

сложившийся масштаб коррупции – это цена, которую стране приходится платить за такие преобразования. Кроме того, коррупция затронула если не все, то большинство ветвей государственной власти, включая и судебную.

Ряд авторов и политических деятелей не исключают, что коррупцией поражена вся политическая система. Говорить сегодня о проблеме коррупции в России – это значит говорить о финансовой и экономической базе этого явления, финансовых потоках и способах и формах контроля их циркуляции, это свидетельствует о монопольных группировках в ключевых отраслях хозяйства, обеспечивающих экономическую деятельность. Но выбранный вариант экономических реформ с самого начала имел своей доминантной не структурную перестройку, не наведение элементарного порядка в экономике, а снятие неких административных ограничений, тормозов, которые, по мысли идеологов реформ, препятствовали реализации экономической активности потенциальных собственников.

Судя по сегодняшней ситуации, коррупция приобрела системный характер и затрагивает практически все общество, включая его основы. А высокий уровень коррупции характерен, как для сектора государственного управления, так и для частного сектора. Динамика коррупционной преступности десяти-пятнадцати лет характеризовалась неуклонным повышением абсолютного числа зарегистрированных преступлений, например, экономической направленности: с 85,6 тыс. в 1998 году до 482,5 тыс. в 2009 году и с 5,8 тыс. до 13,1 тыс. фактов взяточничества соответственно³⁰⁶.

Однако к 2012 году на фоне общего сокращения преступности в стране за последние 5-6 лет почти на 1,5 млн. фактов, в 2,8 раза сократилось количество выявленных преступлений экономической направленности (с 489,6 тыс. в 2006 году до 172,9 тыс. в 2012 году). С 2009 года взяточничество снизилось на 25,8%. По сравнению с 2010 годом в 2011 году число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами, сократилось на

³⁰⁶ Коррупция в России: статистика, сравнительный анализ, зарубежный опыт / Информационно-аналитическое агентство МиК. М., 2009.

26,8%, – выявлено 202 454 преступления данной категории, из них 8 682 налоговых преступлений. 40 315 преступлений совершены в крупном или особо крупном размерах, 7 144 – в составе организованных групп либо преступных сообществ. 123 921 уголовное дело направлено в суд. Удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 8,4%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 160,7 млрд рублей, а тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 53,8%³⁰⁷.

По данным МВД РФ, в 2012 году зарегистрировано 34 097 преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, причем 438 из них совершены группой лиц по предварительному сговору, а 248 – в составе преступных сообществ. Следует заметить, что 911 преступлений были совершены в крупном или особо крупном размерах. В основе большинства этих преступлений лежит взятка, подкуп, в том числе в виде различного рода «откатов» должностным лицам. Размер причиненного государству ущерба по возбужденным уголовным делам за последние два года составил более 144,5 млрд рублей. На 5,3% снизилось количество выявленных фактов получения и на 20,5% – дачи взятки.

Таблица 2

Год	Всего зарегистрировано преступлений (в тыс.)	Преступления в сфере экономической деятельности	Взятничество	Должностные преступления
2006	3855,4	489 643	11 063	39 751
2007	3582,5	459 176	11 616	39 078
2008	3209,8	448 782	12 512	40 473
2009	2994,8	482 578	13 141	43 086
2010	2 628 799	314 679	12 012	37 255
2011	2404,8	202 454	10 952	34 783
2012	2302168	172 975	9 758	34 097

Тем не менее, в России не существует единого мнения при оценке уровня и масштабов коррупции, ее влияния на криминологическую безопасность страны. Более того, эта информация носит довольно общий характер и во

³⁰⁷ <http://mvd.ru/presscenter/statistics/> <http://pasm.ru/archive/64352>

многим основывается как на статистических данных, социологических и научных исследованиях, так и на предположениях. Сложившаяся ситуация нуждается в более детальном ее изучении, например, путем проведения углубленных научных исследований, анализа и оценок, а также выработки научных рекомендаций, которые дали бы более детальное представление о масштабах и формах коррупции в стране, ее влиянии на криминологическую обстановку как на общенациональном, так и региональном уровнях.

По мнению многих исследователей этой темы, коррупция стала наибольшим из зол для переходных обществ. Она является одним из звеньев в длинной цепи экономических, социальных, духовных проблем, в том числе и для России, у которой долгий путь социальных перемен сопровождается многолетними перманентным балансированием между кризисом и непродолжительными периодами относительной стабильности, что провоцирует многочисленные социальные аномалии: криминализацию общества, социальное неравенство и коррупцию, которые носят системный характер и связаны с несовершенством общества и самого человека.

В России в настоящее время, как отмечалось ранее, нет нормативного акта, в котором прямо бы говорилось о том, какие преступления следует относить к коррупционным. Кроме того, нередко коррупционные преступления, нарушая уголовный закон, нарушают одновременно законодательные нормы других отраслей права. Например, при злоупотреблении должностными полномочиями должностные лица принимают решения в пользу определенных юридических и физических лиц и при этом нарушают антимонопольное законодательство, закон о лицензировании, гражданско-правовые нормы, закрепляющие право граждан владеть, пользоваться и распоряжаться собственным имуществом.

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых показано, что рост масштабов коррупции непосредственно связан с процессами, происходящими в странах с переходной экономикой. В результате возник некий мутант, соединяющий остатки государственного социализма, олигархический капитал,

зачатки корпоративизма, рыночных структур и обширный массив криминального предпринимательства. Все это опутано паутиной теневых и криминально-мафиозных отношений права и связано с коррумпированным государственным аппаратом.

Каковы же предпосылки коррупционных преступлений? В соответствии с идеей Гэри Беккера, принимая решение о выборе направления своей деятельности, человек исходит из четырех факторов. Во-первых, своих способностей; во-вторых, моральных ценностей и ограничений, заложенных его воспитанием, семьей; в-третьих, ограничений, накладываемых устройством внешней среды; в-четвертых, из стремления максимализировать свою выгоду³⁰⁸.

К сожалению, до настоящего времени большое количество вопросов отдается на решение чиновникам. Именно подобный вектор развития государства стимулирует рост коррупции. Чем больше контролирующих, визирующих, разрешающих органов, тем больше объем взяточничества. Уже сейчас количество чиновников в РФ превысило их количественные показатели в СССР (притом, что в СССР в состав чиновников входили и партийные функционеры). Общая численность работников органов государственной власти и местного самоуправления в конце 2012 года составила около 2 миллионов человек, или 1,8% занятого населения Российской Федерации (без учета аппарата МВД России, Минобороны России и других органов, обеспечивающих правопорядок и охрану безопасности государства, таможен).

По Конституции РФ все органы власти распределены на самостоятельные группы по территориальному признаку, – это федеральный уровень, уровень субъекта Федерации и органы местного самоуправления. На федеральный уровень приходится 35% общей численности работников органов законодательной власти и 40% – исполнительной. Распределение государственных служащих по ветвям власти на 1 января 2013 года следующее:

³⁰⁸ Becker G. Public Policies, Pressure Groups and Dead Weight Costs // Journal of Political Economy. 1985. №28. P. 38.

исполнительная власть – 85,2%, судебная власть – 3,2%, законодательная власть – 9,4%, другие государственные органы – 2,2%³⁰⁹.

С 1995 года неправительственная международная организация Transparency International публикует ежегодный «коррупционный рейтинг», основывающийся на данных Всемирного банка, Всемирного экономического форума и Африканского банка развития.

Таблица 3

№ п/п	Год	Количество стран в рейтинге	Место России в рейтинге	Индекс восприятия коррупции
1.	1996	54	46-47	2,6
2.	1997	52	49	2,3
3.	1998	85	76	2,4
4.	1999	99	82-83	2,4
5.	2000	90	82-83	2,1
6.	2001	91	79-81	2,3
7.	2002	102	71-76	2,7
8.	2003	133	86-87	2,7
9.	2004	145	90-96	2,8
10.	2005	158	126-129	2,4
11.	2006	163	121-129	2,5
12.	2007	180	143-146	2,3
13.	2008	180	147-150	2,1
14.	2009	180	146-153	2,2
15.	2010	178	154-163	2,1
16.	2011	182	143-151	2,4
17.	2012	176	133-138	28 из 100

Наихудшая ситуация, по мнению экспертов, в 2012 году сложилась в Сомали, Северной Корее и Афганистане, которые набрали 8 баллов из 100 возможных (с 2012 года новая формула расчета, до этого Индекс восприятия коррупции представляет собой оценку от 0 – максимальный уровень коррупции до 10 – отсутствие коррупции). Наименее склонными к коррупции странами названы Дания, Финляндия, которые смогли обогнать показатель Новой Зеландии в первой тройке (все – 90 баллов). На четвертом и пятом местах оказались Швеция и Сингапур³¹⁰. Россия набрала в рейтинге 28 баллов – столько же, сколько Иран, Казахстан, Гондурас, Гайана и Коморские острова и заняла 133 позицию. Всего в списке было представлено 176 стран. Стоит

³⁰⁹ <http://transparency.org.ru/podrazdeleniia/priemnye>

³¹⁰ www.globallookpress.com; http://ru.wikipedia.org/wiki/Transparency_International

отметить, что в предыдущем году показатели России были несколько хуже – 144 место из 182 государств и тогда Россия соседствовала с Нигерией и Мавританией.

Transparency International также регулярно проводит исследование «Барометр мировой коррупции», в котором отражается мнение граждан о том, какие государственные или общественные институты наиболее подвержены влиянию коррупции. Оценка дается в баллах от 1 (отсутствие влияния коррупции) до 5 (наивысшая коррумпированность). Для РФ эти показатели выглядят следующим образом:

Таблица 4

№ п/п	Наименование организации	2004	2005	2006	2007	2009	2010
1.	Правоохранительные органы	4	4,2	4	4,1	4,5	3,9
2.	Вооруженные силы	3,4	3,5	3,5	3,8	-	3,5
3.	Бизнес	3,6	3,8	3,9	3,9	3,7	3,4
4.	Образование	3,5	3,7	3,7	3,9	-	3,7
5.	Медицина	3,4	3,5	3,7	3,9	-	-
6.	НКО	2,7	2,7	3,1	3,2	-	3,1
7.	СМИ	3,4	3,4	3,5	3,7	3,5	3,2

По данным исследования TI, проведенного совместно с фондом ИНДЕМ, в список наиболее коррумпированных ведомств России входят государственные конторы, ведающие выдачей лицензий и квот на экспорт, бюджетными трансфертами, налоговыми зачетами, обслуживанием бюджетных счетов, зачетом долгов в регионах, а также приватизацией и проведением торгов. Уровень «отката» тому или иному чиновнику тоже не тайна: от 10 до 30% от суммы сделки с постоянной тенденцией к повышению³¹¹.

2. Коррупция как фактор преступности

Взаимосвязь коррупции и преступности заключается, во-первых, в том, что коррупционная преступность является наиболее общественно опасной частью коррупции, во-вторых, коррупция и коррупционная преступность непосредственно влияют и на другие виды преступлений, способствуя их

³¹¹ <http://www.rb.ru/inform/95437.html>

разрастанию, повышению общественной опасности. Коррупция приводит к росту общей преступности, наркомании, оказывает губительное влияние на экономику нашей страны. В каком-то смысле коррупция является корнем, источником очень многих проблем и пороков общества. И без минимизации коррупции невозможно снизить уровень преступности, эффективно бороться с наркоманией, организованной преступностью и терроризмом, построить эффективную экономику, снизить инфляционный уровень. Борьба со многими пороками общества без уничтожения коррупции подобна борьбе с ветряными мельницами.

Коррупция и теневая экономика. Наиболее тесно коррупция связана с теневой экономикой, порождая преступления в сфере экономики. В недавнем историческом прошлом в России экономика сочетала в себе теневое, нелегальное, преступное начало, с одной стороны, и легальное экономическое – с другой. Независимо от способа получения незаконной прибыли, ее воспроизводство имеет не разовый, а постоянный характер, то есть теневая экономика является сложным, противоречивым социально-экономическим процессом, нелегальной преступной деятельностью. В 90-е годы она охватила большую часть общественных и государственных структур. Существенное ослабление роли государства в процессе осуществляемых в нашей стране радикальных социально-экономических и политических преобразований стали фактором, способствующим криминализации экономики и коррупции государственного аппарата. К сожалению, не используемая государством ниша была заполнена организованной преступностью.

И сегодня к сфере теневой экономики относится неконтролируемое государством производство, распределение, обмен и потребление товарно-материальных ценностей, денег, услуг. Теневая экономика и коррупция – социально-экономические «близнецы». Теневая экономика, безусловно, порождает коррупцию, а коррупция, в свою очередь, создает основу для расцвета теневой экономики. Причина и следствие, цель и средство здесь настолько взаимоувязаны и переплетены, что создают замкнутый круг. Во-

первых, теневая экономика может существовать и развиваться в значительных масштабах лишь в условиях коррумпированности всех систем государственной власти и управления. Во-вторых, теневая экономика формирует коррупционные отношения во всех тех сферах политики и экономики, от которых зависит ее благополучное существование. В-третьих, коррупция вынуждает теневую экономику оставаться в тени и вести нелегальный бизнес. В-четвертых, коррупция создает основу для формирования новых сфер и видов теневой экономики. В-пятых, теневая экономика – финансовая основа коррупции, а коррупция – финансовая основа теневой экономики³¹².

В сфере нелегальной экономической деятельности действует тенденция к организованности, объективно порождаемая двумя группами причин: во-первых, регулярная противоправная экономическая деятельность достаточно сложна и многообразна, а потому требует объединения усилий задействованных в ней лиц, а значит определенного уровня организованности; во-вторых, наличие в определенных социальных сферах благоприятных условий для получения высоких прибылей нелегальным путем, что со временем закономерно порождает конкуренцию, в которой успех гарантирован более влиятельному, авторитетному, а значит более организованному, часто криминальному субъекту.

Финансовые средства и материальные ценности государства привлекли внимание представителей общеуголовной преступности, что повлекло в середине 80-х годов вовлечение в процессе вторичного перераспределения значительной части этих ценностей. С этого времени можно говорить о систематической практике перераспределения доходов теневой экономики и о начале становления и интенсивного развития коррупции в России.

³¹² По оценкам некоторых авторов, на взятки чиновникам российский бизнес ежегодно тратит 1,4 российского бюджета, или почти 1/3 часть ВВП. Размер федерального бюджета РФ в 2009 г. составил (в фактическом исполнении) 9 трлн. 636,8 млрд рублей, или 318,633 млрд долларов США (курс рубля по отношению к доллару США по состоянию на 31 декабря 2009 г. – 30,2442 руб.). Российский ВВП в 2009 г. составил 39016 млрд руб., или 1290,033 млрд долларов США (бюджет к ВВП равен 24,7 %) (расчеты сделаны автором по данным Росстата).

Ввиду образовавшегося в этот период времени большого дефицита потребители начинают искать различные возможности для того, чтобы удовлетворить свои потребности. Это автоматически вызывает волну коррупции, связанную с увеличением числа взяток-подкупа и различных других нелегальных способов давления. Потребители стараются оказать взаимную услугу тем людям, от которых зависит решение их проблемы – по принципу «сегодня – ты мне, а завтра я – тебе». Некоторые экономисты и социологи (К. Поланьи, Е. Ханкиш) в связи с этим выдвинули идею о свободном «банке взаимных услуг» в дефицитном хозяйстве и обратили внимание на то, что взаимные услуги в командной системе являются такой формой распределения, которая имеет не меньшее значение, чем рыночное распределение в соответствии с денежными голосами³¹³.

Хотелось бы особо отметить, что в условиях существовавшей в то время экономической системы в стране с монополией государственной собственности и при остром дефиците товаров, теневая экономика явилась закономерным результатом реализации экономических интересов населения. В этом смысле теневая экономика есть не что иное, как нормальная экономическая деятельность в ненормальных условиях.

Важнейшим фактором криминализации общества в постсоветской России в сфере экономики, явилось новое государство, криминогенная роль которого во время переходного периода проявилась в нескольких формах. Так, государственно-чиновничий аппарат, ставший инициатором изменений, начал превращаться в «реформаторов», внедрявших рыночные отношения в экономику. Но в глазах большинства населения он продолжал оставаться поборником социалистических форм хозяйствования, поскольку общественное сознание трансформируется крайне медленно. Тем самым, представители правящих кругов были вынуждены скрывать свою причастность к переделу собственности, становясь при этом уязвимыми со стороны преступных

313

группировок. Произошла девальвация политического капитала. Все большее значение стал приобретать экономический капитал. Интересы государственных политиков и руководителей бизнеса стали пересекаться и дополняться по обоюдной взаимной договоренности.

Расширившаяся экономическая свобода привела к тому, что к должностным полномочиям государственных чиновников, управленцев прибавились куда более престижные с точки зрения прибыльности полномочия – бизнесменов (предпринимателей). Таким образом, к середине 90-х годов XX века, в стране возникает мощный теневой рынок товаров и услуг. Высокий уровень латентности экономических преступлений позволял подавляющему большинству участвующих в теневых операциях уйти от ответственности. Со временем в руках дельцов теневой экономики сосредоточились огромные денежные средства, а сам механизм экономики оказался криминализированным.

Параллельно с формализованной, «первой» экономикой вне государственной регистрации и фискального учета формируется «вторая», теневая экономика, целые отрасли, не обремененные законодательством и не имеющие официального статуса. Но если того требует их теневой бизнес, то могут формально выйти из тени, чтобы, например, приобщиться к распределению бюджетных общественных благ и превратить их в объект рыночных манипуляций. И это неизбежно предполагает установление коррупционных отношений с соответствующими агентами органов власти и управления.

Формы и методы, которыми проводилась приватизация, способствовали криминализации российской экономики и росту в стране коррупции. Многие преступные группировки приняли активное участие в приватизации. На первых этапах разгосударствления около 35% капитала и 80% «голодающих» акций перешли в руки криминального мира. Бюрократический характер реформы собственности усилил зависимость экономических субъектов от произвола чиновников. До 90% предпринимателей регулярно сталкиваются с

вымогательством со стороны чиновников³¹⁴.

Слияние теневой экономики и общеуголовной преступности, вовлечение последней в сферу управления теневой экономикой, укрепляет организованную преступность, формируя многочисленные взаимные интересы, которые появляются в ходе непосредственных контактов через совместную преступную деятельность в экономической сфере, поддержанную законодательной и исполнительными органами власти.

Таким образом, криминогенный механизм был заложен в само основание вновь нарождавшегося государства. Более того, государство, как хозяйствующий субъект сильнейшим образом ослабило себя и как политический институт. А сращивание бизнеса и политики привело к тому, что мощнейший аппарат власти и управления, направленный против преступности, сам себя уничтожает. На его месте возникает новый тип власти и управления – криминальное государство. Фактически коррупция стала пониматься как использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего официального положения и связанных с ним возможностей для противоправного получения материальных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам. Судя по сложившейся в тот период времени ситуации, чиновники и лидеры общеуголовной преступности достигли консенсуса на основе сложившегося баланса интересов. Компромисс стал следствием дифференциации функций.

Регулярное извлечение сверхприбылей преступным путем невозможно без коррупции, которая выступает как процесс продажи власти в качестве товара. Коррупционная ситуация, складывающаяся в современном российском обществе, продолжает оставаться достаточно сложной. Во многом это объясняется тем, что на коррупционную преступность, тесно связанную со всем укладом жизни общества (экономикой, политикой, культурой, нравственно-

³¹⁴ Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: Модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 2002. С. 106.

психологической обстановкой и другими условиями жизнедеятельности), негативное влияние оказывают существующие в нем противоречия, приводящие к тяжелым криминогенным последствиям.

За последнее десятилетие при характеристике складывающейся социально-экономической и общественно-политической ситуации в Российской Федерации с завидным постоянством констатируется негативный факт распространения коррупции в системе государственно-служебных отношений. Отрицать реальную общественную опасность этого явления невозможно. По оценкам российских специалистов и международных экспертов, до 50% реально получаемой прибыли в добывающих отраслях промышленности и привлекаемых в Россию инвестиций идет не на развитие экономики, а тратится на подкуп должностных лиц³¹⁵. Эксперты Всемирного банка полагают, что за выдачу лицензий на тот или иной вид деятельности идет от 3 до 10% предполагаемого дохода, завышение должностными лицами стоимости общественных работ или оборудования составляет от 20 до 100% от действительной их стоимости³¹⁶. В целом потери от коррупции в экономике составляют от 20 до 40%, то есть суммарный ущерб, причиняемый отечественной экономике коррупцией, доходит, по оценкам российских специалистов, до 20 млрд долларов в год, а, по мнению их западных коллег, эта сумма в 2 раза больше³¹⁷. Уровень коррумпированности напрямую влияет на процесс «утечки капиталов» за рубеж. По данным некоторых российских политиков на сегодня, за границей находится от 200 до 400 млрд. долларов, нелегально вывезенных из Российской Федерации.

На протяжении пятнадцати лет законодатель не желал ни принимать общенормативный акт по борьбе с коррупцией, ни вносить изменения в

³¹⁵ Куликов А.С. Власть ржавчины // Московский комсомолец. 2000. № 81.

³¹⁶ Ковалев Н.Д. Тайна в решетке // Московский комсомолец. 2000. № 122.

³¹⁷ Сатаров Г.А. Коррупция страшна тем, что она выгодна // Чистые руки. 1999. №1. С. 11; Он же. Социально-политический и социально-экономический аспекты коррупции в России // Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспекты. М.: МВД России, 1999. С. 39.

законодательство, повышающие ответственность должностных лиц. Действующие же нормативные акты не исполнялись государственными чиновниками из-за отсутствия правовых механизмов их реализации. Участие государственных чиновников, политиков в течение этих полутора десятков лет в процедурах подготовки, обсуждения законопроектов по борьбе с коррупцией со всей очевидностью свидетельствовали о явном сопротивлении принятию действенного антикоррупционного законодательства, игнорировании многих действенных мер, в том числе рекомендованных Советом Европы, по борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов. Да и в своих публичных выступлениях многие политики не скрывали мотивов отрицания необходимости эффективной борьбы с коррупцией. По оценке бывшего помощника Президента РФ А. Лившица, данной им еще в 1993 году, усиление борьбы с коррупцией способно «привести к потере равновесия в экономике», а поэтому он «против резких движений в вопросах борьбы с коррупцией»³¹⁸.

Коррупция и криминальная мораль. 17 февраля 2006 года Государственная Дума ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией, которую представители России подписали еще 9 декабря 2003 года в мексиканском городе Мерида. И теперь слова «коррупция», «коррумпированный», «коррумпитовать» перестало сходить со страниц средств массовой информации, научной литературы. Их произносили по отношению к нетождественным явлениям политики, ученые, просто граждане. И это видимо, не случайно, перед тем как ратифицировать Конвенцию депутаты долго жонглировали отечественными альтернативами «англоязычному термину». Однако ни «продажность», ни «гниение», ни «разложение» подходящими вариантами сочтены не были. Конечно же, речь идет не просто о словах и их переводе на русский язык. От этого зависела и зависит оценка явления – как его распространенность, так и процесс детерминации, а также стратегия, программы противодействия коррупции, правовое, научно-методическое и иное обеспечение борьбы с этим явлением.

³¹⁸ Вечерняя Москва. 1993. 29 июля.

Следовательно, в поправках в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также другие федеральные законы должны учитываться как реальное положение дел с коррупцией в стране и действующее законодательство, так и теоретические наработки ученых со всесторонним конструктивным их обсуждением. Ведь в основе всех коррупционных преступлений лежат, во-первых, «закрытость» в деятельности чиновников, а во-вторых, отсутствие эффективного общественного контроля за их деятельностью. Возможность распоряжаться конфиденциальной служебной информацией по своему усмотрению порождает желание заработать на этом путем предоставления ее заинтересованным лицам, а также использования ее данных для лоббирования интересов частных лиц или структур с внесением необходимых для коррупционеров коррективов в эту информацию. К тому же в современной России у должностных лиц не существует ответственности за разглашение служебной информации, кроме как дисциплинарной. С введением в силу Закона «О государственной тайне» институт служебной тайны перестал регулироваться российским законодательством. Например, Уголовным кодексом РФ предусмотрена ответственность за разглашение государственной тайны, коммерческой тайны, но не существует ответственности за разглашение служебной тайны. С другой стороны, степень открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления также не урегулирована российским законодательством.

Здесь большую роль играют субъективные факторы, связанные, прежде всего, с моральными ограничениями самих чиновников, то есть с их совестью. В России взяточник и взяточдатель не считают, что они совершают аморальный поступок, более того, в российском обществе это часто считается нормальным, оправданным, а порой прямо входит в нормы поведения.

Право и нравственность в регулировании общественной жизни имеют свои особенности. Правовые нормы и нравственные принципы – это правила поведения людей в обществе. В научной литературе и нормативных правовых актах встречается определение, что «нравственность – система норм, правил

поведения, которые сложились в обществе на основе традиционных духовных и культурных ценностей, а именно представлений о добре, чести, достоинстве, долге, совести, справедливости и т.д.».

Нравственные нормы, не имея формальной определенности правил поведения, обеспечиваются как внутренним самоконтролем, так и влиянием авторитетов. Право же, обладая нормативной определенностью, обеспечивается принудительной силой государства для соблюдения гражданами правил поведения. Совокупность сбалансированности права и нравственности дает стабильность в обществе. Когда изменяется государство, характер этих перемен будет нравственным лишь в том случае, если известно и принимается обществом соотношение между целями и средствами их достижения и если общественные и государственные ценности об общественном благе совпадают и правильно понимаются.

В каждый период развития истории российской государственности, так или иначе, присутствовало нравственное начало. Однако в последнее время в стране наблюдается и утверждается общая нравственная беспринципность нашего законодательства и правоприменительной практики. А проблема отсутствия сдерживающих нравственных принципов, заложенных в законодательные акты, особенно актуальна для российского законодателя, ибо законы нередко попросту игнорируются на любых уровнях. А вот англичане, к примеру, до сих пор считают своим основным законом Великую хартию вольностей 1215 года, которая определяет нравственные основы поведения³¹⁹. Если это и консерватизм, то он оправдан.

Начиная с Кормчей книги на протяжении всей истории развития российского законодательства, становление которого происходило под воздействием Византийского христианства, и, заканчивая статьей 6 Конституции СССР о роли КПСС, прослеживалось действие общих идеальных норм на регулирование реальных общественных отношений.

319

<http://referat.yabotanik.ru/filosofiya/moral-i-pravo-v-pravoohranitelnoj-deyatelnosti/48170/47406/page2.html>, http://www.refstar.ru/data/r/id.6523_1.html

Сделать сегодня вывод о том, было положительным или отрицательным это влияние, достаточно сложно, однако вполне очевидно, что отсутствие такого сдерживающего фактора в настоящее время отрицательно сказывается на возможности правового регулирования противодействия коррупции и борьбы с ней. Несмотря на несоответствие общих идеальных норм, реально складывающимся правоотношениям, нормы права, отягощенные общими моральными и нравственными запретами, имеющими нормативный характер, реально воздействовали на уровень коррупции в стране. Это прослеживалось в наличии ответственности (как правовой, так и внеправовой), а также в правоприменительной практике при решении вопросов ответственности за совершение безнравственных проступков.

В отличие от западного подхода, когда светская власть отделена от духовной, а также восточного, где многие вопросы государственного управления решают духовные власти, идеальные нормы нравственности и морали, как духовные (христианство), так и коммунистические нормы (в период СССР), в российской действительности трансформировались в нормативные акты светского управления государством, применение которых (с точки зрения борьбы с коррупцией в органах власти) осуществлялось органами, наделенными специальными полномочиями дисциплинарного характера. В Российской империи это было, например, Дисциплинарное высшее присутствие в составе Сената, в компетенцию которого входило рассмотрение дисциплинарных дел в отношении судей и прокуроров. В советский период этим органом была КПСС. Члены КПСС несли ответственность по партийной линии, что осуществлялось путем наложения дисциплинарных взысканий, вплоть до исключения из партии, а это автоматически означало увольнение с должности.

В настоящее время в стране пытаются воссоздать утраченный за годы советской власти статус христианства и других религий, при этом нравственные принципы этих учений, как правило, в системе государственного управления не реализуются. Становление демократических государств, которое

сопровождалось образованием общественных институтов контроля над моральным обликом государственных чиновников, способствовало сокращению уровня коррупции в странах западной ориентации. В постсоветской России такие институты общественного контроля над нравственностью находятся в процессе становления и пока, к сожалению, не могут оказать реальное воздействие на государственный и муниципальный аппарат власти. Достаточно редки случаи, когда высокопоставленные чиновники, уличенные в неблагоприятных поступках, добровольно заявляли бы о своей отставке.

Для повышения нравственного уровня в российском обществе возможны различные пути, в основе которых должен лежать как общественный контроль над чиновниками, так и, возможно, наличие независимого от ведомственной принадлежности института, наделенного полномочиями по вынесению дисциплинарных наказаний всем, без исключения, должностным лицам. В эти структуры должны избираться авторитетные по морально-нравственным качествам граждане на основе всеобщего, равного избирательного права с облегченной процедурой отстранения избранных лиц из-за несоответствия морально-нравственным принципам. Такая структура могла бы контролировать деятельность должностных лиц по этическим принципам при тщательной регламентации этих принципов на законодательном уровне.

Будучи неотъемлемой частью социальной обстановки в стране, коррупционная ситуация одновременно оказывает негативное воздействие на все сферы общественного развития. Социально-экономические и политические преобразования в России, затронувшие все стороны общественной жизни, к сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин не привели к ощутимым результатам в деле преодоления социальных предпосылок коррупционной преступности и ослабления в целом криминогенной напряженности. Более того, низкий уровень жизни основной части населения, рост инфляции, расслоение общества по уровню доходов, массовая криминализация общественного сознания, смещение ценностных ориентаций

граждан исключительно в сторону обеспечения личных материальных потребностей, неподготовленность населения к демократическим преобразованиям, превратное понимание демократии как вседозволенности, возможности не считаться с законом и другие негативные явления оказывают отрицательное влияние не только на общее состояние правопорядка в стране, но и на систему криминологической безопасности и рост коррупционных правонарушений. В таких условиях недовольство населения приглушается эпизодическими «громкими» разоблачениями средствами массовой информации каких-то лиц, групп и постоянной критикой судов, правоохранительных органов, спецслужб. Разоблачения, как правило, не имеют правовых последствий, а указанная критика еще больше подрывает доверие населения к правоохранительным органам, усиливает нежелание сотрудничать с ними. Зато реальная активность реагирования на коррупцию оставляет желать много лучшего.

Коррупция и организованная преступность. Характерной особенностью коррупционной преступности является ее тесная связь с организованной преступностью и контролируемые ею легализованными или легальными структурами. Это одна из закономерностей функционирования организованной преступности и широкомасштабной коррумпированности общества. В США, как пишет А.С. Никифоров, «...в каждой «семье» есть как минимум одна должность корруптера... Еще со времен «сухого закона» с легкой руки известных гангстеров 20–30-х годов Чарли Лючиано и Аль Капоне рэкетирь завели порядок, согласно которому около трети всех преступных доходов должны идти на подкуп органов власти и правосудия»³²⁰.

Исследования отдела общих проблем криминологии и борьбы с преступностью НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Академии Генеральной прокуратуры РФ показали, что на рубеже 80-х годов по крупным «торговым», «хлопковым» и другим делам организаторы преступной деятельности тратили на подкуп тоже примерно третью часть преступных

³²⁰ <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=2008&more=1&c=1&tb=1&pb=1>

доходов.

Сегодня можно выделить три уровня организованности в преступной деятельности и степени ее проникновения во властные структуры. На первом уровне преступные группировки структурно не оформлены, в них нет сложной иерархии, четкого разделения функций и ролей. Попытки вступить в контакт с представителями власти и силовых ведомств носят единичный, ситуативный характер. Второй уровень предполагает иерархическое построение групп, иногда их конгломерат. Особенностью преступных объединений второго уровня (за рубежом их называют «преступные синдикаты») является активное внедрение свои представителей в официальные структуры общества и использование их в своих целях. На этой стадии уголовно наказуемые деяния являются лишь операциями более сложной и широкой криминальной деятельности, которую направляют и координируют лидеры преступного мира. Практическую реализацию их идей и планов осуществляют непосредственные исполнители, имеются также группы прикрытия, разведки.

Качественное отличие третьего уровня организации преступной деятельности состоит в формировании устойчивой преступной среды и консолидации ее лидеров. На этой стадии завершается отделение функции организации и руководства преступной деятельностью от непосредственного участия в ней, вычленяется руководящее организаторское ядро – мозговой центр, который практически недоступен для правоохранительных органов.

Таким образом, наиболее организованная часть этой преступности тесно связана с коррупцией. Степень взаимовлияния организованной и коррумпированной преступности, прежде всего, проявляется в самом понятии организованной преступности, одним из главных признаков которого является установление коррумпированных связей с чиновниками.

В организованной преступности появился ряд новых признаков, повышающих ее коррупционную направленность, таких как монополизация сфер асоциальной деятельности, создание условий, провоцирующих дефицит в экономике, использование легальных каналов для отмывания денег, отвлечение

сил общества и общественного мнения на второстепенные проблемы. Несмотря на все меры, принимаемые правоохранительными органами, до сих пор не удалось пресечь попытки криминальных группировок взять под контроль финансовые и коммерческие структуры, остановить повсеместную коррумпированность госчиновников.

Из этого можно сделать вывод, что организованная преступность – это социальный институт, имеющий четко выраженные политические функции, в частности связанные с коррумпированием и последующим привлечением к сотрудничеству служащих государственных и правоохранительных органов. Он, по существу, направлен против государственной власти и является вызовом ей. Для этого института характерно использование системы зачастую тщательно продуманных и отобранных технологий, таких как запугивание, устранение сотрудников, подмена целей деятельности государства своими собственными целями и интересами, а также других, которые пока в должной мере не выявлены и не изучены.

Вместе с тем при сохранении экономических приоритетов вектор направленности организованной преступности сместился в сферу политических интересов. Процесс криминализации активно затронул властные структуры и сопровождается проникновением ставленников преступных сообществ в законодательные и исполнительные органы государственной власти с целью лоббирования своих интересов. Значительные финансовые средства, полученные криминальными структурами в результате совершения противоправных действий, используются для подкупа государственных чиновников, что значительно усиливает их коррумпированность.

Существует прямая корреляционная зависимость между уровнем преступности и состоянием нравственно-правовых устоев политической и правящей элиты общества. Есть основания полагать: чем выше уровень преступности в обществе, тем выше уровень криминальности элитных групп в органах государственной власти, и наоборот: чем выше криминальность элиты, тем выше уровень преступности среди всего населения той или иной страны. В

зависимости от исторических, национальных, религиозных, политических и других социокультурных традиций и предпосылок правового противоправного поведения наиболее сильные взаимосвязи регистрируются между криминальностью правящей (управляющей) элиты и криминологической обстановкой в стране в целом.

Несмотря на огромное внимание в последнее время к коррупционной преступности, особенно взяточничеству, как со стороны государства, так и со стороны средств массовой информации, политических деятелей и общественных организаций, тем не менее, большинство рассматриваемых преступлений остается практически не выявленными (латентность составляет более 95%). Более того, значительная часть выявленных «спускается на тормозах» (28% из числа осужденных за взятку в 2011 году получили наказания ниже нижнего предела, а 63% приговорены вообще к условной мере наказания). Это обусловлено рядом обстоятельств, во-первых, правонарушения правящих кругов связаны с управленческой деятельностью, которая остается конфиденциальной, во-вторых, в совершаемых правящей элитой деяниях нет прямых и непосредственных жертв, а также свидетелей, заинтересованных в обнаружении таких фактов, в-третьих, совершая свои «профессиональные» преступления, правящая элита обладает современными методами защиты от разоблачения, в-четвертых, лица из правящих кругов, совершившие деяние, чаще избегают реальной уголовной ответственности, чем простые граждане (около 80% привлеченных к ответственности в 2012 году работники ЖКХ, врачи, учителя и другие специалисты среднего звена), в-пятых, правящая элита, пробираясь в законодательные органы, обычно добивается для себя и полной неприкосновенности и, в-шестых, элита фактически управляет деятельностью правоохранительных органов и судов, которые не имеют реальной возможности руководствоваться только законом.

Диапазон потенциальной и фактической неправомерности поведения некоторых групп российской политической элиты очень широк: от прихода к власти любой ценой до выколачивания для себя всевозможных благ с

использованием своего служебного положения. Коррупцией пронизана вся нынешняя система власти. Точно оценить убытки от коррупции в принципе невозможно, потому что вместе с финансовыми потерями происходит и коррумпированность морали. Пагубная и опасная для общества психология «дать на лапу» все больше и больше овладевает умами молодежи.

Заслуживают внимания следующие показатели проведенного опроса работников контрольных и надзорных органов исполнительной власти и практикующих юристов. На вопрос: «Каковы, по Вашему мнению, наиболее коррумпированные сферы деятельности или организации в стране?» от респондентов были получены следующие ответы:

Таблица 5

Наименование организации	Работники контрольных и надзорных органов исполнительной власти (в % от числа опрошенных)	Практикующие юристы (в % от числа опрошенных)
Исполнительные и законодательные органы государственной власти, органы местного самоуправления	55	43
Правоохранительные органы	50	34
Контрольные и надзорные органы исполнительной власти РФ	38	54
Высшие и иные учебные заведения	34	27
Вооруженные силы РФ	9	3
Банки и иные коммерческие организации	9	2
Средства массовой информации	11	41

На вопрос: «Какие организации или отрасли государственного управления считаете Вы наиболее коррумпированными?» по мнению

респондентов, большинство или все сотрудники государственных учреждений, вовлечены в коррупцию, чаще всего были названы правоохранительные органы, областные управления федеральных министерств, а также суды. Примерно каждый третий респондент также считает высококоррупцированными органами жилищно-коммунальные службы, администрацию области, городские и районные администрации, нотариальные конторы и адвокатов, а также налоговые службы и местные (городские или районные) думы.

При анализе полученных ответов выяснилось, что молодые люди (в возрасте от 18 до 35 лет) более критичны в своих высказываниях, чем возрастная группа свыше 55 лет. Молодежь считает, что все или большинство служащих в областном руководстве коррумпированы (54% против 39%); жители крупных городов более склонны, чем жители сел, считать, что областные чиновники коррумпированы (соответственно, 67% и 28%). Люди с высшим образованием оценивают коррумпированность этих чиновников выше, чем люди с законченным и незаконченным средним образованием (соответственно, 56%, 49% и 39%). Те, кто признался в том, что давал взятки в предыдущие 12 месяцев, чаще полагают, что большинство областных чиновников коррумпированы, чем это делают те из респондентов, кто взяток сам не давал (58% против 45%).

Респондентам был задан вопрос об их опыте общения с различными государственными учреждениями с целью получения государственных услуг или разрешительных документов. Тем из респондентов, кто отметил, что за последние 12 месяцев он имел контакты с властями для получения услуг или разрешений, также задавали вопрос, была ли затребована взятка со стороны чиновника или же сам респондент предлагал взятку. Согласно ответам респондентов, во всех случаях (за исключением одного) требование взятки чаще исходило от госслужащих. Дорожная инспекция возглавляет список. В 62% случаев отношений с инспекторами дорожно-патрульной службы взятка вымогается у граждан. Если взятка не затребована, граждане сами предлагают

взятки (32%). Согласно обобщенным результатам, 94% всех случаев отношений с дорожной инспекцией связано с взяточничеством.

Еще одна группа взаимоотношений с государственными структурами, чреватая взятками – это контакты с таможней, стремление избежать призыва на военную службу, а также получение разрешений на строительство. По результатам опроса, в более чем 40% этих действий имело место требование о взятках, в 20-30% случаев – предложение таковых.

Ядром коррупции, несомненно, является взяточничество, которое состоит в получении должностным лицом материальной выгоды за совершение определенных действий, связанных с использованием своего служебного положения. В отличие от ранее действовавшего законодательства, современным взяточникам ни смертная казнь, ни полная конфискация имущества не грозят. В худшем случае, при получении взятки с отягчающими обстоятельствами (группой лиц по предварительному сговору, с вымогательством взятки; в крупном размере) возможным наказанием может явиться штраф в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки. А конфискация возможна лишь в той части имущества, которая получена в результате совершения преступления. При этом крупным размером взятки признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – превышающим один миллион рублей³²¹. Причем наказание по этой части статьи 121 предусмотрено в виде штрафа в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной

³²¹ СЗ РФ. 2011. N 19. Ст. 2714.

суммы взятки.

В целом, в наше время наиболее характерными формами проявления коррупции являются взяточничество, подкуп государственных и общественно-политических деятелей, чиновничества и др. Российские ученые отмечают, что прямо коррупционными или, как правило, сопровождаемыми коррупцией, являются многие другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ. Наиболее часто выявляемыми преступлениями экономической направленности в 2012 году были: мошенничество – 61 969, фальшивомонетничество – 24 973, присвоение и растрата – 30 651, взяточничество – 9 758, служебный подлог – 14 283.

По данным МВД РФ, в 2011 году зарегистрировано 34 783 преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (в 2008 году – 40 473, в 2009 году – 43 086, в 2010 году – 37 255 таких фактов). Причем 560 из них совершены группой лиц по предварительному сговору, а 233 в составе преступных сообществ. В 2012 году из 49494 преступлений коррупционной направленности 2,3% были совершены в составе организованных групп или преступного сообщества (1461 факт). Это почти в два раза превышает долю организованной преступности во всей преступности, которая составляет 1,4%. Следует также отметить, что проявления организованной преступности коррупционной направленности составляет лишь 8% от всех выявленных фактов проявлений организованной преступности за 2012 год (18 016 фактов).

Коррупционные преступления отмечаются высоким уровнем латентности, а цифры, приводимые правоохранительными органами, не отражают реальную действительность. Высокая латентность коррупционных преступлений, в частности, взятки и коммерческого подкупа, объясняется факторами объективного и субъективного характера. В большинстве случаев совершения таких преступлений нет потерпевших в физическом смысле слова, заинтересованных в сообщении об этом преступлении и его раскрытии. Как правило, все участники коррупционной сделки получают от нее выгоду, к тому

же все они (например, при даче-получении подкупа) в соответствии с законом подлежат уголовной ответственности. Преступления совершаются скрытно, нередко в специфических и конфиденциальных условиях. Коррупция имеет высочайшую приспособительную способность, непрерывно мимикрирует, видоизменяется и совершенствуется.

Криминогенные факторы коррупции. Следует также отметить наиболее значимые факторы политического, экономического, правового и организационного характера, влияющие на распространение коррупции и коррупционной преступности. Трудности преодоления наследства тоталитарного периода. Сохраняющиеся традиции и стереотипы тотального управления, когда чиновник решал все или почти все, подавляют свободную конкуренцию, сдерживают коммерческую инициативу, особенно в малом бизнесе. Стремительные и кардинальные преобразования в России происходят при неизменном участии бывших функционеров, носителей старых стереотипов, которые ищут способы руководства сферой предпринимательства, получая богатые возможности извлечения личной выгоды из приобретенных полномочий (люди, которые сознательно ищут себе работу, на которой можно получать взятки).

Экономический упадок и политическая нестабильность. Обнищание населения, неспособность государства обеспечить достойное содержание подталкивают к нарушениям, приводящим к массовой низовой коррупции. Одновременно постоянно осознаваемый политический риск долговременных вложений, тяжелые экономические обстоятельства (инфляция, неуклюжее и неуместное присутствие государства в экономике, отсутствие четких регулятивных механизмов) формируют определенный тип экономического поведения, рассчитанного на кратчайшую перспективу, большую, хотя и рискованную выгоду. Политическая нестабильность формирует чувство неуверенности. Не имея в этих условиях никаких гарантий самосохранения, управленцы легче поддаются соблазну подкупа.

Несовершенство всей правовой системы, нечеткость законодательных

процедур порождает различные виды коррупции, а в процессе преобразований обновление фундаментальных основ экономики и экономической практики существенно обгоняет их законодательное обеспечение.

После распада СССР Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 года № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» послужил отправной точкой отсчета борьбы с коррупцией в Российской Федерации. В связи с поручением Президента РФ было издано совместное распоряжение Правительства РФ и Верховного Совета России от 3 июля 1992 года «О мерах по пресечению фактов участия должностных лиц органов государственной власти и управления в предпринимательской деятельности»³²², в котором конкретно указывалось на необходимость осуществить комплексную проверку коммерческих объединений.

Тем не менее, низкая исполнительность государственных чиновников послужила основанием для принятия нового Указа Президента РФ от 6 июня 1996 года № 810 «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы»³²³. В нем устанавливались пределы ответственности государственных служащих, и было дано поручение Правительству РФ завершить в 1996 году разработку проектов Административного и Административно-процессуального кодексов РФ и представить в месячный срок предложения по совершенствованию системы контроля за надлежащим исполнением федеральных законов, указов Президента РФ и решений судов федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Однако Кодекс РФ об административных правонарушениях был принят только в 2002 году, а Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» лишь в июле 2004 года.

Действующее законодательство Российской Федерации очень сложно и противоречиво. Из-за этого толкователем закона на практике выступает

³²² <http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12995.shtm>

³²³ <http://www.lawmix.ru/med.php?id=16191>

чиновник и во многих случаях он трактует его не просто в свою пользу, а создает условия, когда коррупционная сделка становится единственным выходом для гражданина или бизнесмена. Следовательно, необходимы продуманные, системно составленные кодексы и другие, законодательные и нормативные акты, исключающие произвольное толкование.

Наконец, наше законотворчество по сей день, создает законы-пожелания, а не законы-процедуры. В результате методы правоприменения прописываются в подзаконных актах, а последние творятся в условиях закрытости, что дает возможность для произвола, реализации корыстных целей. Следовательно, фундаментом правовой базы, призванной ограничить распространение и воспроизводство коррупции, заложить предпосылки ее предупреждения должен стать Федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» и пакет других нормативно-правовых актов по противодействию коррупции. В перспективе можно надеяться на создание целой отрасли соответствующего законодательства. Однако принятие одних законов не гарантирует соблюдение установленных предписаний, законодателю любого уровня следует учитывать активное сопротивление существующих старых нетрадиционных норм поведения, обычаев и традиций вновь принимаемым законам и иным нормативным правовым актам, которое усиливается с появлением новых неформальных правил. Незрелость правового сознания населения порождена той же причиной – укорененной при советском режиме системой партийного квазиправа³²⁴. Помимо слабого исполнения законов и иных норм, отсутствия культуры и традиции использования гражданами своего права, отмечаются и другие проявления: в частности, пониженный правовой иммунитет приводит к тому, что практически отсутствует массовое сопротивление подкупу, как в различных организациях, так и среди населения.

Привычная приоритетная ориентированность правоохранительных

³²⁴ Крастев И. Круговерть в борьбе с коррупцией // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1998. № 4/1. С. 35.

органов и их представителей на защиту исключительно «интересов государства» и «общенародной собственности» – типично российская проблема. Защита прав и интересов граждан, в том числе – частных собственников, еще не стала центральной задачей. В итоге предприниматели, не находя защиты и поддержки в сфере правовых отношений, вынуждены искать ее в сфере свободной купли – продажи незаконных услуг управленцев, что порождает целый «теневой» срез в их взаимоотношениях.

Коррупция пронизала практически весь спектр взаимоотношений населения с властными структурами и стала восприниматься обывателем как «данность», без которой нельзя жить. Это явление становится нормой поведения для любого гражданина, независимо с какой стороны он выступает (берет или дает). Опрос общественного мнения дает полезную информацию о воспринимаемых причинах коррупции. Такие причины могут подсказать непосредственные средства решения проблемы коррупции. Подавляющее число респондентов (45%) считают стремление к личной выгоде ключевой причиной коррупции. Далее ими выделено низкое жалование госслужащих (17%) и несовершенство законодательства (10%) – еще две причины коррупции. Менее значимыми причинами являются чрезмерная бюрократия и недостаточный внутренний контроль.

Итак, к основным причинам коррупционного подкупа можно отнести следующие: относительная материальная нужда, как объективная составляющая причинности корыстной преступности; слабость социально-правового контроля над экономической деятельностью; отсутствие необходимого финансового контроля над доходами и расходами лиц, выполняющих управленческие функции в государственных и негосударственных структурах; подверженность страны, находящейся в стадии реформирования, росту коррупционных отношений; чрезмерно робкое применение законодательства либо его неприменение по отношению к выявленным коррупционерам, что ведет к формированию чувства безнаказанности и вседозволенности.

Условиями, способствующими совершению рассматриваемого преступления, являются: отставание законодательного обеспечения борьбы с корыстными преступлениями; несовершенное законодательное и нормативное регулирование деятельности управленцев; недостатки в деятельности правоохранительных органов по выявлению, регистрации, раскрытию и привлечению к уголовной ответственности корыстных преступников – коррупционеров; преодоление трудностей переходного периода, в том числе экономического упадка и политической нестабильности; слабость судебной системы; неразвитость правового сознания населения; привычная приоритетная ориентированность правоохранительных органов и их представителей на защиту «интересов государства» и «общенародной собственности» порой в ущерб частным интересам.

Не могли не сказаться отрицательно на коррупционной преступности и некоторые негативные факторы в сфере правоохранительной деятельности в целом. В последние годы в стране фактически распалась система социальной профилактики правонарушений, была ослаблена борьба с менее опасными преступлениями, что создало определенную почву для их перерастания в тяжкие, организованные. Влияние всех этих факторов на сферу общественных отношений приобрело системный характер и проявилось в дальнейшей распространенности, повышении общественной опасности экономической преступности, в сохранении ее неблагоприятных структурных характеристик, в утяжелении социально-негативных последствий коррупционной преступности, в росте ее латентных проявлений.

Глава VIII. Фоновые криминогенные явления

Криминогенными фоновыми явлениями моно назвать такие, которые хотя и не относятся к преступным, тем не менее, сами по себе представляют немалую общественную опасность, активно питают преступность, выступают в качестве ее благоприятного фона, влияют на нравственность общества в целом. К их числу относятся бродяжничество, проституция, наркомания, наркотизм и алкоголизм.

1. Бродяжничество

Бродяги в основном концентрируются в крупных, особенно в сверхкрупных городах. По выборочным данным, только в Москве в год задерживается до 20 тыс. бродяг.

В целом криминогенная доля бродяжничества состоит в том, что лица, занимающиеся бродяжничеством:

в силу отсутствия постоянного места жительства и работы вынуждены добывать средства к существованию преступным путем. Чаще всего это мелкие кражи, реже грабежи и разбои;

оказывают разлагающее влияние на окружающих, особенно на подростков. Втягивая и в попрошайничество, пьянство, проституцию, совершение преступлений;

часто нарушают общественный порядок. В местах их сборищ процветает пьянство, сквернословие. Сам их внешний вид производит отталкивающее впечатление. Среди них много венерических и иных больных.

Проблема бродяжничества достаточно сложна. К числу факторов, которые порождают это явление, можно отнести:

- отсутствие постоянного места жительства и работы;
- постоянное пьянство и алкоголизм;
- разрыв социально позитивных связей и отношений со своим ближайшим окружением и утрата семьи;

- нежелание работать;
- отсутствие помощи государства и общества или ее недостаточность в отношении людей, находящихся в критической ситуации, в частности освобожденных из мест лишения свободы;
- отсутствие эффективной социальной защиты инвалидов и престарелых, которые в силу бедности, одиночества, болезней, возраста, преступных в отношении них действий и т.д. оказались без крыши над головой и средств к существованию.

Таковы объективные общесоциальные причины бродяжничества, которые должны быть объектом профилактического воздействия. Однако опыт показывает, что социальная поддержка может быть совсем неэффективной в борьбе с этим злом. Дело в том, что многие бродяги игнорируют оказываемую им помощь и продолжают бездомное существование. Поэтому неизбежно возникает проблема выяснения причин злостного занятия бродяжничеством. Эти причины носят субъективный характер.

Эмпирические исследования свидетельствуют, что для таких лиц характерна постоянная смена места своего нахождения, бездомное существование; как правило, они нигде не работают и не живут на одном месте более или менее значительное время; смена места жительства и работы не носит характера мотивированного ухода. Изучение биографических данных этих лиц показывает, что переход с места на место не связан для них с получением какой-то личной выгоды (например, с увеличением зарплаты, улучшением жилищных условий), а скорее, наоборот, – переход связан с потерей, обычно полной, жилья и зарплаты. Но наиболее характерно для злостных бродяг – уход с работы без определенной цели и намерения устроиться на другое место. Их опрос показывает, что чаще всего они не осознают мотивов перемены места своего проживания и места работы, хотя и приводят различные мотивировки, которые почти всегда противоречат их же собственным высказываниям. Создается впечатление, что они и сами не верят в то, что приводят в качестве мотивов ухода с работы, и особенно не думают о

том, насколько их объяснения убедительны.

Эти немотивированные смены работы и места жительства имеют в основе своей неосознаваемое стремление избежать идентификации в группе. Дело в том, что более или менее длительное участие в группах, трудовых коллективах, в совместной деятельности связывает индивида с другими людьми в процессе этой деятельности и общения, через которые он обретает свою самоидентичность.

Поэтому основным мотивом, личностным смыслом смены данными лицами места своего нахождения является неосознаваемое ими стремление к сохранению своей как субъективно-личностной, так и социальной дезидентифицированности. Такое неосознанное стремление открывается только при специальном анализе, поскольку оно коренится в глубинных структурах личности этих людей, их «я», их индивидуального самосознания.

Структура самоопределения индивида, его «я» социальна по своей природе и связана с характером ее ранних, особенно внутрисемейных отношений, а также со структурой семьи как первой социальной группы, членом которой неизбежно был каждый из таких индивидов.

Исследование жизни конкретных бродяг позволило выявить некоторые существенные черты их ранней семейной ситуации, определившие особенности их личности и образа жизни. Именно эти особенности при сохранении в дальнейшем неблагоприятных условий жизни и воспитания индивидов выступают причиной стремления к социальной дезидентификации, что выражается в бездомном паразитическом существовании.

В чем же состоят особенности ранней семейной обстановки лиц, ставших впоследствии злостными бродягами? Известно, что семья как особая социальная группа психологически характеризуется взаимосвязью между ее членами, а именно наличием взаимных идентификаций, которые порождают интересы и ценности семьи. По психологической структуре внутрисемейные идентификации носят характер взаимных эмпатий, т.е. способности каждого члена семьи принимать на себя роль других ее членов. На этом основывается

один из главных функций семьи – формирование у ее членов способности подчинять свои интересы интересам других ее членов. Если хотя бы одна из таких характеристик отсутствует, то семья как психологическая структура распадается.

Важнейшая функция семьи, которую она выполняет в отношении детей, является способность включить их в структуру внутрисемейных отношений, т.е. сформировать такое отношение к детям, чтобы они заняли определенное место и имели конкретные функции в семье. В указанном случае ребенок формирует структуру «я», самоидентичность как результат усвоения своей роли в семье, в конечном счете отношений к нему со стороны родителей. В итоге характер самоидентичности личности формируется как усвоение характера его внутрисемейной идентичности.

Вместе с тем семья, включая детей в свою структуру, обеспечивая их первичную социализацию, тем самым «через себя» включает их в структуру общества. Иными словами, вхождение в общество происходит через семью как его первичную ячейку. Если семья не обеспечивает этого, ребенок отчуждается от нее, чем закладывается фундамент его весьма вероятного отчуждения в будущем и от общества. Таким образом, дефекты первичной социализации, если не будут обеспечены иные условия жизни и воспитания, а во многих случаях и специальные, воспитательно-профилактические мероприятия, могут явиться причиной антиобщественного, паразитического образа жизни уже взрослого человека.

В большинстве случаев дети, ставшие впоследствии злостными бродягами, такой внутрисемейной идентичности не имели, т.е. не имели определенного положения (роли и значения) в своей семье. Это обусловлено как структурой самой семьи, так и индивидуально-психологическими и нравственными особенностями родителей, их образом жизни и поведением.

Почти все из изученных злостных бродяг воспитывались в семьях, где их «членство» было сугубо формальным. Родители или вообще не выполняли своих обязанностей по отношению к детям, или очень мало уделяли этому

внимания, часто сами вели антиобщественный образ жизни, пьянствовали, совершали правонарушения. Контроль со стороны родителей, равно как и их психологическая, эмоциональная близость к детям, там фактически отсутствовали. Дети в таких семьях не адаптировались, что предопределило психологическую невозможность их дальнейшего вхождения и адаптации в трудовых коллектива и собственных семьях, бессознательную потребность избегания любого контроля. Иными словами, такое положение предопределяет невозможность (если не будут приняты специальные меры) нормально трудиться, выполнять семейные и иные гражданские обязанности. Результаты интервью с обследованными убеждают в том, что они не осознают действительных причин и мотивов своего дезадаптивного образа жизни. Все они давали противоречивые и не подтверждавшиеся дальнейшими поступками, а поэтому совершенно неубедительные объяснения своему бродячему образу жизни. Характерно, что большинство из них видят причины такого существования не в своих потребностях и стремлениях, а только в объективных обстоятельствах, неправильных действиях должностных лиц или в неоказании им помощи, хотя имеющиеся материалы часто свидетельствуют об обратном. Таким образом, есть веские основания полагать, что поведение злостных бродяг, представляющее собой отчуждение от нормальных связей и отношений, невключенность в трудовые, семейные, дружеские и иные малые социальные группы, есть следствие их отчуждения от семьи в детстве.

Среди фактов влияния семейных условий на появление злостных бродяг – неполные семьи, в которых отсутствует один из родителей, чаще всего отец. Его отсутствие может быть полное, т.е. с момента рождения ребенка; неполное – с более позднего возраста (с четырех-пяти лет); эпизодическое и др. Для всех перечисленных вариантов характерно то, что отсутствие отца фактически лишает ребенка возможности мужской идентификации. Однако важно не само по себе отсутствие отца, а последствия, которые имеет данный факт для структуры семьи. Например, бывает так: при отсутствии отца мать отдает своего ребенка под присмотр соседей, родственников и т.д. Такой присмотр

обычно носит формальный характер, ребенок не имеет определенной функции в этой (второй) семье, как не имеет ее и в родной семье. Мать обычно слабо контролирует поведение своего ребенка, часто ведет аморальный образ жизни, что проявляется в пьянстве и сексуальной распущенности.

Иногда будущие бродяги воспитываются в полных семьях, но и в подобных семьях при специальном анализе обнаруживается весьма специфичное положение ребенка в семье. Так, в одной полной материально благополучной семье отец не был уверен в том, что ребенок – его. Это вызывало ожесточение отца к сыну, которого он фактически отвергал. Соответствующим было его отношение и к матери ребенка. Весьма характерно, что период начала бродяжничества у рассматриваемого лица совпадает со смертью матери (отец умер раньше). До своей смерти мать оставалась единственным человеком, с которым он сохранял эмоциональную идентификацию, поддерживавшую определенность его существования (он несколько лет работал на одном месте и жил в своей квартире). Однако с потерей матери сложившиеся психологические устои его жизни разрушились и он стал бродяжничать.

Существуют семьи, где ребенок с раннего возраста лишается обоих родителей: либо они оставляют его своим родственникам, либо помещают в детский дом. Это одна из форм отвержения. Родители могут различными способами мотивировать такое решение, но фактические действия свидетельствуют об отказе от своего ребенка; они не ищут способа включить его в свою семью, а просто физически выводят его из ее состава. Весьма характерно для таких детей, что позже, уже включившись в бродячий образ жизни, они не испытывают желания вернуться домой, к родителям; они могут находиться даже рядом с домом, но не войти в него.

Таким образом, у злостных бродяг наблюдается:

- 1) отсутствие сознания своей социальной идентичности;
- 2) отсутствие потребности в субъективно-личностной идентичности;
- 3) ранняя ситуация внутрисемейной дезидентификации как

этиологическая основа указанных выше особенностей;

4) стремление к преодолению своей социально-групповой принадлежности и избежание ситуаций социальной идентичности как ведущий неосознаваемый мотив поведения злостного бродяги;

5) осознаваемое или близкое к осознаваемому ощущение полной неуправляемости своим поведением;

6) отсутствие способности прогнозирования и планирования своего поведения;

7) эмоционально-ситуативная детерминация поведения.

То, что первичной причиной ведения дезадаптивного образа жизни части злостных бродяг является отчуждение в детстве от семьи, вовсе не означает фатальной неизбежности их бродяжничества в будущем.

Во-первых, это отчуждение есть результат неблагоприятных социальных условий, которые могут успешно преодолеваются в ходе проведения специальных воспитательно-профилактических мероприятий. Очевидно, следует усилить раннюю профилактику правонарушений. Специальные профилактические мероприятия, вплоть до лишения родительских прав, должны осуществляться не тогда, когда ребенку 10–12 лет, а гораздо раньше.

Во-вторых, влияние неблагоприятных ранних семейных условий жизни ребенка во многих случаях устраняется воспитанием в школе, учебных и трудовых коллективах, неформальных малых группах, воздействием широкой социальной среды.

В-третьих, существование особой психологической структуры личности названной части злостных бродяг свидетельствует о необходимости разработки специальной психологической методики их исправления, которая будет применяться наряду с традиционными методами воздействия. Создание такой методики представляет собой сложную научную задачу, поскольку связана с использованием достижений в познании бессознательного.

Иными словами, нужны психотерапевтические методики воспитательного воздействия на бродяг, применение которых должно

сочетаться с оказанием им необходимой социальной помощи. Человек, годами ведущий бездомное существование, не станет отказываться от такого образа жизни только потому, что ему предоставили жилье и оказали необходимую на первых порах поддержку. Необходимо, чтобы изменился он сам.

2. Проституция

Точных данных о числе лиц, занимающихся проституцией, не имеется, хотя и известно, что латентность этого явления велика. Если и ведется учет, то скорее всего учет задержаний проституток – один и тот же человек может задерживаться несколько раз. Тем не менее, по данным Судебного департамента при Верховном Суде России, число лиц, подвергнутых административному взысканию по ст. 6.11 КоАП Российской Федерации «Занятие проституцией», таково: 2007 г. – 6 043 (0,13% от всех привлеченных к административной ответственности); 2008 г. – 6 296 (0,14%); 2009 г. – 8 375 (0,18%); 2010 г. – 8 013 (0,18%); 2011 г. – 9 095 (0,20%).

В России проституция в той или иной форме, явно или скрыто существовала всегда. В наиболее кризисные годы (войны, междоусобицы, развал экономики и т.д.) число проституток возрастает, впрочем, не только в России. В этих условиях многие женщины начинают торговать собой, чтобы не умереть с голода и помочь своим близким. Однако такого объяснения недостаточно. Нужно учитывать, что в подобные периоды опускается планка нравственных требований, и те люди, которые в обычной жизни не решились бы на подобный роковой шаг или в крайнем случае очень колебались бы, теперь начинают чувствовать, что у них развязаны руки, т.е. сняты нравственные и психологические путы. Надо думать, что первыми на этот путь вступают самые слабые и наиболее социально запущенные.

Итак, одной из объективных причин проституции является материальная необеспеченность некоторых социальных слоев населения. В их числе не только постоянные жители, но и беженцы, и мигранты, а также женщины, приехавшие на панельный промысел из других, обычно бедствующих стран

СНГ (среди проституток много граждан Белоруссии и Молдовы). Активно поддерживает проституцию и организованная преступность, для которой она является одним из главных источников преступных доходов. Некоторые преступные организации «экспортируют» российских проституток за рубеж, где они попадают в положение рабынь.

Однако важно знать не только объективные причины проституции, но и те индивидуальные пути, которые приводят к ней.

Иногда причины проституции видны в неумных половых желаниях отдельных женщин. Однако такое объяснение не представляется убедительным, хотя у некоторых людей подобные желания и могут быть. Тем не менее видеть мотив занятия проституцией в самом половом акте, в стремлении постоянно испытывать острое сексуальное наслаждение нет никаких оснований. Такая же самоцель может быть у весьма добропорядочной или даже у распутной женщины, но не занимающейся проституцией, т.е. не делающей совокупление источником наживы. Согласно специальным наблюдениям многие проститутки вообще не получают никакого чувственного удовлетворения от полового акта и были бы рады обойтись без него.

Так что же их толкает на панель? Простейший ответ — нужда, и это подтверждает социологический опрос самих проституток. В пользу того, что проституция порождается нуждой, говорит и большее ее распространение в странах с низким уровнем жизни, а также то, что ею в основном занимаются представительницы малоимущих слоев общества. При всем при том этому ремеслу предаются и многие обеспеченные женщины, в том числе уже имеющие прочный достаток с помощью той же проституции. Нельзя пройти мимо того бесспорного факта, что и у малоимущих женщин есть выбор: идти на панель или честно работать, обратиться в благотворительные организации, в крайнем случае даже красть, спекулировать и т.д. Тысячи женщин готовы умереть голодной смертью, но не предлагать себя на продажу.

Конечно, проституция существует потому, что на нее есть спрос. Услугами проституток пользуются самые разные мужчины: во-первых, те, кто в

силу молодого возраста не имеет сексуальных навыков и иным путем не в состоянии удовлетворить свои половые потребности; во-вторых, те, у кого сексуальные влечения приобрели необычный, даже патологический характер, и удовлетворить их в отношениях с женой или любовницей они не могут; в-третьих, те, кто в силу пожилого возраста, физических недостатков или психологических особенностей (например, чрезмерной замкнутости), не прибегая к услугам проституток, не может вступить в сексуальное общение; в-четвертых, многие одинокие люди, которые в контактах с проституткой ищут и обыкновенное человеческое тепло, и участие. Ближе к ним примыкают лица, оказавшиеся в незнакомой обстановке, например в командировке или на отдыхе в чужом городе.

Причину проституции нужно искать не столько в нужде, не просто в материальной необеспеченности или невысоком социальном положении, что было бы вульгаризацией, а в том, как эти обстоятельства отражаются в личности, в ее психологии, в ее мироощущении, в ее отношениях к самой себе и окружающему миру, к своему месту в нем. Представляется, что, как и при совершении преступлений, проституцией в основном начинают заниматься те женщины, которые испытывают неуверенность, беспокойство, тревогу по поводу своей социальной определенности и своего социального статуса в связи с невозможностью обеспечить себя материально, выглядеть «на уровне», соответствовать определенным социальным ожиданиям, в том числе собственным. Можно, следовательно, утверждать, что проститутки – достаточно дезадаптированная, отчужденная часть женщин, в частности по причине собственных скудных адаптационных возможностей.

Их дезадаптированность подтверждается тем, что большинство из них не желают трудиться, а если и работают, то относятся к своей работе более чем прохладно, не стремятся повысить квалификацию, продолжать учебу и т.д. Между тем дезадаптированность означает и отсутствие солидарности с нравственными нормами общества, пренебрежительное отношение к ним, что создает индивидуальную нравственно-психологическую основу, для того чтобы

не работать, а торговать собой.

Можно ли считать, что проституция – лишь простое следствие противоречий между реальным положением женщин, их притязаниями и возможностью самоутверждения и самореализации? На первый взгляд здесь необходим положительный ответ, и приводимые ниже данные можно использовать для его аргументации.

Обследованных нами московских проституток, промысляющих в основном в крупных гостиницах, по их формальному положению можно разделить на три группы: с высоким, средним и низким статусом. Оказалось, что наиболее крупную группу среди них (54,2%) составляют последние. Это – лаборантки, медсестры, мойщицы посуды, фасовщицы и др. Кроме того, из числа всех обследованных 14,5% приходится на учащихся высших и средних специальных учебных заведений, т.е. тех, чье социальное положение еще весьма неопределенно, а собственные доходы ограничены стипендией.

Почти 30% обследованных являются жителями других областей и в столицу приехали, чтобы поправить свое финансовое положение.

Разумеется, большинство лаборанток, медсестер, фасовщиц и других представительниц низкооплачиваемых и непрестижных профессий – вполне порядочные женщины. Точно так же подавляющая часть приезжающих в Москву женщин не стремятся на столичную панель. Чтобы сделать такой шаг, недостаточно просто испытывать нужду в чем-то, не имея возможности ее удовлетворить. Необходимо, чтобы эта нужда воспринималась, ощущалась как нечто исключительно важное, без чего разрушится вся жизнь, представление о самой себе и своем месте в мире.

Хотя нужда и материальная необеспеченность не порождают автоматически занятие проституцией, тем не менее, нужду чаще испытывают представители низших слоев населения, которые и поставляют основное количество проституток, как, впрочем, и преступников. Однако материальная необеспеченность или плохая обеспеченность – понятия весьма относительные, субъективно трактуемые.

Ощущение нужды связано не только с отсутствием модной одежды или предметов домашнего обихода, но и с потребностью вести определенный, престижный образ жизни, иметь возможность показать себя, свободно распоряжаться деньгами, посещать места, наиболее привлекательные для обывателей. Это для них крайне необходимо, и недостижение такого качества жизни порождает у подобных людей чувство, что они находятся за бортом настоящей жизни, в лучшем случае – на ее обочине. В сочетании с переживанием материальной необеспеченности это формирует повышенную тревожность, выступающую в качестве одной из основных причин проституции.

Притязания публичных женщин различаются лишь по уровню материальных запросов: если одна мечтает о машине и квартире, то другая – только о новой кофточке или об угощении в вокзальном буфете. Но общим для всех является крайняя скудость духовных запросов, духовной жизни вообще. Они, как правило, не читают книг, не ходят в театр и кино. Психологическое изучение показало, что для них типичны агрессивность, черствость, грубость, эгоцентризм и незрелость, чрезмерная озабоченность материальными критериями своего социального статуса. В то же время у них часто бывают депрессивные состояния с недостаточной уверенностью в себе и чувством неполноценности, восприятием себя как существа зависимого и незначительного. Они склонны акцентировать свое внимание на жизненных проблемах, связанных с социальным престижем. Неуверенность в себе в подобных случаях обычно компенсируется эгоцентризмом и агрессивностью, которые, в сущности, выполняют защитные функции.

В особых заботах проституток о материальной обеспеченности и престижности очень глухо, но достаточно определенно звучит тревога по поводу опасности, которая грозит человеку, если он хуже других. Опасность (реальная или мнимая) исходит, разумеется, извне. Естественной защитой от нее в начале жизни являются родители, их любовь и попечение, что предполагает тесный эмоциональный контакт с ними. Но таких контактов, как

и у преступников, у большинства будущих проституток не существует, психологически они беззащитны и предоставлены сами себе. Поэтому у них постепенно формируется уверенность в допустимости любых средств для поддержания своего социального бытия. Можно сказать, что они своим антиобщественным поведением отстаивают свое социальное место, свою социальную определенность.

Настойчивый труд, медленное продвижение к цели, нередко связанные со сравнительно незаметным существованием, для таких натур совершенно не подходят. Невозможность утвердиться в жизни, к соблазнительным условиям которой они попадают в жестокую зависимость, для них подлинная катастрофа. Чтобы избежать ее (а это имеет для них первостепенное, даже жизненное значение), можно преступить любые запреты. Нужно много и все сразу, они не согласны ждать.

Анализ психологических особенностей проституток позволяет сделать важный вывод: вопреки распространенному мнению о субъективной свободе и независимости таких женщин они, напротив, чрезвычайно зависимы и от внешних факторов, и от собственных переживаний по поводу этих факторов. Эта жесткая зависимость предопределяет их приверженность промыслу, который постепенно становится образом жизни.

Очень важный момент для понимания проституции — начало половой жизни, обстоятельства, при которых она началась, отношения с первыми сексуальными партнерами. Многие будущие проститутки воспитывались в неблагоприятных условиях распутных нравов, в их ближайшем окружении царили разнузданность, циничная брань, бесстыдная открытость интимных отношений. У некоторых проституцией занимались матери, о чем им было хорошо известно.

Эти девушки слишком рано начинали половую жизнь и, что существенно отметить, со случайными людьми. Вследствие этого у них могло выработаться относительное сексуальное безразличие, при котором легко преодолеваются остатки нравственных запретов. Они начинают легко вступать в половые

контакты без страсти и без чувств, повинуюсь лишь своим физиологическим влечениям, требованиям или просьбам мужчин, просто «за компанию» с другими. Если девушка нуждается, а ее состоятельный партнер делает ей подарки или под каким-нибудь предлогом дарит деньги, она понемногу приходит к осознанию того, что собственное тело может принести немалый доход.

Беспорядочные половые сношения, готовность отдаваться практически любому мужчине могут быть вызваны высоким уровнем тревожности отдельных молодых женщин, связанной с их неуверенностью в своем женском биологическом статусе, в своих возможностях нравиться мужчинам, завоевывать их внимание и расположение. Проститутка каждый раз как бы утверждает себя в качестве женщины в глазах окружающих и особенно в собственных, тем самым пытаюсь снизить уровень своей тревожности. Однако, как при опьянении, достигнутый эффект недолговечен: тревожность вскоре возвращается и снятие или снижение ее требует возобновления усилий.

Это в большинстве случаев сопровождается безразличием и равнодушием к сексуальному партнеру, а если такое поведение начинает приносить доход, скатывание к проституции становится весьма вероятным. Кроме того, даже продажа себя за деньги, особенно в условиях конкуренции, может быть способом снятия тревожности и неуверенности.

Существенную роль в приобщении к проституции играет пример подруг, их бравирование своими доходами и нарядами, своим якобы независимым образом жизни. В некоторых случаях опытные преступники и сводники с вполне определенной корыстной целью втягивают молодых женщин в этот древнейший промысел, в других — это делают преступники с помощью шантажа, угроз и даже физического насилия. Иногда занятие проституцией связано с первым драматическим сексуальным опытом, неприкаянностью и неустроенностью женщин, их неумением найти выход из сложной ситуации. Нет никаких сомнений в том, что огромное значение имеют неумение и нежелание учиться, отсутствие трудовых навыков, профессии и т.д., понимание

того, что и самый усердный труд может не принести вожделенных земных благ. Но при всех условиях основной причиной является стремление отстоять свой социальный статус, субъективно воспринимаемая угроза которому столь велика, что для его защиты хороши любые средства.

Но тут опять-таки возникает исключительно сложный вопрос о том, почему же для решения пусть и субъективно наиболее важных жизненных проблем избирается самое позорное для женщины занятие, почему она не прибегает к другим средствам, не крадет, наконец, или не занимается спекуляцией? Изучение конкретных женщин, занимающихся проституцией, показывает, что характерной чертой для них является отделение, отчуждение своего тела от своей личности, неощущение его как какой-то личностной ценности. Напротив, они воспринимают свое тело как нечто чуждое, изолированное от них, в качестве некой данности, которой можно манипулировать, распоряжаться по собственному усмотрению для решения различных жизненных задач. Разумеется, это отделение происходит бессознательно и только на психологическом уровне.

Можно назвать это явление десоматизацией (де + греч. soma — тело). Именно этой особенностью можно объяснить удивляющее многих отсутствие у проституток страха перед венерическими заболеваниями, СПИДом, их пренебрежение высокой вероятностью быть жестоко избитыми, даже убитыми, быть подвергнутыми изощренным и унижительным издевательствам. Они же говорят об этом просто как о профессиональных издержках своего нелегкого ремесла и, как правило, не ощущают никакого дискомфорта по поводу того, что их тело переходит из рук в руки. По данным А. Габиани и М. Мануильского, лишь 5,7% публичных женщин чувствуют себя униженными в связи с тем, что отдаются мужчинам за плату.

Десоматизация находит яркое проявление и в том, что некоторые проститутки могут искренне любить вполне определенного мужчину. Более того, они подчас всецело ему преданны и не изменяют ему – в том смысле, что любят только его, не имеют других любовников и больше никому не отдаются

бесплатно. В занятии проституцией не участвуют их чувства, сердце, душа. Многие из них, особенно из элитного слоя, бурно и убежденно протестуют, когда их называют потаскухами или шлюхами, разъяряя существенную, на их взгляд, разницу между проституткой и распутной женщиной. Некоторые вполне серьезно считают, что, выйдя замуж, они будут верными женами, что, кстати, иногда и случается.

Явление десоматизации еще мало изучено, но можно полагать, что оно свойственно не только проституткам, но и другим людям, например тем, кто неоднократно наносил себе различные телесные повреждения, заглатывал металлические предметы и т.д. Такие аутоагрессивные личности достаточно хорошо известны среди преступников, в тюрьмах, причем они часто не испытывают боли или иных психотравмирующих ощущений. Создается впечатление, что они как будто наносят ранения не себе, а кому-то другому.

Десоматизация не связана с психическими расстройствами в какой-либо форме, при ней человек, скорее всего, не теряет ощущения психических процессов либо измененное™ некоторых из них. Более того, отчуждение своего тела не ощущается и не охватывается сознанием и не может быть отнесено к расстройствам самосознания. Однако при отделении своего тела от личности оно начинает «восприниматься умом» и часто без надлежащего эмоционального сопровождения.

Сексуальная жизнь многих проституток делится на две составные части, на одну из которых не распространяются нравственные категории и правила, выработанные человечеством. Применительно к этой части (у наиболее деморализованных и растленных — ко всей сексуальной жизни) указанные нормы представляются им абстрактными понятиями, чувства как бы парализуются или анестезируются, значительно ослабевает эмоциональное реагирование на то, что происходит в связи с половыми контактами за плату. Сексуальные клиенты становятся безликими, а обусловленные их обслуживанием поступки совершаются автоматически. Можно, следовательно, считать, что при десоматизации у некоторых лиц имеет место явление,

отдаленно напоминающее раздвоение личности.

Таким образом, десоматизация формирует субъективную предрасположенность отдельных женщин к занятию проституцией. Все-таки это именно предрасположенность и не более того. У конкретных людей она может никогда не стать реальностью по причинам надлежащего воспитания и благоприятных условий жизни, принимать другие, вполне одобряемые моралью формы. Однако знание, учет этой психологической особенности проституток имеют важное значение для проведения индивидуальной воспитательной работы с ними. Данные об этом можно использовать, например, при психокоррекционном и психотерапевтическом воздействии.

Несомненно, современные Сони Мармеладовы относятся к тем, кто не сумел или не захотел найти более достойный выход из своей сложной, возможно, очень сложной, личной ситуации. Трудно сказать, что будет в дальнейшем, если появятся миллионы безработных, но сейчас, несмотря на тяжелейшее экономическое положение, вполне достаточно мест для работы и возможностей заработать себе на самое необходимое. Существующие перспективы могут не устраивать только тех, кто не привык и не хочет трудиться, а избирает субъективно более доступные и легкие пути в жизни. Есть, конечно, и «случайные» проститутки, случайные в том смысле, что занимаются этим промыслом, испытывая временные жизненные трудности, они не до конца деморализованы либо торгуют собой лишь эпизодически и т.п. Это, по-видимому, та их часть, которая наиболее перспективна для возвращения к нормальной жизни.

Активно способствуют занятию проституцией алкоголизация и наркотизация некоторых проституток. Чтобы добыть необходимые средства, они будут вновь и вновь прибегать к этому ремеслу.

Проститутки в целом являются разрушительницами общественной нравственности, моральных устоев, регулирующих отношения между полами, в частности в рамках семьи, таких высших чувств, как любовь, верность, преданность. Разрушительность проституток проявляется не только в

фактическом равнодушии к своей жизни, здоровью, человеческому достоинству. Проститутки предстают разрушительницами и в том, что многих из них влечет к другим подонкам общества, и в абсолютной неразборчивости в сексуальных связях, в пренебрежении, иногда полном, к личной гигиене, в почти полном отсутствии брезгливости, в готовности тех, кто находится на дне, отдаваться за вознаграждение в любое время и в любом месте, в том числе на городских свалках и в общественных туалетах.

Опираясь на сказанное, можно выделить следующие основные направления предупреждения проституции:

- повышение уровня материального благосостояния тех слоев населения, которые испытывают острую нужду и из которых чаще появляются женщины, готовые торговать собой. Здесь надо иметь в виду не только Россию, но и другие страны СНГ;

- усиление борьбы с организованной преступностью;

- повышение эффективности работы по борьбе с наркоманией и наркотизмом, систематическим пьянством и алкоголизмом. Оказание медицинской и иной помощи наркоманам и алкоголикам из числа проституток;

- налаживание, а по существу создание специальной службы индивидуальной психотерапевтической помощи отдельным женщинам, занимающимся проституцией. Эта помощь должна быть построена на знании глубинных бессознательных психологических явлений, порождающих занятие проституцией.

Без этого успешная борьба с проституцией невозможна.

3. Алкоголизм, наркотизм и наркомания

Алкоголизм и наркотизм целесообразно рассмотреть вместе, поскольку, во-первых, во многом схожи порождающие их причины и, во-вторых, аналогичны механизмы их воздействия на преступное поведение и преступность в целом. При этом следует отметить, что нас, конечно, интересуют не медицинские, а криминологические аспекты этих негативных

социальных явлений. Вместе с тем полная оценка влияния алкоголизма и наркотизма на состояние преступности требует учета и данных наркологии.

Следует различать понятия алкоголизма и пьянства. Алкоголизм – заболевание, нарастающее, характеризующееся патологическим влечением к спиртным напиткам, развитием абстинентного (похмельного) синдрома при прекращении употребления алкоголя, а в запущенных случаях – стойкими соматическими, неврологическими расстройствами и психической деградацией. Алкоголизм формируется постепенно – из пьянства, т.е. продолжительного злоупотребления спиртными напитками, всегда приводящего к нарушению норм поведения. Среди россиян ежегодно фиксируется 2% алкоголиков и 10-15% пьяниц.

Давно известна связь алкоголизма с преступностью: опьянение ослабляет, а часто и снимает собственный контроль над поведением, поэтому большинство насильственных преступлений совершаются в состоянии опьянения; алкоголизация приводит к деградации личности, ее измельчанию, утере высших ценностей, примитивизации потребностей; следствием алкоголизации является также отчуждение от нормальной среды, отход от общественно полезного общения, часто разрыв с семьей и трудовым коллективом; алкоголики обычно нигде не работают, а для того чтобы добыть средства для покупки спиртных напитков, совершают имущественные преступления, как правило, не представляющие большой общественной опасности. За последние 20 лет незаконным оборотом спиртных напитков активно занимается организованная преступность.

Начало интенсивного и повсеместного потребления населением страны алкоголя, наблюдающегося в современной России, связано с 1950-ми гг. После Второй Мировой войны десятки миллионов вернувшихся с фронта праздновали победу алкогольным способом, затем к ним влились сотни тысяч освобожденных, репрессированных, праздновавших освобождение. Все это еще более укрепило субкультурное поле алкогольных традиций, со временем перенеслось и на иные группы населения. С начала 1990-х годов,

произошедших событий и драматических для большей части населения страны их последствий, начался новый стремительный рост потребления алкоголя. По данным Госстата РФ, в 1995 году оборот розничной торговли алкогольными напитками по отношению к 1990 году составил 145,8%, в 2000 году – 130,5%, в 2005 году – 239,6%, в 2010 году – 286,5%. Тем самым за последние 20 лет объем потребляемого населением алкоголя увеличился почти в три раза.

Среднегодовой официальный показатель потребления алкогольных напитков и пива в России на душу населения (в том числе новорожденных и стариков) на протяжении последних 13 лет составляет 9 литров в год. Но с учетом нелегального оборота, оборота спиртосодержащих растворов, растворов бытовой химии и парфюмерно-косметических изделий, по экспертным оценкам, реальный уровень потребления алкоголя в стране составляет 18 л абсолютного спирта в год на душу населения. Россия занимает первое место в мире по потреблению алкоголя на душу населения. На втором месте – Франция (13 л). Около 9 л абсолютного спирта на душу населения приходится в Германии и Финляндии. При этом, согласно условным нормам ООН, безвредное потребление алкоголя – 2 л спирта в год на одного пьющего человека; опасный уровень потребления чистого алкоголя – 8 л. Учеными установлено, что потребление сверх данного предела каждого литра отнимает 11 месяцев жизни у мужчин и 4 месяца у женщин.

Каждый год от болезней, связанных с употреблением алкоголя, в России умирают 500 тыс. человек, примерно каждый третий мужчина и каждая седьмая женщина. Более половины (52%) смертей в стране связано со злоупотреблением алкоголем, тогда как общемировой показатель составляет 4%. Помимо чрезмерного количества потребляемого россиянами алкоголя стоит проблема его качества. По оценкам экспертов, доля нелегальной водки на российском рынке составляет до 50%.

На конец 2011 года на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 1865,9 тыс. больных алкоголизмом и алкогольными психозами. Однако реальное их число к 2012 году по данным главы Роспотребнадзора Г.

Онищенко превысило отметку 5 млн. чел. Согласно данным Минздрава России число зарегистрированных больных устойчиво уменьшается: в 2003 году на 100 тыс. человек населения в России приходилось 1545,3 больных, в 2004 году – 1544,2, в 2005 году – 1541,8, в 2006 году – 1506,3, в 2007 году – 1482,2, в 2008 году – 1459,1, в 2009 году – 1411,8, в 2010 году – 1367,1, в 2011 году – 1304, 3. Однако их истинное число растет: многие россияне не хотят, чтобы у них был диагноз и используют возможность анонимного лечения, что сопровождается необязательным занесением своей фамилии в государственную статистику.

Социальный резерв алкоголиков составляют несовершеннолетние. Как известно, молодой организм особенно склонен к привыканию к самым тяжелым последствиям алкоголизма. Средний возраст приобщения несовершеннолетних к алкоголю снизился с 16 до 13 лет. Около трети юношей (33%) и пятая часть (20%) девушек старше 13 лет употребляют водку, пиво или слабоалкогольные напитки ежедневно или через день. Доля регулярно потребляющих пиво несовершеннолетних составляет 76%. Вполне прогнозируемо, что значительная часть этих людей будут нуждаться в лечении алкоголизма уже в ближайшие годы.

В состоянии алкогольного опьянения по официальной статистике последние 10 лет в среднем в год совершается каждое шестое преступление (276 500 преступлений), в том числе тяжкое и особо тяжкое (76 217 преступлений). О повышенной общественной опасности человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, свидетельствует то, что из совершенных в состоянии алкогольного опьянения преступлений каждое третье-четвертое относится к категории тяжкого или особо тяжкого. В структуре преступности, деяния, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, в среднем в год составляют около 17%. На фоне роста числа лиц, страдающих пьянством и алкоголизмом, закономерен наблюдающийся с 2009 года рост числа преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Так, в 2009 году ими было совершено 214 371 преступление (каждое восьмое из раскрытых), из них тяжких и особо

тяжких – 61 236 (каждое седьмое из всех раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений); в 2010 году – 237283 (каждое шестое), из них тяжких и особо тяжких – 61800 (каждое шестое); в 2011 году – 263 294 (каждое пятое), из них тяжких и особо тяжких – 63976 (каждое пятое).

В стране с каждым годом растет число дорожно-транспортных происшествий, участниками которых являются нетрезвые водители. Так, в 2011 году с участием нетрезвых водителей произошло 12252 (+3,4% к аналогичному периоду прошлого года³²⁵) дорожно-транспортных происшествия (ДТП), в которых погибло 2103 (+7,6% к АППГ) и ранено 17900 (+3,6%) человек. Кроме того, только за 8 месяцев 2012 года с их участием произошло 8308 (+3,5% к АППГ) ДТП, в которых погибло 1248 (-11,7% к АППГ) и ранено 12226 (+3,7% к АППГ) человек. Актуальной проблемой является рецидив пьянства за рулем. В 2011 году в России более 8 тысяч человек были уличены в неоднократном управлении автомобилем в пьяном виде. Более 7,4 тысячи человек два раза в течение одного года садились за руль пьяными, 518 человек – три раза, 71 – четыре раза, 13 – пять раз, 2 – тринадцать раз. В целом долю дорожно-транспортных происшествий, совершенных водителями в алкогольном опьянении, составляют 30-40% от всех дорожно-транспортных происшествий.

Согласно концепции И.В. Стрельчука, существуют три стадии алкоголизма:

Первая стадия: первичное патологическое влечение к алкоголю, снижение количественного контроля и рост толерантности (устойчивости) к алкоголю. Для этой стадии характерны агрессивные преступления, в том числе сексуальные.

Вторая стадия: утяжеление прежних симптомов, появление абстинентного синдрома, запоев, заострение преморбидных (доболезненных) черт личности. При опьянении появляются раздражительность, гневливость по ничтожному поводу, острое недовольство. Агрессивные действия часто направлены против близких, из сексуальных преступлений чаще встречаются

³²⁵ Далее – АППГ.

изнасилования.

Третья стадия: названные явления еще более утяжеляются. Патологическое влечение к алкоголю становится неудержимым, допускаются любые средства его получения. Наступает полная деградация личности. Для этой стадии характерны мелкие кражи, из числа сексуальных правонарушений - развратные действия, а также пассивное мужеложство, причем пассивные гомосексуалисты нередко занимаются проституцией. У такого алкоголика меняется вся мотивация поведения и образа жизни, влечение к алкоголю становится ведущей потребностью.

Алкоголиков-преступников можно разделить на три группы. Представители первой характеризуются пассивностью, низким уровнем агрессивности, а также эмотивностью, т.е. повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, ранимостью, постоянным ощущением своей незащищенности. Это люди, стремящиеся быть опекаемыми, зависимыми от сильной личности. Если у них нет «руководителей», то они просто «плывут по течению» и самостоятельно не способны к длительным целенаправленным усилиям, в том числе преступным.

Те, кто составляет вторую группу, отличаются высокой активностью, выраженностью защитных механизмов, отсутствием анализа своего поведения, возникшие побуждения сразу реализуются в поступках. Для таких правонарушителей типичны выраженные влечения к аффективным переживаниям, стремление к риску, острым ощущениям и т.д. и в то же время высокая самооценка, тенденция быть в центре внимания. Такие люди, как правило, не имеют серьезной жизненной позиции, эмоционально незрелы, суждения их поверхностны.

Если в результате совершения правонарушения у людей описываемого типа возникают конфликты с окружающими, у них наблюдается реакция ухода от них, отчуждение. Представители данной группы составляют большинство среди преступников-алкоголиков.

Лицам из третьей группы свойственны повышенная тревожность,

неуверенность в себе, нерешительность, чрезмерный контроль своих действий, повышенное чувство вины, болезненные переживания по поводу своих ошибок и неудач. Для них типичны заниженные оценки своих возможностей, невысокий общий тонус, из-за чего они постоянно находятся в состоянии внутреннего напряжения и неудовлетворенности.

Алкоголизм является одним из основных интегрирующих факторов того типа преступников, который может быть назван асоциальным. Их преступное поведение отличается пассивностью и не является результатом продуманных решений, осмысленных, зрелых взглядов, ясной позицией; они чаще пользуются благоприятными ситуациями для совершения преступлений, чем сами создают их. Они склонны «плыть по течению», их поведению свойственно неумение найти правильный выход в создавшихся обстоятельствах. Образ жизни таких алкоголиков-преступников обычно состоит в длительном ведении антиобщественного, паразитического, нередко бездомного существования. Для них характерны низкий культурный, образовательный и профессионально-квалифицированный уровень. Они безынициативны и инертны, безразличны к себе и окружающим; порицая свой образ жизни, они тем не менее не находят в себе силы изменить его, поскольку нестойки в стремлениях и непостоянны в делах.

Правонарушители-алкоголики, утратившие нормальные семейные и трудовые связи, находят признание и поддержку в неформальных группах себе подобных, которые становятся важнейшей сферой их социального общения. В таких группах они находят признание, поддержку и защиту. Вне групп алкоголики чувствуют дискомфорт, раздражаются по пустякам, не знают, куда себя деть, чем заняться. В этих компаниях процветает «алкогольный» юмор.

Многое из того, что было сказано о криминогенной роли алкоголизма и личности преступника-алкоголика, относимо и к криминогенной роли наркотизма, наркомании и личности преступника-наркомана. Здесь имеются в виду не только преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и, преступники, осуществляющие такой оборот (наркотизм), но и те, кто

потребляет наркотики, детерминирующая роль наркотиков в совершении ими преступлений (наркомания).

По данным Минздрава России, на учете в лечебно-профилактических учреждениях в среднем ежегодно состоят 332 тыс. человек, что составляет 232 больных наркоманией на 100 тыс. человек населения. Официальная статистика отражает тенденцию снижения на протяжении последних лет числа лиц, больных наркоманией: в 2008 году – 341,9 тыс. человек, в 2009 году – 340,2 тыс. человек, в 2010 году – 330,9 тыс. человек, в 2011 году – 320,2 тыс. человек. Однако реальное число таких больных, по данным отечественных экспертов, достигает 1,5 млн. человек, а лиц, имеющих опыт потребления наркотиков, – 3-4 млн. человек. По данным ООН, за последние 10 лет в России число наркоманов увеличилось в 10 раз и составляет 2,5 млн. человек, а «пользователей наркотиков» – 5,1 млн человек.

До 90% всех наркозависимых в России употребляют опиаты, и прежде всего героин. Россия занимает первое место среди всех стран мира по потреблению героина. На ее долю приходится 21% всего производимого в мире героина и 5% всех опиумсодержащих наркотиков. Согласно данным ООН процент россиян, вовлеченных в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает соответствующий показатель в странах ЕС. Каждая третья смерть в мире от афганского героина приходится на Россию. Каждые сутки в стране от героина умирает 82 человека призывного возраста, то есть в год – 30 тысяч человек: в два раза больше, чем погибло советских солдат во время вторжения Советской армии и последовавшей за этим семилетней военной кампании в Афганистане. В целом от заболеваний, связанных с наркотиками, ежегодно в России умирают более 100 тыс. человек.

По данным Федеральной службы контроля наркотиков (ФСКН), объемы производства опиума в Афганистане за последние 10 лет выросли на 60%, посевные площади мака – на 7%. После 2014 года эксперты прогнозируют крайнее ухудшение наркоситуации в стране в связи с предстоящим уходом войск НАТО из Афганистана и планируемого снижения объемов

международной финансовой помощи этой стране.

Начинающие потребители наркотиков – несовершеннолетние и молодежь. В основном – школьники и студенты. По результатам обследования школьников и студентов, проводимого посредством анкетирования и тестирования, выяснилось, что опыт потребления наркотиков имеют 10–13% старшеклассников и до 30% студентов. Так, выяснилось, что учащиеся первых курсов имели такой же опыт употребления наркотиков, как и старшеклассники. На 3-м, 4-м и 5-м курсах лиц, потребляющих наркотики, было меньше, а пик увлечения наркотиками приходился на 2-й курс (15–30% студентов), т.е. 19-летний возраст.

Наркотрафик активен как в непосредственной близости от России, так и на российской территории, где действуют турецкие, иранские, афганские, пакистанские организованные преступные группировки. В 2011 году правоохрнительными органами было изъято почти 64 тонны наркотиков, что почти в два раза превосходит показатели 2010 года (33 т). Тем не менее, по данным экспертов, органам правопорядка удается перекрыть лишь 10–15% наркотрафика. Ежегодно из Афганистана в нашу страну контрабандно ввозится не менее 12 т чистого героина, что составляет 3 млрд. разовых доз. Основной поток наркотиков из Афганистана в Россию идет по «северному маршруту» - через Таджикистан, Киргизию и Казахстан.

По данным ФСКН, особенности российского наркорынка следующие: 6 млрд долларов приносит сбыт героина; 1,5 млрд долларов – гашиша; 1 млрд долларов – синтетических наркотиков; 200 млн долларов – ацетилированного опия; 100 млн долларов – дезоморфина; 80 млн долларов – кокаина. При этом наибольшую долю в структуре рынка наркотиков составляет марихуана – 35-40%, на втором месте героин – 30%.

Помимо больших объемов ввозимых наркотиков существенно ухудшают наркоситуацию в стране большие площади посевов конопли. Так, на юге Дальневосточного федерального округа каннабиоидная наркомания почти в четыре раза выше, чем в среднем по стране. Если в 2006 г. на данную

территорию приходилось 36% всех общероссийских изъятий, то в 2008 г. – уже каждое второе изъятие по стране. В 2011 году в целом по стране было уничтожено 29 тысяч гектаров дикорастущей конопли, тем самым не допущено попадание в незаконный оборот пяти тысяч тонн марихуаны.

С 2004 года отмечается устойчивый рост числа преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии наркотического опьянения: в 2004 году – 7 528 преступлений; в 2005 году – 8 526; в 2006 году – 10 759; в 2007 году – 11 713; в 2008 году – 12 837; в 2009 году – 14 090; в 2010 году – 14 828; в 2011 году – 18 891. При этом стабильно большую долю этих преступлений составляют тяжкие и особо тяжкие – в среднем около 60%. В 2011 году наблюдалось резкое увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения в структуре всех тяжких и особо тяжких преступлений: если в 2008, 2009 и 2010 году каждое пятидесятое из тяжких и особо тяжких преступлений совершалось в состоянии наркотического опьянения, то в 2011 году – каждое тридцатое. В среднем преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, составляют 1% от всех преступлений в стране в год.

В 2011 году к уголовной ответственности привлечены 109 тыс. человек, расследовано 142 тыс. наркопреступлений, из них 14 тыс. – преступлений, совершённых в организованных формах. Пресечена деятельность 7100 наркопритонов, произведено 12 тыс. перехватов оптовых поставок наркотиков. К административной ответственности за потребление наркотических средств привлечены 94 312 человек.

В истории России можно выделить три периода вспышки наркомании.

1. Первые годы XX в., когда наркотики потребляли в основном представители привилегированных классов, затем больше деклассированные элементы.
2. С середины 1950-х до конца 1960-х годов.
3. С начала 1990-х годов по настоящее время.

Видно, что данные вспышки совпадают с наиболее драматическими

моментами истории России, что характерно и для периодов роста алкоголизма. Это позволяет сформулировать некий вывод, может быть, даже и предварительный, что рост наркомании и алкоголизма обычно есть следствие той напряженности, той тревожности, которая активно начинает функционировать в обществе.

Сложность наркотической ситуации в России может быть обрисована и на такой модели. Общественную опасность наркомании и наркотизма можно видеть, во-первых, в том, что это угрожает непосредственно жизни и здоровью населения, и, во-вторых, в связи с незаконным оборотом наркотиков существуют люди, нуждающиеся в них и для этого прибегающие к совершению преступлений, увеличивая число совершаемых преступлений. Так, по данным МВД, более 50 тыс. грабежей ежегодно совершаются на улицах больших городов молодыми людьми, которым срочно нужны деньги на очередную дозу наркотика. Если даже снижаются в какие-то периоды преступления, связанные с наркотиками, не нужно в этом случае успокаиваться, поскольку здесь действует жесткая закономерность: количество зафиксированных преступлений, связанных с наркотиками, зависит от активности правоохранительных органов. И чем эта активность ниже, тем меньше таких случаев. Поэтому это нас не должно успокаивать, точно так же как и снижение, если оно наблюдается, случаев взяточничества, поскольку ни один взяточник не придет и не донесет сам на себя.

В каждом обществе, в каждой культуре алкоголизм может достигать только определенного уровня. Выше этого уровня он никогда не пойдет. В качестве примера можно привести такой исторический факт. Когда японцы завоевали Восточный Китай, они максимально насаждали там наркоманию для того, чтобы таким образом уничтожить коренное население. За то, что наркоман-китаец снижал долю потребляемого им наркотика, он подвергался наказанию. И тем не менее даже этим путем они не смогли добиться, чтобы превзойти какой-то уровень потребления наркотиков.

Помня об этом, следует более пристально остановиться на тех причинах,

которые порождают наркоманию и наркотизм. Есть разные факторы, которые способствуют или порождают эти явления. Можно говорить о том, что в России плохо организована борьба с организованной преступностью; можно говорить о том, что преступность сама диктует правила, ситуацию. Конечно, в России очень плохо выявляются наркоманы и еще хуже их лечат. Но эти причины в одной стране более, в другой – менее актуальны. И, наверное, в связи с этим возникает вопрос, почему же люди вообще с начала своей истории потребляют наркотики. Думается, это самый сложный вопрос, хотя, казалось бы, и сугубо теоретический, но имеющий очень большое практическое значение. Наркомания – в первую очередь потребность человеческой природы, она связана с тем, что человек хочет выйти за рамки своего повседневного существования с помощью наркотических веществ, его психология не выдерживает того, что он находится в данной повседневности. Это выражается в наркомании и алкоголизации населения и отдельных людей. В Средние века люди находили такой выход за рамки повседневности и другим путем: в бесконечных танцах или очень громкой музыке, которая оглушала и действовала подобно наркотикам. Опьянение играло ту же роль.

Из этого следует, что чем выше напряженность в обществе, чем выше тревожность людей, тем больше у нас будет наркоманов; и не забывая о причинах, связанных с недостатком бдительности правоохранительных органов и органов здравоохранения, улучшении их работы, а также активности организованной преступности, тем не менее, об этом надо помнить прежде всего. Если в Германии, Великобритании, Швеции, Франции средний уровень продолжительности жизни традиционно приближается к 80 годам, то Россия только к 2011 году достигла показателя 70,3 года.

Для достижения успеха в борьбе с этими антиобщественными явлениями необходимо первым делом добиться повышения уровня жизни населения и таким образом снижения их тревожности и напряженности. Кроме того, необходимо приучение людей получать удовольствие нехимическим способом. Для этого требуется ломка стереотипа неотъемлемости алкоголя как символа

праздника, атрибута, завершающего любое общественное мероприятие; привитие культуры употребления алкоголя; недопущение пропаганды потребления наркотиков как символа удавшейся, красивой жизни; формирование в общественном сознании твердого негативного отношения к злоупотреблению алкоголем и употреблению наркотиков.